

1001 (Даг)
И 71

ДАГЕСТАНСКИЙ ФИЛИАЛ АКАДЕМИИ НАУК СССР

Институт истории, языка и литературы
имени Гамзата Цадасы

У Ч Е Н Ы Е   З А П И С К И

Том 19

СЕРИЯ ОБЩЕСТВЕННЫХ НАУК

КНИГА ВТОРАЯ
(АРХЕОЛОГИЯ, ЭТНОГРАФИЯ,
ДОСОВЕТСКАЯ ИСТОРИЯ)

Махачкала

1969

001(Д27)
И 71
ДАГЕСТАНСКИЙ ФИЛИАЛ АКАДЕМИИ НАУК СССР

Институт истории, языка и литературы
имени Гамзата Цадасы

УЧЕНЫЕ ЗАПИСКИ

Том 19

СЕРИЯ ОБЩЕСТВЕННЫХ НАУК

КНИГА ВТОРАЯ
(АРХЕОЛОГИЯ, ЭТНОГРАФИЯ,
ДОСОВЕТСКАЯ ИСТОРИЯ)

Махачкала
1969 г.

Редакционная коллегия:

Г. Д. Даниялов (отв. ред.), Г. Ш. Каймаразов, В. Г. Гаджиев.
С. Ш. Гаджиева, Г. Г. Осмапов, А. С. Омаров, М.-З. Османов.

**Электронная библиотека
Института истории,
археологии и этнографии
Дагестанского ИЦ РАН**

instituteofhistory.ru

44126

Махачкала
научная библиотека
ДагФАН СССР

БОРЬБА НАРОДОВ ДАГЕСТАНА ЗА НЕЗАВИСИМОСТЬ ОТ ИРАНСКИХ ШАХОВ В ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЕ XVII В.

Изучение истории борьбы народных масс за свою свободу и независимость имеет важное научно-политическое и практическое значение. Однако, в силу ряда причин борьба горских народов Дагестана против иранских захватчиков в первой половине XVII века всё ещё остаётся мало изученной. Достаточно сказать, что в нашей исторической литературе нет специальных работ, посвящённых этой проблеме. Правда, нужно отметить, что различные аспекты поставленной темы нашли освещение в очень интересных и содержательных работах ряда советских историков¹, а также в коллективных трудах, посвящённых истории народов СССР².

В настоящей статье мы ставили целью на основе фактического материала, опираясь на успехи, достигнутые советской исторической наукой, проследить основные этапы героической борьбы горцев Дагестана за свою свободу и независимость в этот период, показать несостоятельность пан-иранистских концепций буржуазных историков, выяснить причины успехов горцев в этой трудной борьбе.

* * *

Кавказ издавна служил объектом внимания многих завоевателей. В XVII веке он стал уже объектом длительной и ожесточённой борьбы.

¹ И. А. Смирнов. Россия и Турция в XVI--XVII вв. (Учёные записки МГУ, вып. 94, 1946 г.); его же. Политика России на Кавказе в XVI--XVII вв. М., 1958; И. П. Петрушевский. Азербайджан в XVI--XVII вв. (Сборник статей по истории Азербайджана, Баку, 1949); его же. Очерки по истории феодальных отношений в Азербайджане и Армении в XVI--начале XIX вв. Л., 1949; Е. П. Кушева. Народы Северного Кавказа и их связи с Россией в XVI--XVII вв., М., 1963; А. А. Рахмани. «Тарих-и алам арай-и Аббаси» как источник по истории Азербайджана. Баку, 1960; Р. М. Магомедов. История Дагестана с древнейших времён до начала XIX в. Махачкала, 1961; В. Г. Гаджиев. Роль России в истории Дагестана. М., 1965.

² Очерки истории СССР. Период феодализма. XVII в. М., 1955; История Азербайджана, т. 1. Баку, 1958; Очерки истории Дагестана, т. 1. Махачкала, 1957.

точенной борьбы между Османской империей и образовавшимся в самом начале этого века на территории современного Ирана Сефевидским государством, добивавшихся установления своего политического господства над Кавказом. Их борьба за Кавказ привела к кровопролитным войнам, длившимся с перерывами и переменным успехом с 1514 по 1639 год.

В ходе этих войн к 1555 году Сефевиды сумели установить свою власть почти над всем Закавказьем, за исключением Западной Грузии. Но во второй половине XVI века в результате успешных наступательных военных действий турецких войск 1578—1590 гг., завершившихся подписанием унижительного для Сефевидов Константинопольского мирного договора, успех был уже на стороне Турции. По условиям этого договора 1590 года вся Армения, Грузия и Азербайджан (за исключением Талыша и Ардебилля) признавались сферой влияния Турции³.

По условиям этого договора в сферу влияния Турции попал и Дагестан⁴. Турецкий султан предпринял ряд мер по закреплению своего господства в Дагестане. Особенное внимание им было обращено на Дербентское беглярбегство, где было образовано 7 санджаков⁵.

В Дербентской крепости был поселен турецкий гарнизон⁶. Кроме того, султанским правительством поощрялось заселение турецкими колонизаторами земель Азербайджана и южного Дагестана, чтобы создать здесь опору для своего господства. С этой целью много земель в районах Баку, Шемахи и Дербента было роздано в качестве наследственных военных ленов (тимарлы сипахлар) турецким военачальникам⁷. Но надежды турок на длительное господство здесь не оправдались и уже в самом начале XVII века они были вытеснены из Дагестана и Закавказья иранскими войсками шаха Аббаса I (1587—1629). Успех войск Аббаса I объясняется тем, что он, подписав в 1590 году унижительный для Сефевидов мирный договор с Турцией, начал усиленно готовиться к нанесению контрудара по ее позициям на Кавказе и в довольно короткий срок провел

³ Е. С. Зевакин. Персидский вопрос в русско-европейских отношениях XVIII века. (Исторические записки. 8, 1940 г, стр. 131); М. С. Иванов. Очерки истории Ирана, М., 1952, стр. 62—63; История Азербайджана, т. 1, Баку, 1958 г., стр. 261; А. Д. Новичев. История Турции. Л., 1963, стр. 157.

⁴ Очерки истории Дагестана, т. 1, Махачкала, 1957, стр. 91.

⁵ А. А. Рахмани. «Тарих-и алам арай-и Аббаси» как источник по истории Азербайджана. Баку, 1960, стр. 82.

⁶ Е. Н. Кушева. Русско-дагестанские отношения в XVI—XVII веках. (На правах рукописи). Махачкала, 1954, стр. 15; Очерки истории Дагестана, т. 1, стр. 91.

⁷ Очерки истории СССР. Конец XVI в. — начало XVII в. М., 1955, стр. 872; История Азербайджана, т. 1, Баку, 1958, стр. 261.

ряд важных внутренних реформ, усиливавших централизацию Ирана, создал 44-тысячную регулярную армию по европейскому образцу, в которой преимущественное место занимала конница⁸.

Одновременно с этим Аббас I вел дипломатическую подготовку к войне с Турцией. Зная антитурецкие настроения европейских правителей, он пытался привлечь их к союзу в борьбе с Турцией через посредство известных англичан братьев Ширли, направленных им с этой целью в Европу. Но Европа, занятая более близкими ей делами (тридцатилетней войной) и своими противоречиями, не проявляла особого интереса к планам иранского правителя, не оказала ему действительной помощи. Только в России, добивавшейся вывоза иранского шелка по волго-каспийскому пути в Европу⁹, Аббас I нашел поддержку своим антитурецким планам. Согласие России оказать содействие шаху в изгнании турок из Дагестана и Закавказья вызвано было также и другими политическими соображениями. Тут, наряду с обещанием Аббаса I уступить России почти весь Прикаспийский край (Баку и Дербент) и часть Грузии (Кахетию) за союз против Турции¹⁰, важную роль играло и стремление Русского государства оградить свои южные границы от частых набегов турецко-крымских войск.

После такой длительной и деятельной подготовки в 1603 году иранские войска возобновили военные действия против Турции, внутривосточное положение которой к этому времени стало довольно тяжелым из-за междоусобий и восстаний «джелали»¹¹. К 1606 году шахские войска уже отвоевали у турок Ереван, Ганджу, Карабах, Тбилиси, Баку, Шемаху и Дербент¹². К 1612 году Турция вынуждена была уступить Сефевидам северную Армению, восточную Грузию, весь Азербайджан, Луристан, часть Курдистана и права на Дагестан, который, по словам И. П. Петрушевского, «фактически оставался независимым от обоих государств»¹³.

Нужно, однако, отметить, что турки в 1606 году из Дербента были изгнаны не иранцами. Сами дербентцы, последовав примеру бакинцев и призвав на помощь уцмия кайтагского

⁸ И. П. Петрушевский. Азербайджан в XVI—XVII вв. (Сборник статей по истории Азербайджана. Вып. 1, Баку, 1949, стр. 247).

⁹ Там же, стр. 276.

¹⁰ Н. А. Смирнов. Россия и Турция в XVI—XVII вв., (Ученые записки МГУ), т. I, 1946, стр. 3; С. М. Соловьев. История России с древнейших времен. Кн. IV, М., 1961, стр. 279.

¹¹ Н. А. Смирнов. Кабардинский вопрос в русско-турецких отношениях XVI—XVIII вв. Нальчик, 1948, стр. 26; М. С. Иванов. Очерк истории Ирана. М., 1952, стр. 66.

¹² И. П. Петрушевский, Азербайджан в XVI—XVII вв. (Сборник статей по истории Азербайджана. Вып. 1, Баку, 1949, стр. 278).

¹³ Там же, стр. 279.

Рустам-хана, освободили крепость от турецкого гарнизона и после этого отправили к шаху посланцев с выражением ему покорности. Аббас I милостиво обошелся с этим «сборщиком из господ дербентских и несколькими из мулязимов Усмия-хана»¹⁴, одарил их подарками, но поспешил поселить в Дербентской цитадели свой «отряд в качестве гарнизона»¹⁵. Таким образом, фактически оккупировав Дербент, Аббас I принял также меры по укреплению его обороноспособности. Были укреплены северная и южная, а также построены две новые поперечные стены, разделившие Дербент на три части, имевшие свою собственную систему обороны в рамках города¹⁶. Последнее было сделано, чтобы «удобнее было держать город в повиновении»¹⁷. Была также укреплена наиболее уязвимая часть города со стороны моря, где прямо в воде была построена большая башня, соединенная с городскими стенами¹⁸. Сооружением башни в море Аббас I добился также строгого контроля над прохождением торговых караванов мимо Дербента, которые лишились возможности проходить по мелководью у берега и были обязаны уплачивать городским властям пошлины. Пошлины приносили казне большой доход еще при турках (247 мешков денег)¹⁹. Поэтому расходы шаха на постройку башни должны были быстро окупиться, так как с увеличением количества торговых караванов по западному побережью Каспийского моря через Дербент в результате усиления русско-иранских и ирано-западноевропейских торговых связей, сборы в пользу шахской казны должны были возрасти. И в самом деле «дербентские таможи в XVII веке, — как отмечает А. П. Новосельцев, — давали большой доход шахской казне»²⁰.

Рассчитывая превратить Дербент в опорную базу для борьбы за установление своего господства в Дагестане и вообще

¹⁴ А. Бакиханов. Гулистан-Ирам. Баку, 1926 г. стр. 94; Г. Алкадари Асари Дагестан. Махачкала, 1929, стр. 47; И. П. Петрушевский. Государства Азербайджана в XV в. (Сборник статей по истории Азербайджана). Вып. I, Баку, 1949, стр. 279; Его же. Очерки по истории феодальных отношений в Азербайджане и Армении в XVI—начале XIX вв. Л., 1949, стр. 160.

¹⁵ Г. Алкадари, Указ. соч., стр. 48; А. П. Новосельцев. Города Азербайджана и Восточной Армении в XVII—XVIII вв. М., 1952, (Кандид. диссертация), Л., 162.

¹⁶ И. П. Петрушевский. Указ. сборн., стр. 290.

¹⁷ Там же.

¹⁸ В. В. Бартольд. Место прикаспийских областей в истории мусульманского мира. Баку, 1924, стр. 110; Е. И. Козубский. Указ. соч. стр. 58—59.

¹⁹ Эвлия Челеби. Сияхет-намэ. Пер. с тур. яз. Н. А. Гусейнова. (Науч. архив Ин-та истории АН Азерб. ССР, д. № 1204—1205, л. 38)

²⁰ А. П. Новосельцев. Города Азербайджана и Восточной Армении в XVII—XVIII вв. М., 1959, (Кандид. диссерт.), л. 311.

за установление своего господства на Северном Кавказе, шах Аббас I «пожаловал знать Дербента сойюргалами» и всех его жителей освободил от диванских податей и разных судебных пошлин²¹. Мы считаем, что этот шаг иранского правителя был вызван не его благодарностью дербентцам за изгнание ими турецкого гарнизона в 60—70 человек²², который без особого труда могли изгнать и шахские отряды, а желанием привлечь на свою сторону всех дербентцев, от отношения которых во многом зависела судьба господства иранцев в Дербенте и влияния в Дагестане.

Утвердившись в Дербенте относительно мирным путем, Аббас I в дальнейшем перешел к более решительным действиям по отношению к дербентцам, которым он, несмотря на сделанные им уступки и предоставленные привилегии, все же не доверял. Поэтому в срочном порядке он «переселил в Дербент 400 семейств баятского племени под начальством Фергатбека»²³. И в дальнейшем число иранских подданных в Дербенте непрерывно возрастало, и по словам Эвлия Челеби, достигло к середине XVII века 9000 человек²⁴. Недоверием Аббаса I к дербентцам и вообще к горцам было вызвано и усиленное переселение им в Северный Азербайджан (Ширван) и в район Дербента тюркоязычных племен падаров, основной задачей которых «было отражение лезгинских набегов»²⁵, т. е. набегов дагестанцев на кызылбашей.

Изменение тактики Аббаса I в отношении Дербента характеризовалось и тем, что в нем стал насаждаться персидский дух, заводились персидские колониальные порядки в управлении²⁶. Более того, вместо бывшего при турках беглярбегства было «образовано персидское дербентское наместничество»²⁷, являвшееся одним из 7 «улька» Ширвана и находившееся под властью султана, назначаемого шахом²⁸. Эти действия шаха вызвали беспокойство владетелей Дагестана, которые

²¹ Н. Д. Миклухо-Маклай. К вопросу о налоговой политике в Иране при шахе Аббасе I (1587—1629). Советское востоковедение, № 6, 1949, стр. 351; Г. Алкадари. Указ. соч., стр. 48.

²² И. П. Петрушевский. Азербайджан в XVI—XVII вв. Сборник статей по истории Азербайджана, вып. I, Баку, 1949, стр. 278; А. Бакиханов. Указ. соч., стр. 94.

²³ Е. И. Козубский. Указ. соч., стр. 59.

²⁴ Эвлия Челеби. Сняхет-намэ, Пер. с тур. яз. И. А. Гусейнов а. Науч. архив Ин-та истории АН Аз. ССР, д. 1204, л. 36.

²⁵ История Азербайджана, т. I, стр. 266.

²⁶ Е. И. Козубский. Указ. соч., стр. 59.

²⁷ Русско-дагестанские отношения XVII—первой четверти XVIII вв. Сборник документов и материалов. Сост. Р. Г. Маршаев. Предисловие. Махачкала, 1958, стр. 9.

²⁸ Х. Х. Рамазанов, А. Р. Шихсаидов. Очерки истории южного Дагестана. Махачкала, 1964, стр. 93.

формально стали выражать покорность Аббасу I, чтобы избежать нашествия его войск. Поселение иранского гарнизона в Дербенте и переход уцмья Рустам-хана на сторону Аббаса I привели к тому, что и многие владельцы Дагестана «выразили покорность и верность» шаху, лично явившись или «послав людей из близких»²⁹. Среди явившихся к шаху с изъявлением покорности в этот период были «братья Рустам-хана-уцмья кайтагского, Алибек цахурский и Массум-хан табасаранский и др.»³⁰.

Шах Аббас I на первых порах по отношению к владельцам Дагестана с целью привлечения их на свою сторону проводил политику задабривания, раздавая им щедрые подарки, отказался от податей с их имений³¹, не вмешивался в их внутренние дела. При этом он особую ставку делал на уцмья Кайтага Рустам-хана, в связи с чем последний удостоился больших почестей, подарков и даже получил от шаха «жалованную грамоту на управление (айялет) округом (улька) Дербенда»³². Однако, в Дагестане даже в самый начальный период вторжения шахских войск в Дербент имели место антииранские настроения.

Первое вооруженное столкновение горцев с иранскими войсками произошло в 1607—1608 гг. Причиной его явилась попытка шахских военачальников выбить табасаранцев с небольшой территории Шабрана, захваченной табасаранцами еще при турках, примирившихся с этим, не желая обострить отношения с Табасараном³³.

Табасаранцы, владея этой территорией, затрудняли шахским войскам сообщение «между Дербентом и Шабраном»³⁴. Поэтому шах Аббас I приказал своему военачальнику «Зульфугар-хану овладеть этой территорией», «построить» там «укрепление и снабдить гарнизоном с запасами»³⁵.

Зульфугар-хан с большим количеством войск прибыл на указанное место «и разбил план крепости»³⁶. Это вызвало недовольство табасаранского правителя Майсум-хана, который, собрав несколько тысяч «конных и пеших людей», из Табасарана прибыл «в Шабран»³⁷. Майсум-хан потребовал вывода

²⁹ Г. Алкадари. Указ. соч., стр. 49.

³⁰ А. Бакиханов. Указ. соч., стр. 94.

³¹ И. П. Петрушевский. Государства Азербайджана в XV в. Сборник статей по истории Азербайджана. Вып. I, Баку, 1949, стр. 279; Его же. Очерки по истории феодальных отношений в Азербайджане и Армении в XVI — начале XIX вв. Л., 1949, стр. 160.

³² Там же; А. Бакиханов. Указ. соч., стр. 96.

³³ А. Бакиханов. Указ. соч., стр. 96.

³⁴ Там же, стр. 97.

³⁵ Там же.

³⁶ Там же.

³⁷ Г. Алкадари. Указ. соч., стр. 49.

иранских войск с указанной территории и прекращения строительства крепости. Зульфугар-хан пытался договориться с Майсум-ханом, уговорить его. Конфликт этот кончился сражением между шахскими войсками и отрядами табасаранцев. В этом сражении табасаранцы потерпели поражение и, по сведениям А. Бакиханова и Г. Алкадари, оставили на поле боя до 1000 человек убитыми³⁸.

Строительство иранской крепости и поражение в Шабране не остановило табасаранцев. Видимо, убийство тысячи табасаранцев в сражении под Шабраном еще более усилило ненависть последних к иноземным захватчикам. Имеющиеся данные позволяют предположить, что столкновение табасаранцев с шахскими войсками под Шабраном было не единственным, что отряды табасаранцев сражались с иранцами и в 1609—1610 годах.

Так, в хронологических выписках Рамазана ал-Куштили говорится, что «произошло сражение в стороне Астал между Зульфугар-ханом и Табасараном и погибло множество мусульман и было отрезано много голов мусульман и рафизитов в дату пророка Мухаммеда... в тысяча девятнадцатом году»³⁹, т. е. в 1609—1610 годах. Как отмечает А. Р. Шихсаидов, эти события имели место в одном из сел Юхар-Стал, Орта-Стал и Ашага-Стал (Касумкентский район)⁴⁰.

После поражения Майсум-хан решил собрать большое количество войск и двинуться к Шабрану, чтобы вытеснить оттуда иранские войска и не допустить их в Табасаран. И в этом сражении обе стороны снова понесли большие потери.

Эти события имели в Дагестане большой резонанс и вызвали всеобщее возмущение горцев, после чего у них уже не сохранились иллюзии насчет миролюбивости Аббаса I и стремления его жить с ними в дружбе. Возмущение горцев было настолько велико, что слухи о нем достигли самого Аббаса I⁴¹, но и тогда он решил до конца не раскрывать подлинного характера и цели своей политики. Чтобы смягчить создавшееся тягостное впечатление от гибели такого большого числа людей, шах приказал Зульфугар-хану во что бы то ни стало помириться с Майсум-ханом, всеми средствами «обласкать и успокоить его». Но из этого ничего не вышло, так как горцы

---

³⁸ А. Бакиханов. Указ. соч., стр. 97; Г. Алкадари. Указ. соч., стр. 49.

³⁹ А. Шихсаидов. Новые данные по средневековой истории Дагестана, т. IX, стр. 147; Х. Х. Рамазанов, А. Р. Шихсаидов. Очерки истории южного Дагестана. Махачкала, 1964, стр. 113.

⁴⁰ Там же.

⁴¹ А. Бакиханов. Указ. соч., стр. 97.

уже поняли цену обещаний иранских завоевателей, и больше прежнего боялись потерять свою самостоятельность⁴².

В создавшейся обстановке Аббас I сделал попытку приписать все злодеяния иранских войск надменному характеру и жестокому обращению Зульфугар-хана с горцами. В Шабране шахом в срочном порядке был направлен Карчугай-бек под видом оказать содействие Зульфугар-хану в наблюдении за горцами и сношениях с ними, чтобы привести последних к спокойствию. Как только Карчугай-бек освоился с обстановкой в Шабране, он вызвал к себе в палатку Зульфугар-хана и убил его, на что у Карчугай-бека имелся фирман от шаха⁴³. Маневр шаха в определенной степени удался, и в глазах правителей Дагестана он выглядел уже более справедливым правителем. После убийства Зульфугар-хана упоминавшиеся выше владельцы Дагестана «отправили своих сыновей и родственников» к шаху, чтобы выразить ему благодарность за «правосудие», и, как отмечает А. Бакиханов, «беспорядки» прекратились⁴⁴.

Прекращению на некоторое время враждебных действий между обеими сторонами способствовало также то, что Аббас I, не ограничиваясь наказанием Зульфугар-хана, дал указания Карчугай-беку подкупить, привлечь на свою сторону горских владельцев всеми средствами. Карчугай-бек отправил Майсум-хану «и прочим дагестанским старшинам от шаха письма и доказательства милости и тем осчастливил их»⁴⁵ и они «в удостоверение своей преданности шаху снова отправили с нарочными разные приличествующие подарки и письма»⁴⁶.

На этом кончается первый этап завоевательной политики шаха Аббаса I в отношении Дагестана. Он характеризовался борьбой шаха за распространение своего влияния в южном Дагестане и овладение Дербентом, обеспечением в нем господства Сефевидов и превращением его в опорную базу Ирана для наступления на остальную часть Дагестана и далее на Северный Кавказ.

Если на первом этапе Аббас I к горцам Дагестана относился внешне лояльно, прикидывался миролюбивым, то второй этап его политики характеризовался открытым переходом к планомерному покорению всех народов Дагестана. В этот период его войска совершили ряд походов в горную часть Дагестана с целью ее подчинения, о чем свидетельствуют дошедшие до нас источники.

В частности, сохранившиеся письменные источники говорят о проникновении иранских войск во внутренние районы Сред-

⁴² Там же.

⁴³ Там же.

⁴⁴ Там же.

⁴⁵ Г. Алкадарн. Указ. соч., стр. 50.

⁴⁶ Там же.

него Дагестана — в Акушинский союз сельских обществ, где они встретили упорное сопротивление горцев, поднявшихся на борьбу с иноземными захватчиками.

Так, в надписи на полях арабской рукописи «Халух ал-Иджаз», переписанной в 1021 году хиджры (1612 г.) жителем селения Акуша, говорится, что «когда шла война шиитов и Юсуп-хана с Дарго и Сюрги... в конце концов Дарго победило над Юсуп-ханом и неприятелями», что «из войск Юсуп-хана убили 2000 человек, носивших оружие»⁴⁷. Указанные события происходили в 1610/11 годах, так как упомянутый здесь Юсуп-хан был назначен шахом Аббасом I правителем Шабрана лишь после убийства в 1609/1610 гг. Зульфугар-хана⁴⁸, а до этого походов шахских войск (в Дагестане их чаще называли рафизитами, кызылбашами или шиитами) в горы не было.

Об упорном сопротивлении, встреченном шахскими войсками в горах Дагестана, свидетельствуют и надписи на надмогильных камнях, обнаруженные в 1963 году Б. Г. Алиевым, на одном из старинных кладбищ селения Шукты Акушинского района. Одна из них гласит, что «здесь похоронен Юсуп сын Магомед, который погиб в 1020 году хиджры (1611—1612 гг.) в Усиша в борьбе с войсками кызылбашей», что «с ним вместе в один день было убито кызылбашами 4400 человек», а в другой говорится, что под ним «похоронен Магомед сын Юсупа»⁴⁹.

По мнению Б. Г. Алиева, вышеуказанные памятники поставлены (они находятся рядом) отцу и сыну, погибшим в одном сражении против иранских войск, совершивших карательную экспедицию против Акушинского союза сельских обществ за нежелание последнего признать над собой власть иранского шаха.

Шахские войска предпринимали походы против даргинцев и в последующие годы. Об этом говорит надпись на полях одной из арабских рукописей. «Пришли войска рафизитов, — говорится в ней (иранцев — У. М.—С.) в местечко Усиша в области Дарго в 1022 году хиджры (1613—1614 гг.)»⁵⁰. О походах иранских войск на даргинцев свидетельствует и дошедшее до нас народное предание о борьбе жителей сел. Урахы (Сергокалинский район) с войсками шаха Аббаса I⁵¹.

⁴⁷ Список книг из с. Убра. Рук. фонд ИИЯЛ Даг. филиала АН СССР, д. 114; Б. Г. Алиев. Акуша-Дарго в XVII—XVIII вв. Кандид. диссерт. (рукопись), л. 62—63.

⁴⁸ А. Бакиханов. Указ. соч., стр. 97.

⁴⁹ Б. Г. Алиев. Полевой материал, собранный в 1963 г. Рук. фонд ИИЯЛ ДФ АН СССР, ф. 1, оп. 1, д. 375(2); Его же. Борьба с иноземными завоевателями. Газ. «Ленинское знамя» от 8 февраля 1966 г.

⁵⁰ Б. Г. Алиев. Полевой материал, собранный в 1962 г. Рук. фонд ИИЯЛ ДФ АН СССР, ф. 1, оп. 1, д. 371; его же. Акуша-Дарго в XVII—XVIII вв. Кандид. диссерт. (рукопись), л. 63.

⁵¹ А. Далгат. В огне революции. Махачкала, 1960, стр. 5.

Неоднократность походов шахских войск на территорию даргинцев свидетельствует как об упорности сопротивления последних, так и о значении, которое придавал шах Аббас I подчинению крупного союза сельских обществ, как Акуша-Дарго, понимая, что без этого ему не удастся утвердиться в горах Дагестана.

Иранские войска совершали также походы на территорию других народов Дагестана, но и там они встречали упорное сопротивление. Так, по сообщению турецкого путешественника географа Эвлия Челеби, посетившего Дагестан в середине XVII века, «армия шамхала-хана несмотря на свою малочисленность, неоднократно громила иранского шаха»⁵². Он далее подчеркивает также, что «между иранским шахом и правителем Дагестана велись ожесточенные бои», в результате которых территории южного Дагестана были причинены большие разрушения⁵³.

Упорное сопротивление, по сообщению Эвлия Челеби, иранцы встретили также со стороны правителя Цахура⁵⁴.

В 1614 году кумыки отказались исполнить требование шаха выступить в поход для подавления антииранского восстания в Грузии и заявили о своей готовности бороться против шахских войск⁵⁵. Когда Аббас I объявил о походе его войск на Дагестан и со стороны Дербента должно было выступить персидское войско, чтобы завоевать кумыкскую землю, «кумыкские люди» заявили, что им «шах Басу не бивати челом и ему не служивати, стояти против него... головами своими и в землю его не пустити»⁵⁶. Однако нужно отметить, что, если «кумыкские люди» заявили о своей готовности бороться с шахскими войсками, то кумыкский князь Гирей пытался смилостивить его и поехал к Аббасу I, избрав предлогом необходимость навестить свою родственницу (сестру), находившуюся «за шахом»⁵⁷. Его посол в Москве Томулдук в этом же году заявил, что Гирей «де с шахом для племянства поехал повидатца»⁵⁸.

Эта поездка Гирея к шаху вызвала недовольство московского правительства, заявившего, что Гирею сразу же надо

---

52 Эвлия Челеби. Отрывки из «Путешествия». (Рук. фонд ИИЯЛ ДФ АН СССР, ф. 1, оп. 1, д. 37, л. 90).

53 Там же, л. 26.

54 Там же.

55 Русско-дагестанские отношения XVII — первой четверти XVIII вв. Махачкала, 1958, стр. 10; Р. М. Магомедов. История Дагестана, стр. 173; В. Г. Гаджиев. Роль России в истории Дагестана. М., 1965, стр. 84.

56 Н. И. Веселовский, Указ. соч., т. II, стр. 352.

57 С. А. Белокуров. Сношения России с Кавказом. Вып. I, М., 1889, стр. 534; Е. Н. Кушева, Народы Северного Кавказа и их связи с Россией в XVI—XVII вв. М., 1963, стр. 306.

58 С. А. Белокуров. Указ. соч., стр. 543.

было прибегнуть к помощи паря и тогда «шах бы над ним ничего не умел сделать»⁵⁹.

Но эта поездка не изменила намерений Аббаса I относительно похода на кумыков. Именно в этом году он приказал шемахинскому Шахназар-хану приготовить 12 тысяч «ратных людей», чтобы с ними идти на кумыков, так как «кумыцкие Сурхай шевкаловы дети Гирей мурза с братьей своей и со всеми кумыцкими князи от шах-Баса отложились»⁶⁰. Целью этого похода намечалось «Кумыцкую землю воевать на сей осени и содиначити с Шемахою и з Дербенью вместе»⁶¹. Для этого шахские войска должны были из Грузии пройти в «Черкаскую землю» (Кабарду и Осетию), а оттуда «идти войною на Кумыцкую землю»⁶², через Терский город. При этом намечалось шахом «на Койсе и в Тарках ставити городы» и «посадити людей своих» с воеводами там⁶³. Но Аббасу пришлось отменить намечавшиеся в 1614—1615 годах походы на кумыков. Это было вызвано тем, что в ответ на обращение кумыцких владетелей с просьбой о покровительстве и принятии их в русское подданство и сообщении терских воевод, об угрозе прихода шахских войск в Кумыкию и для крепости Терки, к шаху в срочном порядке был в 1615 году царем направлен Г. Шахматов, с целью предотвращения намеченных походов⁶⁴. Кроме того, обстановка в 1615 г. создалась неблагоприятная для Ирана. Восстание 1615 г. в Карабахе и Ширване⁶⁵, борьба грузин против Сефевидов, упорное сопротивление, встреченное шахскими отрядами на Северном Кавказе⁶⁶, продолжавшаяся война с Турцией и решительность дагестанцев отстаивать свою независимость заставили Аббаса I на время отказаться от намерений совершить поход на приморскую часть Дагестана и ограничиться одними угрозами послать туда «Исуп-хана своего со многою ратью»⁶⁷. Но он все время держал горцев в напряженном состоянии, угрожая прибыть в Дербент лично и совершить на них нападение. Так, в

⁵⁹ Там же.

⁶⁰ ЦГАДА, ф. 77. Сношения России с Персией. 1614, д. 2, лл. 5—7.

⁶¹ Там же.

⁶² С. А. Белокуров. Указ. соч., стр. 540; Русско-дагестанские отношения XVII—первой четверти XVIII вв., стр. 33—34.

⁶³ С. А. Белокуров. Указ. соч., стр. 540.

⁶⁴ Н. И. Веселовский. Указ. соч., т. 3, стр. 125; Е. Н. Кушева. Народы Северного Кавказа и их связи с Россией в XVI—XVII вв., стр. 307; Русско-дагестанские отношения XVII—первой четверти XVIII вв. Документы № 1, 2, 3, 4, 5, 6, 7, 8, 9, 10.

⁶⁵ А. П. Новосельцев. Города Азербайджана и Восточной Армении в XVII—XVIII вв. (Кандид. диссертация). М., 1959, л. 98.

⁶⁶ История Северо-Осетинской АССР. М., 1959, стр. 125; М. М. Блиев. Присоединение Северной Осетии к России. Орджоникидзе, 1959, стр. 37.

⁶⁷ Н. И. Веселовский. Памятники дипломатических и торговых сношений Московской Руси с Персией, т. II, СПб. 1892, стр. 292.

1618—19 гг. дербентский Берхардар султан сообщил послу шаха Булатбеку о возможном приезде Аббаса I в Дербент⁶⁸; а в 1623 году Аббас I заявил русскому посланнику Коробьину: «Хочу де итти в Дербень и подвинуться к кумыкам в суседи поближе, тем де им буду милее, и Шемаху де хочу перенести в Дербень»⁶⁹.

В эти годы шахом был направлен в Дагестан перешедший на его сторону для борьбы за власть с помощью иранцев крымский царевич Шагин-Гирей, чтобы он вместе с иранским военачальником Карчага-ханом организовал на Северном Кавказе отпор попыткам турецкого султана перебросить из Крыма часть войск через Дагестан в Закавказье. Шагин-Гирей жил в «Карабудацкой земле», куда к нему приходили «ис Крыму ратные люди», которых он отсылал к шаху⁷⁰. Кроме того, он должен был приводить к покорности шаху и дагестанских владетелей.

В 1619 г. шах послал дербентского султана Берхардара в Эндери против Султана-Махмуда и последний вынужден был «Абаз-шаху добити челом», принять иранское подданство⁷¹. В 1620—1621 гг. по приказу Аббаса I был совершен совместный поход войск дербентского султана Берхарда и шемахинского правителя Юсуф-хана (в документах—Исуп-хан) на аул южного Дагестана — Ахты. Село было разрушено шахскими отрядами до такой степени, что на его восстановление понадобилось целых 8 лет⁷².

Одновременно для подчинения своей власти Дагестана и привлечения на свою сторону его владетелей Аббас I дарил им щедрые подарки, назначал жалованье и т. д. Так, шамхал тарковский получил от шаха 4000 туманов (40000 рублей)⁷³. Подарки и жалованье шах давал и другим владетелям Дагестана.

Однако Аббасу I, мечтавшему о покорении всего Кавказа, о распространении своего влияния на орду Больших ногаев⁷⁴ и даже на Крым, этого добиться не удалось. Основным пре-

⁶⁸ Там же, т. III, стр. 388; Е. И. Козубский. Указ. соч., стр. 61.

⁶⁹ А. А. Новосельский. Борьба Московского государства с татарами в XVII в. М.—Л., 1948, стр. 108.

⁷⁰ Н. И. Веселовский. Указ. соч., т. III, стр. 631.

⁷¹ Кабардино-русские отношения в XVI—XVIII вв., т. I, М., 1957, стр. 98—99; Р. М. Магомедов. История Дагестана, стр. 177.

⁷² Л. И. Лавров. Южнодагестанский хронограф. Краткие сообщения Ин-та этнографии АН СССР. М., 1959, т. XXXII, стр. 20—21; Х. Х. Рамазанов, А. Р. Шихсаидов, Очерки истории южного Дагестана. Махачкала, 1964, стр. 113.

⁷³ М. Чулков. Историческое описание Российской коммерции... т. II, кн. 2, СПб, 1781, стр. 474; Р. М. Магомедов. История Дагестана, стр. 174.

⁷⁴ А. А. Новосельский. Указ. соч., стр. 88.

пятствием к осуществлению захватнических планов шаха явилась борьба всех народов Кавказа, в том числе и Дагестана за свою независимость.

В Дагестане шаху удалось лишь добиться формального признания покорности со стороны нескольких владетелей, а также оккупации Дербента. В целом народы Дагестана сумели сохранить свою независимость, несмотря на все стремления Аббаса I подчинить их.

Горцам Дагестана пришлось вести тяжелую борьбу также против захватнической политики и шаха Сефи I (1629—1642), который был решительно настроен подчинить Дагестан своему влиянию, а также «прорваться в Осетию к Татартупу»⁷⁵, чтобы, укрепившись там, лишить турок возможности получать военную помощь из Крыма по северокавказскому пути. Поскольку до 1639 г. Сефи I был занят войной с Турцией в Закавказье, на Северном Кавказе он, как и его предшественник, решил использовать упомянутого выше крымского царевича Шагин-Гирея⁷⁶. Последний развил на Северном Кавказе бурную антирусскую деятельность. Поэтому русское правительство не дало Ильдару тарковскому разрешения помогать Шагин-Гирею, а приказало ему «не знатись и не ссылатись» с Шагин-Гиреем, и не пропускать его «через Кумыцкую землю», «не провожати и у себя не держати»⁷⁷.

На Шагин-Гирея Сефи I возлагал большие надежды, поручал ему самые различные поручения: руководство строительством иранских крепостей на Северном Кавказе, наблюдение за местным населением, организацию карательных отрядов против непокорных горских народов и т. д. Так, в 1631 г. он ходил из Дербента «на лязгинцев»⁷⁸, с целью приведения их к послушанию шаху. В начале же 30-х гг. XVII в. Сефи I стал снаряжать Шагин-Гирея с иранскими войсками для похода на Северный Кавказ. Целью этого похода было «ставить крепости на Сунже, на Елецком городище и на Татартупе» в Терских вершинах, т. е. на пути к Дарьялу⁷⁹. К этому походу намечалось привлечь также и дагестанских владетелей—шамхала и уцмия Рустам-хана.

⁷⁵ История Северо-Осетинской АССР. М., 1959, стр. 125; Е. Н. Кушев а. Народы Северного Кавказа и их связи с Россией в XVI—XVII вв. М., 1963, стр. 309—310.

⁷⁶ Кабардино-русские отношения в XVI—XVII вв., т. I, М., 1957, стр. 409; Р. Г. Маршаев. Очерки истории лаков, т. I (Рук. фонд ИИЯЛ Даг. филиала АН СССР, ф. 3, оп. I, л. 227).

⁷⁷ Русско-дагестанские отношения XVII—первой четверти XVIII вв. Мяхачкала, 1958, стр. 109.

⁷⁸ Е. Н. Кушев а. Народы Северного Кавказа и их связи с Россией в XVI—XVII вв. М., 1963, стр. 315.

⁷⁹ Там же, стр. 313.

По планам шаха Сефи I в постройке крепости на Елецком городище должны были принять участие не только отряды Шагин-Гирея, но и отряды шемахинского хана, дербентского султана, шамхала Ильдара и 15 тысяч ногаев Малой орды. Надзор над ходом работ должны были осуществлять 10000 иранцев⁸⁰. Сефи I хотел привлечь к этому делу даже терских и астраханских воевод, от которых требовал выставить на помощь Шагин-Гирею до 1300 человек. Сам же он обещал выделить до 40 тысяч войск⁸¹. Но эти планы шаха провалились. Шагин-Гирей не получил даже от Сефи I обещанной помощи из-за наступления турецких войск на иранцев под Багдадом и вынужден был, переходя от одного владельца к другому, сам собирать силы для похода на Северный Кавказ⁸², что ему так и не удалось сделать.

Особую опасность независимости Дагестана в рассматриваемый период представлял план шаха Сефи I по созданию целой сети иранских крепостей непосредственно на территории Дагестана. По нему намечалось построить «в 5-ти местах города: в Табосаранцах, да и умея Кайдацкого, да в Буйнаках, да на Койсе» и в Тарках⁸³. При этом намечалось «в Тарках, да на Койсе оставить ратных людей до тысячи человек», а в остальных крепостях по 500 иранских солдат в каждом⁸⁴. На случай же выступления народов Дагестана против осуществления этого плана шах Сефи I намечал отправить в Дагестан 12 тысяч войск⁸⁵.

Постройка иранских крепостей и поселение в них шахских войск являлись серьезной угрозой независимости народов Северного Кавказа и в первую очередь Дагестана. Это привело бы к постоянному шахскому надзору над ними, лишило бы феодальных владельцев самостоятельности не только при решении внешнеполитических, но и чисто внутренних вопросов. Поэтому этот план шаха не нашел поддержки ни в Дагестане, ни в других частях Северного Кавказа. Так, например, в 1629—30 гг. аварский нуцал писал терским воеводам, что он против прохождения через Дагестан Шагин-Гирея, так как «от

---

⁸⁰ Материалы по истории русско-дагестанских отношений XVII в. в 8 частях, извлеченные из фондов ЦГАДА Е. Н. Кушевой. Здесь и в дальнейшем — Рук. фонд ИНЯЛ ДФ АН СССР, ф. I, оп. I, д. 305, ч. IV, лл. 629—630, 644.

⁸¹ Е. Н. Кушева. Народы Северного Кавказа и их связи с Россией в XVI—XVII вв., стр. 313.

⁸² Там же.

⁸³ Кабардино-русские отношения в XVI—XVII вв., т. I, стр. 145; Рук. фонд ИНЯЛ ДФ АН СССР, ф. I, оп. I, д. 305, ч. 8, л. 1087.

⁸⁴ Там же.

⁸⁵ Там же, л. 1088.

того Шагин-Гирея ни вам, ни нам добра не чаеть»⁸⁶. Давнишний сторонник иранского шаха уцмий Рустам-хан на просьбу Шагин-Гирея выделить ему для строительства иранских крепостей на Северном Кавказе 200 топоров и 200 телег ответил отказом, заявив, что он «в таком деле ему не товарищ»⁸⁷. Тарковский шамхал Ильдар, ездивший к шаху и выражавший ему свою покорность, был также против строительства иранских крепостей на Северном Кавказе. Он заявил шахским посланцам, что «земля де тут, где хочет ставить города, государева, а не шахова»⁸⁸.

Шагин-Гирею, несмотря даже на женитьбу его на сестре кабардинского князя Алегуйки, не удалось привлечь к строительству иранских крепостей и владельцев Кабарды. Более того, по имеющимся сведениям, «была в Кабарде от крымских и от кызылбашских людей, которые с Шан-Гиреем, война»⁸⁹.

Провалу этих планов иранского правителя немало способствовала и поддержка местных народов Русским государством, опасавшимся усиления позиций Ирана на Северном Кавказе. Русское правительство, несомненно, знало также о подготовке иранскими шахами себе почвы в Терском городке, куда под различными предложениями засылались их люди, осведомлявшие шахский двор обо всех событиях на Северном Кавказе. Как свидетельствует «ропись населения Терской слободы», в 1640 г. в нем насчитывалось 9 семейств представителей и закладчиков шаха Сефи I⁹⁰, деятельность которых вызывала опасение терских воевод. Поэтому последние с тревогой доносили царю, что, «поставя города, идти им (шахским военачальникам — У. М.-С.) со всей ратью, под Астрахань и под Терский город войною»⁹¹, а также против Султана Махмуда эндерейского, подговаривавшего «крымских воинских людей идти войною на шаховы города, которые города ближе»⁹².

Озабоченность терских воевод возможным походом войск шаха против Султан-Махмуда объяснялась тем, что к этому времени царское правительство покровительствовало ему за его прорусскую ориентацию, тогда как тарковские владельцы

⁸⁶ Русско-дагестанские отношения XVII — первой четверти XVIII вв., стр. 90.

⁸⁷ Кабардино-русские отношения XVI—XVII вв. т. I, стр. 145; Очерки истории Дагестана, т. I, стр. 138; Русско-дагестанские отношения XVII—первой четверти XVIII вв., стр. 94.

⁸⁸ Р. Маршаев. Очерки истории лаков, т. I. Рук. фонд ИИЯЛ ДФ АН СССР, ф. 3, оп. I, д. 73, л. 230.

⁸⁹ Кабардино-русские отношения XVI—XVII вв., т. I, стр. 143.

⁹⁰ Там же, стр. 192—197.

⁹¹ Рук. фонд ИИЯЛ Дагфильяла АН СССР ф. I, оп. I, д. 305, ч. IV, лл. 629—630.

⁹² Там же, л. 644;

оказывали содействие Шагин-Гирею, чья деятельность на Северном Кавказе носила антирусский характер, служила интересам шахского Ирана. В силу этих обстоятельств Россия была заинтересована в сохранении Султан-Махмудом независимости от шаха.

Нужно отметить, что правители Ирана искали себе поддержку дагестанских владетелей не только в своих северо-кавказских мероприятиях, но и в других важных для их политики вопросах. Так, Сефи I в борьбе со своими политическими противниками в Иране сделал попытку использовать силы шамхала Ильдара. Но последний под предлогом столкновения с Султан-Махмудом «к шаху не пошел», а только лишь обещал ему помощь⁹³. В 1632 году, по сообщению терского воеводы А. Н. Головина, Сефи I потребовал от казикумухского правителя Тючелова выступления против грузин, но последний собрал лишь «полтора человека»⁹⁴, что мало могло помочь шаху. В том же году шах направил фирман Мамед-хан-беку цахурскому, которому предписывал немедленно, еще до прибытия к нему иранских войск «разорить и опустошить... Кахетию», где шла сильная антииранская борьба. При этом Мамед-хану-беку обещано было не оставить его «без монаршего воздаяния»⁹⁵. Аналогичный фирман Сефи I направил цахурскому правителю Халил-беку и в 1642 году. Обещая Халил-беку обратить на него «внимание», шах предписывал ему, как только он получит «высочайший фирман», «предпринять, сколько раз возможно, набег на Кахетинскую Грузию, грабить ее и опустошать»⁹⁶.

Приведенный выше материал позволяет отметить, что шахи Ирана пытались отдельных владетелей Дагестана превратить в орудие своей захватнической политики и с их помощью добиваться своих целей по покорению народов Кавказа. Возможно, что это им в какой-то степени и удавалось, так как в 1616 году Аббас I писал Али Султану цахурскому: «Вы исполнили долг преданности и приверженности», призывая его в дальнейшем служить «без упущения», а в 1635 г. тоже призвал владетелей Цахура «усугубить рвение в пользу шахской державы», вновь проявить «доказательство» своей «привязан-

---

⁹³ Русско-дагестанские отношения XVII — первой четверти XVIII вв., стр. 100—101.

⁹⁴ Там же, стр. 100.

⁹⁵ АКАК т. II, стр. 1086; И. Линевич. Бывшее Елисуйское султанство, Тифлис, 1873 г., стр. 8; Рук. фонд ИИЯЛ ДФ АН СССР, ф. I, оп. I, д. 50, лл. 24, 25, 29.

⁹⁶ АКАК, т. II, стр. 1088; Рук. фонд ИИЯЛ ДФ АН СССР, ф. I, оп. I, д. 50, л. 29.

ности» к шаху⁹⁷. Из этого можно предполагать, что владельцы Цахура помогали шахам.

Характерным для политики Сефи I было стремление поставить во главе феодальных владений Дагестана наиболее верных ему лиц. Примером этому служит вмешательство его в 1635 г. в межфеодальные столкновения в шамхальстве. Суть их состояла в том, что в 1635 г. шамхал Ильдар умер. На его место в соответствии с решением съезда феодальных владельцев Дагестана от 1633 г. шамхалом должен был стать эндереевский правитель Султан-Махмуд⁹⁸. Последний в силу преклонного возраста уступил шамхальское достоинство своему сыну Айдемиру, поддержанному почти всеми владельцами Дагестана. Против Айдемира выступали лишь сыновья Ильдара, обратившиеся за помощью к шаху в борьбе за шамхальскую власть⁹⁹. Однако последний не поддержал ни сыновей Ильдара, ни Айдемира, а выдвинул своего претендента на шамхальское достоинство племянника Ильдара—Сурхая. Более того, он добивался от Москвы признания Сурхая шамхалом¹⁰⁰. Поэтому-то, — как сообщает А. Олеарий, — Сурхай в этот период и «поддерживал добрую дружбу с персами, чтобы в том случае, если среди дагестанцев произойдет междуусобная война, ему могла быть доставлена помощь из Персии»¹⁰¹.

Но в дальнейшем, став шамхалом, Сурхай несколько изменил свое отношение к шаху. Он стремился сблизиться с Русским государством, чтобы с его помощью вести независимую от Ирана политику. Шахское же правительство всевозможными средствами стремилось расширить сферу влияния Ирана в Дагестане. С этой целью шахом щедро отпускались деньги владельцам Дагестана—шамхалу, уцмью, правителям Цахура, Табасарана и др. Но больше всего Сефи I был заинтересован в покорности шамхала Сурхая. Поэтому шах Сефи I выдавал Сурхая «ежегодно по 200 тюменей»¹⁰². Однако усилия шаха Сефи I подчинить своей власти Дагестан оказались безуспешными. Более того, при нем влияние Ирана в Дагестане даже уменьшилось по сравнению с влиянием, имевшим место при шахе Аббасе I. В исследуемое время, как отмечалось выше,

⁹⁷ АКАК, т. II, стр. 1085, 1087.

⁹⁸ Е. Н. Кушева. Народы Северного Кавказа и их связи с Россией в XVI—XVII вв. М., 1963, стр. 58.

⁹⁹ Очерки истории Дагестана, т. I, стр. 137; Р. Г. Маршаев. Очерки истории лаков, т. I, Рук. фонд ИИЯЛ Дагфильнала АН СССР, ф. 3, оп. I, дд. 73, л. 235.

¹⁰⁰ Русско-дагестанские отношения XVII — первой четверти XVIII вв., стр. 160—161; Очерки истории Дагестана, т. I, стр. 137.

¹⁰¹ А. Олеарий. Описание путешествия в Московию и через Московию в Персию и обратно. СПб, 1906, стр. 499.

¹⁰² Кабардино-русские отношения в XVI—XVII вв., т. I, стр. 268.

независимую от Ирана политику стали проводить правитель Кайтага, считавшийся при Аббасе I сторонником Ирана, и шамхал Сурхай, все более сближавшийся с Россией.

Вступление на престол шаха Аббаса II (1642—1667) не изменило политику Ирана в отношении Кавказа, в частности и Дагестана.

Правда, первоначально Аббас II, скрывая истинные цели своей политики, придерживался мирных отношений с Россией. Но со временем он стал все более решительно выступать против пребывания русских войск на Северном Кавказе, а также стал открыто вмешиваться во внутренние дела феодальных владений Дагестана. Так, используя разгоревшуюся с особой силой в середине 40-х годов XVII века борьбу между претендентами на уцмийское достоинство, Аббас II вмешался во внутренние дела Кайтага¹⁰³. Непосредственным предлогом к этому явилось вооруженное столкновение в 1645 году между уцмием Рустам-ханом и другим претендентом на уцмийское достоинство — его племянником Амирхан-Султаном.

В этих событиях шах Аббас II всецело принял сторону Амирхан-Султана, стал оказывать ему всемерную поддержку вплоть до присылки ему на помощь иранских войск. Такое отношение Аббаса II к Рустам-хану объяснялось тем, что последний, как отмечалось выше, с усилением стремления шахов подчинить своей власти Дагестан, построив на его территории иранские крепости, стал ориентироваться на Россию, которой присягнул на верность в 1618, 1625, 1631, 1632, 1634 годах¹⁰⁴, а также не оказал помощь ставленнику Ирана на Северном Кавказе Шагин-Гирею. По приказу шаха Аббаса II в помощь Амирхан-Султану в Кайтаг были направлены в 1645 году иранские войска. Но Рустам-хан сумел хорошо подготовиться к сражению с шахскими войсками и в битве нанес им поражение. В результате иранские войска вынуждены были отступить¹⁰⁵.

Разгневанный этой неудачей, Аббас II повторно направил в Кайтаг еще большие силы. На этот раз превосходство иранских войск было явным. Рустам-хан потерпел поражение и вынужден был с небольшим отрядом отступить в горную часть Кайтага — в Кубачи¹⁰⁶. «Уцмея князя кайдацкого, — сообщал терский воевода в 1645 г. в Москву, — кызылбашского шах

¹⁰³ История Дагестана, т. I. М., 1967, стр. 273—274.

¹⁰⁴ Русско-дагестанские отношения XVII — первой четверти XVIII вв. Документы №№ 17, 24, 42, 43, 55.

¹⁰⁵ Русско-дагестанские отношения XVII — первой четверти XVIII вв., стр. 12; В. Г. Гаджиев. Указ. соч., стр. 88; Очерки истории Дагестана, т. I, стр. 99.

¹⁰⁶ Русско-дагестанские отношения XVII — первой четверти XVIII вв., стр. 169.

Аббасовы ратные люди из владенья ево согнали и сына ево, Багамата мурзу, шемахинской Арапхан засадил в неволю, и живет де он уцмей в бегах в Кубачеях, а в уцмеевском владенье на ево, уцмеево, место по шахову указу сел старого уцмея сын Амирхан-Султан»¹⁰⁷.

Но, несмотря на захват власти, Амирхан-Султан не мог считать свое положение достаточно прочным, поскольку Рустам-хан продолжал оказывать сопротивление, укрывшись в старинной резиденции уцмиев Кала-Корейше¹⁰⁸. Более того, Рустам-хан, по сведениям того времени, собирался «ис Каракурча бежать в Ондрееву деревню», чтобы, оставив там «жен своих, и детей, и людей», «ехать к турецкому царю и быти челом о ратных людех, и о наряде»¹⁰⁹. Рустам-хан, заручившись поддержкой Казаналпа эндерейского и турецкого султана, хотел с «ратными людьми итти на нынешнего уцмея (Амирхана-Султана—У. М.-С.) и на шаховы на украинные города, на Дербень и на Шемаху»¹¹⁰.

Однако Рустам-хану не удалось добиться осуществления этого плана, так как не мог он заручиться ни помощью Казаналпа эндерейского, ни поддержкой турецкого султана. Немаловажную роль сыграло в этом и царское правительство. Узнав о намерении Рустам-хана обратиться за помощью к турецкому султану, терские воеводы предупредили Казаналпа, чтобы «он без государева указа прежнего уцмея к себе не принимал и в Турскую землю не отпускал», а «прислал его в Терский город»¹¹¹. Эти действия терских воевод были вызваны опасением, что Рустам-хан мог использовать помощь турецкого султана не только для борьбы с шахскими войсками и Амирхан-Султаном, но и «быти в Терском городе з большим опасеньем» от него¹¹². Большую роль в этом сыграло и то, что Россия не хотела ввязываться в конфликт с Ираном из-за столкновений в Кайтаге. К тому же, Амирхан-Султан обратился к терским воеводам с письмом, в котором оправдывал захват им уцмийской власти насильственным путем как акт возмездия Рустам-хану, некогда убившему «ево отца» и завладевшему «Кайдацкою землею»¹¹³, а также обвинял Рустам-хана в непослушании царю и в том, что «шаховым и русским торговым людям» «насильство чинил большое», грабил их¹¹⁴.

¹⁰⁷ Там же; Очерки истории Дагестана, т. I, стр. 99.

¹⁰⁸ Русско-дагестацкие отношения XVII — первой четверти XVIII вв., стр. 170.

¹⁰⁹ Там же.

¹¹⁰ Там же.

¹¹¹ Там же.

¹¹² Там же.

¹¹³ Там же, стр. 169.

¹¹⁴ Там же.

Чтобы лишить Рустам-ханавсякой поддержки царя, Амирхан-Султан обещал быть «под ево царскою и шах Аббасова величества рукою в оичем холопстве», быть послушным и выразил готовность «шертовать ему государю»¹¹⁵. В то же время Амирхан-Султан продолжал собирать силы для похода в горную часть Кайтага, где укрылся Рустам-хан.

Поскольку иранские войска и отряды Амирхан-Султана преследовали Рустам-хана, стремясь захватить его, а последний переходил из одной крепости в другую, то маршрут перемещений Рустам-хана и иранских войск в основном совпадал. Потерпев поражение в Нижнем Кайтаге в сражении с шахскими войсками и отрядами Амирхан-Султана, Рустам-хан отступил первоначально в Уркарах, где имелась хорошо укрепленная крепость. Затем он перешел в старинную резиденцию уцмиев Кала-Корейш¹¹⁶. Но вскоре Рустам-хан, оставив Кала-Корейш, вынужден был укрыться в Кубачах¹¹⁷. Шахские войска выбили Рустам-хана и из Кубачей. Источники не указывают, куда Рустам-хан отступил из Кубачей. Однако дошедшие до нас народные предания свидетельствуют, что в первой половине XVII века войска шаха Аббаса упорно и долго осаждали кайтагское селение Ицари¹¹⁸, которое не смогли взять даже тогда, когда они подожгли все посеы ицаринцев, и население вынуждено было питаться горной свеклой¹¹⁹.

На наш взгляд, ицаринскую крепость осаждали войска именно шаха Аббаса II, так как войскам Аббаса I не было повода для совершения похода в такую отдаленную крепость Кайтага, как Ицари. Кроме того в те годы Рустам-хан считался надежным сторонником Ирана в Дагестане. Поход же войск шаха Аббаса II под Ицари, видимо, был вызван отступлением туда Рустам-хана из Кубачей под давлением иранских войск и отрядов Амирхан-Султана. Не добившись успеха, войска шаха Аббаса II вынуждены были отступить.

Но и Рустам-хан не добился больших успехов и, по-видимому, вынужден был оставаться в Верхнем Кайтаге. Таким образом, в результате вмешательства во внутренние дела Кайтага Ирану удалось поставить уцмием вместо непокорного Рустам-хана, во всем поступавшего так, «как шах укажет ему»¹²⁰, Амирхан-Султана. Последний, став уцмием, отказался прися-

¹¹⁵ Там же.

¹¹⁶ Там же, стр. 170.

¹¹⁷ Там же, стр. 169.

¹¹⁸ Е. М. Шиллинг. Кубачинцы и их культура. М.—Л., 1949, стр. 40; Е. Н. Кушева. Народы Северного Кавказа и их связи с Россией в XVI—XVII вв.; М., 1963, стр. 9.

¹¹⁹ Там же.

¹²⁰ Е. Н. Кушева. Народы Северного Кавказа и их связи с Россией в XVI—XVII вв., стр. 322; Очерки истории Дагестана, т. I, стр. 99.

гать России без указа шаха, мотивируя это тем, что «в ущмейство в Кайдацкую землю пожаловал ево шах Аббасово величество», хотя он в период борьбы с Рустам-ханом заявлял о готовности «шертовать ему государю»¹²¹, чтобы царь не был против него. Все это означало, что влияние Ирана в Кайтаге снова возросло, что он стал более зависим от шаха, чем остальные владения Дагестана¹²². Но в то же время события в Кайтаге оказали известное влияние и на других владетелей Дагестана, которые стали стремиться наладить отношения с иранским шахом или найти от него защиту у Русского государства. В этом отношении большой интерес представляют позиции шамхала Сурхая и Казаналпа эндерейского. Первый из них остался в «опчем холопстве» и заявил, что «он холоп великого государя» и «шах Аббасов»¹²³. Казаналп же требовал, чтобы ему «от великого государя была помощь»¹²⁴ от недругов, главным образом, от шаха и его сторонников.

Тем временем Аббас II усиленно стал «готовиться к сооружению крепости в Башлах»¹²⁵, вынашивая планы подчинить своей власти не только Кайтаг, но и другие владения Дагестана. Особое внимание в это время шах уделял владениям приморского Дагестана и в частности Засулакской Кумыкни как плацдарму для дальнейшего наступления на Северный Кавказ. Но владетель эндереевский Казаналп отверг эти притязания шаха и ориентировался на Россию. Поэтому-то Аббас II и приказал прибывшему в 1645 г. в Кайтаг на помощь Амирхан-Султану шемахинскому Арап-хану «тех ондреевцев побить» и привести к покорности Ирану¹²⁶. Узнав о готовившемся на него нападении шахских войск, Казаналп, добываясь помощи царя Алексея Михайловича, писал ему в 1646 году, что «кизилбашский шах» его «теснит и присылает... ко мне просить в оманаты сына»¹²⁷. Более того, по сообщению шемахинского Хосрев-хана царю от 1649/1650 гг., посланы были из Дербента «ратные люди» «на горских кумыцких князей землю войною», чтобы «учинить их шахову величеству послушных»¹²⁸.

Следует особо отметить, что Аббас II, имея целью подчинить своей власти Дагестан, помимо прямой угрозы, прибегал и к так называемым «методам политического воздействия».

¹²¹ Русско-дагестанские отношения XVII—первой четверти XVIII вв., 169.

¹²² Очерки истории Дагестана, т. I, стр. 99.

¹²³ Русско-дагестанские отношения..., стр. 266.

¹²⁴ Там же, стр. 175—176.

¹²⁵ Там же. Предисловие, стр. 13.

¹²⁶ Там же, стр. 174.

¹²⁷ Там же, стр. 176.

¹²⁸ ЦГАДА ф. 77. Сношения России с Персией. 1649—1650, кн. 12, л. 201—3.

Он одаривал владетелей Дагестана подарками, выдавал им единовременные денежные субсидии, обещал оказывать военную помощь и т. д. Шамхалу Сурхаю, например, Аббас II выдал годовое жалованье, обещал пожаловать «в кизилбашской земле оброчными деревнями»¹²⁹.

Кроме того, он подогревал и поддерживал постоянно вражду между эндерейским владетелем и шамхалом Сурхаем и в 1642—1650 годах оказывал помощь последнему¹³⁰. Халил-бек цахурский «за послушание» был Аббасом II пожалован тиулем, т. е. утвержден владетелем Цахура с одновременным назначением ему ежегодного жалованья в 155 тавризских туманов¹³¹. Денежные вознаграждения выдавались шахом также аварскому хану, сыновьям шамхала и другим владетелям Дагестана¹³².

Цели политики шаха Аббаса II в отношении Северного Кавказа обнажались ярче всего в организованном им походе иранских войск на русский Сунженский городок в 1652—1653 гг. Совместно с иранскими войсками, прибывшими из Шемахи и Дербента, в этом походе приняли участие отряды шамхала Сурхая, уцмий Амирхан-Султана и Казаналпа эндерейского, улусы ногайского Чебан-мурзы и Шатемир-мурзы¹³³.

Шемахинский хан, дербентский султан, шамхал Сурхай, уцмий Амирхан-Султан и другие феодальные владетели свое участие в походе объясняли желанием наказать терских воевод за взимание ими большой пошлыны с ширванских и дагестанских купцов и уменьшить размер этой пошлыны¹³⁴. Однако это было не единственной и, конечно, не главной причиной похода. Предпринимая поход, шах Аббас II преследовал далеко идущие цели, а именно: изгнать русских с Северного Кавказа, подчинить его народы своей власти, а в дальнейшем овладеть даже Астраханью. Об этом свидетельствует то, что у шахских отрядов имелся план: захватив Сунженский городок, «идти войною на Терек» с перспективой дальнейшего нападения на Астрахань¹³⁵ и т. д.

¹²⁹ Кабардино-русские отношения XVI—XVIII вв., т. I, стр. 268; Г. Алкадари. Указ. соч., стр. 51; А. Бакиханов. Указ. соч., стр. 99.

¹³⁰ Е. Н. Кушева. Народы Северного Кавказа и их связи с Россией в XVI—XVII вв., стр. 323; Русско-дагестанские отношения XVII—первой четверти XVIII вв., стр. 175—178.

¹³¹ АКАК, т. II, стр. 1087; И. Липевич. Указ. соч., стр. 8.

¹³² Г. Алкадари. Указ. соч., стр. 51; А. Бакиханов. Указ. соч., стр. 99; Кабардино-русские отношения в XVI—XVIII вв., т. I, стр. 268.

¹³³ ЦГАДА, ф. 121. Кумыкские дела, 1651, д. I, лл. 3—6, 19.

¹³⁴ Русско-дагестанские отношения XVII—первой четверти XVIII в., стр. 188—194.

¹³⁵ Е. Н. Зевакин. Конфликт России с Персией в середине XVII столетия. См. Азербайджан в начале XVIII века. Баку, 1929, стр. 26; Н. А. Смирнов, Политика России на Кавказе в XVI—XIX веках. М., 1958, стр. 52; В. Г. Гаджиев. Роль России в истории Дагестана, стр. 90.

Что касается участия в этом походе дагестанских владетелей кроме того, что они сами признавали, оно объяснялось во многом сложившимися на Северном Кавказе отношениями и положением владетелей Дагестана. Участие в нем отрядов дербентского султана и уцмий Амирхан-Султана вполне понятно. Будучи ставленниками шаха, они не могли поступить иначе, ибо для сохранения своей власти нуждались в его помощи. Шамхал Сурхай, также находясь в двойной зависимости и в условиях ослабления связей с Москвой¹³⁶, не мог отказать шаху, войска которого уже вступили на территорию шамхальства, а вынужден был примкнуть к ним, чтобы не навлечь на себя их удар. Сурхай сам объяснял свое участие в походе необходимостью наказать «барагунцев», которые для «шамхальских людей дорогу пересекли и худо учили делать»¹³⁷.

В доказательство этого он приводил довод, что «русским людям ни единому человеку и носа не окровили и ни одной соломины не тронув, здорово выпустили для того, что с русскими людьми у нас недружбы не было», а при наличии зла их всех «мочно было побить»¹³⁸, так как они были пленены. Чтобы не лишиться и русской поддержки, а также царского жалованья, Сурхай писал в Терки после этих событий, что он искони «прямым сердцем в холопстве и никакого худа от него не значилось и впредь не будет»¹³⁹.

Участие же в этом походе эндерейского владетеля Казаналпа, который до этих событий все время сохранял независимость от Ирана и ориентировался, главным образом, на Россию, объясняется тем, что он не мог противостоять объединенным отрядам Сурхая, уцмий Амирхан-Султана, дербентского султана и иранским войскам. В силу этого он вынужден был принять участие в походе на Сунжу. Но удар своих отрядов он направил не против русских, а против кабардинского князя Муцала Черкасского, якобы чинившего ему большие неприятности¹⁴⁰.

Позднее Казаналп заявил царю, что он хочет слушаться не Муцала, имевшего всего 500 человек подданных, а с «20 000-ю ратными своими людьми» хочет служить прямо царю¹⁴¹, как и до этих событий. В ответ на это после принятия

---

¹³⁶ Е. Н. Кушева. Народы Северного Кавказа и их связи с Россией в XVI—XVII вв., стр. 322.

¹³⁷ Русско-дагестанские отношения XVII—первой четверти XVIII вв., стр. 190—191.

¹³⁸ Там же, стр. 191.

¹³⁹ ЦГАДА, ф. 121, Кумыкские дела. 1651 г. д. I, лл. 88—89.

¹⁴⁰ Русско-дагестанские отношения XVII—первой четверти XVIII вв., стр. 192—193.

¹⁴¹ Там же, стр. 193.

присяги на верность царю Казаналп получил от царя «жалованье, шубу и шапку»¹⁴² в знак того, что царь простил его. Поскольку шахские войска, хотя и сожгли Сунженский городок, вынуждены были отступить¹⁴³ и занять исходные позиции, практические результаты их похода на Терек для Аббаса II сводились к нулю.

Таким образом, попытка Аббаса II подчинить Северный Кавказ своей власти не имела успеха. Более того, сразу после неудачи под Сунженским городком Сурхай-шамхал, Казаналп и даже дербентский султан Баязет и шемахинский Хосрев-хан обратились к России с заверением о своей готовности исполнять приказы царя. Вместе с тем, как и следовало ожидать, поход шахских войск обострил русско-иранские отношения. В результате этого намного уменьшился возросший до больших размеров в первой половине XVII века объем торгового оборота по прикаспийскому пути. Это, в свою очередь, оказало отрицательное влияние на развитие торгово-экономических связей народов Северо-Восточного Кавказа с Россией, и, следовательно, несколько затормозило наметившееся сближение народов Дагестана с Россией.

С другой стороны, неудача шахских войск усилила освободительное движение народов Дагестана. И не случайно Эвлия Челеби подчеркивал, что «дагестанцы не любят иранцев и не вступают с ними в торговую связь, зато они поддерживают такую связь с москвичами»¹⁴⁴, что горцы Дагестана «неоднократно громили кызылбашское войско и в данный момент ведут войну с ними, ибо они ненавидят кызылбашей»¹⁴⁵. Приведенный материал показывает, что народы Дагестана в течение всей первой половины XVII века отстаивали свою независимость от иранских шахов.

Несмотря на то, что народы Дагестана испытывали большие трудности экономического и политического характера, они не покорялись иноземным захватчикам.

Поэтому нельзя согласиться с утверждениями, встречающимися в исторической литературе, Олеария¹⁴⁶ и Мухаммеда

¹⁴² ЦГАДА, ф. 121, Кумыкские дела 1651, д. I, л. 66.

¹⁴³ В. Г. Гаджиев. Указ. соч., стр. 91; Русско-дагестанские отношения XVII — первой четверти XVIII вв., стр. 181—188; Кабардино-русские отношения в XVII—XVIII вв., т. I, стр. 311—316; Е. Н. Кушев. Народы Северного Кавказа и их связи с Россией в XVI—XVII вв., стр. 232; Е. С. Зевакин. Конфликт России с Персией в середине XVII в. (См. Азербайджан в начале XVIII в. Баку, 1929 г.).

¹⁴⁴ Эвлия Челеби. Орывки из «Путешествия» (Рук. фонд ИИЯЛ Дагфиллиала АН СССР, ф. I, оп. I, д. 37, л. 90).

¹⁴⁵ Э. Челеби, VII, 786—787 (взято у Л. Тамая. Рук. фонд ИИЯЛ Даг. филиала АН СССР, ф. 3, оп. 3, д. 19, л. 56).

¹⁴⁶ А. Олеарий. Указ. соч., стр. 494.

Тахира Вахида Казвини¹⁴⁷ и др., о том, что народы Дагестана сохранили свою независимость от шахских войск только благодаря неприступности их гор, за которыми они якобы скрывались в опасные моменты.

Огромную роль в сохранении независимости Дагестана сыграли борьба народов Закавказья против Сефевидов, военно-политическая и моральная поддержка, а также экономическая помощь Русского государства в период их борьбы против шахской агрессии. Как выше отмечалось, благодаря вмешательству русского правительства был предотвращён намеченный на 1615 г. поход шахских войск в Дагестан. В 1620 году посольство Коробьина и Кувшинова также добилось от шаха Аббаса I, готового, как он заявил, «с радостью исполнять» просьбу царя¹⁴⁸, отмены похода его войск в Дагестан. В 1645 г. русское правительство добилось вывода значительного количества шахских войск, оккупировавших Кайтаг и другие части Дагестана¹⁴⁹. Русское государство, кроме того, поддержало сопротивление дагестанских владетелей постройке иранских крепостей на Северном Кавказе, разрешало дагестанским торговым людям покупать в Москве и Астрахани товары военного назначения (сабли, пищали), имевшие большое значение для горцев, боровшихся против шахских войск и т. д.

Эта экономическая помощь, дипломатическое заступничество России за Дагестан перед шахами Ирана, а также поддержка ею борьбы горцев за независимость от иранских правителей создавали возможность народам Дагестана все силы направлять на сохранение своей независимости от Сефевидов, не опасаясь нападения с Севера. Указанные обстоятельства привели к тому, что народы Дагестана стали смотреть на Россию «как на своего защитника, на которого они могли опереться в сохранении своей политической самостоятельности, в борьбе против иноземных захватчиков»¹⁵⁰. Именно этим было вызвано то, что за 1614—1642 годы в Москве побывало от тарковских и таркаловских ханов 15 посольств¹⁵¹ с просьбой о помощи и поддержке в борьбе за свою независимость.

Однако, говоря о значении помощи и поддержки Русского государства народам Дагестана в их борьбе за свою незави-

---

¹⁴⁷ См. Хрестоматия по истории СССР. XVI—XVII вв. Под ред. А. А. Зимина, М., 1962, стр. 686.

¹⁴⁸ С. М. Соловьев. История России с древнейших времён, кн. 5, М., 1961, стр. 151.

¹⁴⁹ Русско-дагестанские отношения XVII — первой четверти XVIII вв. Предисловие, стр. 13.

¹⁵⁰ Русско-дагестанские отношения XVII — первой четверти XVIII вв. Сост. Р. Маршаев. Предисловие., стр. 18.

¹⁵¹ Е. Н. Кушев, Русско-дагестанские отношения в XVI—XVII вв. Махачкала, 1954, стр. 21; Очерки истории Дагестана, т. I, стр. 135.

симость, необходимо отметить, что при этом самодержавие преследовало свои корыстные цели, а именно: стремилось привлечь на свою сторону дагестанских владетелей, установить над ними в конечном итоге свое господство. В силу этого царизм не мог допустить, чтобы Дагестан был захвачен Ираном или Турцией. Но какие бы цели не преследовало самодержавие в сложившейся обстановке, политика России на Северном Кавказе объективно имела положительное значение, способствовала независимости местных народов от ирано-турецких захватчиков.

Среди причин успехов народа Дагестана в борьбе против иранских агрессоров в это время следует отметить и выступления народных масс в самом Иране, тормозившие натиск шахских войск на Северный Кавказ, в том числе и Дагестан.

Надо отметить, что важную роль в сохранении народами Дагестана фактической (номинально ряд владетелей признал свою зависимость от шахов) независимости от Ирана сыграла и политика лавирования между ирано-турецкими и русско-ирано-турецкими противоречиями на Северном Кавказе, проводившаяся феодальными владетелями Дагестана. Последние посредством такой политики даже извлекали определенные материальные выгоды (жалование, подарки, земли) от заинтересованных в северокавказской политике стран, при этом оставаясь фактически самостоятельными в вопросах внутреннего управления.

Главным же условием сохранения народами Дагестана фактической независимости от Сефевидов в первой половине XVII в. явилась их упорная борьба против иранских захватчиков. Судьбу независимости в конечном итоге, решают не горы, не их высота и труднодоступность, а люди и их борьба. Единодушие дагестанских народов в борьбе против иранских агрессоров — вот основная причина провала захватнических планов иранских шахов в Дагестане в исследуемый период.

К ВОПРОСУ О ЗЕМЛЕДЕЛИИ И СКОТОВОДСТВЕ В ДРЕВНЕЙ КАВКАЗСКОЙ АЛБАНИИ

1. ЗЕМЛЕДЕЛИЕ

Страбон пишет, что албаны «не пользуются как следует даже и землей, которая производит всякие плоды, даже самые нежные, и всякие растения: есть даже вечнозеленые. За землей нет ни малейшего ухода, но «все здесь рождается несеянным на непаханной почве», как говорят бывшие там в походах»¹.

Приведенное указание Страбона логически не вяжется с остальной частью сообщения, где говорится о том, что «земля, засеянная однажды, приносит плод дважды или даже трижды, в первый раз даже сам-пятьдесят, притом не бывши под паром и будучи вспахана не железным, но грубым деревянным плугом. Вся равнина орошается лучше Вавилонской и Египетской реками и другими водами, так что всегда сохраняет зеленеющий вид, а вследствие этого изобилует и пастбищами; кроме того и воздух тут лучше, чем там»².

Как известно, последнее сообщение Страбона восходит к участникам похода Помпея³ и отражает факт наличия земледелия среди определенной части населения древней Кавказской Албании.

В связи с земледелием вызывает интерес и сообщение Страбона об орошении албанской территории «реками и другими водами». Как справедливо указывает К. В. Тревер, под другими водами Страбон разумел ирригационную систему—каналы и кягризы⁴. Существование искусственного орошения позволяет предполагать на территории древней Албании земледель-

¹ Strabo, XI, 4, 3.

² Strabo, XI, 4, 3.

³ К. В. Тревер. Очерки истории и культуры Кавказской Албании. М.—Л., 1959, стр. 67 и далее; См. также К. Алиев. К вопросу об источниках Страбона в описании древней Кавказской Албании, ДАН Азерб. ССР, № 4, 1960, стр. 419 и далее.

⁴ К. В. Тревер. Очерки истории и культуры Кавказской Албании, М.—Л., 1959, стр. 71.

ческих хозяйств с применением системы кягризов и каналов, возможных при высоком уровне сельского хозяйства⁵.

В древней Кавказской Албании применяли многочисленные орудия вспашки и жатвы.

Страбон упоминает деревянный плуг, применяемый в сельском хозяйстве древних албанов. Этнографическое изучение Кавказа показывает, что на территории восточного Кавказа существует примитивный деревянный плуг, называемый жителями «хыш», который приводится в действие с помощью двух запряженных быков или буйволов. Как показывает этнографический материал, процесс обработки почвы заключается в том, что «пахарь идет за плугом, держа, по обыкновению, в левой руке рукоятку плуга, а правой рукой погоняет животных»⁶.

Археологические раскопки выявили большое количество жатвенных орудий, подтверждающих предположение о высоком уровне земледелия⁷. Так, в грунтовых и кувшинных погребениях, а также сырцовых гробницах обнаружено большое количество железных серпов⁸ и серповидных ножей, вероятно, применявшихся во время жатвы⁹.

Этнографические данные показывают, что молотьба на изучаемой территории осуществлялась главным образом при помощи деревянных палок и животных, выбивающих зерно из колосьев своими копытами. Этот способ отделения зерна от шелухи бытует и в настоящее время¹⁰.

Археологический материал показывает, что в древней Кавказской Албании употреблялась также и молотильная доска¹¹. После молотьбы совершалось веяние. Согласно этнографиче-

---

⁵ В Иране парфянского времени производились большие работы по строительству каналов и кягризов. См. М. М. Дьяконов. Очерк истории древнего Ирана, М., 1961, стр. 204.

⁶ Т. А. Бунятов. Земледелие и скотоводство в Азербайджане в эпоху бронзы. Баку, 1957; там же стр. 34. О примитивном деревянном плуге в синхронной с Кавказской Албанией древней Италии см. М. Е. Сергеевко. Пахота в древней Италии, СА, VII, стр. 220 и далее.

⁷ Там же, стр. 43; О. Ш. Исмизаде. Ялойлутетинская культура, Баку, 1956, стр. 83.

⁸ Г. М. Ахмедов. Еще одна находка по Ялойлу-тапинской культуре, ДАН Азерб. ССР, № 10, 1952, стр. 572; Т. И. Голубкина. Четыре кувшинных погребения из Мингечаура, ИАН Азерб. ССР, № 3, 1956, стр. 79, 85.

⁹ О. Ш. Исмизаде. Ялойлутетинская культура, Баку, 1956, стр. 20, 25 и далее. Г. М. Ахмедов. Об археологических раскопках на одном участке в Мингечауре, ДАН Азерб. ССР, № 7, 1954, стр. 508, 512; Б. А. Куфтин. Материалы по археологии Колхиды. Тбилиси, 1950, стр. 38; С. М. Казиев. О некоторых типах оружия из Мингечаура. МКА, II, стр. 22.

¹⁰ Т. А. Бунятов, там же, стр. 44.

¹¹ Р. М. Вандов. Мингечаур в III—VIII вв. (на основании археологических раскопок). Баку, 1961, стр. 70.

скому материалу процесс веяния заключался в подбрасывании зерна в воздух при помощи посуды¹².

Вышеприведенные этнографические данные и археологический материал позволяют предположить, что древнеалбанские земледельцы во время сельскохозяйственных работ применяли все три способа молотбы, а также веяния зерна.

На территории распространения древних кавказских албанов в изучаемое время широко применялись каменные зернотерки, подтверждающие высказывание в пользу развития албанского земледелия¹³.

Большое количество зерна, получаемого в связи с развитием плужного земледелия, требовало устройства специальных хранилищ. Еще в агрономических трактатах римские писатели указывали, что одним из наиболее распространенных и простых способов хранения зерна было хранение в ямах. Так, Луций Юний Колумелла (1 в.) писал, что «при отсутствии всякого амбара можешь хранить зерно в земле, как это делается в некоторых провинциях за морем... Эти ямы зовутся сирами»¹⁴.

О специальных ямах-хранилищах сообщают и другие авторы. Так, Плиний указывал, что «целесообразнее всего сохранять хлеб в ямах, которые зовутся сирами, как в Каппадокии, Фракии, Испании и Африке, причем прежде всего следует заботиться о том, чтобы они вырывались в сухой почве, а затем, чтобы они выстилались мякиной, далее хлеб ссыпается туда в колосе...»¹⁵.

Хранение зерна в ямах и кувшинах известно на Кавказе с древнейших времен¹⁶.

Изучение археологического материала даст возможность полагать, что земледельческое население древней Албании хранило запасы зерна в больших глиняных кувшинах, обнаруживаемых в кувшинных и грунтовых погребениях.

¹² Т. А. Буятов. Там же, стр. 47.

¹³ Т. И. Голубкина. Археологическое обследование и раскопки кувшинных погребений в Азербайджане в 1953 г., ИАН Азерб. ССР, № 1, 1959, стр. 27; Г. М. Ахмедов. Об археологических раскопках на одном участке в Мингечауре, ДАН Азерб. ССР, № 7, 1954, стр. 513; Е. А. Пахомов. Кувшинные погребения из Мингечаура, ИАЗФАН, № 9, 1944, стр. 47; Е. А. Пахомов, М. В. Бахмутова. Дневник экспедиции по розыску кувшинных погребений 3—21 апреля 1938 г., ИАН ИАН Азерб. ССР, инв. № 760, стр. 9; О. Ш. Исмизаде. Ялойлутаннская культура, Баку, 1956, стр. 44 и далее; Т. И. Голубкина. Культура кувшинных погребений в Азербайджане, ИАН ИАН Азерб. ССР, инв. № 3550, стр. 4 и далее.

¹⁴ Columella. *De rerustica*, 1, 6 15; Об этом же см. М. Е. Сергеев. Очерки по сельскому хозяйству древней Италии, М.—Л., 1958, стр. 74, 219.

¹⁵ *Plin.*, XVIII, 306.

¹⁶ Т. А. Буятов. Указ. работа, стр. 57.

Е. А. Пахомов полагает, что на Мингечаурском городище, связанном с кувшинными погребениями, сохранились остатки врытых в землю крупных кувшинов, имеющих хозяйственное назначение¹⁷.

О состоянии земледелия на территории древней Албании говорит и палеоботанический материал, выявленный во время раскопок грунтовых и кувшинных погребений¹⁸. Так, в кувшинных погребениях обнаружены остатки хлебных злаков — пшеницы, ячменя и проса¹⁹.

Письменные источники и археологический материал позволяют говорить о распространении садоводства и виноградарства на территории древней Кавказской Албании²⁰.

Так, говоря о долине Аракса, а также о Сакасене и Гогарене, Страбон указывает, что «вся эта страна изобилует плодами, садовыми деревьями и вечно цветущими (растениями) и производит даже маслину...»²¹.

По всей вероятности, Курций Руф (1 в.) имел в виду территорию южного (а, может быть, и юго-восточного) Кавказа, когда указывал, что «кроме других припасов, которыми изобилвала эта страна, она производит огромное количество яблок, и почва ее весьма пригодна для произрастания винограда»²².

Значительный материал о садоводстве дают раскопки грунтовых, кувшинных и сырцовых погребений. Так, в одном из сосудов около погребального кувшина обнаружены остатки грецкого ореха и граната²³; в другом — виноградные косточ-

---

17 Е. А. Пахомов. К хронологии Мингечаурских городищ НАИИ АН Азерб. ССР, инв. № 520, стр. 2.

18 О древнеалбанских хлебных злаках на изучаемой территории см. Т. А. Бунятов, ук. раб., стр. 60 и далее.

19 М. М. Якобцинер. Результаты анализа растительных остатков из кувшинных погребений Азербайджана, НАИИ АН Азерб. ССР, инв. № 3280, стр. 1—2; Т. И. Голубкина. О хозяйстве древнего Азербайджана по II—I вв. до н. э. и I—II вв. н. э., НАИИ АН Азерб. ССР, инв. № 3491, стр. 139; Т. И. Голубкина. Четыре кувшинных погребения из Мингечаура, ИАН Азерб. ССР, № 3, 1956, стр. 77. В. А. Петров. О растительных остатках Мингечаура. (Стенограмма доклада, прочитанного на отделении общественных наук АН Азерб. ССР от 4 мая 1949 г.), стр. 7—8.

20 О времени возникновения виноградарства в Закавказье см. Т. А. Бунятов. Ук. раб., стр. 68 и далее.

21 Strabo, XI, 14, 4.

22 Curt. Ruf., hist., VI, 4, 21 (см. В. Латыцев, ук. раб., II, стр. 128).

23 С. М. Казиев. Об археологических раскопках в Мингечауре, ДАН АН Азерб. ССР, № 10, 1946, стр. 447 и далее.

ки²⁴, в одной сырцовой гробнице обнаружены косточки черешни²⁵.

Говоря об албанах, Страбон указывает, что «виноградники у них остаются совершенно незврытыми и подрезываются через пятилетие, но тем не менее молодые лозы приносят плод уже через два года, а взрослые дают столько (плодов), что большую часть оставляют на ветвях»²⁶.

В «Комментарии к землеописанию Дионисия Перизгета» Евстафий пишет, что в земле каспиев «виноградные лозы дают богатый урожай»²⁷. Вместе с виноградарством в изучаемый период имело место и виноделие²⁸. Можно предположить, что большие кувшины служили для обработки виноградных ягод и хранения вина. О виноделии говорят и другие глиняные изделия. Так, сосуды с сетчатой перегородкой, обнаруженные в кувшинных и грунтовых погребениях, явно связаны с виноградарством и виноделием. Как уже указывалось, древние албаны вместе с покойником клали в погребение глиняные сосуды, наполненные фруктами, мясом или напитками. Так, в одном из детских кувшинных погребений найдены косточки винограда²⁹. Сообщения Страбона и Евстафия, приведенные выше, показывают, что в определенных частях территории древней Кавказской Албании культивировался виноград.

Ботанический материал подтверждает высказывание Страбона и Евстафия. Так, по берегам реки Куры близ Мингечаурских городищ и могильников разбросаны заросли дикого винограда, дающего сладкие ягоды размером не более горошины³⁰. Дикий виноград имеется и в других районах изучаемой территории. Так, виноградные лозы довольно часто встречаются на берегу Алазани, недалеко от городища Топрак-кала; ягоды также не более горошины, черноватого оттенка, слад-

---

²⁴ См. С. М. Казиев. Древний Мингечаур (на азерб. яз.). Баку, 1952, стр. 40; См. также В. А. Петров. Ук. раб., стр. 6 и далее. См. также Т. А. Бунятов. Ук. раб., стр. 57.

²⁵ НАИИ АН Азерб. ССР, инв. № 1059, До сих пор еще косточки хранятся в Ханларском музее. Косточки черешни определяли Я. И. Гуммель и В. А. Петров.

²⁶ Strabo, XI, 4, 3.

²⁷ Eust., 730 (В, Латышев. ук. раб., 1, 207).

²⁸ О виноделии предшествующего времени на территории Азербайджана см. Т. А. Бунятов. Ук. раб., стр. 69 и далее.

²⁹ Т. И. Голубкина. О хозяйстве древнего Азербайджана во II—I вв. до н. э. и I—II вв. н. э. (по арх. данным), НАИИ АН Азерб. ССР, инв. № 3491, стр. 189.

³⁰ Е. А. Пахомов. Кувшинные погребения из Мингечаура, ИАзФАН, № 9, 1944, стр. 48

кие. Примечательно, что виноградные лозы здесь вьются по дереву³¹.

1) Изучение источников, освещающих состояние земледелия на территории Восточного Закавказья, показывает, что земледельческое население древней Кавказской Албании вполне освоило технику земледельческого труда: применяло искусственное орошение, орудие вспашки и жатвы, к которым главным образом относятся серпы и серповидные ножи и каменные зернотерки; запасы зерна хранились в больших глиняных кувшинах и ямах.

2) Изучение письменных источников и археологического материала позволяет говорить о распространении виноградарства и садоводства в древней Кавказской Албании.

3) Как показывают письменные источники и археологический материал, албаны-земледельцы возделывали пшеницу, ячмень и просо и вели оседлый образ жизни.

2. СКОТОВОДСТВО

Изучение письменных источников, археологического материала и данных этнографии позволяет высказать мнение, что часть населения древних кавказских албанов занималась скотоводством³². Страбон сообщает, что «животные у них (албанов), как домашние, так и дикие, имеют хороший рост»³³.

Ссылаясь на сочинение Аминта (IV в. до н. э.), «Переходы» Клавдий Элиан (II—III вв.) говорит, что «в Каспийской земле есть много стад быков и табунов лошадей...»³⁴.

Остеологический материал, обнаруженный на территории Восточного Закавказья, подтверждает сообщения древних авторов. В одном из богатых грунтовых погребений, кроме костей животных, находившихся в широкогорлых кувшинах и глубоких чашах, были обнаружены череп и кости конечностей быка, а рядом находились несколько черепов и трубчатые кости мелкого рогатого скота³⁵. О значении крупного рогатого скота говорит и керамика древней Кавказской Албании. В Мингечауре обнаружена голова быка из обожженной глины,

³¹ Виноградные лозы, вьющиеся по дереву, были известны и в античном мире. Так, на одном из античных камней, хранящихся в Берлинском музее, хорошо изображена сцена сбора ягод с виноградной лозы, вьющейся по дереву. См. Катон. Земледелие. М.—Л., 1950, стр. 127.

³² О формах и характере скотоводства на территории древнего Азербайджана, см. Т. А. Бунятов. Земледелие и скотоводство в Азербайджане в эпоху бронзы. Баку, 1957, стр. 74. Следует добавить, что развитию скотоводства в Албании способствовали благоприятные природные условия — наличие высокогорных альпийских пастбищ в знойное время года.

³³ Strabo, XI, 4, 3.

³⁴ См. В. Латышев. Ук. раб., I, стр. 605.

³⁵ О. Ш. Исмизаде. Ялойлутелинская культура, Баку, 1956, стр. 84.

а также фигуры животных, напоминающие корову³⁶. Одно из богатых кувшинных погребений в Мингечауре содержало и костяк коня, находившегося вне погребального кувшина³⁷.

На территории древней Кавказской Албании большое распространение имел мелкий рогатый скот. Так, письменные источники сообщают о козах на территории Восточного Кавказа. Клавдий Элиан пишет, что «Каспийские козы очень белы, рогов не имеют, ростом малы и тупоносы»³⁸.

Изучение погребений древних албанов показывает, что значительная часть сосудов из кувшинных могил заполнена костями баранов и коз³⁹.

Об огромном значении скотоводства на территории древней Албании говорит и зооморфная керамика, отражавшая условия животноводства. Так, на многих сосудах из кувшинных погребений имеются изображения головы барана с загнутыми рогами⁴⁰.

Изучение остеологического материала из погребений на правом берегу реки Куры показывает, что породы овец и коз в основном соответствовали современным породам мелкого рогатого скота, в большом количестве выращиваемого на территории Восточного Кавказа и занимавшего ведущее место в системе животноводства албанских кочевников⁴¹.

В связи с разведением мелкого рогатого скота необходимо отметить и собак.

Согласно этнографическому материалу стадо мелкого рогатого скота всегда охраняют от хищников сильные кавказские овчарки. Плиний сообщает, что «во время индийского похода

---

³⁶ Т. И. Голубкина. О зооморфной керамике из Мингечаура, МКА, II, стр. 123, 133 и далее.

³⁷ Г. И. Йоне. Гончарные печи древнего Мингечаура, КСИИМК, 24, 1949, стр. 55. Об остеологическом материале из кувшинных погребений см. также С. М. Казнев. О некоторых типах оружия из Мингечаура, МКА, II, стр. 22. О костях крупного рогатого скота см. Е. А. Пахомов. Кувшинные погребения из Мингечаура, ИАзФАН, № 9, 1944, стр. 48; о костях животных в Уджарских кувшинных погребениях см. Т. И. Голубкина, Археологические обследования и раскопки... ИАН Азерб. ССР, № 1, 1959, стр. 27; О животнo-костных остатках см. Е. А. Пахомов. Экспедиция в Мингечаур, И АзФАН, № 3, 1938, стр. 36.

³⁸ Клавдий Элиан, XVII, 34; См. В. В. Латышев. Ук. раб., I, стр. 607.

³⁹ Е. А. Пахомов. Кувшинные погребения из Мингечаура, И АзФАН, № 9, 1944, стр. 48; См. также Е. А. Пахомов. Дневник экспедиции по розыску кувшинных погребений... НАИИ АН Азерб. ССР, инв. 760, стр. 30, 33; О скелете барана см. Т. И. Голубкина. Четыре кувшинных погребения из Мингечаура (раскопки 1950 г.), И АН Азерб. ССР № 3, 1956, стр. 81.

⁴⁰ Т. И. Голубкина. О зооморфной керамике из Мингечаура, МКА, II, стр. 122 и далее.

⁴¹ Н. А. Алекперова. Домашние бараны и козы древнего Мингечаура. Труды естественно-исторического музея им. Г. Зардаби, IX, 1954.

Александра Великого Албанский царь подарил ему одну собаку необыкновенной величины»⁴².

Интересные данные об охотничьих собаках албанов сообщает Юлий Солин (III в.). Эти собаки «справляются с быками, преодолевают львов и (схватив) удерживают все, что им падает; по той причине они заслужили упоминания даже в летописях»⁴³. Солин далее пишет, что «эта порода собак достигает огромных размеров и своим страшным лаем заглушает рев (быков)»⁴⁴.

Примечательно, что в этих отрывках упоминаются собаки необыкновенной величины и силы. Если отбросить элементы гиперболизма, можно предполагать, что здесь речь идет об особой породе собак, о кавказской овчарке⁴⁵.

Наличие собак у древних албанов подтверждается и археологическим материалом. Так, в одном из кувшинных погребений была обнаружена часть костяка собаки⁴⁶.

Изучение письменных источников и археологического материала показывает, что древние албаны занимались рыболовством и охотой. Так, Клавдий Элиан пишет, что «в Каспийской земле есть огромное озеро, в котором водятся большие рыбы, называемые остроносыми... Каспии ловят их, посыпают солью и готовят соленые или сушат...»⁴⁷.

Археологический материал, добытый во время раскопок, подтверждает это сообщение. Так, в одном из кувшинных погребений (Уджары) обнаружены позвонки рыбы⁴⁸. Однако, сообщения источников письменного и археологического порядка заставляют думать, что рыболовство на территории древней Кавказской Албании было развито слабо и никогда не выходило из локальных рамок.

Другое дело охота. Страбон сообщает, что «охоту чрезвычайно (любят) и сами албаны, и их собаки не столько по сноровке, сколько по влечению к этому»⁴⁹.

Из приведенного отрывка видно, что албаны занимались охотой, имевшей первостепенное военное и хозяйственное значение в жизни албанов-кочевников. Как известно, охота для

⁴² Ріі п., 8. 149.

⁴³ Солин. Сборник достопримечательностей, XV, 6.

⁴⁴ Солин. Там же. XV, 6; Перевод дается по К. В. Тревер. Ук раб., стр. 77.

⁴⁵ О кавказских овчарках см. К. В. Тревер. Ук раб., стр. 77.

⁴⁶ Т. И. Голубкина, ИЛИ ИАН Азерб. ССР, иив. № 2882, стр. 17, 22.

⁴⁷ Клавдий Элиан, XVII, 17; см. В. В. Латышев. Ук раб., I, стр. 606.

⁴⁸ Т. И. Голубкина. Археологическое обследование и раскопки кувшинных погребений..., ИАН Азерб. ССР, № 1, 1959, стр. 21.

⁴⁹ Strabo, XI, 4, 5; Перевод дается по К. В. Тревер; об охоте у древних албанов см. К. В. Тревер, ук. раб., стр. 76 и далее.

кочевых групп населения всегда являлась своеобразной военной тренировкой, а также одним из источников добычи продовольствия.

Сообщение Страбона позволяет предполагать, что во время охоты албаны активно применяли собак, игравших немаловажную роль при облавах и т. д.

Письменные источники сообщают о верблюдах в Каспийской земле. Так, Клавдий Элиан пишет, что «верблюдов здесь очень много...» и что они используются для транспортировки в другие страны.

Изучение археологического и этнографического материала показывает, что на территории Кавказской Албании изготовление молочных продуктов стояло на высоком уровне⁵⁰. Часть своеобразной бытовой глиняной посуды, выявленной на территории древних албанов, дает возможность хотя бы вкратце остановиться на описании этих сосудов, а также и на процессе изготовления молочных продуктов в изучаемый период.

Вполне логично предположить, что приемы доения крупного и мелкого рогатого скота, а также и лошадей почти ничем не отличались от приемов доения в более раннее и позднее время⁵¹. Археологические раскопки выявили целый ряд бытовой глиняной посуды, предназначенной в основном для доения. Так, главным образом в кувшинных погребениях обнаружено огромное количество крупной глиняной посуды с расширяющимся венчиком и двумя горизонтальными ручками. Подобные кувшины очень легко подставить под вымя рогатого скота и лошади без риска разлить молоко в процессе доения. К этому роду посуды относятся широкогорлые двуручные кувшины средних размеров, которые применяются и в современном скотоводческом хозяйстве Азербайджана⁵². По-видимому, данная посуда предназначена для доения мелкого скота.

В одном из глиняных горшков, найденных в погребальном кувшине, обнаружены следы молочных продуктов.

Исходя из этнографического материала, к переработке молока приступали сразу же после доения⁵³. Этот трудоемкий процесс требовал большого навыка, немалого количества людей и большого количества разнообразной посуды.

⁵⁰ Об изготовлении молочных продуктов в древнейшем Азербайджане, см. Т. А. Бунятов, ук. раб., стр. 106 и далее.

⁵¹ См. Т. А. Бунятов, ук. раб., стр. 108.

⁵² Нужно сказать, что формы подавляющего большинства глиняных изделий, имевших распространение в древнеалбанский период, среди современной глиняной посуды Азербайджана не засвидетельствованы. О сходстве форм некоторой современной утвари с посудой из археологических раскопок, см. М. И. Атакишиева. Об утвари из окрестных сел г. Мингечаура, МКА, II, стр. 180 и далее.

⁵³ Необходимо отметить, что посуда, предназначенная для временного хранения молока, должна быть тщательно вычищенной. В противном случае свертывание и окисление молока неминуемо.

Естественно предположить, что главным продуктом скотоводов древней Албании было масло. Археологические раскопки, произведенные на территории Восточного Кавказа, выявили большое количество глиняных маслобоек, относящихся к периоду существования древней Кавказской Албании, подтверждает это предположение. Так, в кувшинных погребениях Мингечаура, Агджабеды и др. обнаружены маслобойки, некоторые из которых на дне с внутренней стороны имеет два или четыре пальцевидных отростка для ускорения процесса маслообразования⁵⁴.

Этнографический материал показывает, что для хранения масла население могло употреблять безручные широкогорлые сосуды, а также очищенный желудок убитого животного, где масло может долго храниться⁵⁵.

Обилие молока предполагает производство сыра и кислого молока, сливок и айрана и др. То же самое, по-видимому, наблюдалось и в более древние времена на территории Азербайджана⁵⁶. Изучение этнографического материала показывает, что те же молочные продукты на изучаемой территории производятся и в настоящее время главным образом женщинами, которые, по-видимому, играли главную роль в процессе производства молочных продуктов и в период существования древней Кавказской Албании⁵⁷.

ФОРМА СКОТОВОДСТВА

Вопрос о формах скотоводческого хозяйства все больше и больше привлекает внимание исследователей, но, как известно, не считается окончательно решенным. Кочевой образ жизни обуславливает состав домашних животных — крупного рогатого скота, овец, коз и лошадей. Так, крупный рогатый скот не приспособлен к постоянным перекочевкам и нуждается в особом содержании, что исключает его разведение в массовом количестве. Овцы и козы неприхотливы и в продолжение круглого года могут находиться на подножном корму. Курдючные овцы хорошо переносят недостатки в корме, а ягнята нужда-

---

⁵⁴ См. Т. А. Бунятов, Ук. раб., стр. 112; Т. И. Голубкина. Предварительный научный отчет о поездке в Агджабеды, рукопись, 1954, стр. 6; Т. И. Голубкина. О хозяйстве древнего Азербайджана., НАИИ АН Азерб. ССР, инв. № 3491, стр. 217, См. также О. Ш. Исмизаде — Глиняные маслобойки из Мильской степи, ДАН АН Азерб. ССР, № 2, 1961, стр. 169—173.

⁵⁵ См. Т. А. Бунятов. Ук. раб., стр. 115.

⁵⁶ См. Т. А. Бунятов, там же, стр. 115 и далее.

⁵⁷ Т. А. Бунятов отмечает, что в процессе изготовления молочных продуктов «главную роль в древности и позднее играли женщины. Именно они доили животных и изготавливали из молока масло, сыр, творог и другие продукты» (Т. А. Бунятов. Ук. раб., стр. 117).

ются в уходе только два-три дня. Поэтому кочевники охотно разводят этот вид домашних животных. То же самое относится и к лошади, не нуждающейся ни в стойловом содержании, ни в заготовке на зиму корма. Жеребенок всего лишь через несколько минут после появления на свет может следовать за табуном. Этнографическое изучение свидетельствует о том, что скотоводческое население Азербайджана, Средней Азии, Ирана и других стран Востока вело в основном полукочевой образ жизни, обусловленный не только составом стада, но и существенной дифференциацией среди скотоводов.

Наличие крупного рогатого скота, коз, овец и лошадей, выявленных в результате археологических раскопок, подтверждает предположение о том, что основным занятием кочевых этнических групп, проникавших на территорию древней Кавказской Албании, было отгонное скотоводство при сохранении охоты и земледелия, как подсобных занятий скотоводов.

Как известно, отгонное скотоводство появляется тогда, когда стада на более или менее длительные сроки переправляются на удаленные пастбища, т. е. на яйлагы. При подобных передвижениях большую роль играют лошади как транспортное средство и собаки как хранители стада от хищных животных.

Изучение этнографического материала показывает, что количество домашних животных — лошадей, коз, овец и крупного рогатого скота — лимитируется географическими условиями — размерами пастбищ и наличием сенокосных угодий для зимнего содержания крупного рогатого скота⁵⁸.

Изучение письменных источников, археологического материала и этнографических данных позволяет предположить на территории древней Кавказской Албании, главным образом полукочевое (яйлажное) скотоводство⁵⁹. Как указывалось выше, при такой форме скотоводства большая часть скотоводов проживает на месте кочевья (яйлаге), а другая часть — остается в долинах (кишлаги) и держит связь с яйлагами, занимаясь главным образом земледелием и заготовкой кормов на зиму для домашних животных⁶⁰.

Как показывают письменные источники и археологический материал, среди кочевого населения древней Кавказской Албании получили развитие:

- 1) Разведение овец и коз.
- 2) Разведение крупного рогатого скота.

---

⁵⁸ О хозяйстве скотоводов см. С. И. Руденко. К вопросу о формах скотоводческого хозяйства и о кочевниках, сборник «Материалы по этнографии», 1, 1961, стр. 2 и далее.

⁵⁹ О зарождении в Азербайджане яйлажного скотоводства см. Б. Б. Пиотровский. Археология Закавказья, 1949, стр. 75 и далее.

⁶⁰ По этому вопросу см. Т. А. Бунятов, ук. раб., стр. 119.

3) Разведение лошадей.
4) Разведение собак.
5) Отсутствие подножного корма при увеличении поголовья скота заставляло угонять стада летом в горы, зимой же возвращаться в равнины.

6) Скот обеспечивал кочевников-албанов молочными продуктами, мясом, шерстью, шкурами, а также служил для транспортных целей и верховой езды.

7) Охота в жизни кочевника-албана являлась одной из важных видов военной тренировки, но не была главным занятием скотоводческого населения.

8) Рыболовство на территории древней Кавказской Албании никогда не играло главную роль и, вероятно, по мере увеличения кочевников-скотоводов исчезло окончательно.

9) Несмотря на расцвет полукочевого скотоводства кочевники-албаны занимались в какой-то мере и земледелием, вступая в тесный контакт с аборигенным земледельческим населением.

**Электронная библиотека
Института истории,
археологии и этнографии
Дагестанского ИЦ РАН**

instituteofhistory.ru

ЗЕМЕЛЬНЫЕ ОТНОШЕНИЯ В ДАГЕСТАНЕ В V—XI вв.

Изучение форм земельной собственности в раннесредневековом Дагестане является важным условием разработки проблемы становления и развития феодальных отношений в Дагестане. В работах дагестанских историков последних лет затрагиваются земельные отношения, которые бытовали в Дагестане в позднейшее время¹. Земельные же отношения в раннем средневековье рассматривались только в связи с освещением вопросов истории Дагестана, непосредственно не связанных с данной проблемой². Объясняется это, главным образом, исключительной узостью источниковедческой базы истории этого периода. Данная статья является первой попыткой специального изучения земельных отношений в раннесредневековом Дагестане на основе накопившихся к настоящему времени письменных, археологических и этнографических материалов.

* * *

Формы земельной собственности, которые бытовали в раннесредневековом Дагестане, характеризовались следующими особенностями:

Государственные земли. Возникновение государственных образований на территории Дагестана, упоминаемых в связи с событиями VI века, раннесредневековая историография связывает обычно с именем сасанидских царей, в частности с

¹ Очерки истории Дагестана, т. I, Махачкала, 1957 г., Р. М. Магомедов. Общественно-экономический и политический строй Дагестана в XVIII—начале XIX в. Махачкала, 1957 г.; Х.-М. Хашаев. Общественный строй Дагестана в XIX в. М., 1961 г.; С. Ш. Гаджиева. Кумыки. М., 1962 г.,

² Х. Х. Рамазанов, А. Р. Шихсаидов. Очерки истории южного Дагестана. Махачкала, 1964 г.; М. Агларов. Техника сооружения террасных полей и эволюция форм собственности у аварцев. Ученые записки ИИЯЛ, т. XIII, Махачкала, 1964, стр. 177—193.

деятельностью Кубада и его сына Хосрова Ануширвана³. Оставляя в стороне вопрос о несостоятельности концепции о несамобытности происхождения дагестанских раннефеодальных государств, мы акцентируем внимание на более важной стороне сообщений источников — они зафиксировали наличие в Дагестане феодальных государств с «царями» во главе.

Появление раннефеодальных государств в Дагестане стимулировало, по-видимому, становление государственной формы земельной собственности в качестве ведущей, как это имело место и в других странах Востока, хотя это не исключает наличия как «частного, так и общинного владения и пользования землей»⁴. Сообщение арабского автора IX в. ал-Белазури: «И выбрал Ануширван царей и назначил их, предоставив каждому из них шахство над отдельной областью... утвердив в их владениях и заключив с ними мир, обязав платить ему подать»⁵ — говорит о том, что дагестанские цари еще до прихода иранских войск управляли определенными территориями, где собирали «подати». Последнее обстоятельство, т. е. сбор податей, могло иметь место только при наличии в Дагестане государственной собственности на землю. В данном случае здесь не существовало «никакого налога, который был бы отличен от этой формы земельной ренты»⁶. Государство является здесь единственным получателем ренты.

Можно предполагать, что во всех землях Дагестана до начала арабских завоеваний существовал единый тип государственной земельной собственности, хотя не исключена возможность, что в Южном Дагестане (подробнее об этом ниже) доля частновладельческих земель могла быть несколько больше, чем в горном Дагестане.

С середины VII в., т. е. с момента появления арабов на Восточном Кавказе, эти различия начинают расти: местная форма государственной земельной собственности в Южном Дагестане эволюционирует в характерную для всего Ближнего Востока форму «дивани». Этот процесс идет параллельно с усилением влияния на Дагестан; рецепция ближневосточного феодального права — одна из существенных форм этого влияния.

Завоеванная территория, согласно мусульманскому законодательству, обращалась в собственность Халифата, т. е. в государственную собственность. Арабские халифы, рассматри-

³ Белазури. Книга завоевания стран. Пер. П. Жузе. Баку, 1927 г., стр. 7; Масуди. Мурудж ад-Дзахаб. Пер. В. Ф. Минорского. В. Ф. Минорский. История Дербента и Ширвана. М. 1963 г. Приложение III, стр. 190.

⁴ К. Маркс. Капитал, т. III, М. 1954, стр. 804.

⁵ Белазури. Указ. соч., стр. 7.

⁶ К. Маркс. Капитал, т. III, стр. 804.

вая себя верховными собственниками захваченных земель, активно способствовали перераспределению земельного фонда, наделяли (особенно со второй половины IX в.) обширными земельными угодьями в качестве икта военачальников и своих приближенных, а в ряде случаев передавали государственные земли в вакф. В Дагестане это хорошо прослеживается в X—XI вв.⁷ В Халифате завоеванная земля не передавалась на первых порах во владение отдельного феодала, а представляла объект коллективной эксплуатации. При этом феодальная рента в виде хараджа собиралась чиновниками «диван ал-харадж», а затем через государственную администрацию распределялась среди феодалов.

К. Маркс следующим образом определил социально-экономическую сущность эксплуатации государственных земель на Востоке в средние века. «Если не частные земельные собственники, а государство непосредственно противостоит им (крестьянам — А. Ш.), как это наблюдается в Азии, в качестве земельного собственника и вместе с тем суверенна, то рента и налог совпадают, или, вернее, тогда не существует никакого налога, который был отличен от этой формы земельной ренты»⁸.

В Дагестане, особенно в Южном, захваченные арабами на первом этапе завоеваний (VII—VIII вв.) земли превращались в государственные (дивани) с соответствующей им формой эксплуатации.

Упомянутый выше ал-Белазури дает нам некоторые сведения о способе эксплуатации государственных земель, относящихся к концу 1 половины VIII в. Арабский полководец Мерван обложил население завоеванных им горных и плоскостных районов Дагестана ежегодным налогом, причем согласно договору, дагестанские владельцы обязались доставлять ежегодно в Ал-Баб (Дербент) 160 тыс. мер зерна, которые шли на оплату войнам города⁹.

Это свидетельство не оставляет сомнения, что завоеванные дагестанские земли эксплуатировались арабами именно как земли дивани, т. е. путем взимания хараджа. Важно то обстоятельство, что эти земли не только формально считались государственными землями, но и фактически функционировали как таковые, ибо в середине VIII в. Мерван продолжал взимать с Южного Дагестана харадж, наложенный еще Масламой.

К сожалению, скудость источников не позволяет определенно ответить на другой вопрос — насколько регулярно

⁷ В. Ф. Миллерский. Указ. соч. стр. 47.

⁸ К. Маркс. Капитал т. III, стр. 804.

⁹ Белазури. Указ. соч., стр. 18—19.

происходил процесс взимания хараджа. Можно, однако, предположить, что арабской администрации недолго удавалось обеспечивать регулярное поступление хараджа из-за сложной внешнеполитической обстановки на северных границах Халифата.

С середины IX в. мы имеем сведения, позволяющие судить о сокращении площади государственных земель в связи с развитием в Дагестане условного феодального землевладения, а также пожалований или прямых захватов земель из фонда государственных. Процесс этот хорошо прослеживается в Южном Дагестане, находившемся под политическим и экономическим влиянием территорий, управлявшихся представителями арабской власти, или же подвластных арабским наместникам (Дербент, Табасаран, ал-Лакз). Здесь к концу X в. условное и безусловное землевладение стало, очевидно, преобладающим.

Таким образом, в первый период рассматриваемого времени, т. е. с V—до конца середины IX в. само раннефеодальное государство, а не отдельные феодалы противостояли общинам. Поэтому получаемая дагестанскими «царями» дань с подвластной им территории была близка по своей природе с феодальной рентой¹⁰. Однако дальнейшее развитие феодальных отношений в Дагестане не могло не привести к ликвидации этой близости и выявлению существенных различий между данью и феодальной рентой.

Примерно со второй половины IX в. в Дагестане начинает развиваться условное феодальное землевладение и его эволюция в безусловное, что не могло не привести и к эволюции феодальных повинностей. Дань, собираемая от случая к случаю и поступавшая в распоряжение центральной власти, превратилась в регулярно собираемую феодальную ренту, которую платили местному феодалу уже не свободные, а феодально-зависимые крестьяне. Однако в Дагестане эта феодальная зависимость могла принимать самые различные формы и смягчаться от издольной эксплуатации до простой обязанности платить ту же, но несколько видоизмененную дань, которую раньше платили центральной власти. Последний вид феодальной зависимости был, по-видимому, господствующим в Дагестане.

Такая метаморфоза феодальной ренты, связанная с эволюцией условного феодального землевладения в безусловное, привела к резкому повышению роли и значения местных феодалов, интересы которых постепенно расходятся с интересами центральной власти.

Что касается территории горного Дагестана, то правители

---

¹⁰ К. Маркс. Капитал, т. III, стр. 804.

самостоятельных политических образований продолжают, по-видимому, рассматривать себя как верховные собственники подвластной им территории. Так, согласно арабскому историку X в. Масуди, правитель Серира выступает как верховный собственник довольно обширной территории: «У него (царя Серира — А. Ш.) было 12 тысяч селений, из которых он набирал столько слуг (или рабов), сколько желал»¹¹. Однако тот закономерный процесс уменьшения государственных земель, зафиксированный письменными источниками для Южного Дагестана, был характерен и для всего Дагестана. В этом отношении богатый материал может дать археология. За последнее время дагестанские археологи выявили несколько десятков значительных феодальных городов, крепостей и укрепленных пунктов, вокруг которых разбросано несколько небольших средневековых поселений¹². Данное обстоятельство свидетельствует о возросшей роли местных феодалов и уменьшении доли государственных земель.

Земли икта. Как показали советские ученые, институт икта возник еще в эпоху сасанидов в Иране как неизбежное следствие развития феодальных отношений¹³.

Известно, что проникновение иранского влияния в Дагестан наиболее интенсивно происходило при Кобаде, особенно при сасанидском царе Хосрове Ануширване (531—571). Согласно раннесредневековым армянским и арабским источникам это влияние было прочным и длительным, Хосрову Ануширвану удалось подчинить ряд раннефеодальных государств Дагестана, обязав их нести пограничную службу на северных границах Сасанидской империи¹⁴.

В такой обстановке не исключена возможность возникновения института условного землевладения в Дагестане еще в эту отдаленную эпоху на чисто местной дагестанской основе, ибо нельзя создавать экономические институты вроде икта путем рецепции норм иностранного права.

Не отрицая различных путей возникновения института икта в Дагестане, мы склонны считать, что образование его восходит к эпохе сасанидов. Данное предположение основано на общей политике Хосрова Ануширвана, который энергично пытался создавать военно-служилую прослойку в своей империи

---

¹¹ Масуди. Мурудж ад-Дзахаб. Пер. В. Ф. Минорского. Указ. соч., стр. 204.

¹² В. Г. Котович, М. Г. Магомедов и др. Отчет приморской археологической экспедиции Р. Ф. ИИЯЛ ф. 3, оп. 3, № 191, стр. 51—99., Ислам Магомедов А. Поселения аварцев в XIX—XX вв. Учен. зап. Института ИЯЛ т. 12, Махачкала, 1964 г., стр. 159—160.

¹³ История Ирана с древнейших времен до конца XVIII в. Л., 1958, стр. 64; История стран зарубежного Востока в средние века. М. 1957 г., стр. 100.

¹⁴ Белазури. Указ. соч., стр. 7; Масуди. Указ. соч., стр. 190.

вообще, на границах в частности. Арабский историк Ибн ал-Асир (1160—1234) хорошо характеризует основную суть военных реформ этого крупного государственного деятеля: «Хосров Ануширван говорил: «Я нашел, что воины являются опорой для тех, кто возделывают землю, а земледельцы—опорой для воинов. Воины требуют для себя вознаграждения от плательщиков хараджа и от горожан за то, что их защищают и сражаются за них, а земледельцы обязаны полностью давать воинам их вознаграждение, так как безопасность и невредимость для жизни и имущества возможны только благодаря воинам. С другой стороны, я нашел, что воины могут существовать, есть, пить, накапливать имущество и обзаводиться детьми только благодаря плательщикам хараджа и земледельцам, а потому я стал брать от плательщиков хараджа в пользу воинов то, что требуется для удовлетворения их нужд, а плательщикам хараджа из их урожая я оставляю столько, сколько для их существования и для дальнейшей обработки земли»¹⁵.

Политика эта проводилась и в Дагестане, где было построено большое количество городов, крепостей и крепостных сооружений с гарнизонами, укомплектованными как непосредственно из персов, так и из дагестанских народов¹⁶.

В целях создания прослойки военно-служилого сословия, способного защитить северные границы Сасанидской империи, сасаниды поселили здесь значительное количество «людей, переселенных из разных стран и надежных лиц»¹⁷, главным образом из своих собственных подданных. По-видимому, эти «надежные лица» составляли привилегированное сословие из переселенцев.

Вполне очевидно, что эти служилые люди за свою службу получали какую-то долю хараджа, который собирался сасанидами в Дагестане, так как первоначально институт икта заключался в представлении служилым людям на время их службы или пожизненно доли хараджа или других податных сборов, иначе говоря, доли ренты-налога с определенных земель вместо платы за службу.

Дальнейшее развитие феодальных отношений в Дагестане с неизбежностью приводит к повышению доли условного феодального землевладения и к эволюции его в классическое икта.

С приходом арабов в Дагестан институт икта претерпевает значительные изменения. Точно так же, как и сасаниды, для

---

¹⁵ Ибн ал-Асир. Полный сборн. летопис. Пер. А. Э. Шмидта. УЗ Института востоковедения, т. 16, М.—Л., 1948, стр. 486.

¹⁶ Белазури. Указ. соч., стр. 7; Масуди. Указ. соч., стр. 190.

¹⁷ Иакут. Цит. по В. Ф. Мипорскому. Указ. соч., стр. 31.

усиления власти арабов над населением завоеванных стран халифы дарили земли в качестве икта военным¹⁸.

Первоначально в Халифате практиковалось дарение икта в виде права присвоения части хараджа, собираемого с определенной местности. Возможно с таким видом икта мы встречаемся в конце VIII в., когда по свидетельству Йакуби, Гарун ар-Рашид назначил правителем Армении Саида б. Салма ал-Бахили. Насколько можно судить по тексту «Истории» Йакуби, Саид должен был получить за службу определенную часть хараджа, собираемого с территории Южного Дагестана. Поэтому он посылает в Дербент своего личного сборщика податей (умал)¹⁹. Однако правитель Дербента Наджм б. Хашим, который, по-видимому, обладал подобным же правом на долю хараджа с Дербента и его округа, оказал сопротивление Саиду, напал на его сборщика податей, за что Наджм б. Хашим был убит²⁰.

За особые заслуги перед Халифатом в 851 году халиф Мутаваккиль подарил в качестве икта Дербент с прилегающими землями Мухаммеду ибн Халиду ибн Йазиду ибн Мазъяду, основателю династии ширванских Йазидидов²¹. Уже с этого времени характер условного феодального землевладения в Дагестане меняется, икта имеет тенденцию к наследственности. Если до этого времени владелец икта имел право присвоить только часть хараджа с земель икта, то теперь владелец икта соединил право получения ренты-налога с правом распоряжения землей. Подобные земли получили название икта-тамлик. Земли икта-тамлик можно было передать по наследству, переходили в полное владение. Владелец этого икта платил только десятину (ушр)²².

Потомки Мухаммеда ибн Халида ибн Йазиды сохранили Южный Дагестан за собой в качестве икта вплоть до 869 года, когда дербентским Хашимидам удалось добиться независимости и основать свою собственную династию²³.

Мы не располагаем сведениями о потомках основателя династии дербентских Хашимидов со времени убийства Наджма до 869 года и о характере прав этой семьи на Дербент, но за это время характер власти этой семьи меняется. Если в конце VIII в. Наджм был условным владельцем Дербента и его округа, чьи права мог приобрести любой вновь назначенный

¹⁸ Мамед Азерли. Реформы халифа Абд ал-Малики ибн Мервана и Азербайджан (685—705) Автореферат, стр. 25.

¹⁹ В. Ф. Минорский. Указ. соч., стр. 98.

²⁰ Там же.

²¹ З. Буниятов. Азербайджан в VII—IX вв. Баку, 1965, стр. 133.

²² З. Буниятов. Указ. соч., стр. 132.

²³ В. Ф. Минорский. Указ. соч., стр. 64.

наместник Армении, то теперь со второй половины IX в. Дербент становится наследственным владением его потомков.

Несмотря на притязания Йазидидов и их беспрестанное вмешательство во внутренние дела Дербента, последний имел свою собственную династию и поэтому юридически не мог считаться владением ширванских Йазидидов. Другое дело Табасаран. Здесь Йазидиды сумели прочно закрепить за собой свои права, они продолжали рассматривать его как часть той территории, которая была пожалована им халифом Мутаваккилем в 851 году. В конце концов и Табасаран стал наследственным владением одной из ветвей ширванских Йазидидов²⁴.

Таким образом, на примере Дербента и Табасарана мы видим, что с конца IX в. характер условного феодального землевладения в ряде владений в Дагестане меняется, постепенно приобретает черты классического икта.

К сожалению, мы не можем судить об условном феодальном землевладении на остальной территории Дагестана. Однако устная традиция дагестанских народов и памятники археологии сохранили ряд ценных сведений, которые могут характеризовать пути формирования условного феодального землевладения на остальной территории Дагестана и указать примерные хронологические рамки. Так, например, согласно устной традиции, селение Баитль было основано воинами, которые получили близлежащие земли за охрану границ Аварского ханства. Наличие средневекового могильника, который датируется рассматриваемым временем²⁵, около этого селения позволяет считать, что устная традиция отражает появление условного феодального землевладения в Аварии в это же время. Кроме того, бросается в глаза поразительная синхронность эволюции условного бенефициального землевладения в икта с появлением во всем Дагестане небольших крепостей, контролирующих близлежащие селения и дороги. Такие феодальные крепости функционируют повсеместно в Дагестане с V в.²⁶ Повышение роли земледельческой знати, так назыв. тарханов, батриков и пр. феодалов происходило и раньше. Но особенно интенсивно этот процесс протекал в послееарабское время. В это время, наряду с появлением типично феодальных городов на первый план выдвигается зарождение укрепленных населенных пунктов — резиденций земледельческой аристократии, что является вещественным доказательством развития во всем Дагестане условного феодального землевладения. Дальнейшее развитие бенефициального землевладения и его трансформа-

24 В. Ф. Минорский, Указ. соч., стр. 126.

25 Пользуясь случаем, выражаю искреннюю благодарность Д. М. Атаеву за предоставленные сведения, которые мы использовали.

26 В. Г. Котович, М. Магомедов и др. Указ. соч., стр. 51—99.

ция в феодальный лен привело к повышению роли владетелей т. н. русаков, которых, напр., в одном Табасаране было в XII в. 24²⁷.

В значительной мере это подтверждает известная хроника «История Абу Муслима», которая датируется X в.²⁸.

В этой хронике дается довольно обширный список сел, которые получили арабы после их завоеваний²⁹.

Не отрицая известной тенденциозности этого источника, который образование феодального сословия в Дагестане приписывает исключительно арабам, мы все же склонны считать, что в основной своей части этот документ отражает реальную историческую обстановку Дагестана рассматриваемого времени.

Известно, что арабские завоевания сопровождались перераспределением земельного фонда завоеванной страны и сосредоточением его в руках арабских феодалов. Таким образом во всех завоеванных странах образовалась феодальная прослойка арабского происхождения³⁰.

Думается, что подобное положение сложилось и в Дагестане. Впрочем об этом свидетельствуют некоторые средневековые арабские авторы. Так, Мерван б. Мухаммед назначил Хашрама ас-Сулами правителем лакзов³¹, все табасаранские правители арабского происхождения³², правитель Хайдака претендовал на происхождение от арабского родоначальника Кахтана³³. Таким образом, общий тон «Истории Абу Муслима» в этом вопросе не отличается от тона арабских источников, в достоверности которых вряд ли приходится сомневаться.

Если мы допускаем, что в «Истории Абу Муслима» говорится об образовании феодальной прослойки в Дагестане из арабской среды, это вовсе не говорит, что арабы привнесли в Дагестан феодальные отношения и создали классы феодального общества. Это означает, что арабы сменили враждебную им феодальную верхушку Дагестана и насильственно заменили ее своей или же лояльной арабам местной феодальной верхушкой, дальнейшие судьбы которой теснейшим образом были связаны с арабами.

Что действительно так обстояло дело, говорит нам опять «История Абу Муслима»: «... и назначил в это селение (Мик-

27 Х. Х. Рамазанов, А. Р. Шихсаидов. Очерки истории Южного Дагестана, Махачкала. 1964, стр. 60.

28 Там же, стр. 39.

29 Х. Х. Рамазанов, А. Р. Шихсаидов. Указ. соч., стр. 38—39.

30 История Ирана с древнейших времен до конца XVIII в., стр. 93.

31 Белазури. Указ. соч., стр. 19.

32 В. Ф. Минорский. Указ. соч., стр. 126.

33 Масуди, Указ. соч., стр. 202.

рах) Сейф ад-дина (внук Абу Муслима) с победой и умер он (Михтар Санджеб, отец Сейф ад-дина) в этом селении, и было разбито им (в свое время) войско Самсама и разрушены селения кяфиров, и убежал Самсам вместе со своими амирами, которые были на службе у него, темной ночью»³⁴. Отсюда видно, что перераспределение земель в Дагестане с приходом арабов и сосредоточение их в руках последних шло далеко не мирно, а в результате ожесточенного сопротивления местных феодалов и общинников.

Но этот вопрос имеет и другую сторону: на каких условиях происходило это перераспределение и арабские феодалы обосновались в селениях Дагестана. В «Истории Абу Муслима» имеется только загадочная фраза «... и остались дела с Микраха в руках Сейф ад-дина», а в других случаях просто констатируется, что арабы получили то или иное селение. Можно предполагать, что арабы получили дагестанские селения в качестве икта; земли икта при арабах были очень различны по размерам, от целой области до одной деревни или части ее.

Дальнейшее развитие института икта в Средней Азии и Ближнем Востоке и превращение его в наследственный феод теснейшим образом связано с сельджукскими завоеваниями.

Впервые сельджуки двинулись в сторону Азербайджана в 1045 году, где их привлекали богатейшие нагорные пастбища³⁵. Однако систематический характер их завоеваний начался при Алп-Арслане, который через некоторое время после своего провозглашения султаном (1063 г.) прибыл в Ширван, захватил затем Дербент и южный Дагестан, который он отдал своему полководцу Сау-Тегину в качестве икта. Последний поручил управление своими землями дербентскому раису Аглабу б. Али³⁶. В 1069 году Дербент был пожалован в качестве лена гуляму Алп-Арслана Йагме³⁷. Насколько можно судить по тексту «Тарих ал-Баб», Йагма оставался в Дербенте до 1075 г., когда город и «Пограничные области» были окончательно уступлены в качестве икта снова Сау-Тегину, от имени которого в мечети читалась хутба после имени султана³⁸.

Как известно, при сельджуках институт икта окончательно видоизменился, превратившись из бенефиция в наследственный феод³⁹. Сбор хараджа и управление территорией икта полностью перешли в руки владельца икта.

34 Х. Х. Рамазанов, А. Р. Шихсаидов. Указ. соч., стр. 38.

35 История Ирана с древнейших времен до конца XVIII в., стр. 148.

36 В. Ф. Минорский. Указ. соч., стр. 77.

37 Там же, стр. 79.

38 Там же.

39 История Ирана с древнейших времен до конца XVIII в., стр. 154.

Такая эволюция условного феодального землевладения привела к превращению дани, поступавшей в казну центральной власти, в ренту, взимающуюся феодалом в свою пользу. Такая трансформация феодальных повинностей привела к превращению свободного крестьянина в феодально-зависимого человека, что, конечно, имело крупные последствия в аграрных отношениях Дагестана.

Земли дий'а. (Мюльк). Крупные феодальные поместья в арабском халифате обозначались термином дийа. Пути образования дийа различны. Согласно А. Ю. Якубовскому, с одной стороны, это земли уцелевших местных феодалов, с другой — земли некоторых арабских военачальников, которые захватили владения в качестве военной добычи⁴⁰. Кроме того, некоторые виды икта, в частности икта-тамлик также могли превратиться со временем в дийа и, наконец, земли халифов или правящей династии. Таким образом, пути становления этой категории феодального землевладения были многообразны.

Из-за чрезвычайной скудости сведений о дийа невозможно дать точную характеристику этой формы феодального землевладения в Дагестане. Единственное, что мы можем установить по источникам, касающихся Дагестана — это наследственный характер ее.

Исходя из наследственного характера дийа, а не из его размеров, можно с уверенностью предположить, что эта форма землевладения была широко представлена во всем Дагестане еще задолго до прихода арабов. Арабы застали в Дагестане готовое содержание этой категории феодального землевладения, которому дали только форму, в частности термин дийа. Однако этот термин в Дагестане не получил распространения в связи с тем, что сама категория феодального землевладения дийа впоследствии полностью эволюционировала в мюльк. А что касается рассматриваемого времени, то этот термин получил широкое распространение, обозначая частное наследственное землевладение.

Впервые с категорией феодального землевладения дийа мы встречаемся в V в., точнее в 462 году. Албанский царь Ваче II после подавления восстания против сасанидов вынужден был отказаться от албанского престола и удалиться в свой наследственный удел, который находился в стране Чора, где-то в Южном Дагестане. Наследственный удел албанских царей состоял из 1000 ердов (дымов)⁴¹.

⁴⁰ А. Ю. Якубовский. Об испольных арендах в Ираке в VIII в., Советское востоковедение, вып. 4, 1947, стр. 180.

⁴¹ Очерки истории СССР. III—IX вв. изд. Академии наук, М., 1953, стр. 309.

Следующее упоминание об этой категории феодального землевладения мы встречаем в VIII в. в стихах Сураки ибн-Амра: «И сказал Сурака сын Амра: пусть всякий, кто спросит известие обо мне, что поистине я нахожусь в стране, откуда покой убежал, в турецком городе с воротами, жители которого опустошают соседние селения. Мы отражаем их орды далеко от наших имений (дий'а) и мы истребляем их в последнюю ночь луны»⁴².

Любопытно отметить, что ширваншахи имели крупные поместья дийа в Табасаране. Так, у брата ширваншаха имелись земли дийа в Табасаране под названием «поместья Мухаммеда», которым он пользовался наследственно. Здесь же умер в начале XI в. Хайсам, брат Йазида, что лишнее раз подчеркивает наследственный характер дийа⁴³. Известно, что внук Йазида Хурмуз был похоронен в другом поместье — дийа Ирси (Ерси)⁴⁴. Следовательно, другая ветвь ширваншахов имела земли дийа в этом населенном пункте.

В связи с этим интересно отметить, что Южный Дагестан, в том числе и Табасаран был пожалован в 851 году в качестве икта Мухаммеду ибн Халиду, основателю династии ширваншахов⁴⁵. А уже через некоторое время мы встречаем в Табасаране земли дийа, которые принадлежали потомкам Мухаммеда. Следовательно, в Дагестане часть земель дийа образовалась из земель икта.

К сожалению, в «Тарих ал-Баб» говорится о тех дийа, которые принадлежали членам правящих династий Дербента и Ширвана, упоминаются о них в связи с политическими событиями в Дербенте X—XI вв. Поэтому неудивительно, что большинство земель дийа, как впрочем и другие категории землевладения, остались вне поля зрения автора «Тарих ал-Баб». Правда, в тексте «Тарих ал-Баб» несколько раз встречается термин «поместье», не указывая на чью-либо принадлежность их.

Характерно, что крупные имения, как правило, хараджем не облагались, а были по большей части землями уцр (платящими только десятину), а то совсем освобождались от налогов. Средние и мелкие дийа значились в числе хараджных земель и подвергались всем тяготам налогового бремени⁴⁶.

После того, как официальные лица арабов покидали государственную службу, они ограничивались тем, что эксплуатаци-

---

⁴² Иакут. География. Цит. по Е. И. Козубскому. История Дербента. Т-Х-Шура, 1906 г., стр. 24.

⁴³ В. Ф. Минорский. Указ. соч., стр. 126.

⁴⁴ Там же.

⁴⁵ З. Буниятов. Указ. соч., стр. 133.

⁴⁶ А. Я. Якубовский. Указ. соч., стр. 180.

ровали крестьян, которые находились на землях дийа, которые принадлежали им. Это положение прекрасно иллюстрирует текст «Тарих ал-Баб»: «Он (Мухаммед б. Халид — А. Ш.) сложил с себя правление в Армении и удовольствовался доходами с поместий» (дийа) ⁴⁷.

К сожалению, мы не знаем способ организации хозяйства на землях дийа. Известно, что на Востоке отсутствовало крупное личное поместье феодалов ⁴⁸. Поэтому вероятно, что дагестанские феодалы также дробили свои имения (дийа) на мелкие участки, которые затем передавались возделывателям на исполньих началах. Этими возделывателями на Востоке были акара, которые, согласно Якубовскому, были центральной фигурой сельского хозяйства арабского халифата ⁴⁹.

Впервые с термином акара в источниках, касающихся истории Дагестана, мы встречаемся в работе Якута, который широко использовал источники X в. В этой работе Якут перечисляет социальные сословия, которые бытовали в обществе ал-лакзов в X в.: «Они (ал-лакзы — А. Ш.) имеют свободных людей, которые называются хамашира; над ними стоят малики, а ниже их служащие м. шак, а затем пахари (акара) и слуги или ремесленники» ⁵⁰.

Известно, что в Азербайджане и во многих переднеазиатских областях арабского халифата ⁵¹ было широко представлено акара как социальное сословие исполщиков ⁵².

Автор «Книги о харадже» Абу-Юсуф акарами называет тех исполщиков, которые были полностью лишены средств производства и которым собственник земли дает не только землю, а и семена, быков в аренду ⁵³. При таких условиях Абу-Юсуф предлагает оставить исполщнику одну шестую или одну седьмую долю урожая. На этих жестоких условиях исполньих аренд могли согласиться только полностью обезземелившиеся общинники ⁵⁴. Согласно Якуту, в обществе ал-лакзов существовали акара как социальная прослойка. Поэтому вполне вероятно, что дагестанские поместья типа дийа в основном обрабатывались также исполщниками (акарами).

47 В. Ф. Минорский. Указ. соч., стр. 47.

48 И. П. Петрушевский. Земледелие и аграрные отношения в Иране в XIII—XIV вв., стр. 285.

49 А. Я. Якубовский. Об исполньих арендах в Ираке в VIII в. стр. 171—184.

50 В. Ф. Минорский. Указ. соч., стр. 113.

51 А. А. Али-заде. Социально-экономическая и политическая история Азербайджана в XIII—XIV в., стр. 76.

52 А. Я. Якубовский. Указ. соч., стр. 184.

53 Там же.

54 Там же.

Вакуфные земли. Вакуфами именовались земли, завещанные государем или другими частными лицами в пользу религиозных и благотворительных учреждений. Кроме пахотных земель, вакуфными могли быть караван-сарай, лавки, базары, ремесленные мастерские, мельницы и т. д.⁵⁵ Согласно мусульманскому праву, любое лицо может завещать всякую вещь, в частности и недвижимость в вакуф. Завещанное считалось собственностью (мюльк) Аллаха, но доходы с этих земель шли на содержание церковной организации. Кроме того, отряды так называемых «борцов за веру» (газнев) также содержались нередко за счет вакуфных земель⁵⁶.

Как во всех пограничных областях арабского халифата, так и в Дагестане, особенно в Дербенте находились значительные силы газиев, чтецов корана и др. «борцов за веру», непосредственной обязанностью которых была защита мусульманского мира от иноверцев, а также распространение ислама.

Деятельность этих «борцов за веру» находилась в поле зрения как центральной власти, так и власти на местах. Их деятельность всячески поощрялась. Для поддержания их деятельности халифы и местные правители выделяли определенную часть хараджа, собираемого с той или иной области для содержания газиев или завещали определенное количество деревень в вакф, доход с которого шел на содержание «борцов за веру». Так, халиф ал-Махди (775—785) в 777 году собранный годовой харадж «с окрестностей Дербента» приказал распределить между «воинами крепости и жителями города»⁵⁷. А во второй половине VIII в. ширваншах Хайсам б. Мухаммед б. Хайсам «перевел несколько деревень на благочестивое дело (вакф)», доход с которого распределялся среди нуждающихся членов пограничных областей ал-Баба и среди газиев⁵⁸.

Кроме того, доход с нефтяных колодцев и солеварен Баку первоначально шел на поддержание деятельности борцов за веру в ал-Бабе⁵⁹, т. е. Дербенте.

Правда, иногда ширваншахи старались присвоить себе доходы с нефтяных колодцев и солеварен Баку. Так, в 873 году правитель Ширвана «отнял у жителей Дербента все, что им передал в вакф» ал-Мутамид⁶⁰. Но через десять лет ширваншах вынужден был снова передать в вакф половину промыслов нефти и соли Ширвана жителям Дербента. В конце

⁵⁵ И. П. Петрушевский. Указ. соч., стр. 247.

⁵⁶ Б. Н. Заходер. История восточного средневековья. Изд. МГУ, М., 1944, стр. 75.

⁵⁷ З. Буниятов. Указ. соч., стр. 137.

⁵⁸ В. Ф. Минорский. Указ. соч., стр. 47.

⁵⁹ Там же, стр. 159.

⁶⁰ Дербент-намэ, цит. по З. Буниятову. Указ. соч., стр. 137.

концов указом ал-Мутамида бакинские промыслы нефти и соли были закреплены в вакф жителям Дербента⁶¹.

Где-то около Дербента было расположено крупное поместье под названием «Ризкийя»⁶², которое также находилось в ведении газиев.

Часть доходов с земель вакф шла на содержание религиозных и благотворительных учреждений. Значительная часть доходов вакфов шла в пользу их попечителей. Иногда попечители вакфов присваивали все доходы, открыто злоупотребляя своей властью. Так, владетель дербентский при халифе ал-Муктафи (начало X в.) присвоил все доходы с нефтяных колодцев Баку и солеварен Ширвана, а также доходы с окрестных сел⁶³. Как мы указали выше, и ширваншахи неоднократно пытались ликвидировать вакфные бакинские нефтяные колодцы и солеварни и присвоить их себе. Но, по-видимому, газии в Дербенте являлись значительной силой и поэтому последние всегда восстанавливали существующий порядок и прежнее положение неизменно сохранялось.

По мере распространения ислама в Дагестане начинается широкое строительство мечетей и поэтому к концу рассматриваемого времени доля вакуфных земель в общем земельном фонде имеет тенденцию к возрастанию.

Сельская община и общинные земли. Исследуя процессы возникновения феодально-зависимого крестьянства у дагестанских народов, мы должны прежде всего изучить структуру дагестанской сельской общины и ход ее разложения. Согласно классикам марксизма-ленинизма, сельская община в своем развитии прошла через три формы (кровно-родственная община, так называемая «земледельческая община» и марка). Кровно-родственная община с ее коллективной обработкой и совместным потреблением продуктов коллективного труда прекратила свое существование еще задолго до рассматриваемого времени и поэтому анализ ее выходит за рамки настоящей работы.

К сожалению, письменные источники не дают нам сведений о том, какая же форма сельской общины существовала в Дагестане к V в., какова была ее внутренняя структура. Для разрешения этих и других вопросов, касающихся становления и развития сельской общины Дагестана, постараемся реконструировать ее по тем нормам обычного права дагестанских адатов, которые пережиточно сохранили ряд положений, несовместимых с общинными порядками в момент их фиксации.

⁶¹ Там же, стр. 138; З. Буниятов. Указ. соч., стр. 137—138.

⁶² В. Ф. Минорский. Указ. соч., стр. 157.

⁶³ З. Буниятов. Указ. соч., стр. 138.

Кроме того, попытаемся определить форму дагестанской сельской общины интересующего нас времени по тем социальным явлениям, которые произошли в Дагестане в V—XI вв.

Выше мы уже писали об образовании в Дагестане ряда феодальных государств с наследственными династиями во главе, об иерархической организации дагестанского общества. Подобная социальная структура общества возможна только на почве разложения сельской общины типа западно-европейской марки. Следовательно, в Дагестане в интересующее нас время низкой ячейкой общественной организации была сельская община типа марки, которая к этому времени начала терять былую свободу и попадать в зависимость от феодалов.

Отдельные домохозяйства в дагестанской общине этого времени большей частью состояли из малых семей, которые, видимо, могли свободно распоряжаться своим пахотным участком, ставшим к этому времени местами объектом отчуждения.

Однако, подобный порядок существовал только в тех общинах, которые находились в сфере влияния раннефеодальных государств. Другое дело в сельских общинах горного Дагестана. Здесь свободный общинник не везде мог свободно распоряжаться своим наследственным владением и только теоретически мог отчуждать свой пахотный участок, а на практике община сохранила за собой контроль не только над неподеленными угодьями, но и над пахотными участками своих общинников. Для иллюстрации этого положения приведем данные обычного права дагестанских народов.

Известно, что купля-продажа земли в Дагестане в позднее средневековье стала обычным явлением, и она широко отражена в адатах XVI—XVIII вв.⁶⁴ Однако наряду с этим в тех же адатах встречается целый ряд пунктов, которые запрещают продажу пахотных участков. Попутно заметим, что подобные явления встречаются во всех адатах всех так называемых «вольных обществ» Дагестана.

Насколько можно судить по дагестанским адатам, сопротивление свободных общинников наступлению феодализирующейся знати на земли рядовых общинников проявилось главным образом в стремлении защитить ее, используя в частности, такие институты, как право предпочтительной покупки. Не случайно дагестанские адаты пестрят указаниями о возможных притязаниях свободных общинников на недвижимость, переданную в руки феодализирующейся знати. Для иллюстрации этого положения приведем данные обычного права дагестан-

⁶⁴ Х. М. Хашаев. Памятники обычного права Дагестана. XVII—XIX вв., М., 1965 г.

ских адатов. «Если кто-нибудь предложит своему близкому родственнику купить у него пахотный участок и сад, а тот не захочет купить, и участок будет продан постороннему человеку, и если после всего этого тот родственник заявит, что не знал о продаже участка, он должен подтвердить свое заявление присягой вместе с 7 соприсягателями. Если он подтвердит, то пахотный участок и сад продаются ему за ту цену, за которую они были проданы постороннему человеку», — записано в адатах Келебского общества, датируемых предположительно в XVII—XVIII вв.⁶⁵

Что дает нам приведенное положение для анализа общинных порядков Дагестана в исследуемое время. Безусловно, что данный казус рисует нам общину, где практикуется купля-продажа недвижимости. Нетрудно заметить, что купля-продажа недвижимости была ограничена правом предпочтительной покупки. И это в XVII в. Если мы путем ретроспективного анализа данного положения представим себе истоки возникновения этого института, то становится очевидным, что родственники продолжают рассматривать себя в качестве совладельцев собственности большой семьи, которая перешла в исследуемое время в наследственное владение малых семей. О том, что в данном казусе имеются в виду именно права родственников на продаваемую недвижимость, свидетельствует уже отмеченный нами факт принудительного изъятия проданной земли постороннему и передача ее за ту же цену ближайшему родственнику.

Х. М. Хашаев справедливо замечает, что «во многих селениях существовали обычаи, обязывающие тех, кто хочет продать свой дом, пахотный участок, сад и сенокосы, обратиться сперва с предложением к своим родственникам и соседям. По нашему мнению это объясняется тем, что еще были живучи пережитки родовой собственности, которые в известной мере ограничивали частную собственность на дом и земли»⁶⁶.

По нашему мнению, в исследуемое нами время сегментированная семейная община в подавляющем большинстве сельских обществ горного Дагестана продолжала рассматривать себя собственником всех земель, которые находились в наследственном пользовании отдельных малых семей.

В связи с этим заметим, что в исторической науке считается принятым, что основным типом поселений Дагестана в рассматриваемое время были небольшие «родовые» поселения, подчеркивая тем самым, что в них жили один или несколько родственных коллективов. Отсюда нетрудно предполагать, что

⁶⁵ Адаты Келебского общества. Х. М. Хашаев. Памятники обычного права Дагестана в XVII—XIX вв., стр. 76.

⁶⁶ Х. М. Хашаев. Указ. соч., стр. 76. Примечание 1.

эти коллективы продолжали считать себя совладельцами общей собственности, которая была поделена на наследственные наделы между малыми семьями.

Для подтверждения этого положения вернемся к дагестанским адатам.

Правом на чужую землю до известной степени пользовались не только непосредственные субъекты права близости, но и все жители данной общины или союза сельских общин. В связи с этим интересно отметить весьма любопытные адаты Андалальского союза сельских общин, которые не признавали за рядовым общинником права на продажу своего пахотного участка и, следовательно, прав собственности. В случае продажи купчая аннулировалась, проданная земля возвращалась не общиннику, продавшему пахотный участок, как это можно было бы ожидать, а поступала в распоряжение Андалальского союза. «Если один челоовек из наших продает одному человеку из чужих пахотные земли или дом, то с него взыскивается 300 баранов и проданное переходит в собственность нашего общества»⁶⁷.

Подобные нормы обычного права дагестанских народов были широко представлены в адатах Келебского союза сельских общин⁶⁸, Цекубского общества⁶⁹, Гидатлинского союза сельских общин⁷⁰, Багулальского союза сельских общин. Аналогичные нормы можно найти и в адатах других общин Дагестана.

Таким образом институт предпочтительной покупки ограничивал свободу распоряжения землей и препятствовал оформлению частной собственности на землю, которая, поэтому в изучаемое время не успела еще оформиться, не смогла еще выйти из тормозящей опеки сельской общины.

В связи с этим отметим еще одну любопытную деталь: за попытку продажи пахотного участка рядовой общинник должен был платить штраф в пользу общины в размере 300 овец⁷¹. В то же время совет старейшин за такое с точки зрения общины «преступление» облагался штрафом в 1 овцу⁷². Такая громадная разница штрафа показывает, насколько различными были права рядового общинника и общины в целом в вопросе земельных отношений. Рядовой общинник в данном случае не выступает субъектом права собственности на землю, он

---

⁶⁷ Х. М. Хашаев. Указ. соч., стр. 62.

⁶⁸ Там же, стр. 75.

⁶⁹ Там же, стр. 96.

⁷⁰ Гидатлинские адаты. Подготовили к печати Х. М. Хашаев и М. С. Саидов. Махачкала, 1957, стр. 23—24.

⁷¹ Х. М. Хашаев. Указ. соч., стр. 62.

⁷² Там же, стр. 96.

был практически лишен права отчуждения своего участка. Другое дело, когда совет старейшин общины продает общественную землю «чужаку». Правда, и в этом случае продажа общинных земель остается нежелательным делом. Но тем не менее община может продать земли, сдать их в аренду другой общине и т. д. Такая практика получила отражение в дагестанских адатах. Это значит, что практически только община в целом выступает в качестве субъекта права собственности над всей территорией общины, включая и пахотные участки, которые находились в наследственном пользовании отдельных семей.

Суммируя вышесказанное, становится очевидным, что на той территории Дагестана, где впоследствии фигурируют так называемые «вольные общества», в исследуемое время получил распространение несколько архаический тип общины, так называемая «земледельческая община». Характерным признаком этой общины является то, что она сохранила пахотные участки в качестве неотчуждаемой и общей собственности всей общины⁷³.

Исследования дагестанских историков последних лет позволили установить наличие в ряде общин Дагестана коллективной собственности на пахотные участки⁷⁴. Правда, эти участки, как правило, вторичного порядка, возникли гораздо позднее и не эти участки определяли характер землевладения в общинах в позднее средневековье. Периодически переделываемые участки служили дополнением к индивидуальному наследственному наделу. Участки пахотных полей, которые находились в коллективной собственности целой общины, были освоены совместными усилиями всей общины или они были захвачены у другой менее сильной общины. Поэтому совместные усилия всех членов одного коллектива предполагают общую собственность на вновь освоенную землю. До определенного времени она реализуется при помощи института периодических переделов.

Чрезвычайно интересна форма реализации общинных участков пахоты в некоторых союзах сельских общин. Так, в Акушинском союзе сельских общин общинную землю сначала делят на количество родственных групп в данной общине, а потом эта группа (в данном случае тухум), в свою очередь, распределяет полученную от общины долю пахотного участка между малыми семьями, входящими в эту родственную группу⁷⁵. Аналогичные порядки существовали и в других сою-

⁷³ К., Марк и Ф. Энгельс. Соч., т. 27, М. 1935, стр. 694.

⁷⁴ М. Агларов. Указ. соч., стр. 191.

⁷⁵ Б. Г. Алиев. Социальные отношения в Акуша-Дарго XVII—XVIII вв. РФ. ИИЯЛ ф. 3, оп. 1, № 111, стр. 12

зах сельских общин⁷⁶. В связи с этим заметим, что здесь отдельный общинник не выступает как самостоятельное юридическое лицо перед общиной. Только принадлежность к определенному тухуму обеспечивала рядового общинника долей в общем пахотном и покосном участке. Реализация общинной земли через тухумы является, на наш взгляд, одной из основных причин сохранения обособленного положения отдельных родственных групп, которые, как единое целое, входили в состав сельской территориальной общины.

Для понимания земельных отношений в общинах горного Дагестана многое дал бы порядок наследования в рассматриваемое время. К сожалению, существующий порядок наследования в позднее время регулировался по шариаду. Поэтому эти нормы ничего не дают нам для выяснения доисламских форм наследования. Косвенным свидетельством наследования строго по мужской линии может служить существующий в горах порядок лишения женщин доли в общественных покосных участках. Следует подчеркнуть, что у некоторых северокавказских народов, согласно адатам, земли наследовали только по мужской линии⁷⁷. Ведь по существу «наследование земли по женской линии членам малой семьи и есть уже ничто иное как начальная форма отчуждения, ибо при вступлении дочери умершего в брак, унаследованная ею земля переходит механически в собственность другой семьи (семьи ее мужа), т. е. отчуждается»⁷⁸.

Казалось бы, учитывая только что рассмотренные косвенные свидетельства об отсутствии права женщин на долю в общественных покосных участках, можно сделать вывод, что женщины вообще были лишены права наследования. Однако подобный вывод был бы несколько поспешным.

В пользу тезиса об отсутствии частной собственности в общинах горного Дагестана рассматриваемого времени говорит и социальная структура этих общин. Известно, что имущественная дифференциация в «земледельческой общине» не приводит к социальной дифференциации, т. е. сосредоточение материальных ценностей в руках одних общинников не приводит к эксплуатации других. «Это объясняется,— пишет А. И. Неусыхин,— тем, что имущественное неравенство исчерпывалось здесь некоторой неравномерностью в распределении земель-

---

⁷⁶ М. Агларов. Указ. соч., стр. 189. С. III. Гаджиева, М. О. Османов, А. Г. Пашаева. Материальная культура даргинцев. Махачкала, 1967, стр. 15—16.

⁷⁷ В. Невская. Земельные отношения в Карачае во II пол. XIX в. Труды КЧНИИИ. Вып. IV (сер. истор.)

⁷⁸ А. И. Неусыхин. Первый этап возникновения феодально-зависимого крестьянства как класса. Сб. Средние века, вып. VI, стр. 11.

ных наделов (при отсутствии отчуждения надела) и накоплением движимости в одних руках»⁷⁹.

В самом деле, в общинах «вольных обществ» даже в позднее средневековье отсутствовала четко выраженная социальная дифференциация. В этих общинах, несмотря на различное имущественное положение общинников, последние рассматривались равноправными членами общины, которая в равной степени защищала всех своих членов.

Таким образом, длительное сохранение общинной собственности на землю является основной причиной незрелых социальных отношений в союзах сельских общин, отсутствия у них основных сословий феодального общества в рассматриваемое время, хотя в этих общинах широко представлены и богатые и бедные.

Письменные источники мало говорят нам о социальной структуре дагестанских общин этого типа. Но все же по ним можно представить себе общую картину этого чрезвычайно важного вопроса. В то время, когда во всех раннефеодальных государствах Дагестана четко прослеживается иерархичная организация общества⁸⁰, когда в этих государствах представлены почти все сословия раннефеодального общества, на территории Акушинского союза сельских общин эти сословия не представлены. Здесь, по письменным источникам, в политических событиях X—XI вв. принимает участие «народ Шандана», подчеркивая тем самым отсутствие у них царей, тарханов, батриков и пр. феодалов, которые имеются у всех других народов Дагестана⁸¹. Это не значит, что мы идеализируем социальные отношения «вольных» обществ Дагестана. В этих союзах под расплывчатым понятием «народ» выступает неоднородная в социальном отношении масса, а различные социальные категории дофеодального общества, которое в X в. уже породило прослойку «знатных людей», являвшимися, по видимому, общинной знатью. Обособление общинной верхушки являлось следствием внутреннего развития самых «земледельческих общин», результатом дуализма (общинная собственность и парцелярное хозяйство), характерного для общины этого типа⁸².

Приведенный материал показывает, что выделение частной

⁷⁹ Там же, стр. 17.

⁸⁰ В. Ф. Минорский. Указ. соч., стр. 113.

⁸¹ В. Ф. Минорский. Указ. соч., стр. 64—79.

⁸² «Легко понять, что свойственный «земледельческой общине» дуализм может служить для нее источником большой жизненной силы, потому что, с одной стороны, общая собственность и обуславливаемые ею общественные отношения придают прочность ее устоям, в то время как частный дом, парцелярная обработка пахотной земли и частное присвоение её плодов допускают развитие личности, несовместимое с условиями более древних общин». К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 27, стр. 681.

собственности на землю в некоторых общинах горного Дагестана протекало сравнительно медленно. Характерно, что целый ряд общин Дагестана совместно владели неподделанными угодьями, что является признаком архаичности этих общин. Все это говорит о том, что в горах Дагестана рассматриваемого времени сохранился более архаический тип общины, чем на той территории, где к началу рассматриваемого времени образовались раннефеодальные государства.

Таким образом, все сказанное противоречит существующему в исторической литературе положению, утверждающему, что со становлением террасного земледелия завершается процесс перехода отдельных террас в частную собственность малых семей⁸³. Сторонники этой теории связывают появление частной собственности на землю с характером местности, с рельефом горного Дагестана. При этом они ссылаются на известное положение Ф. Энгельса о том, что «в тесных горных ущельях родовое пользование землей очень рано сменяется владением ее отдельными дворами, а в распоряжении общин остаются только невозделанные земли»⁸⁴. Но как видно из этого положения, Ф. Энгельс говорит вовсе не о становлении частной собственности, а только о переходе наделов в пользование отдельных семей. Данному положению не противоречит и весь приведенный нами материал. Одна возможность обработки отдельными семьями определенных террас не приводит к появлению частной собственности на землю. Для становления частной собственности на землю требуется определенный уровень развития товарных отношений, ибо не характер местности, а уровень развития производительных сил в конечном счете является причиной появления всякой формы собственности, в том числе и частной.

Основным типом поселений в изучаемое время в Дагестане были небольшие так называемые «родовые» поселения, которые производили внутри самой общины буквально все, что необходимо было для самостоятельного существования. В рамках этих «родовых» общин существовало непосредственное сочетание ремесла с земледелием, благодаря чему такая община становится вполне самостоятельной экономической единицей.

Такое непосредственное сочетание ремесла и сельского хозяйства в общинах этого типа К. Маркс считал основной причиной сохранения общинной собственности на землю⁸⁵.

Раннее становление частной собственности в Дагестане дало бы простор для развития классических форм феодализма потому, что там «где уже имеется налицо отделение членов

⁸³ М. Агларов. Указ. соч., стр. 185—189.

⁸⁴ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 15, М. 1935, стр. 633.

⁸⁵ К. Маркс. Формы, предшествующие капиталистическому производству, ОГИЗ, 1940, стр. 6—7.

общины, как частных собственников... появляются также и такие условия, в силу которых отдельный человек может лишиться своей собственности...»⁸⁶. В связи с этим возникает законный вопрос: почему дагестанские общинники не лишились своей собственности даже в позднее время, если становление частной собственности завершилось в раннее средневековье? Раннее становление частной собственности на землю привело, по мнению сторонников этой теории, к противодействию утверждению классических форм феодализма в Дагестане⁸⁷, что, конечно, не является решением поставленного нами вопроса. Думается, что при таком подходе к решению проблемы становления частной собственности на землю, сторонники этой теории вряд ли смогут ответить на этот вопрос. Дело в том, что согласно адатам дагестанских народов, права общинника были сильно ограничены общиной даже в XVII в., не говоря уже об этих ограничениях в общинах раннесредневековья. «В восточной форме (общины — Ш. А.) такая утрата, если не считать влияний чисто внешнего характера, почти невозможна, так как отдельный член общины никогда не встает к ней в свободное отношение, в силу которого он мог бы утратить свою связь (объективную, экономическую) с ней. Он прирос к ней прочно»⁸⁸.

Поэтому особенностью развития феодализма в горах Дагестана является не раннее становление частной собственности⁸⁹, как это утверждает М. Агларов, а слабое развитие личности, способной противостоять общине, сохранение крепкой устойчивой общины, которая, в силу пережитков патриархально-родовой системы, вмешивалась во всю хозяйственную деятельность рядового общинника и т. д.

Эти же пережитки патриархально-родовой общины, предопределили и длительное сохранение так называемых «вольных обществ» в Дагестане, где частная собственность появляется только в поздний период.

В исторической литературе до сих пор не уделялось серьезного внимания причинам образования так называемых «вольных обществ» в Дагестане.

Благодаря усилиям советских историков в настоящее время считается доказанным, что так называемые «вольные общества» представляли собой территориальные объединения, в которых, как и в соседних государствах Дагестана, шло, хотя чрезвычайно медленно, но неуклонно, развитие феодальных отношений⁹⁰.

⁸⁶ Там же, стр. 28.

⁸⁷ М. Агларов. Указ. соч., стр. 189.

⁸⁸ К. Маркс. Формы, предшествующие ... стр. 28.

⁸⁹ М. Агларов. Указ. соч., стр. 189.

⁹⁰ Р. М. Магомедов. Общественно-экономический и политический строй Дагестана в XVIII—начале XIX в., Махачкала, 1957 г. Х. М. Хашаев. Общественный строй Дагестана в XIX в. М. 1961.

Отмечая значительные успехи в изучении этого чрезвычайно важного вопроса, без выяснения которого вообще невозможно представить себе историю Дагестана, приходится с сожалением констатировать, что в исследовании этой проблемы существуют до сих пор много досадных пробелов, важнейшим из которых, на наш взгляд, является неизученность причин образования этих своеобразных объединений — так называемых «вольных обществ» в Дагестане.

Некоторые исследователи образование этих союзов объясняли чисто внешнеполитическими факторами, необходимостью защиты от внешней опасности. Но внешнеполитические факторы действуют не постоянно, и они не могут поэтому быть причиной образования столь устойчивых, крепких и жизнеспособных союзов, которые просуществовали во все средневековые и в новое время.

Одной из основных черт союзов сельских обществ Дагестана является наличие общей альменды, т. е. неподделанных угодий, которые находились в совместном пользовании всего союза или основного ядра этого союза. Классическим примером в этом отношении может служить Гидатлинский союз сельских общин. Ядром этого союза были шесть селений: Урада, Гинта, Тидиб, Хотода, Гоор и Кахиб, которые совместно владели горой под названием «Ахвах му'урул», «землями при Большой речке» и землями селения Хучада. Эти земли «являлись общими поровну между шести селениями, составлявшими Гидатлинское общество» — сказано в адатах этого союза⁹¹.

В этом отношении Гидатлинский союз не является исключением. Неподделанными угодьями Урахинского союза были пастбищные горы «Хихела дубура», «Дигвела дубура» и «Къяба дубура»⁹². Крупные пастбищные горы находились в совместном владении Акушинского союза сельских общин⁹³.

Однако наличие общей альменды — не причина образования союза сельских общин, а прямое следствие их появления на исторической карте Дагестана.

Теоретически процесс образования, т. е. «вольных обществ» Дагестана можно представить себе следующим образом: дальнейший рост населения в патриархально-родовых общинах привел к тому, что освоенная территория пахотных участков не удовлетворяет все растущее потребление общинников и поэтому она выталкивает из своей среды обособившиеся отдельные семьи, которые неподалеку основывают новые общины, объединявшиеся на первых порах в основном родственными узами. В основе этого процесса, конечно, лежит

⁹¹ Гидатлинские адаты, стр. 7.

⁹² Алиев Б. Г. Земельные отношения в Урахинском союзе сельских общин. РФ. института ИЯЛ ф. 3, оп. 1, № 132., стр. 14.

⁹³ Алиев Б. Г. Социальные отношения в Акуша-Дарго в XVII—XVIII вв. стр. 16—17.

дальнейший рост производительных сил, которые сделали возможным ведение хозяйства силами малых семей. Причем, хотя эти новые общины получили определенную территорию под пахоты и пр. общественные угодья из владений «старой общины», последняя сохранила за собой ряд участков в качестве общей альменды, которая осталась и в позднее время. Такая «старая община» могла служить основой, вокруг которой группировались другие деревни, выделившиеся из нее позднее и пользовавшиеся общими неподеленными угодьями.

Таким образом, основой всех «вольных общин» Дагестана являются неподеленные угодья, вокруг которых сгруппировались ряд былых родственных сел, которые в своем историческом развитии потеряли родственные узы, взамен чего приобрели экономические связи.

Другая сторона этого вопроса — это время образования этих «вольных обществ». Во всяком случае образование основного ядра позднейших «вольных обществ» шло параллельно складыванию сельских территориальных общин в Дагестане вообще. Другое дело образование союзов сельских общин, которые включали в свой состав не только бывшие родственные общины, но и целый ряд ближайших общин — «чужаков». Данный процесс, на наш взгляд, протекал параллельно образованию феодальных государств на территории Дагестана, как необходимая и естественная реакция сельских общин на ответ территориальных захватов дагестанских феодалов.

В сложной внешнеполитической обстановке, когда правители раннефеодальных государств Дагестана стремились к территориальному закруглению своих владений, «вольные общества» путем выделения общей альменды соседним общинам — «чужакам» привлекали их на свою сторону и, таким образом, объединенными усилиями отстаивали свою территориальную целостность. Для иллюстрации этого положения снова обратимся к гидатлинским адатам. Согласно этим адатам, Гидатлинское общество выделяло часть земли «при Большой речке» обществу Батлук, чтобы последнее присоединилось к Гидатлинскому обществу. Для этих же целей были выделены крупные массивы и урибцам. В случае отхода этих обществ от Гидатлинского союза, они теряли права и на эти земли, которые возвращались обратно Гидатлинскому обществу⁹⁴.

В качестве союзников Гидатлинского общества в каждую историческую эпоху могла выступать любая близлежащая община, которая нуждалась в общественных угодьях. Поэтому мы далеки от утверждения, что батлукцы и урибцы выступали в качестве союзников Гидатлинского общества и в

---

⁹⁴ Гидатлинские адаты, стр. 9.

рассматриваемое время, хотя ничего невероятного в этом нет. Союзниками могли быть и другие общины. Для нас в данном случае важно отметить то обстоятельство, что общая альменда всегда обеспечивала Гидатлинское общество союзниками, что она была гарантией существования союза как такового.

Таким образом, наличие общей альменды в «вольных обществах», с одной стороны, свидетельствует о родственном принципе их образования, с другой—эта же альменда, наряду с другими пережитками патриархально-родовой общины, сыграла решающую роль в консервации общинных порядков в Дагестане.

По своей внутренней структуре, хозяйственной организации «вольные общества» выступают как типичные сельские общины с той лишь разницей, что данная община состоит не из одной деревни, как это было в большинстве случаев в Дагестане, а из нескольких бывших родственных деревень. В остальных случаях особых принципиальных различий между сельскими общинами, состоящими из одной деревни и «вольными обществами» не наблюдается.

По своему экономическому и социальному положению дагестанские общинники были не однородной массой. Те тенденции, которые, по определению К. Маркса, подтачивали и разрушали «земледельческую общину», создавая базу для роста экономического и социального неравенства внутри нее⁹⁵, проявлялись и в дагестанской общине.

О существовании экономического неравенства в среде свободных общинников можно судить не только по средневековым могильникам⁹⁶, но и по адатам дагестанских народов. Так, в кодексе Умма-хана Аварского говорится об общиннике, у которого нет никакого имущества⁹⁷. Кроме того, на существование имущественного неравенства в среде свободных общинников указывает и то обстоятельство, что свободный общинник, который своевременно не уплатил долг, обязан был платить в увеличенном размере⁹⁸. Не будучи в состоянии уплатить увеличенный долг, он попадал в долговую кабалу. По кодексу Умма-хана Аварского кредиторы не имели права претендовать на имущество родственников должника⁹⁹ и поэтому последний попадает в зависимость от кредитора, которая длится до тех пор, пока не будет отработана вся ссуда. Однако нам могут возразить, ссылаясь на то, что кодекс Умма-хана составлен в XVI в.

⁹⁵ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 27, стр. 694—695.

⁹⁶ Д. М. Атаев. Средневековая Авария. Махачкала, 1963, стр. 245.

⁹⁷ Кодекс Умма-хана Аварского. Х.-М. О. Хашаев. Указ. соч., стр. 266.

⁹⁸ Там же.

⁹⁹ Там же.

Но если учесть, что аварские правители еще во второй половине I тысячелетия н. э. могли превратить свободных общинников в рабов¹⁰⁰, то нам будет понятно, что многие положения кодекса являются не только отражением исторической действительности, современной Умма-хану Аварскому, но и отражают действительность более древней эпохи.

Таким образом, личная, а затем поземельная зависимость с предшествовавшим им экономическим неравенством среди общинников способствовали формированию основных классов феодального общества в Дагестане.

---

¹⁰⁰ Масуди. Указ. соч., стр. 204.

К ВОПРОСУ О ПРОИСХОЖДЕНИИ НАРОДНОСТЕЙ ЛЕЗГИНСКОЙ ГРУППЫ

Вопросы этногенеза наиболее интересные и в то же время наиболее сложные в исторической науке. Особенно сложны они в условиях Дагестана, который своей многонациональностью и многоязычием занимает исключительное положение.

Еще недавно на небольшой территории страны гор насчитывалось около тридцати народностей и языков. Письменности на своих родных языках они не имели. Лишь с освоением грамотности на арабском языке стали появляться отдельные хроники и летописи.

Некоторые этнические сведения о Дагестане и его древнейших жителях содержатся в трудах греко-римских, византийских, сирийских, армянских, грузинских, персидских, арабских, тюркских историков и географов и в дореволюционных кавказоведческих работах русских и западноевропейских ученых и путешественников.

В дореволюционной литературе существовало мнение, что народы Дагестана — остатки кочевых варварских племен, зашедших сюда и обосновавшихся здесь в разное время. По мнению некоторых исследователей этот горный край в древности не был заселен и освоен человеком.

В то же время Дагестан и Кавказ в целом довольно рано стали ареной бурных исторических событий и передвижений древних этнических групп, от коих и могли сохраниться следы в традициях и культуре. «Кавказский перешеек, — писал, например, П. К. Услар, — служил некогда путем переселения множества народов из Азии в Европу, т. е. с юга на север, и кавказское горское народонаселение составилось из остатков этих равноплеменных народов, засевших на пути в горах»¹.

Другой известный лингвист начала XIX в. А. Тромбетти

¹ П. К. Услар. Материалы для этнографии Кавказа, «Записки Кавказского отделения русского географического общества», кн. VII, Тифлис, 1866; его же. Древнейшие сказания о Кавказе, Тифлис, 1881, стр. 244—245; Л. Загурский, П. К. Услар и его деятельность на Кавказе. «ЗКРГО», кн. XII, Тифлис, 1881, стр. I—III.

утверждал: «Мы должны допустить, что в области Кавказа сконцентрировались народы, которые ранее были распространены на значительно более широкой территории и что часть этих народов была впитана другими племенами»². Н. Я. Марр считал, что: «Коренные кавказские народы, даже коренные кавказские языки есть явление не местного происхождения: яфетическая семья, к которой принадлежит первоначальное население Кавказа, здесь пришлые люди, так же, как появившиеся затем последовательно ариоевропейцы и турки, не говоря о других, не внедрявшихся целыми племенами народных массах, с тем, однако, различием, что яфетическая семья эмигрировала с соседящей с юга прежней территории ее расселения, если не прародины, из Месопотамии, естественно разливаясь этническими массами в близлежащие кавказские страны... Кавказская территория была распределена между ними»³.

Н. Я. Марр считал, что основное население Кавказа является пришлым с юга из пределов Ассирии-Вавилонии и Месопотамии и прилегающих к ним севера и запада малоазиатских стран⁴.

В литературе приводились сведения о проникновении в Дагестан иноэтнических элементов не только с юга, но и с севера — скифов, сарматов, алан, гуннов, савиров, хазар и др. Таким образом получалось, что народы Дагестана формировались из различных этнических элементов, вышедших из разных частей света и осевших в горах во времена великих передвижений народов. Этим объяснялось и наличие на территории Дагестана множества народов и языков. Миграционная теория происхождения народов Кавказа пользовалась в старом кавказоведении большой популярностью. В свете этой теории делались даже попытки показать происхождение того или иного народа Дагестана.

В отношении народностей лезгинской группы высказывались, например мнения, будто лезгины происходят от переселенцев из Индии и Ирана⁵, микрахцы — от русов, переселившихся в Южный Дагестан во времена владычества хазар⁶. Находили общее в происхождении лезгин и особенно

---

² Цитирую по работе Г. А. Климова, Кавказские языки. М., 1965.

³ Н. Я. Марр. Племенной состав населения Кавказа, вып. 3, Пч. 1920, стр. 10—11.

⁴ Н. Я. Марр. Кавказоведение и абхазский язык, т. I, Л., 1933, стр. 67.

⁵ В. Швецов. Очерк о кавказских горских племенах с их обрядами и обычаями в гражданском, воинственном и домашнем духе. М., 1856, стр. 2—3; А. Берже. Краткий обзор горских племен на Кавказе, «Кавказский календарь», 1858, стр. 305.

⁶ А. К. Бакиханов. Гюлистан-Ирам. Баку, 1926, стр. 24.

табасаранцев с евреями, монголами⁷ и др. Конечно, нельзя отрицать миграцию и влияние пришлых иноэтнических элементов на горцев Дагестана, но нельзя этот фактор преувеличивать.

За годы Советской власти московскими и дагестанскими учеными проделана большая языковедческая, историко-археологическая и этнографическая работа по изучению прошлого Дагестана. Однако требуется еще длительное комплексное изучение Дагестана, чтобы говорить сколько-нибудь основательно о происхождении народов страны гор.

В этой статье мы делаем первую попытку осветить некоторые проблемы этногенеза народностей лезгинской группы в целом, тогда как ранее имели место лишь отдельные частичные наблюдения. Выдвигая предварительные гипотезы, мы не претендуем на полное решение этой весьма важной и сложной задачи.

Как уже упоминалось, народности лезгинской группы изучены слабо — об их этнической истории крайне мало материалов. Но и эти немногочисленные сведения: археологические находки на территории лезгин, табасаранцев и других народов, скудные письменные источники, этнографические, антропологические и лингвистические данные — позволяют утверждать, что народности лезгинской группы есть древнейшие жители Южного Дагестана и Северного Азербайджана.

На самом деле — территория расселения лезгин, да и не только их, была освоена человеком с древнейших времен. Тому благоприятствовали естественно-географические условия. Побережье богатого рыбой Каспия, многоводные реки, вечно зеленые подножья гор, высокогорные альпийские пастбища издавна служили местами хозяйственной деятельности древнейших обитателей. Каменные орудия труда («ашель» и «мустье»), обнаруженные в Северном Азербайджане⁸ и в Южном Дагестане, в районе Дербента (севернее совхоза Геджух)⁹, свидетельствуют о том, что появление первобытных людей на этой территории относится к той же эпохе, что и в соседних областях Закавказья и Северного Кавказа. Отсюда можно заключить, что вся прибрежная территория была заселена еще в Палеолите.

⁷ М. К а з е м б е г. Of the Derbend-Nameh, St-Petersburg, 1851; Дербент-Намэ. Под редакцией М. Алиханова, Тифлис, 1898; И. И. П а т т у х о в. Антропологические наблюдения на Кавказе. Тифлис, 1893; К. М. К у р д о в, К антропологии лезгин. Кюришы. «Русский антропологический журнал», 1903, № 3—4; А. Д и р р. Очерки по этнографии Дагестана. В Табасаранском округе, Тифлис, 1903; Д. Б а б а е в. Селение Ахты, «СМОМПК», вып. 17, 1893.

⁸ «История Азербайджана», т. I, Баку, 1958, стр. 3.

⁹ «Очерки истории Дагестана», т. I, Махачкала, 1957, стр. 6; В. Г. К о т о в и ч. Каменный век Дагестана, Махачкала, 1964, стр. 36.

Последующая деятельность первобытного человека подтверждается найденной у ст. Белиджи (Дербентского района) чашей, изготовленной из кости мамонта и относящейся к верхнему палеолиту¹⁰.

Жизнь на этой территории непрерывно развивалась. Здесь археологами вскрыты памятники энеолита, эпохи бронзы и железа. Наиболее интересные среди них — многочисленные энеолитические поселения по долинам рек Самура и Гулгери-чая (селения Мамраш, Ханжалкала, Магарамкент, Гильяр, Касумкент, Ньююг и др.). Представленная в них культура близка энеолиту Закавказья.

Из памятников описанного типа известны также находки близ сел. Мамраш (Касумкентский район), где вскрыты остатки керамики, обломки кремневых вкладышей, ладьевидная зернотерка, осколки кремня¹¹. Близ селения Гильяр (того же района) из культурного слоя раскопок подняты многочисленные фрагменты средневековой керамики. В 1957 г. на одном из холмов Гильяра обнаружен кувшин с обуглившимися зернами пшеницы, ячменя, льна. Этот памятник датируется концом III тыс. до н. э.¹²

Памятники эпохи бронзы на южном побережье Каспия изучены тоже недостаточно, однако материалы Мугерганского могильника близ Магарамкента знакомят нас с весьма своеобразной местной культурой, подтверждающей ее связи с культурой Закавказья. Имеются некоторые данные о том, что территория, населенная кубинскими лезгинами (близ сел. Хачмас), была освоена еще в эпоху бронзы¹³.

С культурой племен Южного Дагестана в эпоху раннего железа (VII—IV в. до н. э.) знакомят материалы поселения и могильника близ с. Мака и курганы в долине совхоза им. Герейханова. Судя по вещественным находкам Макинского могильника, у местного населения широко бытовали различные изделия из железа (мечи, ножи, шилья). Украшения из бронзы отличались высоким художественным мастерством. Широкое распространение имели привозные украшения: пастовые глазчатые, стеклянные и сердоликовые бусы, подвески из раковины — каури, указывающие на культурные связи местного населения с племенами и народами Закавказья и Передней Азии¹⁴.

¹⁰ В. Г. Котович. Там же, стр. 99.

¹¹ В. Г. Котович. Отчет о работе 1-го горного отряда. Рукоп. фонд ИИЯЛ, стр. 104—105.

¹² В. Г. Котович. Новые археологические памятники Южного Дагестана, МАД, I, Махачкала, 1959, стр. 135.

¹³ Александрович-Насифы. Находки бронзового века около Хачмаса. Известия Азкомстариса, вып. 4, тетрадь 2, Баку, 1929, стр. 215.

¹⁴ М. И. Пиккуль. Первобытнообщинный строй на территории Дагестана, Очерки истории Дагестана, т. I, Махачкала, 1957, стр. 20—21.

Предварительные раскопки кургана у совхоза им. Герейханова дали материал 2-ой половины первого тысячелетия до н. э. Местность от Белиджи до Касумкента так и известна у лезгин под названием «Шаракунь» (в переводе примерно «Долина курганов») ¹⁵.

К каким племенам относились древние обитатели Хачмаса, Маки и долины Шаракуня и вообще население, жившее в древние времена в Южном Дагестане и Северном Азербайджане? Были ли то местные горские племена? Прямое указание на это дают античные авторы, а позднее и средневековые — армянские, грузинские, арабо-персидские историки и географы.

Эти сведения дают нам основание утверждать, что в этническом составе населения этого края в первое тысячелетие до н. э. преобладали представители народности кавказской языковой группы.

Изучая и сравнивая историю образования языков кавказско-иберийской семьи — картвелы или грузины (народ, состоящий из трех этнических групп — карты, менгрело-чаны и сваны), вейнахи (чеченцы, ингуши, кистины, бацбийцы), дагестанцы (аварцы, лезгины, табасаранцы, даргинцы, лаки и др.) и абхазо-адыги (абхазы, абазины, кабардинцы, адыгейцы, черкесы, убыхи) — ученые приходят к выводу, что представители этой этнической семьи связаны друг с другом общностью происхождения и являются древнейшими обитателями Кавказа. Поэтому этногенез народностей лезгинской группы и нельзя рассматривать без связи с общей проблемой происхождения народов Дагестана.

Чем глубже нам удастся взглянуть в древнейшие периоды истории коренных кавказских языков, тем более явственно выступает родство между ними как в лексике, так и в грамматическом строе.

И. А. Джавахишвили в своем труде «Первоначальный строй и родство грузинского и кавказского языков» приходит к неизбежному выводу, что взаимное родство кавказских языков подчеркивает родство племен и народностей, говорящих на этих языках, причем родство это подтверждается не только лингвистическими, но и разнообразными историческими материалами ¹⁶.

Известный советский ученый-профессор А. С. Чикобава

---

¹⁵ Курганы у совхоза им. Герейханова лежат на очень важной торговой-экономической и стратегической магистрали — на пути от Белиджи в Касумкент и далее в Горный Дагестан. Первую часть слова — «шара» — трудно объяснить, вторая часть — «кунь» — означает «погребальный курган».

¹⁶ И. А. Джавахишвили. «Первоначальный строй и родство грузинского и кавказского языков». (На грузинском яз.), Тбилиси, 1937, стр. 622.

говорит не только о «внутригрупповых генетических связях», но и общем родстве кавказских языков. «Вопрос о родстве северокавказских языков с картвельскими получает в принципе положительное решение по показаниям морфологических элементов, т. е. средствами сравнительной грамматики»¹⁷. Такое родство кавказских языков и этнических связей их носителей — по мнению профессора А. С. Чикобава — несомненно. Другой грузинский ученый Г. А. Меликишвили, в свою очередь, дает заключение, что «...близкородственные между собой племена, по всей вероятности, с древнейших времен жили на территории Закавказья и Северного Кавказа»¹⁸.

Кавказские горские племена были не только родственными между собой, но и составляли в древности единый этнический массив. А редкое, не всегда объяснимое возникновение в кавказской среде множества языков, как раз, по мнению ученых-лингвистов, и объясняется распадом с течением времени этого замечательного единства.

Е. А. Бокарев — один из крупных советских ученых, взявший на себя труд воссоздать родственность языков народов Кавказа и в частности Дагестана, по поводу праязыка-основы пишет: «...иногда возможность существования ее подвергается сомнению, будто в далекие от нее периоды не мог существовать более или менее единый язык, а всегда существовали многочисленные диалекты, лишь в известной мере близкие друг к другу. Действительно, трудно говорить о полном единстве в далеком прошлом. Но относительное единство — неперемнная предпосылка существования родственных языков. Тот праязык, который мы реконструируем с помощью сравнительно-исторического метода, следует представлять как совокупность диалектов, более или менее близких друг к другу».

Е. А. Бокарев предполагает, что такой единый праязык-основа существовал в эпоху не ближе III тысячелетия до н. э., к которой археология и относит существование энеолита в Дагестане. Это подтверждает и анализ бытующих названий культурных растений и домашних животных¹⁹.

У. А. Мейланова замечает, что «для всех дагестанских языков устанавливается единый лексический фонд, восходящий к дагестанскому языку-основе. Этот фонд охватывает жизненно важные группы слов, как-то: человек, дикие и до-

---

¹⁷ А. С. Чикобава. Проблема родства иберийско-кавказских языков. (Состояние вопроса и перспективы). Тезисы докладов на научной сессии по сравнительно-историческому изучению иберийско-кавказских языков Северного Кавказа (14—17 июня 1965), Махачкала, 1965, стр. 4, 7.

¹⁸ Г. А. Меликишвили. Древневосточные материалы по истории народов Закавказья. Наирн-Урарту, Тбилиси, 1959, стр. 398.

¹⁹ Е. А. Бокарев. Введение в сравнительно-историческое изучение дагестанских языков, М., 1961, стр. 17.

машинные животные, растительный мир, дом, строения, утварь, простейшие орудия труда, сельское хозяйство, явления природы и т. д. Если в отдельно взятых языках подчас на месте исконного слова находим заимствованное, то, возможно, исконная форма сохранилась в застывших сочетаниях, или, видоизменив семантику, превратилась в аффикс и т. д. (так, лезгинский аффикс-ггуь (жуь, -гуь, -ви), показывающий происхождение или национальную принадлежность, происходит от общедагестанского слова чи, чу — «мужчина», «человек», которое в современном лезгинском языке передается заимствованными словами и др»²⁰. И так, и языковедческий, и археологические материалы подтверждают общекавказское, а в его среде и дагестанское культурно-этническое единство.

Видный советский ученый Е. И. Крупнов также считает, что истоки культурного и этнического (языкового) единства должны уходить в предшествующую неолитическую эпоху. Он сожалеет, что эта эпоха на Кавказе изучена еще слабо²¹.

«Племена этой общекавказской культуры, — говорит Е. И. Крупнов, — очевидно и были создателями субстрата, который оказался очень стоек, ибо пережил века и сохранился почти во всех самобытных языках Кавказа»²².

Он убедительно, на археологическом материале, утверждает, что в III тыс. до н. э. на Северном Кавказе существовала единая этническая среда с общим праязыком и чертами культуры²³. О языковом и культурно-этническом единстве горских народов Дагестана и Северного Кавказа в эпоху энеолита, на основании археологического материала, говорит и Р. М. Мунчаев²⁴. Общность эта прослеживается с эпохи энеолита и ранней бронзы. Племена этой культуры являлись далекими предками современных горцев.

Наибольшую близость по языку и быту групп горских народностей подтверждают и антропологические данные. Основными антропологическими признаками лезгинской группы считались: вышесредний рост, резко выраженная брахикефаль-

---

²⁰ У. А. Мейланова. О генетическом единстве дагестанских языков. Тезисы доклада на научной сессии по сравнительно-историческому изучению иберийско-кавказских языков Северного Кавказа, Махачкала, 1965, стр. 43.

²¹ Е. И. Крупнов. Древнейшее культурное единство и Кавказская этническая общность. (К проблеме происхождения коренных народов Кавказа и «иберийско-кавказской» языковой семьи). «Тезисы докладов АН СССР в г. Минске», М., 1962, стр. 23.

²² Е. И. Крупнов. История Северного Кавказа. М., 1960, стр. 384.

²³ Е. И. Крупнов. Древнейшая культура Кавказа и Кавказская этническая общность. (К проблеме происхождения коренных народов Кавказа). «Советская Археология», 1964, № 1, стр. 4.

²⁴ Р. М. Мунчаев. Древнейшая культура Северо-Восточного Кавказа. М., 1961, стр. 164.

ность, прямая или выпуклая спинка носа, сильное развитие бороды, темная пигментация волос и смешанный цвет глаз²⁵.

К. М. Курдов относил народности лезгинской ветви к восточно-горской группе семейства кавказских народов. И. И. Пантюхов считал, что «главная масса лезгин имеет некоторые общие или свойственные признаки, отличающие их как от ближайших соседей, так и от всех других известных народов»²⁶. Уже тогда антропологи не видели особых различий среди народностей лезгинской группы. «В физическом облике хиналугцев и крызов,—писал Н. И. Ансеров,—много общих, даже тождественных черт... Взвешивая черты сходства и различия, нельзя не придти к заключению о близости тех и других; с полным основанием они должны быть отнесены к одному и тому же антропологическому типу... Изучаемые группы воспроизводят черты кавказского антропологического типа»²⁷. Он указывал на одинаковые антропологические черты физического облика хиналугов, крызов, кюринцев и самурцев (т. е. собственно лезгин)²⁸.

Более основательно, на новой методологической основе, антропологическому исследованию подверглись народы Дагестана за последние годы.

Советские антропологи во главе с профессором Г. Ф. Дебецом внесли большой вклад в дело изучения народов нашего края. Они выделили в народах Дагестана два антропологических типа — кавкасионский и каспийский, — различающиеся между собой несущественными признаками. К кавкасионскому типу они относят население преимущественно Центрального и Западного горного Дагестана — лакцев, даргинцев, аварцев с андо-дидойскими народностями, а к каспийскому — народы Юго-Восточного Дагестана, в частности лезгиноязычные группы народностей. В то же время, как говорит В. Алексеев, «некоторые лезгиноязычные группы сближаются с кавкасионскими народами»²⁹. Он считает, что этот тип формировался значительно раньше, II-го и даже I-го тысячелетия до н. э. «Можно думать, — заключает В. Алексеев, — что истоки этногенеза входящих в ареал распространения каспийского типа, восходит как к местному автохтонному населению этих

²⁵ К. М. Курдов. К антропологии лезгин. «Антропологический журнал», 1901, № 3—4.

²⁶ И. И. Пантюхов. Лезгины, Тифлис, 1901, стр. I; его же. Современные лезгины». «Кавказ», 1906, № 228.

²⁷ Н. И. Ансеров. Хиналуги и крызы в антропологическом отношении. Научный архив Института истории, АН Азербайджанской ССР, инв. № 390, стр. 18.

²⁸ Там же, стр. 18—19.

²⁹ В. Алексеев. Некоторые вопросы происхождения народов Дагестана в свете антропологии Северного Кавказа, «Ученые записки ИИЯЛ», т. 13, серия историческая, Махачкала, 1964, стр. 167.

районов, так и к переселенцам из более южной зоны»³⁰. В. Алексеев находит, что в процессе формирования каспийского типа большую роль в этногенетическом процессе лезгин и табасаранцев сыграли связи с населением Азербайджана.

Таким образом, антропологический состав народов Южного Дагестана — это результат разных степеней смешения кавкасионского и каспийского типов.

Г. Ф. Дебеч приходит к выводу, что народы Дагестана образовались в результате смешения двух основных типов Кавказа: кавкасионского и каспийского. Первый тип характеризуется широким лицом, брахикефалией, сравнительно светлой пигментацией и слабым ростом волосяного покрова. Ареал его распространения захватывает территорию западных районов Дагестана. Каспийский тип отличается сравнительно узким лицом, мезокефалией, более темной пигментацией и средним развитием третичного волосяного покрова³¹.

«Все лезгинские группы, — говорит А. Гаджиев, — являются представителями юго-восточного варианта. По сравнению с другими дагестанскими группами они в целом более пигментированы, лицо у них более узкое и несколько ниже, высота носа и кожной части верхней губы ниже, губы несколько толще, третичный волосяной покров на лице и на груди развит слабее... Но по всем остальным признакам ближе одна к другой, чем к любой другой группе»³². Этот факт еще раз подтверждает, что лезгинские этнические группы близкородственны и по происхождению, и по формированию. Иначе говоря, они связаны между собой общностью происхождения.

Что касается районов Северного Кавказа и всего Центрального Закавказья, заселенных адыгейцами, абазинами, черкесами, кабардинцами (и даже балкарцами, карачаевцами и осетинами), а также чеченцами, ингушами, а за Кавказским хребтом грузинской группой, то все они относятся к автохтонному, кавкасионскому антропологическому типу³³.

В чем археологи и языковеды находят причину, приведшую в конечном счете к распаду общей кавказской этнической среды? Таких причин по их мнению несколько, но к сожалению они не называют время начала распада ни этнической среды, ни праязыка. Процесс этот, по всей вероятности, начался во II тыс. до н. э. и завершился в первые века первого тысячелетия нашего летосчисления. В такой длительный пе-

³⁰ Там же.

³¹ Г. Ф. Дебеч. Антропологические исследования в Дагестане. Антропологический сборник, I. «Труды Института этнографии», т. XXXIII, М., 1956, стр. 213—214.

³² А. Гаджиев. К этнической антропологии народов Дагестана. «Вопросы антропологии», вып. 12, 1962, стр. 132—133.

³³ Е. И. Крупнов. Указанная работа, стр. 40.

риод и происходила дифференциация общекавказской и общедагестанской этнической семьи, разбивка ее на группы родственных племен и диалектов.

К началу нашей эры создались необходимые условия для образования родственных племен: лезгин, аварцев, даргинцев и других. Впоследствии, в результате внутреннего процесса отпочкования, из среды родственных племен выделяются отдельные племена. В дальнейшем же территориальная разобщенность сложность горного рельефа, примитивность натурального хозяйства, междоусобные войны, развитие семьи с присущими ей эндогамными нормами брака стали причиной возникновения множества мелких народностей языков. Можно предположить, что уже в период существования Кавказской Албании в горной среде бытовали группы родственных племен и народов. Так, например, один из дошедших до нас этнонимов кавказских албанцев «кадусии» был общим наименованием нескольких родственных племен, в том числе гелов и легов³⁴. То же самое можно говорить и о других древних этнонимах кавказских албанских племен: каспах, гаргарах, удилах и др., о которых упоминают греко-римские авторы. Е. И. Крупнов допускает также мысль, что население прибрежного Дагестана генетически связано с продвинувшимися на север этиунами — удилами³⁵.

В VII—VIII вв. до н. э. в горско-кавказскую среду проникли через степи Северного Кавказа и юга России скифо-сарматские этнические элементы. Скифы, как сообщают античные авторы, совершали неоднократные набеги в Закавказье через Дербентский проход. Следы проникновения подтверждаются археологическими находками у Дербента и в районах Самура. Возможно, что часть добравшихся сюда скифов осела на территории прибрежного Дагестана и Азербайджана и ассимилировалась среди древних жителей края. Некоторые указания источников позволяют считать, что скифы не только оседали на территории Каспийского побережья, но забирались в горы, и имели экономические связи с горцами. Скифы-скотоводы «поднимались со скотом на лето не только в горы Западного Кавказа, но и Центрального Кавказа»³⁶. Больше того, «... часть скифов и киммерийцев обосновалась в Закавказье и некоторых граничащих с ним с юга областях»³⁷.

В среде скифов жили племена разного происхождения. Е. И. Крупнов устанавливает: «Скифы соприкасались со

³⁴ И. Алнев. История Мидии I, Баку, 1960, стр. 104.

³⁵ Е. И. Крупнов. Каякентский могильник — памятник древней Албании, ГИМ, вып. XI, 1940, стр. 16—18.

³⁶ Е. П. Алексеев. Поздне-кобанская культура. Ученые записки МГУ, № 85, 1949, стр. 238.

³⁷ «История Грузии», Тбилиси, 1960, стр. 35.

многими народами и племенами, являющимися далекими предками и родоначальниками культур современных нам народов, иногда даже не связанных общностью происхождения. Термин «скифы» распространялся на самые различные в этническом отношении племена, объединенные между собой единством культуры скифского облика»³⁸.

Прямое указание на то, что в первом тысячелетии до н. э. на территории Северного Азербайджана и юга Дагестана жили горские племена, дают античные авторы: Страбон, Плиний, Птоломей, Плутарх и др. сообщают, что здесь жили племена — леки, гели, дидург, каспни, гарагари, кадусии, албаны, утии и др. Большинство упомянутых племен античные авторы причисляют к скифам и сарматам. Указывают, например, что эти горские народности по образу жизни и обычаям схожи со скифами и сарматами, и будто бы находились с ними в родстве. Страбон именуется скифами леков. «Скифские племена гелы и леки живут между амазонками и албанцами»³⁹. О леках как о кавказском народе сообщают и раннесредневековые армянские авторы: М. Хоренский⁴⁰, Егише⁴¹ и др., которые повторяют версию о скифском происхождении гелов и леков. Взгляд этот нашел отражение и в последующей исторической литературе. Вот что о скифском происхождении леков замечает историк XIII века Инока Магаки: «От Исава, сына Исаакова, произошли исавиты, то есть скифы... От них родились барамижи и лезгины, обитающие в ущельях и засадах»⁴².

Не только леки, но и «таваспары» (видимо, табасараны) объединяются в древних исторических источниках общим именем скифов. По всей вероятности, на определенный исторический период горцы Дагестана входили в состав образовавшегося здесь скифского союза племен.

Вслед за скифами проникают в прикаспийские края и сарматские племена. В отношении сарматов существуют противоречивые мнения. Одни считают их скифами по происхождению, другие видят в них, хотя и ираноязычную, но все же кавказско-горско-аланскую среду. Под сарматами они подразумевают современное горское население Северного Кавказа — древнейших жителей края⁴³. Скорее всего леки и гели — собиратель-

³⁸ Е. И. Крупнов. Древняя история Северного Кавказа. М., 1960, стр. 10.

³⁹ Страбон. География, кн. XI, 5. 1; ВДИ, 1947, № 4, стр. 222.

⁴⁰ М. Хоренский. История Армении. М., 1851.

⁴¹ Егише. История Вардапета, Тифлис, 1853.

⁴² «История монголов Инока Магаки, XIII в.» Перевод К. Патканова, СПб, 1871, стр. 2—3.

⁴³ Ю. Куликовский. Аланы по сведениям классических и византийских писателей. Киев, 1899; А. Н. Мацулевич. Аланская проблема и этногенез Средней Азии. «Сов. этнография», VI—VII, 1947.

ный термин, объединяющий группу родственных между собой горских народов.

Академик И. А. Джавахишвили, на основании сообщения античных географов, а также этнолого-лингвистического изучения горских языков и народностей, высказывает вполне определенное мнение: «Скифы и сарматы... принадлежали к северо-кавказским адыгейско-чечено-лезгинским народностям»⁴⁴. К подобному же выводу, по существу, пришел и Г. А. Меликишвили. Опираясь на грузинские источники, он говорит не только о давнем проникновении сюда «сарматских племен, но о их северо-кавказском происхождении»⁴⁵.

Наиболее известным археологическим памятником сарматской культуры на территории прибрежного Дагестана считается грунтовый могильник у с. Тарки. Материалы этого могильника допускают версию о проникновении в горскую среду сарматских элементов⁴⁶. По мнению К. Ф. Смирнова, сарматизацию местного населения следует рассматривать как «результат смешения древнего удинского населения с пришлыми из степей Северного Прикаспия аорскими племенами»⁴⁷.

Часть сарматов далеко продвинулась на юг. Пребывание их отмечено в районах древнего Дербента и Рубас-чая. В. Г. Котович сопоставляет их с известными в источниках маскутами, жившими в первые века нашей эры и полагает, что они близки к одному из аланских племен⁴⁸. Однако прилив в прикаспийские равнины и предгорья сармато-аланского населения усиливается значительно позже. «Более вероятно,— говорит В. А. Кузнецов, — что маскуты появились в Южном Дагестане в конце IV—V вв.»⁴⁹.

Не только археологический материал, но и письменные источники говорят о наличии на юге Дагестана алано-сарматского населения. Так, в IV в. Аммиан Марцелин сообщает, что римский полководец Помпей во время Закавказского похода достиг албанов и массагетов, которых называют аланами⁵⁰. Речь идет об аланах, живших рядом с албанцами на террито-

44 И. А. Джавахишвили. Основные историко-этнологические проблемы истории Грузии, Кавказа и Ближнего Востока древнейшей эпохи, «Вестник древней истории», 1939, № 4(9), стр. 44.

45 Г. А. Меликишвили. О происхождении грузинского народа. Тбилиси, 1952, стр. 32.

46 Е. И. Крупнов. Новый памятник древних культур Дагестана. МИА, № 23, 1961, стр. 224.

47 К. Ф. Смирнов. Археологические исследования в районе дагестанского селения Тарки в 1948—1949 гг., МИА, № 23, стр. 271.

48 «Новые археологические материалы Южного Дагестана». МАД, т. 1, Махачкала, 1959.

49 В. А. Кузнецов. Аланы и ранне-средневековый Дагестан. (К постановке вопроса). МАД, т. II, Махачкала, 1961, стр. 269.

50 Там же.

рин расселения нынешних народностей лезгинской языковой группы.

В период монголо-татарского нашествия Ибн-ал-Асир устанавливает наличие в Южном Дагестане алан, лезгин и нескольких тюркских племен. Об аланах и лесгах (лезгинах) в районе Дербента говорят французский монах Рубрук⁵¹ и географ Якуб (XIII в.).

Возможно в какой-то исторический период до прихода гуннов часть народностей лезгинской группы была связана с осевшими в Южном Дагестане аланами и стала упоминаться лишь под их именем.

Предки интересующих нас горских народностей не избегли смешения со скифами, и позднее с северо-кавказским алано-сарматским пришлым населением. Подобная же картина происходит и в первые века нашей эры (IV—VI). На территорию прибрежного Дагестана хлынули северные кочевые племена: гунны, савиры, а затем хазары. Хазары, как и гунны, более ста лет совершали неоднократные вторжения на юг⁵². Эти племена, подобно скифской конфедерации, образовали здесь политические объединения «Гуннию», «Хазарию». Местные племена, попадавшие под влияние этих образований, становились известными как гунны, савиры, хазары.

В годы раннего средневековья из полчищ кочевников-гуннов начинают выделяться и местные племена. Армянский историк Фавст Бузанд в своем труде «История Армении» сообщает любопытные данные, относящиеся как раз к тому времени: «...маскутский царь Санесан, сильно разгневавшись, проникая враждой к сородичу своему, армянскому царю Хосрову, собрал все войска — гуннов, пахов, таваспаров, ижмаков, гатов, гуларов, шичбов, чилбов и баласнчев и егерсванов, и несметное множество других разношерстных кочевых племен»⁵³. Даже в первые века нашей эры через Албанию на юг — в страны ближнего Востока — прорывалось несметное количество кочевников. Эти кочевые племена стали постоянными обитателями Восточного Закавказья, обосновались они и среди древнейшего населения Кавказской Албании⁵⁴. Об этом упоминают и античные, и средневековые авторы, и хорошо осведомленные

---

⁵¹ В. Рубрук. Путешествие в восточные страны. Введение, перевод и примечание А. И. Малеина, СПб, 1911, стр. 89.

⁵² I. Marquart. Osturopaische und Ostasiatische Streifzüge. Leipzig, 1892, T. Holdek. Geschichte der Perser und Araber zur Zeit des Sasaniden. Leyden, 1879.

⁵³ История Армении Фавста Бузанда, 1953, перевод с древнеармянского и комментарий М. А. Геворгина, стр. 15.

⁵⁴ К. Г. Алнев. К вопросу о племенах Кавказской Албании. Тезисы доклада на VII международном конгрессе антропологических и этнографических наук. М., 1964, стр. 2.

о народах Кавказа армянские ученые. Они не видят различия между пришлыми кочевниками и древнейшим населением Албании. Поэтому следует ли не соглашаться с тем, что и местные аборигены — албанские племена — перечисляются в ряду со скифами, сарматами, аланами, гуннами, хазарами и др. Нужно лишь решительно подчеркнуть, что все эти пришлые скифо-сарматские, а затем гуннские и хазарские элементы не сменили, даже не поколебали тип кавказских горцев. Следует выделить и то, что на юге интересующей нас территории жили горско-дагестанские племена, родственные по своему происхождению племенам Кавказской Албании, обосновались они задолго до появления скифо-сарматских этнических элементов, до проникновения гуннов, савиров, хазар. Имеющиеся научные данные вполне убедительны. Им можно доверять и их можно противопоставить так называемой миграционной теории.

«Миграционная теория происхождения народов и языков Кавказа, — как правильно пишет Г. А. Климов, — должна быть признана ошибочной. Ее главная и очевидная ошибка состоит в том, что отдельные исторически засвидетельствованные факты продвижения на Кавказ некоторых племен и народов теория эта возводила в абсолют и пыталась перенести вообще на все народы, представленные ныне в пределах Кавказа. Еще менее объективных оснований было в имевшем хождение на определенном этапе развития науки взгляде на Кавказ, как на прародину целой человеческой расы так называемой кавказской, — к которой относятся не только современные народы Кавказа, но и большинство народов Европы, Азии и Африки, обитающих на прилегающих к средиземноморью территориях»⁵⁵.

История возникновения жизни и быта горских народностей тесно связана с Кавказской Албанией. Поэтому необходимо в первую очередь выяснить, обосновать и утвердить местопребывание в ней дагестанских горских племен.

Кавказская Албания была многоплеменной горской страной. Ее территория, по данным античных авторов, простиралась от Малого Кавказа и нижнего течения Куры и Аракса до северо-восточных отрогов Главного Кавказского хребта.

Страбон указывает, что албаны жили между иберами на западе и Каспийским морем на востоке. Греческий географ Птоломей (II в. н. э.) сообщает границы Албании — на севере Сарматия, на западе — Иберия, на юго-западе — Атропатен (Азербайджан) и часть Армении, на востоке — Каспийское море. В другом месте он замечает: албанцы обитали в (мидийских) горах, что находятся на берегу Каспийского моря.

⁵⁵ Г. А. Климов. Кавказские языки. М., 1965, стр. 8—9.

Плиний рассказывает — албанцы раскинули свои поселения на восточном, прикаспийском склоне Большого Кавказа и на берегу Каспийского моря⁵⁶.

О гелах, что обитают рядом с албанцами в Антропатане (Азербайджане), говорит Плутарх⁵⁷. Однако о границах Кавказской Албании, составе ее населения в специальной литературе и до сего времени ведутся споры. Одни авторы считают, что в состав Кавказской Албании входили все народы Дагестана, другие утверждают, что только народы Северного Азербайджана и Южного Дагестана.

Все античные авторы писали, что непосредственными соседями албанцев были скифо-сарматские племена. Географические данные, в их сообщениях, дают право убедиться, что вся территория современного Северного Азербайджана и Южного Дагестана и была территория Кавказской Албании. Подробное изложение мнений различных авторов дается в работах Ю. Юшкова⁵⁸ и К. В. Тревер⁵⁹. В. Ф. Минорский, опираясь на географические сведения Птоломея, утверждает, что «Албания включала не только упомянутую выше территорию Закавказья, но и тянулась на северо-восток, охватывая район Каспийского моря, теперь называемый Дагестаном»⁶⁰.

В противовес такому высказыванию Я. А. Федоров пишет, что «в состав Албанского союза племен входили лишь племена Юго-Восточного Дагестана⁶¹, что касается северных предгорий, а тем более горной части страны, «то возможность включения их в состав Албанского государства сомнительна, а доказательства, приводимые на этот счет некоторыми авторами на основании дагестанско-албанских параллелей в материальной культуре того времени, неубедительны»⁶².

Как бы то ни было, но общеизвестно и общепризнано, что народы лезгинской группы входили в состав Кавказской Албании. Это была страна крайне разнообразная по своему этническому и языковому составу.

Самое крупное племя — албаны — жило на морском побережье. По свидетельству античных историков Албанский союз насчитывал 26 племен с разными языками. Это гаргарейцы,

⁵⁶ Плиний, XI, 36.

⁵⁷ Плутарх. География Страбона, XI, 5, 1.

⁵⁸ Ю. Юшков. О границах Кавказской Албании. «Исторические записки», т. 1, 1937.

⁵⁹ К. В. Тревер. Очерки по истории и культуре Кавказской Албании. М.—Л., 1959.

⁶⁰ В. Ф. Минорский. История Ширвана и Дербента X—XI веков. М., 1963, стр. 27—28.

⁶¹ Я. А. Федоров. К вопросу о раннем этапе этногенеза народов Дагестана. «Советская этнография», 1961, № 1, стр. 113.

⁶² Я. А. Федоров. Происхождение кумыков. Автореферат канд. диссертации, М., 1961, стр. 5.

каспианы, гелы, леки, сильвы и др. Наиболее крупным племенем были удины.

Грузинские источники сообщают, что к началу нашей эры «в Албании жило много (до грех десятков) различных племен. Эти племена уже были объединены в один большой племенной союз, который имел одного вождя»⁶³.

Армянские историки упоминают об Албании как о богатой и густонаселенной стране. Население в ней занималось земледелием, скотоводством, садоводством и ремеслами. Вот как описывает Страбон земледелие албанцев: «Раз засеянное поле во многих местах дает две жатвы, иной раз три, а в первый раз даже сам 50. Все это без пара и железных плугов, только вспахав деревянным плугом. Вся эта долина орошается реками более чем Вавилония и Египет, так что она имеет постоянно зеленый цвет и содержит прекрасные луга. В этой стране и воздух чище. Виноградные лозы не покрываются, но образуются каждые пять лет. Эти лозы дают плод на втором году; когда же они вырастают, то дают столько, что большую часть плода оставляют на ветвях. Как домашние, так и дикие звери получают там прекрасный рост»⁶⁴.

Представление о довольно развитой культуре албанов дают раскопки, производившиеся в Мингечауре, Ялойлу-тепе (в Азербайджане), где были обнаружены сельскохозяйственные орудия, предметы бытового обихода, украшения и т. д.

Данные раскопок говорят, что у албанцев было развито не только земледелие и скотоводство, но и разнообразные ремесла: ювелирное, кузнечное, гончарное дело, обработка шерсти, изготовление льняного полотна. По дифференциации вещей можно судить о том, что у албанцев до известной степени произошло отделение ремесла от сельского хозяйства.

Источники сообщают, что с V века в Албании складывались феодальные отношения. Зависимые крестьяне вносили феодалам (азатам и церкви) ренту продуктами; кроме того церковь обложила население десятиной⁶⁵.

В наиболее развитой земледельческой части Албании образовалось храмовое княжество⁶⁶.

Скудные данные имеем мы о языке албанских племен. Моисей Хоренский сообщает, что в V в. Месроп Маштоц, создавая албанский алфавит, положил в его основу гаргарейское наречие албанского языка, богатое горловыми звуками, «наречие варварское, в высшей степени нескладное»⁶⁷.

⁶³ «История Грузии», стр. 35.

⁶⁴ М. Каганкатвацци. История Агван. Приложение описания Албании по Страбону, стр. 355.

⁶⁵ «Всемирная история», т. III, М., 1957, стр. 132.

⁶⁶ «Всемирная история», т. II, М., 1956, стр. 417.

⁶⁷ М. Хоренский. История Армении. М., 1851, стр. 211; М. Каганкатвацци. История Агван. СПб, 1861, стр. 70—81.

Кавказская Албания просуществовала с IV в. до н. э. до первой половины V в. н. э. В середине I века до н. э. албанские племена были уже объединены в государство. Во главе государства стоял «царь», он же военачальник. Высшая власть в стране сосредотачивалась в руках одного знатного рода.

Албанцы первоначально были язычниками. Главными божествами у них считались небесные светила. Особенно почитали они Луну. Со временем под влиянием сасанидской Персии проникает к ним зороастризм (огнепоклонничество)⁶⁸. В начале V века под влиянием проповедников армянской церкви распространяется христианство. Оно становится ведущей религией в государстве.

Численность войск — шестьдесят тысяч пехоты и двадцать две тысячи конницы, выставленных государственным объединением в одном из своих боевых походов, указывает на военный характер объединения албанских племен.

Для нас наибольший интерес представляет упоминание древними историками гелов и леков в числе албанских племен. В одном случае Страбон локализует легов севернее албанцев, а в другом труде считает, что они живут на территории Кавказской Албании.

Под этнонимами античных авторов «леги» и «гели» мы видим предков современных горских народов Дагестана и Северного Азербайджана, и в частности лезгинской группы как определенной ветви албанцев.

П. К. Услар, изучивший древнейшие сказания о Кавказе и также языки Дагестана, отождествляет древних леков с современными лезгинами. «Лезгины, лиги, леки, — говорит П. К. Услар, — сообщили имя свое горному хребту, отделяющему бассейн Куры от бассейна Риона. Колхида даже называлась иногда поэтами лигистикой, т. е. страной лигов. Весьма вероятно, что лиги, о которых говорит Геродот, были лезгинские выходцы»⁶⁹.

Академик Н. Я. Марр под термином «лек», «леки» видел этническое название лезгин. Он отмечал: «лезгины» — родовое название, — обнимает оно все народы и племена лезгинского ответвления северо-кавказских яфетидов в Дагестане и в Закавказском округе⁷⁰.

---

⁶⁸ До сих пор народности лезгинской группы в виде пережитков сохранили почитание Луны и поклонение огню.

⁶⁹ П. К. Услар. Древнейшие сказания о Кавказе. Тифлис, 1881, стр. 539—540.

⁷⁰ Н. Я. Марр. Кавказские племенные названия и местные параллели, Пб, 1922, стр. 35.

По-видимому, уже в античную эпоху леки — предки нынешних народностей лезгинской группы — занимали те же места, что и ныне — долины рек Кудиала и Самура. До сих пор грузины и армяне называют дагестанцев и в особенности лезгин «леками», персы и арабы — «лакзами», «лекзами». Для народностей Северо-Западного Дагестана они употребляют этнонимы: «дидо», «анди», «дурдзуки», «авары» и т. д. В историко-литературных источниках грузин Лек и Леков были сыновьями мифического родоначальника кавказских горцев — Таргомоса⁷¹. «Лекосу или Лекану, — говорится в предании, — досталась в удел земля от моря Дарубандского (Каспийского) до реки Ломеки (Терека) и до великой хазарской реки (Волги), а Кавказсу же страна — от р. Ламеки до западной оконечности кавказских гор»⁷².

Так в легенде была отражена идея общности происхождения народов.

Однако, этноним «леки» трудно поддается объяснению. Вероятней всего термин этот античного происхождения. Греки и римляне, соприкасавшиеся с горскими народностями преимущественно Южного Дагестана, не уточняя их этнонимы, называли их «леками» — горцами. Затем в период неоднократных вторжений персов, арабов, монголов во многих сочинениях восточных авторов термин «леки» превращается в «лезги», «лакзы». Несомненно, этимология эта исходит из этнонима античных авторов «леки», «леги». В период арабских завоеваний это название произносится и как «лезги» и «лягзи».

Существует и еще одна попытка истолковать значение слова «лезгин». Д. Б. Бутаев считает, что «лезгин происходит от лакского (казыкумухского) слова «лакса» — высокий, возвышенный, горный»⁷³. Повторяя Д. Бутаева и добавив, что лакцы сами себя называют «лак» или «лаккучу», Р. Маршаев делает вывод: термин «леки» относится к лакцам⁷⁴.

---

⁷¹ Согласно генеалогии грузинского народа, изложенной в известной грузинской летописи «Картлис Цховреба» («Жизнь Картли»), прародителем грузинского народа был некий Таргамос, происходивший в свою очередь по прямой линии от библейского Ноя. Отправившись со своим семейством из Вавилонии, он прибыл в страну, расположенную между Араратом и Мазисом. Семейство Таргамоса было очень велико, и среди его сыновей выделялись восемь великанов: Гаос (или Гай), Картлос, Бардос, Мовакан, Лекос (или Лекан), Герос, Кавказос, Эгрос. Между ними Таргамос разделил всю свою землю.

⁷² М. Джанашивили. Известия грузинских летописей и историков о Северном Кавказе и России. «СМОМПК», вып. 22, Тифлис, 1897, стр. 9.

⁷³ Д. Б. Бутаев, О значении слова лезгин, РФ ИИЯЛ, 1960.

⁷⁴ Р. Г. Маршаев, К проблеме этногенеза народов Дагестана, Рук. фонд ИИЯЛ, 1964.

Большинство известных источников между тем все же упорно говорит о леках, легах и лезгах как о жителях Южного Дагестана, но не центрального. Средневековые мусульманские ученые знают лакцев как жителей владения «Гумик» и называют их «казыкумухцами». Эти источники вместе с тем четко говорят о стране «лекз», «лакз», лежащей по реке Самур и о ее жителях — лезгинах. Они сообщают, что их страна находится между Ширваном и Табасараном. Таким образом, территория «лекз», «лакз» является территорией расселения лезгинской группы, а потому и термин «леки», «леги», «лезгин» видимо относится именно к ним.

Е. И. Козубский дает следующее объяснение слова «лезгин». По одним источникам, оно на турецком языке читается как «горский житель», по другим — означает (неизвестно на каком языке) «разбойник»; по третьим — оно ни что иное, как искаженное грузинское слово — «леги» и означает «горец»; дербентские мусульманские ученые утверждают, что название «лезгины» распространено арабами и есть «ля-заги», т. е. нечистые, в противоположность жителям приморской равнины, которые прежде других приняли ислам⁷⁵.

Характерно и то, что лезгиноязычные народности испокон веков известны под именем лезгин, в то время как другие народы Дагестана в разные времена выявили себя под различными названиями. Аваро-андо-дидойские народности раньше были известны под названием магIарул-магIарулал — горцы (магIар — гора). Кумыки и ныне называют всех горцев за исключением лезгин — «тавлулар» — «горцы» — гора. Интересно, что под термином «тавлу» многие годы бытовали и горцы Северного Дагестана и другие северо-кавказские народы. В частности известен этноним кабардинцев — «таули». Отсюда можно заключить, то термины «лек», «леки» как «магIарул», «тавлу» означают понятие «горец», «горцы», однако термины — «лек» и «леки» распространены были для обозначения собственно лезгин и лезгинской группы народностей.

Леки — это, несомненно, нынешние лезгины, с глубокой древности живущие на территории, занимаемой ими в настоящее время. Частое употребление в Грузии терминов «лек», «лекеби», а в Азербайджане — «лезгиляр» послужило причиной того, что под лезгинами стали подразумевать всех жителей горного Дагестана. Между тем с термином «лезгин» надо увязать, собственно, самих лезгин и народности близкой к ним языковой группы.

---

⁷⁵ Е. И. Козубский. Дагестанский сборник, вып. I, Т-Х-Шура, 102, стр. 4.

Ранняя этническая история лезгин и лезгинских групп тесно связана с Кавказской Албанией. Этим следует объяснить и тот факт, что арабские писатели IX—X вв. локализуют леков и страну «лакзов» не на весь Дагестан, а лишь на территорию Ширвана, т. е. бывшую сердцевину Кавказской Албании. Имеется прямое указание и о том, что в древности Ласжистан — страна лезгин — назывался Банией (т. е. Албанией)⁷⁶. В состав Кавказской Албании входили многочисленные горские племена Азербайджана и Дагестана, находившиеся на различных ступенях социально-экономического развития.

Нам кажется не лишеном основания и мысль Н. Зейдлица о том, что «Албания составляла конфедерацию малых княжеств, изредка и временно признававших над собой одного короля»⁷⁷. По всей вероятности, у них не сложилось ни общего языка, ни общей экономической базы. В этом заключалась главная причина непрочности, недолговечности Кавказской Албании.

У лезгинских племен, входивших в ее состав до VII века нашей эры, социальные отношения феодализировались, но местами продолжали существовать первобытно-общинные отношения. Главным занятием горных лезгинских племен было скотоводство, носившее полукочевой характер. Лезгинские племена прибрежных районов занимались преимущественно земледелием.

В начале нашей эры подъем производительных сил, развитие обмена и торговли, рост населенных пунктов способствовали разложению первобытно-общинных отношений. Важным событием ранней политической жизни Албании была борьба за независимость. Уже в первом веке до н. э. римляне встречают активное сопротивление албанцев, но в 36 г. н. э. Албания все же попала в зависимость от римлян и до середины V в. н. э. подвергалась непрерывным нашествиям римлян и персов-сасанидов. Нашествия эти привели к ослаблению, а затем и к распаду государства.

В 461 г. Албания вошла в состав Персии в качестве отдельной провинции (марзапанство). Неоднократные попытки албанцев сбросить персидское иго не увенчались успехом. Затем сама Персия и ослабевшая Албания подвергаются нашествию арабов. Завоевав Албанию в первой половине VII века, арабы переименовывают ее в Аран. В арабских источниках мы уже не встречаем названий «Албания» и

---

⁷⁶ «Дербент-намэ», Тифлис, 1898, стр. 52, прим. 35.

⁷⁷ Н. Зейдлиц. Исторический обзор Бакинской губернии. Кавказский календарь на 1871 г., стр. 6.

«албанцы». Армянские историки все же продолжают именовать эту территорию Агванией⁷⁸.

По всей вероятности, «Албания» и «албанцы» были не столько этническими, сколько политическими терминами, объединившими разрозненные горские племена. Нам кажутся правильными высказывания некоторых исследователей о том, что само наименование страны «Албания» передает понятие «страна гор», где живет множество горских народностей, говорящих на разных языках. Греко-римские авторы под словом Албания (как позднее в устах турков и иранцев — Дагестан) понимали одновременно и «страну гор» и «гору языков». Предположение это впервые было высказано Н. Я. Марром. «Принимая во внимание, — говорит К. В. Тревер, — что Балканская Албания как Шотландия, является страной горной, это объяснение представляется довольно убедительным»⁷⁹. (Кельтское слово «aib» означает гора, а следовательно его жители (албанцы) — горцы).

В период расцвета Кавказской Албании создавались условия для сближения и слияния родственных горских племен. Видимо, на определенный период многочисленные горские этнические группы образуют союз албанских племен, в составе которого происходит нивелировка их языков и культуры. Но процесс их сближения и консолидации был приостановлен нашествиями персов и арабов.

Не отрицая вхождения в состав многоплеменной Кавказской Албании предков современных аварцев, лакцев, даргинцев, татов, частично армян и азербайджанцев, мы склонны считать, что основное население в ее центральной части составляли лезгинские племена. Это были предки удинов, будугов, хиналугов, крызов, лезгин, табасаранцев, рутулов, цахуров, агулов. В период расцвета Кавказской Албании и образования государственности все эти племена объединялись под названием «албанцы», близким по своему значению словам: «горцы», «дагестанцы».

«Может статься, — писал А.-К. Бакиханов, — что Албания получила свое название от римлян. Слово Albi (белый) употреблено в смысле «свободный», «непокорный»⁸⁰.

Догадка о горском, лезгинском происхождении албанцев была высказана неизвестным автором в статье об Албании в Британской энциклопедии⁸¹.

⁷⁸ М. Кагацкатвацци. История Агван. Перевод К. Патканова. СПб, 1861.

⁷⁹ К. В. Тревер, Очерки по истории и культуре Кавказской Албании. М.—Л., 1959, стр. 4.

⁸⁰ А. К. Бакиханов. Гюлистан-Ирам, Баку, 1926, стр. 9.

⁸¹ К. В. Тревер. Очерки по истории и культуре Кавказской Албании, М.—Л., 1959, стр. 40.

Армянский историк М. Хоренский, считавший леков народом Агвании, сообщает о битве, происшедшей в царствование армянского царя Баба (370—377 гг. по р. х.), в которой был убит царь леков по имени Шергийр⁸². В грузинской летописи «Картлис Цховреба» и «Дербент-намэ» лезгины упоминаются как древнейшие жители Кавказа, в частности Южного Дагестана. В предании лезгин, получившем отражение в литературе, говорится, что задолго до нашей эры их предки жили на юге страны, но были вытеснены оттуда пришлыми северными кочевниками⁸³.

С. В. Юшков пишет, что «видимо, страна легов входила в состав Албании. Леги, если их считать предками лезгин, должны жить по Самуру, т. е. южнее Дербента, и в настоящее время ни одна из лезгинских народностей не живет севернее широты этого древнего города»⁸⁴.

Все это дает возможность предполагать, как упоминалось выше, что исчезнувшие албаны и существующие древние удины⁸⁵, хиналуги, крызы, будуги, вместе с рутулами, цахурами, агулами, табасаранцами, лезгинами являются племенами лекского или албанского происхождения. Албаны и леки, или лезгины должны быть этнически родственными народами.

В этом свете нам кажется правильной мысль, высказанная Е. И. Крупновым о том, что в раннем средневековье на Северном Кавказе образовался ряд крупнейших этнических массивов, иногда покрывавшихся и собирательными терминами⁸⁶. Одним из таких собирательных этнических терминов для Южного Дагестана, в частности для народностей лезгинской группы, и был — «леки». Этноним этот, видимо, до позднего средневековья объединял только эти народы, а позднее стал общим для всех горцев. Этим объясняется и то, что на территории Северного Азербайджана и Южного Дагестана чаще всего встречаются этнонимы и топонимы: лек, лекит, легер, лезги и другие. Показательно и то, что Ширван (часть древней территории Кавказской Албании) в географическом словаре арабского географа Якута называется «Ширваном лакзов».

⁸² «Армянская география VII в. по р. х.» 1877, стр. 36; М. Хоренский. Армянская история с кратким географическим описанием древней Армении СПб, 1890, т. II, стр. 225.

⁸³ В. Швецов. Указанная работа, стр. 3.

⁸⁴ С. В. Юшков. К вопросу о границах древней Албании. «Исторические записки», т. I, 1937, стр. 135.

⁸⁵ Удины считаются наиболее древними жителями Восточного Кавказа. Античные авторы помещают их на азербайджанском и дагестанском побережьях Каспийского моря. Еще в раннем средневековье удины были довольно многочисленным племенем и занимали значительную территорию, простирающуюся от южных отрогов Главного Кавказского хребта до Аракса.

⁸⁶ Е. И. Крупнов. Древняя история Северного Кавказа. М., 1960, стр. 395—396.

Письменные источники и археологические данные приводят нас к убеждению, что до распада Кавказской Албании, до вторжения персов и арабов в Закавказье, лезгинские племена жили общей жизнью с другими этническими группами Кавказской Албании. Языковеды находят лезгинский язык одним из древнейших языков: «...лезгинский язык обнаруживает сходство с удинским языком, который считается одним из пережиточно сохранившихся языков древней Албании и входит в лезгинскую языковую группу»⁸⁷.

Этнографическое обследование территории расселения лезгин в Северном Азербайджане и Южном Дагестане указывает на те же данные: лезгины — древнейшие жители края. Представляет интерес и словесное обозначение сел в Кубинском и Кусарском районах. В них немало топонимических названий, объясняемых лезгинским языком. До сих пор в Азербайджане бытуют такие древние наименования мест, как Албания, Алпанар (Албания — М. И.), Арран, Ран (название Албании, данное арабами — М. И.), Уч-Гун, Гуннар, Яр-Гун (по-видимому гунны — М. И.), Гиль, Гильяр, Хазры (Хазары — М. И.), лезги-легер, ций хюр, кусар, лек, лекиг, лаза. Названия таких рек, как Кусар-Чай, Кудиял-чай, протекающих по территории Северного Азербайджана, также объяснимы лезгинским языком⁸⁸.

Этнографическое изучение кубинских лезгин приводит к мысли, что в древние времена они были преобладающим населением края. Повсеместно сохранились на территории топонимические названия, — «лек», «лег», «легер», «гиль» и др. Они напоминают нам древние этнонимы — «леки», «гели». Численность лезгинского населения стала уменьшаться здесь во времена распада Кавказской Албании, а затем прихода на эту территорию волны тюркского, а вслед за ним и монгольского населения. Можно полагать, что часть албано-лезгинского населения подверглась насильственной ассимиляции. Этим следует объяснить, на наш взгляд, и двуязычие. Кубинские лезгины знали и знают свой родной и азербайджанский языки. Известно также, что некоторые села в прошлом с лезгинским населением в настоящее время почти потеряли свой родной язык, ассимилировались в азербайджанской среде и считаются азербайджанскими.

В 1886 г. жители сел. Хурай Суваджал и Юхари-легер считались лезгинами, а жители сел. Гирей и Сусай как «смесь татар с лезгинами». По поводу этих селений известный дагестанский языковед М. М. Гаджиев, изучавший в 1955 году

⁸⁷ А. С. Чикобава. Введение и языкознание, ч. I, 1953, стр. 293.

⁸⁸ Полевой этнографический материал. Собиран в Кубинском и Кусарском районах Азербайджанской ССР летом 1956 года, М. М. Ихтилов. Кубинские лезгины «Ученые записки ИИЯЛ», т. II, Махачкала, 1957.

кубинский диалект лезгинского языка, сообщил: «В настоящее время жители всех этих деревень считаются азербайджанцами. Можно предположить, что лезгинская часть населения этих пунктов ассимилировалась с азербайджанцами или переселилась в другие пункты»⁸⁹.

Изучение письменных источников, данных этнографии и топонимики позволяет сказать: лезгины в период Кавказской Албании занимали более значительную территорию на юге, чем в настоящее время. Они жили и на левобережье Самура и по всему правобережью до снежных вершин Главного Кавказского хребта.

Археологические находки подтверждают заселение этой территории предками современных азербайджанцев и лезгин. Памятники албанского времени в Азербайджане — ялой-лутепинская культура и кувшинные погребения на Мингечауре — одинаковы по происхождению и принадлежат не только азербайджанцам, но и лезгинам.

Разнообразные кувшины, обнаруженные в 1959 г. Южным отрядом дагестанской археологической экспедиции в лезгинских селениях Ашаге Цините, Циане, Сарадаркенте и вещи, найденные в могильниках близ сел. Хлют, Микраха и др., имеют прямую аналогию с культурой Азербайджана времен Кавказской Албании.

Особую близость к находкам Мингечаура обнаруживают вскрытые нами в отдаленном рутульском селении Хив трехъярусные могильники — типа каменных ящиков. Извлеченные из одной гробницы ажурные бронзовые браслеты аналогичны браслетам верхнего слоя третьего погребения Мингечаура⁹⁰.

Южный Дагестан в археологическом отношении изучен недостаточно. Мы не сомневаемся, что будущие раскопки вновь подтвердят наши предположения о близости культуры населения Южного Дагестана и Северного Азербайджана времен Кавказской Албании.

Языки народов Дагестана вообще близки и родственны между собой. Но особенно близки языки лезгинской группы народностей. Языки лезгинский, табасаранский, рутульский, цахурский, агульский вместе с языками шахдагской подгруппы: удинским, хиналугским, крызским, будугским — имеют общее происхождение. Следует полагать, что до распада Кавказской Албании у предков лезгинской этнической группы существовал понятный для всех и наиболее распространенный лезгинский язык. На лекском — албанском языке — и

⁸⁹ М. М. Гаджиев. Доклад на отчетной сессии Даг. филиала АН СССР «Кубинский диалект лезгинского языка», 1956.

⁹⁰ Устное сообщение азербайджанского археолога Р. Ваидова в Махачкале, 1959; М. М. Ихтилов. Хювщи. «Ученые записки ИИЯЛ, Даг. филиала АН СССР», № 6, 1959, стр. 276.

была создана письменность. Языки албанских племен, как считали античные географы, по отношению к лексному являются не более как диалектами и наречиями.

Ознакомление с алфавитом этой письменности привело исследователей (А. Шанидзе, Н. Абуладзе) к выводу, что буквы его передают звуки горского языка⁹¹. Однако при слабой изученности новооткрытого албанского алфавита трудно утверждать, на каком именно горско-албанском языке была создана письменность. Существует по этому вопросу ряд мнений. По утверждению М. Хоренского Месроп создал письменность на гаргарейском языке. Но кто такие гаргары, к какой именно этнической группе албанских племен они относились? По одному тому, что язык гаргарейцев богат горловыми звуками, причислить их к одной из групп народностей Дагестана трудно, ибо этой особенностью отличаются все горские языки. Но мы знаем, что античные авторы причисляют гаргарейцев к народности центральной Кавказской Албании. В этой же части Албании, как, известно, жили только горские народности лезгинской группы.

В этом отношении представляет интерес гипотеза дагестанского языковеда Г. Х. Ибрагимова. Он считает, что албанская письменность была создана на языке цахур, у которых из всей группы лезгин — наиболее гортанный язык. В рутулах, и в частности цахурах, он видит античных гаргарейцев⁹². В подтверждение Г. Х. Ибрагимов дает толкование этнонима «гаргар» в рутульском и цахурском языках, где он употребляется как форма обращения (сосед, близкий). Больше того, упомянутый автор считает, что даже в XII—XIII веках продолжала существовать албанская письменность. В подтверждение он приводит сообщение Захария Казвини (XIII в.) о том, что в Цахуре на лезгинский язык были переведены две мусульманские книги «Компендии Музани» и «Имама ал-Шафай»⁹³.

Но можно ли на основании сказанного отождествлять этническую преемственность гаргарейцев с цахурами и рутулами, как и утверждать, что переводы вышеуказанных книг были осуществлены на основе «письменности» цахур? Думается, что — нет.

Исследователи горских языков и культуры Ю. Д. Дешериев, Е. И. Крупнов видят в гаргарейцах чеченцев и ингу-

⁹¹ А. Шанидзе. Новооткрытый алфавит кавказских албанцев и его значение для науки. Изв. Института языка, истории и материальной культуры Грузинского филиала, 1938, IV (к. 2), стр. 37; Н. В. Абуладзе. Новые сведения о существовании письменности у кавказских албанцев. «Сообщ. Груз. филиала АН СССР», т. I, 1940.

⁹² Г. Х. Ибрагимов. К вопросу языка и письма кавказских албанцев. Рукоп. фонд ИИЯЛ, 1963, стр. 6—7.

⁹³ Там же.

шей. Наиболее интересна гипотеза А. Г. Шанидзе. На вопрос, на каком языке была создана письменность у албанцев, он отвечает: «По своему звуковому составу албанский язык близко стоял к современному удинскому языку — языку жителей селений Варташена и Ниджа»⁹⁴. Больше того, А. Г. Шанидзе считает, что «современные удины — потомки древних «утнев» или «албанцев»⁹⁵.

Предположение А. Г. Шанидзе о том, что албанская письменность была создана на основе удинского языка, подтверждается изысканиями профессора Ашота Абрамяна. Он первый приступил к расшифровке албанских (агванских) надписей. Во время раскопок в Мингечауре на деталях стропил и на глиняных предметах найдено несколько фрагментов албанских врезных надписей. Одна из них сделана в древнем храме Мингечаура⁹⁶. Ключом для расшифровки албанских надписей послужил агванский алфавит, сохранившийся в архиве Матенадарана имени Маштоца (в Ереване) в рукописи № 7117, переписанной в первой половине XV века. «Изучение данного алфавита, — говорит А. Абрамян, — показало, что в нем имеются немалые искажения как в начертаниях знаков, так и в названиях букв. Выяснилось, что агванский алфавит составлен по порядку букв армянского алфавита; в нем, в основном, использована очередность букв армянского алфавита, а в промежутках добавлены те агванские буквы, звуки которых свойственны агванскому языку и отсутствуют в армянском алфавите. Причем, большинство этих букв помещены в алфавите рядом с однозвучными знаками. Выяснение этого принципа дало возможность исправить ряд ошибок и уточнить названия отдельных языков искаженного алфавита»⁹⁷.

А. Абрамян удалось восстановить начертания знаков албанского письма и их звуковое значение. Пользуясь армянскими и грузинскими буквами, на основе удинского языка, он дешифровал ряд надписей кавказских албанцев, в частности надпись на камне, найденную во время раскопок христианского храма в Мингечауре. В ней сообщается, что «храм сооружен в 640 году в память епископа Обела»⁹⁸.

---

⁹⁴ Указанная работа, стр. 38.

⁹⁵ А. Г. Шанидзе. Язык и письмо кавказских албанцев. «Труды двадцать пятого международного конгресса востоковедов», т. III, М., 1963, стр. 517.

⁹⁶ С. М. Казиев. Албанская надпись в Мингечауре. «Доклады АН Азерб. СССР», Баку, 1948, стр. 137—138 (на азерб. языке).

⁹⁷ А. Г. Абрамян. Письмо и язык кавказских агван. «Тезисы докладов на научной сессии по сравнительно-историческому изучению иберийско-кавказских языков Северного Кавказа», Махачкала, 1965, стр. 20.

⁹⁸ А. Г. Абрамян. Дешифровка надписей Кавказских агван, Ереван, 1964, стр. 45.

Сведения албанских надписей дают основание предположить, что храм в Мингечауре является ни чем иным, как кафедральным храмом святого Егише, упомянутым автором «Истории агван», в местечке Гис или Гиш⁹⁹. Тот факт, что на территории Албании с древнейших времен известны уди (удины) и потомки их продолжают жить здесь поныне, позволяет еще раз утверждать, что удины являются одним из древних местных племен, и албанская письменность была создана, по всей вероятности, на основе их языка.

Следует, однако, заметить, что в деле дешифровки албанских надписей сделано еще немного. Дешифровка производилась только на основе удинского языка, тогда как удинский язык всего лишь один из языков народностей лезгинской группы. В исторических источниках идет речь о создании албанской письменности на в е д у щ е м горском языке. Таким языком мог быть, нам кажется, не племенной язык — удинский, гаргарский, рутульский, цахурский, — а общелекский — лезгинский язык. Этим вероятно объясняется и то, что Захария Казвини жителей рутульских и цахурских сел (Шиназа, Цахура) еще в XIII веке причислял по языку и культуре к лезгинам.

Доказательством преобладания в Албании горского населения являются проживающие на этой территории в настоящее время народы лезгинской языковой группы, сохраняющие древние формы материальной культуры, обычаев, обрядов, этнонимов и т. д. Пришлые иноэтнические элементы составляли меньшинство в среде кавказских албанцев¹⁰⁰. Все это дает основание говорить, что язык, на котором была создана письменность у албанцев, был горско-лезгинский. Бесписьменными были лишь горские языки, тогда как у соседних с албанцами народов — персов, армян, грузин — письменность сложилась уже давно и была даже известна некоторая литература.

Зародившаяся в период Кавказской Албании горская письменность существовала короткое историческое время, видимо, была несовершенной и не получала широкого распространения. Она не оставила после себя значительного литературного наследия. Если бы албанская литература существовала, она стала бы известна и нам.

Нашествие персов-сасанидов, затем арабов привело к уничтожению культурных ценностей Албании. Завоеватели искореняли местную горскую албанскую культуру, заставляли коренное население, исповедывающее христианство, принимать огнепоклонничество, а позднее с приходом арабов-

⁹⁹ А. Г. Абрамян. Упомянутые тезисы, стр. 21.

¹⁰⁰ З. И. Ямпольский. О связях Азербайджана и Кавказской Албании. «Материалы по археологии Дагестана», т. II, Махачкала. 1961.

мусульман — ислам. Албано-лезгинские племена под напором завоевателей покидали прибрежные районы и уходили в глубь гор. Этнические группы лезгин создавали там своеобразные общества. И в этих случаях отпочковавшиеся родственные племена и этнографические группы старались сесть вблизи друг от друга. Как правильно отмечает Ф. Энгельс, в таких условиях «каждое племя оседало на новом месте не по прихоти и не в силу случайных обстоятельств, а в соответствии с родственной близостью соплеменников»¹⁰¹. Этим объясняется тот факт, что и поныне народности лезгинской группы расселены более или менее компактно. М. О. Косвен пишет: «Лезгины сохраняют поддерживаемое особыми географическими и историческими условиями разделение на живущих в Дагестане: собственно лезгин, табасаран, агулов, рутульцев и цахуров, и живущих в Северном Азербайджане: хиналугцев, джеков, будугов, крызов и удин»¹⁰².

С течением времени в языке, быте и культуре этих обществ, в силу естественно-географических условий, натуральной формы их хозяйства, эндогамных норм, междоусобных распрей складывались и углублялись свои особенности. Так, спустя сотни лет, у обособившихся албано-лезгинских племен появились своеобразные говоры, диалекты и языки. Вероятно, так сформировались табасаранский, рутульский, цахурский и агульский языки.

По языковому признаку народы Дагестана (аварцы, даргинцы, лезгины с их подгруппами, лакцы) составляют генетическое единство, иначе говоря, происхождение их языков возводится к одному языку-основе. Следовательно, можно полагать, что происхождение носителей этих языков также восходит к одному народу.

Еще большую близость проявляют между собой языки родственных групп — аварский, даргинский, лезгинский. «Систематическое сравнение дагестанских языков, — говорит Е. А. Бокарев, — показывает, что существует лексический фонд, общий для всех дагестанских языков и восходящий к далекому прошлому их истории. Этот общий лексический фонд характеризуется определенными регулярными звуковыми соответствиями, что свидетельствует об его исконности, а следовательно, и о генетическом единстве дагестанских языков. Иными словами это свидетельствует об их происхождении из одного и того же праязыка, который впоследствии в процессе исторического развития распался на ряд

¹⁰¹ Ф. Энгельс. Марка, М., 1952, стр. 114.

¹⁰² М. О. Косвен. Этнография и история Кавказа. Исследования и материалы, М., 1961, стр. 21.

отдельных языков. Процесс языковой дифференциации, вызванный хозяйственной и территориальной разобщенностью, привел в конце концов к тому обилию языков и диалектов, которое является характерной особенностью Дагестана в настоящее время¹⁰³. Существование пранарода и праязыка Е. А. Бокарев относит к эпохе энеолита. О времени же возникновения отдельных языков автор не говорит.

Общее происхождение языков народностей лезгинской группы прослеживается не только на множестве общих для них слов и корней, но и в грамматическом отношении. «В лезгинском и агульском языках, граничащих с табасаранским языком, а также в удинском, — замечает А. Магомедов, — выявляются окаменелые классные показатели, свидетельствующие об историческом наличии в этих языках изменяющейся системы грамматических классов»¹⁰⁴.

Даже не языковеду на сравнительном языковом материале легко проследить родство языков народностей лезгинской группы.

Приведем для примера несколько десятков слов:

Русский	Лезгинский	Табасаранский	Рутульский	Цахурский	Агульский
1	2	3	4	5	6
Бешмет	валчагъ	валжагъ	валчагъ	валчаг	валчаг
Вершина	кIукI	кIакI	кIул	кIол	кIукI, парз
Вилы	кьюк	кьюрш, кIямхъ	хылан	йаба	ковуый
Голова	квил	кIул	кIул	калле	кIил
Гора	сув	сив	сив	суна	сув
Девушка	руш	риш	реш	пым	руш
Дед	чIехи буба	аьхю аба	баба	баба	ахадад
Жених	ччам	жам	жам	бег	—
Жилище	кIвал	хал	хал	хав	хал
Земля	ччил	жил	начь	джил, накъ	—
Зима	кьуд	кьюрд	кьюд	кьудум	гIурд
Ковер	халича	халачи	халича	халча	бартIал
Коза	цIегъ	цIигъ	цIи	цIеэ	цIегъ
Кремень	чахмах	чахмах	чахмах	чахмах	чахмах
Лед	мух	миркк	мек	мук	мурк
Лопата	кьусу	кьурси	бер	курах (бел)	кIитIа
Мельница	регъ	рагъми	рэх	йоха	рахъ
Мера	уьлчме	уьлчме	уьлчме	уьлчме	уьлчме

¹⁰³ Е. А. Бокарев. Введение в сравнительно-историческое изучение дагестанских языков, Махачкала, 1961, стр. 57.

¹⁰⁴ А. А. Магомедов. Табасаранский язык (исследование и тексты), Тбилиси, 1965, стр. 79.

1	2	3	4	5	6
Мясо	як/йак	никк	лак	чуру	йакI
Невеста	свас	швшув	свас	истах	сус
Решето	саф	сиф	сухь	веха	зерфел
Рог	карч	кIарч	кач	гъач	кIарч
Огонь	цIай	цIа	цIай	цIа	цIай
Орел	лекь	лкь	лег	кьатир	лукI
Пастух	чубан	чубан	хебакан	наъхирван	хуппакъ
Прялка	чхра	чухра	чхра	чIерс	чухра
Раб	лукI	лукI	лэк	кул	лукI
Серп	мукал	дагъур	араб	чин	—
Сыр	нисн	нис	ниса	нисе	нис
Ток	рат	рац	рат	атта	рат
Тулуп	кавал	кавал	кавал	кавал	архалук
Улий	куънуь	варф	гъубагъ	геджи	варар
Ухо	яб (йаб)	ибу	ибур	кIыры	ябур
Ярмо	вик	юрккань	хивва-эд	окь	яркь
Язык	цIал	цIал	миз	миз	цIал
Ячмень	мух	мух	хIтIа	хътIа	мух

Большое сходство имеют между собой лезгинский, табасаранский и агульский языки. Многие слова этих языков почти одинаковы. Приведем для примера некоторые из них:

Русский	Лезгинский	Табасаранский	Агульский
1	2	3	4
Год	йис	йис	ис
День	йугъ	йигъ	йагъ
Палец	тIуб	тIуб	тIуб
Плечо	къуьн	гъюн	гIун
Дерево	ттар	гъар	дар
Небо	цIвав	зав	зав
Просо	ццуIкI	дукI	дукI
Камень	къван	гъван	гъван
Зуб	сас	с(н)ли	силе

Множество слов, сходных с лезгинскими, можно обнаружить и в языках шахдагской подгруппы. Как видно из приведенного перечня, большинство коренных слов у лезгинских народностей имеет общее происхождение.

У всех народностей группы одинаковы и названия сельскохозяйственных орудий, жилища, селений и т. д. Селение у лезгин — «хуър», у табасаранцев — «къул», у рутулов — «муIхъ», у цахуров — «хив», у агулов — «гъор». Названия эти исходят из одного корня. Еще большая близость в названии жилища. У лезгин дом — «кул» (квал), у табасаранцев,

рутулов и агулов — «хал», у цахуров — «хав». Корневой элемент в названии селения и жилища один х' къ (гъ). Это позволяет говорить о лингвистической общности. Название жилища легло в основу понятия «селение». В древности дом, жилище, селение было одним понятием. Очевидно происходил тот же процесс образования слов, что и у грузин-горцев. У них под названием: «сахали» подразумевается: дом, семья, род, общество. В буквальном переводе это означает — люди одного дома, очага, огня (са — один, хал — жилища). Это еще раз показывает не только родство народностей лезгинской группы между собой, но даже и близость ее с грузинско-картвельскими племенами.

С древнейших времен вплоть до средневековья многоязычные горские народы Кавказа, а в ряду их и лезгинская группа, сохранили свою этническую особенность и культуру, утвердили ее, несмотря на всякого рода исторические события.

История их в этом отношении очень близка к истории других горских народностей. Изучая процессы обособления племен на Памире и Кавказе, Ю. Г. Рычков приходит к выводу: «В предгорьях Памира и Северного Кавказа, на равнинах Средней Азии и Южной России история двух последних тысячелетий характеризуется многократной сменой культур, народов, религий, а следовательно, и обычаев. Все эти события миновали или затронули в ничтожной степени затерявшиеся в ущельях Памира и Большого Кавказа племена горцев. Сравнительно неподвижной представляется нам история этих племен, сохранивших реликты древних языков, культуры, социальной организации. Даже проникновение в эти районы мусульманства не поколебало существовавших традиций. Мало вероятны сколько-нибудь существенные изменения и в демографии этих районов. Крайне скудные экономические ресурсы в сочетании с технической отсталостью сурово ограничили и стабилизировали самую численность племен»¹⁰⁵.

С распадом Кавказской Албании из лекско-албанской среды выделялись и обособлялись этнографические группы близкого родства. Это привело со временем к образованию независимых этнографических территорий, и в свою очередь, к распаду племенных диалектов и к образованию новых языков, таких как рутульский, цахурский, агульский и другие. Ф. Энгельс, характеризуя период распада племенных организаций, писал, что вместо родов и племен выдвигается разделение граждан по месту их жительства. «Решающее значение имела уже не принадлежность к родовым союзам, а

---

¹⁰⁵ Ю. Г. Рычков, Антропологические исследования процесса изоляции на Памире и Кавказе, М., 1964, стр. 3.

исключительно место постоянного жительства, не народ подвергался делению, а территория; население в политическом отношении превращалось в простой придаток территории»¹⁰⁶.

Так, на смену племенным диалектам и приходят территориальные диалекты; племя как этническое образование начинает терять свое значение. На занимаемых племенными группами территориях вырабатываются специфические черты, появляются местные территориальные диалекты, в основе которых лежит один общий язык. Происходит как раз то, что у Энгельса отмечено как «...новообразование племен и диалектов путем разделения»¹⁰⁷. С течением времени в силу естественно-географических, экономических условий существования эти территориальные диалекты настолько расходятся, что образуются относительно новые языки. По сути дела то же самое происходило у народностей лезгинской группы.

Поэтому первые сведения о табасаранцах, рутулах, цахурах, агулах, как о самостоятельных народах, мы находим не у античных, а у средневековых армянских, грузинских и арабо-мусульманских авторов.

Наиболее рано из среды народностей лезгинской группы отпочковалось племя табасаранцев. О них, как о самостоятельном племени мы имеем сведения уже в ранних средневековых источниках. Ко времени распада Кавказской Албании они уже имеют отдельную область — Табасарань. Армянский историк Егише (V в. н. э.) сообщает, что в горах, неподалеку от Дербентского прохода проживает одиннадцать «горных народов», среди которых впервые упоминается племя «таваспаров» (табасаранцев — М. И.)¹⁰⁸. Жили они между Дербентом и рекою Самур. Табасаранцы упоминаются также в числе горного и равнинного народа, завербованного Вассаком для борьбы с персами¹⁰⁹.

Итак, мы рассмотрели как из народностей лезгинской группы выделялись и утвердились «табасаранцы». Посмотрим, по мере возможности, как возникли общества рутулов и цахур. О них впервые стало известно в годы первых арабских завоеваний¹¹⁰. Труды арабских историков и географов IX—X вв. дают большой перечень этнографических территорий и владений: Лекз или Лакз, Табасаран, Зирехгеран, Хайдах, Гумик, Серир, Джудан и другие. Арабские географы говорят о многочисленности и воинственности жителей области, расположенной на территории бывшей Кавказской Албании (Самур, Шабиран, Мушкур).

¹⁰⁶ «Архив Маркса и Энгельса», т. IX, стр. 79.

¹⁰⁷ Маркс—Энгельс, соч., т. XXI, стр. 93, 117.

¹⁰⁸ «История Егише Вардапета», Тифлис, 1853, стр. 157, 339.

¹⁰⁹ Егише. О Вердане и Армянской войне. Перевод Е. Тер-Минояна, Ереван, 1957, стр. 94.

¹¹⁰ Дербент-намэ, Тифлис, 1898.

В период нашествия монголо-татар (XIII—XIV вв.) лезгины упоминаются уже как многочисленная народность Южного Дагестана и Северного Азербайджана. Лезгины имеют своих правителей (эмиров). В трудах историков сообщается, что в XIII веке «в Северной части Азербайджана жители Лезгинстана часто переставали подчиняться власти, восставали против нее и скрывались в труднодоступных горах»¹¹¹.

В различного рода письменных памятниках культуры периода вторжения в страну монголов также часто упоминаются земли лезгин¹¹².

Равнинная часть Северного Дагестана и его прибрежная полоса до Дербента в VI—VII вв. оказались под властью хазарского каганата. Еще до прихода арабов на этой территории происходили ожесточенные войны между персами-сасанидами и хазарами. Хазары неоднократно захватывали Дербент и проникали в южные районы страны. В источниках сообщается, что еще в период борьбы с сасанидами «каган», царь хазарский, завоевал Дербент и часть вольных обществ. В городе Микрах (ныне небольшое селение) он оставил наместником одного из своих соплеменников по имени Самсам¹¹³.

В борьбе с хазарами, персы-сасаниды пытаются обосноваться в районе Дербента. Укрепив Дербент мощными оборонительными сооружениями, персы-сасаниды вторгаются в Табасаран и Лезгинстан. Для упрочения на этой территории сасаниды переселяют сюда иранских колонистов — татов. В результате вокруг Дербента и близлежащих земель Табасарана возникают поселения: Джалган, Митаги, Мугатиры, Зириан, Камах, Билгади. Однако, персы-сасаниды не смогли здесь закрепиться. С одной стороны, непрерывные вторжения хазар с севера, с другой — нашествия арабов с юга привели к распаду сасанидской Персии.

В 630—633 гг. Персия была завоевана арабами и вошла в состав Халифата. Арабские завоеватели так же, как персы придавали важное значение Дербенту и Южному Дагестану. Этим завоевателям понадобилось более ста лет, чтобы овладеть Дербентом и некоторыми близлежащими районами. Как и персы-сасаниды, арабы, завоевав часть территории Южного Дагестана, принуждают покоренное население принять ислам, вводят сюда арабских колонистов. Арабские поселения возни-

¹¹¹ А.-К. Али-Заде. К вопросу о положении крестьян в Азербайджане в X—XIV вв. «Труды Института истории и философии», т. III, Баку, 1959, стр. 141.

¹¹² Рашид-ад-дин, т. III, стр. 60.

¹¹³ А. Ф. Десимон. Исторические сведения о Самурском округе. 1839, ЦГВИА, ф. ВУА, д. 18488. «История, география и этнография Дагестана XVIII—XIX вв.» Архив. материалы под редакцией М. О. Косвена и Х.-О. Хашаева, М., 1958, стр. 384.

какот в окрестностях Дербента. Несмотря на попытку арабов захватить весь Южный Дагестан, часть лезгин и табасаранцев (лезгинские населенные пункты: Микрах, Ахты; табасаранские — Дарваг, Зиль, Ерси) оставались хазарскими.

В начале VIII века территория Кавказской Албании окончательно подпала под власть арабов. С этого времени и начинается их экспансия в Дагестан. Арабские географы IX—X вв. очень часто сообщают о хазарах, лезгинах, табасаранах, которые в борьбе с арабами-завоевателями выступают совместно.

В IX—X вв. арабская агрессия в Дагестан усиливается, и хазары терпят одно поражение за другим. Однако, в X веке еще имели место совместные выступления хазар, лезгов, алан, русов против мусульманского Ширвана¹¹⁴. Вильгельм Рубрук, посланный в 1253 г. французским королем Людовиком IX к монгольскому хану Мангу, сообщает, что лезги, хазары и аланы оказывали мужественное сопротивление монголам¹¹⁵. Как раз к этому периоду относятся и сообщения Захария Казвини о цахурах и рутулах, о хозяйственной деятельности двух лезгинских городов Шиназ и Цахур: «Цахур — главный город страны лезгин» ...«нет главаря (у них), но есть у них хатиб (т. е. проповедник), который молится с ними, и казий, который разбирает тяжбы между ними по учению имама ал-Шафеи»¹¹⁶.

Ни Казвини, ни Бакуви не видят этнических различий между жителями Шиназа и Цахура и считают их лезгинами. Между тем первые — рутулы, а вторые — цахуры.

Однако, нам кажется более правильным замечание Л. Н. Генко: «Отождествлению «главного города страны лезгин» с современным Цахуром, — пишет он, — с точки зрения точной этнографической классификации, могла бы, на первый взгляд, помещать принадлежность современных цахурцев к особой, отличной от лезгин, языковой группе... Означенное затруднение представляется тем не менее несущественным в виду того, что называемый тем же Захарием Казвини Шиназ (городок из числа городов лезгин), также не лезгинское в строгом смысле этого термина, а рутульское по языку селение. Это последнее обстоятельство и ряд иных данных арабских географов, космографов и историков не оставляют сомнения в более широком значении термина «лезгин» в му-

---

¹¹⁴ М. Мавродин. Начало мореходства на Руси. Л., 1941, стр. 51; Минорский. История Шабрана и Дербента. М., 1962; В. В. Бартольд. Известия о руссах, «Советское востоковедение», 1940, № 1.

¹¹⁵ В. Рубрук. Путешествие в восточные страны, СПб, 1911, стр. 39.

¹¹⁶ Л. Н. Генко. Арабский язык и кавказоведение. «Труды второй сессии арабистов», 1941, стр. 16.

сульманских источниках IX—XIII вв. сравнительно с современным»¹¹⁷.

В первой половине XIII века районы расселения народностей лезгинской группы становятся известными под названием «Лезгинстан». Иногда так называют и весь Дагестан. В источниках этого периода правители гор именовались «эмирами Лезгинстана»¹¹⁸.

Мы склонны считать, что до XV в. цахуры и рутулы еще не выделялись из лезгинской этнической среды и продолжали считаться одним народом с лезгинами, хотя у них и складывались свои языки и особенности быта и культуры.

В XV веке лезгинские районы по реке Самур до селений Ахты и Цахур были захвачены шамахинским ширваншахом Халиллулахом, а район левобережья Самура вошел в состав земель Ибрагима Дербенди. Дербент и южные области — Цахур и Ахты — на основании эпиграфических данных входили в государство Ширван и составляли отдельную область (вилайет). Управлялась она эмирами, назначенными ширваншахами дербентской династии¹¹⁹. Но зависимость лезгинских земель от ширваншахов и дербентских правителей была номинальной. В 1456 г. один из основателей династии Сефевидов, персидский завоеватель шейх Джунейд, предпринял несколько походов на территорию азербайджанских и дагестанских лезгин с целью их покорения. Ему удалось перейти реку Самур и вторгнуться в пределы дагестанских лезгин. Но здесь он потерпел поражение и вынужден был убраться. Покидая пределы Дагестана недалеко от сел. Хазры на берегу Самура, шейх Джунейд вновь столкнулся с отрядами горцев — лезгин. В этой битве персидский отряд окончательно был разгромлен, а его предводитель шейх Джунейд убит.

Вслед за шейхом Джунейдом на земли лезгин и табасаранцев вторгся другой персидский шейх Гейдар-Сефевид. Он добрался до табасаранской деревни Тинит. В битве с табасаранцами в 1488 г. этот шейх также был убит, а его отряд разгромлен.

Шаху Тахмаспу I (1524—1576) приписывается вторжение в пределы дагестанских лезгин и основание близ Ахтов из персидских выходцев селения Мискинджа. Расположено оно в окружении лезгинских сел. Мискинджинцы говорят на лезгинском языке и в материальной культуре имеют много обще-

---

¹¹⁷ А. Н. Генко. Там же, стр. 98.

¹¹⁸ Ибн-ал-Асир, Тарих-ал-Камиль, перевод с арабского П. К. Жузе, Баку, 1940, стр. 142; Рашид-ад-дин. Сборник летописей, т. III, М.—Л., 1946, стр. 189.

¹¹⁹ М. Х. Нейматова. Значение дербентских надписей для изучения истории Ширвана XV в. «Известия Академии наук Азербайджанской ССР», № 11, 1955, стр. 129.

го с лезгинским. Единственное их различие с последними — принадлежность к мусульманам-шиитам¹²⁰. Будучи в ауле Мискинджа, мы попытались выяснить, сохранились ли у населения, кроме преданий, какие-либо другие данные, свидетельствующие о их персидском прошлом. Были ли они иранцами по происхождению? Нам кажется, что предание об их персидском происхождении не имеет основания. В противном случае они не утратили бы окончательно персидский язык. Следует полагать, что мискинджинцы — это те же лезгины, которые во время вторжения персидских шейхов, под влиянием пропаганды отрелись от суннизма и приняли шиизм.

В XVI—XVII вв. иранские и турецкие завоеватели совершали неоднократные походы в районы расселения народностей лезгинской группы. В этот период лезгины, жившие по левому берегу р. Самур, стали называться кюринцами (куьрегуьяр). Эвлия Челеби насчитывает их 10 тысяч человек¹²¹.

Термины «кюринцы» и «кюринский язык» для обозначения лезгинского языка распространились значительно шире в XIX веке¹²². Кюринцы расселились на современной территории Магарамкентского, Касумкентского и Хивского районов. До сих пор здесь сохранилось одно из крупных лезгинских селений Кала-Кюре. Возможно, что кюринцы стали именоваться по названию этого села.

А. Н. Генко говорит, что «существует общее название, которым называют себя все кюринцы, откуда они ни были бы родом. Это название есть столь знакомое нам: лезги единств., лезгияр — множ.»¹²³.

В XVII—XVIII вв. народы Дагестана неоднократно объединялись для совместной борьбы с завоевателями. В начале XVIII в. (1718—1721 гг.) под предводительством лезгина Дауд-бека Мушкурского они изгнали из прибрежных земель персидских притеснителей и захватили г. Шемаху¹²⁴. Персидский шах Хусейн, ослабленный внутренними раздорами и вторжением афганцев в Иран, был не в состоянии подавить движение лезгин. К тому же антииранским восстанием лезгин не замедлила воспользоваться султанская Турция, давно стремившаяся захватить эти земли. Угроза завоевания Прикаспия со стороны Ирана и Турции привела к вмешательству

¹²⁰ В Дагестане, за исключением дербентских азербайджанцев и населения аула Мискинджа, все мусульмане — сунниты.

¹²¹ Отрывки из Эвлия Челеби. Рукоп. фонд ИИЯЛ Даг. филиала АН СССР, д. 1157.

¹²² П. К. Услар, Кюринский язык. «Этнография Кавказа», VI, Тифлис, 1896, стр. 4.

¹²³ А. Н. Генко. Материалы по лезгинской диалектологии. Кубинское наречие, Известия АН, 1929 (отделение гуманитарных наук).

¹²⁴ М. М. Ихилов. Значение персидского похода Петра I (1722—1723 гг.) для Дагестана, М., 1954.

России. Поход Петра I (1722—1723) закончился недолговременным присоединением этих районов к России.

В этот и последующие периоды присоединения Дагестана и Азербайджана к России многие лезгины из высокогорных селений Куруш, Курах, Кючхюр и др., учитывая экономическую выгоду, переселились в прибрежные районы и основали ряд новых поселений — Ашага-легер, Аваран, Юхари-Сийхюр, Геде Сийхюр и др. Переселились в прибрежные районы лезгины не только из горного Дагестана, но также из внутренних лезгинских районов Азербайджана. В Хачмасском и Худатском районах новопоселенцы образовали множество кишлаков и оба (отселки). Эти данные говорят о том, что значительная часть лезгин, загнанных в ущелья гор в период распада Кавказской Албании, нашествий арабов, монголов и других восточных завоевателей, при благоприятных исторических условиях стремились вновь спуститься на плоскость.

После смерти Петра I районы Прикаспия были захвачены иранскими завоевателями. В 1741 г. иранский правитель Надиршах с огромной армией выступил против непокорных горцев Дагестана.

С огнем и мечом полчища Надира прошли по территории азербайджанских лезгин. Во время нашествия Надира разрушены десятки лезгинских, табасаранских, агульских сел. О бесчинствах персов до наших дней сохранилось не мало преданий.

Легенды и предания рассказывают о том, что повсюду надировские воины убивали детей, топтали лошадьми беременных женщин¹²⁵. Однако не долго пришлось Надир-шаху бесчинствовать в Дагестане. В борьбе против персидского завоевателя сплотились все народы страны гор, и зимой 1742 г. полчища Надира были отброшены. После разгрома Надира, вплоть до начала XIX века, Иран и Турция неоднократно делали попытки прибрать к своим рукам Дагестан, и только окончательное присоединение его к России в 1813 г. избавило горцев от непрерывных нашествий восточных завоевателей.

Южнодагестанское население с этого времени стали называть более определенно — лезгинами, а их страну «Лезгинстаном». В период Кавказской войны это название уже прочно закрепилось за Южным Дагестаном¹²⁶.

Суммируя данные по вопросам этнической истории народностей лезгинской группы можно заключить, что они являются древнейшими жителями края. В составе Кавказской Ал-

¹²⁵ Полевой материал. Собран в лезгинских районах в 1960 г.

¹²⁶ Р. М. Магомедов. Происхождение названия Лезгинстан, «Ученые записки» ИИАЛ, т. IX, Махачкала, 1961, стр. 56.

баний, они известны под общим этническим именем—«леки», имея в основе один лезгинский язык.

Нашествия римлян и персов привели к политическому и этническому распаду Кавказской Албании. В V—VII вв. под напором персов и арабов албано-лезгинские племена продолжали покидать прибрежные районы и углублялись в труднодоступные горы. Тогда же, по-видимому, происходило дробление и обособление лезгинских племен. И тогда же, на наш взгляд, возникали и своеобразные лезгинские диалекты, а из них слагались современные лезгинские языки: табасаранский, рутульский, цахурский и агульский.

После распада Кавказской Албании междоусобные распри внутри феодально-раздробленного Дагестана, так же как непрерывное нашествие персов, арабов, монголов и др. восточных завоевателей не способствовали этническому сближению народностей лезгинской группы, но отложили в ее языке большое количество персидских, арабских и тюркских слов. Длительные экономические и культурные связи с Азербайджаном, в частности с азербайджанским населением Дербента, способствовали усвоению и этого языка. Лезгины, живущие по ту сторону отрогов Кавказского хребта, стали двуязычными. Пользуются они и родным лезгинским, и азербайджанским языками. Знают азербайджанский язык все цахуры, большинство рутулов, агулы и особенно табасаранцы.

Часть табасаранского населения, примыкающая территориально к Дербенту (сс. Ерси, Зиль, Гемейди, Мугарты, Дарваг и др.), давно сменили свой родной язык. По всем историко-этнографическим данным население этих аулов — табасаранское. Большинство топонимических названий (аулы, урочища, кладбища и т. д.) табасаранского происхождения. Ныне население этой части Табасарана ассимилировалось с азербайджанцами и говорят на своеобразном диалекте азербайджанского языка.

Итак, данные археологии, истории, этнографии и языкознания свидетельствуют о том, что лезгины, табасаранцы, рутулы, цахуры, агулы вместе с хиналугами, удинами, крызами являются близкородственными народностями и древнейшими жителями Южного Дагестана и соседствующего с ним Азербайджана.

Народности лезгинской группы как по языку, так и в этно-культурном отношении близки с другими народами Дагестана. Предки этих народностей исторически входили в состав многоплеменного государственного объединения — Кавказскую Албанию, и были известны под общим именем «леков», «албанцев». Этот термин следует относить к современным горским народностям — лезгинам и лезгинским от-

ветвлениям. Мы склонны думать, что в основе всех языков лекских племен лежал единый пралезгинский язык. Он был одним из основных языков Кавказской Албании. Нашествия римлян, персов, арабов вызвали политический и этнический распад Кавказской Албании. Часть албано-лезгинских племен покинула прибрежные районы и ушла в глубь гор южных отрогов Кавказа, создавая там своеобразные этнические общества. С течением времени (V—X вв.) в языке, быту и культуре этих обществ в силу экономической и политической обособленности складывались свои особенности. Так сложились лезгинский, табасаранский, рутульский, цахурский и агульский языки и народности.

**Электронная библиотека
Института истории,
археологии и этнографии
Дагестанского ИЦ РАН**

instituteofhistory.ru

К ВОПРОСУ О ПРИНЦИПАХ КЛАССИФИКАЦИИ ЖИЛИЩА

Типологическая классификация является одним из самых сложных вопросов исследования жилища. Сложность усугублялась тем, что большинство исследователей не ставило перед собой задачи классификации жилища и их типологическая характеристика носила поэтому стихийный характер и не имела достаточно обоснованной методики или принципов классификации.

Отсюда и бытование в этнографии классификации двух родов: 1) эмпирической, стихийной, нередко базирующейся на принципах, привлеченных случайно, без достаточного основания, и 2) специальной, имеющей обоснованные, постоянные принципы классификации по типам.

Первая характерна для ранней этнографии и этнографических описаний, принадлежащих перу людей, не являющихся специалистами-этнографами. Вторая присуща более поздней этнографии и в особенности, представителям сложившихся этнографических школ. В последнее время в советской этнографии наблюдается заметное оживление в сторону научно обоснованной специальной типологизации жилища¹. Оно отражает и подъем общего уровня советской этнографической науки, и накопление известного фактического материала, без чего невозможна правильная классификация, и необходимость его систематизации и обобщений, а также практические потребности картографирования при составлении этнографических атласов², являющихся в свою очередь

¹ Например, Н. Н. Грацианская, Н. М. Листова (при участии О. А. Ганцкой). Вопросы типологии традиционного жилища центральной и юго-восточной Европы. VII Международный конгресс антропологических и этнографических наук (МКАЭН). М., 1964; В. П. Кобычев. Типология кавказского народного жилища. VII МКАЭН, М., 1964.

² Ср. «Осуществить картографирование материальной культуры можно лишь при разработке четкой типологии». Г. С. Маслова. Проблемы и методы изучения материальной культуры. УП МКАЭН, М., 1964, стр. 6.

итогом громадной теоретической и практически — описательной работы, проделанной советскими этнографами.

Естественно, что важнейшей проблемой классификации являлось затруднение, возникающее при выделении тех или иных особенностей или сторон жилища в качестве признака или комплекса признаков, на базе которого производится классификация. Причем затруднение состояло не просто в выборе отдельных признаков, а в принципе выборочности признаков и главным их содержанием с точки зрения их принадлежности к категории этнической, географической, экономической и т. д. Эта сторона проблемы во многом определялась раньше общей теоретической направленностью и теоретическим уровнем той или иной этнографической школы. Так, представители историко-племенной школы (А. Мейтцен, К. Рамм, В. Песслер и др.) на первый план выдвигали этническую сторону и исследовали жилище прежде всего как племенное, учитывая главным образом этническую специфику признаков. Отсюда и этническое, племенное деление жилища у представителей этой школы. Представители другой школы — антропо-географической (Ф. Ратцель, Р. Градман, А. Деманжон, В. Семенов-Тяньшанский и др.) впадают в другую крайность — при исследовании жилища ими учитываются только география и хозяйство. Однако следует признать, что этот путь более близок к объективному положению вещей, ибо география и экономика являются наиболее значительными факторами, влияющими на складывание и развитие жилища. Но полное игнорирование этнической стороны при исследовании жилища недопустимо. Если при генетическом складывании жилища главную роль играют географические и хозяйственные факторы, то в процессе эволюции жилища, когда многие первоначальные признаки становятся традиционными и превращаются в этнические традиции, при географических перемещениях и политических изменениях, при взаимных влияниях и т. п. роль этнического фактора резко возрастает. Никому не придет в голову говорить, например, что южное равнинное и северное лесостепное жилище СССР повлияло на южное горное жилище СССР — это будет и громоздко, и малопонятно, не говоря уже о фактической неправильности. Поэтому говорят о влиянии русского жилища на кабардинское, или, скажем, дагестанское, или даже вообще кавказское. Иными словами, мы уже мыслим этническими категориями при описании жилища и этот факт отражает объективное положение вещей.

Но особенно недопустимым является то обстоятельство, что представители всех этих школ не учитывали или почти не учитывали социальные, общественные стороны, составляющие один из главнейших факторов в истории жилища. Этим

объяснялось, например, игнорирование представителями историко-племенной школы планировки жилища, дающей важнейшие данные для изучения семейных и общественных отношений. Жилище не может существовать вне семьи как ячейки общества, вне классового характера общества, его структуры, вне экономической производительности и культурного уровня общества, вне его политических, классовых, национальных и иных отношений. А раз так, не может быть и речи о том, чтобы попытаться понять историю жилища в отрыве от истории политической и социальной. В самом деле, как можно было бы, например, исследовать дагестанское жилище, не рассмотрев тех глубоких общественных, социальных, экономических и культурных сдвигов, происшедших после Великой Октябрьской революции, и их влияния на преобразование жилища?

Без этого вообще невозможно было бы говорить о каком-то ни было исследовании жилища.

Если рассматривать вопрос о соотношении этих трех факторов в жилище, вернее, о соотношении их влияния на складывание и эволюцию жилища, то на первый план выдвигается географический и хозяйственный момент. Жилище больше различается по природно-географическим и хозяйственным зонам, чем по этническим общностям. Это вытекает из того, что генетически жилище все-таки больше связано с географией и хозяйством и это сохраняется несмотря на многовековую эволюцию, ибо природные условия тоже изменяются очень медленно.

Поэтому и при классификации жилища на первый план выдвигаются признаки, характеризующие зональную принадлежность жилища, поскольку классификация должна быть основана на разделительных детерминативах, а таковые прежде всего обнаруживают свой зональный характер и характеризуют прежде всего именно зональные различия. Для жилища обычным является факт, когда оно у двух совершенно разных народов бывает однотипным в одной природно-хозяйственной зоне³, или у нескольких групп одного и того же народа, находящихся примерно на одном уровне общественного и культурного развития, резко различается по отдельным зонам. Широко принятое понятие хозяйственно-культурного типа, схема которого «не укладывается в рамки племенного деления и покоится на общностях принципиально иного

---

³ Ср. у М. Н. Насирли. «Села, расположенные в одной зоне — пагорной или низменной, — независимо от населяющего их народа, по своему внешнему виду, структуре и планировке одинаковы». М. Н. Насирли. Сельские поселения и крестьянские жилища Нахичеванской АССР, Баку, 1959, стр. 131.

типа»⁴, включает и зональные различия жилища⁵, а некоторые исследователи даже считают его главным определителем границ хозяйственно-культурного типа⁶.

Русское жилище лесной и степной полосы, равнинное и горное жилища кабардинцев, осетин, чеченцев, равнинное, предгорное и горное отдельных дагестанских народов, деление грузинского жилища на западное, восточное и горное, азербайджанского на равнинное и предгорное и т. д. имеет в своей основе именно зональное происхождение.

Это характерно для жилища любых этно-географических областей. Так, например, у небольшого народа кафиров в Афганистане наблюдаются резкие, коренные различия в жилище горной и предгорной зон⁷, а у народа эве в Африке жилище имеет даже несколько зональных форм, меняющихся «в зависимости от района»: (лесная зона, горная засушливая, горная богатая осадками и водоемами, прибрежная — лагунная)⁸.

Это не означает, разумеется, что в классификации не отражаются этнические и общественные факторы, просто при типологизации для различения зональный фактор эффективнее, точнее. Ведь мы хотя и прекрасно знаем, например, что беднота кушает мясо или одевается в шелка во много раз меньше чем состоятельные сословия, делим сначала пищу на земледельческую, животноводческую и т. д. и ткани на хлопчатобумажные, льняные, шерстяные, шелковые и т. д. А следующий этап исследования или классификации может затронуть и этническую и социальную сторону вопроса, т. е. например, о преобладании у монголов животноводческой пищи, или у горцев Дагестана шерстяных тканей. Точно также и в жилище первичная классификация должна прежде всего обеспечить четкость деления, с тем, чтобы внутри выделенных типов можно было провести дальнейшую классификацию с учетом социальных и этнических факторов. При этом не надо забывать и того, что признаки географического характера могут превратиться в этнические и социальные, и этот процесс взаимных превращений происходит постоянно. Так,

---

⁴ А. И. Робакидзе. Жилище и поселения горцев Грузии в прошлом и настоящем. КСИЭ, XXXVI, М., 1962, стр. 29.

⁵ См. М. Г. Левин, Н. Н. Чебоксаров. Хозяйственно-культурные типы и историко-этнографические области. СЭ, 1955, № 4, стр. 4; А. И. Робакидзе («Жилище... составляло важнейший ингредиент данного хозяйственно-культурного типа»). К вопросу о форме поселения в Сванети. КСИЭ, XXIX, М., 1958, стр. 60.

⁶ Д. С. Вардумян. Характеристика основных этнографических районов Армении в XIX веке. Доклад на VII МКЭАН, М., 1964, стр. 3.

⁷ Народы Передней Азии. М., 1957, стр. 142.

⁸ В. Н. Вологодина. Народ эве. Африканский этнографический сборник 1, ТИЭ, XXXIV, М., 1956, стр. 91.

плоская крыша, бывшая признаком зональным, настолько крепко вошла в архитектуру Дагестана, что стала и национальной особенностью архитектуры. Точно также каменный дом, обычный в горной зоне и являющийся здесь по происхождению географическим, превращается в социальное явление, когда его строят на плоскости представители привилегированных или состоятельных слоев.

Таким образом, из сказанного следует, что классификация должна основываться на признаках, отражающих факторы географического, хозяйственного, социального и этнического характера. При этом следует иметь в виду, что географический фактор, в силу специфики жилища как элемента материальной культуры во многом тесно связанного с природой страны, преобладает над остальными⁹.

Переходя к вопросу о классификации по типам жилища Дагестана прежде всего отметим, что в литературе существует по этому вопросу большое количество противоречащих друг другу положений.

В XIX в. было немало авторов, которые вообще отрицали необходимость и возможность типологизации, т. к. по их мнению жилище на всей территории Дагестана было крайне однообразно (П. Зубов, П. Данилевский)¹⁰.

Существует и противоположная ей точка зрения о большом разнообразии и многочисленности типов дагестанского жилища (Г. Я. Мовчан)¹¹.

Обе крайние точки зрения отражают, по нашему мнению, две стороны одного явления, отразившиеся в двух разных этапах его изучения.

Для начального периода ознакомления, когда в большинстве случаев знакомство бывало поверхностным, такое нивелирование было объяснимо. Наблюдатель видел преобладание каменных стен, плоские крыши, скученность и из этого делал вывод о однообразии и типологическом единстве дагестанского жилища. Поскольку определенное, отражающее общие генетические корни единство, сложившееся на базе

---

⁹ Ср. об этом, например, у Е. И. Горюновой: «Главными факторами, определяющими формирование того или иного типа жилища, являются уровень развития производительных сил, природная среда и климат, хозяйственный и общественный уклад и семейные отношения. Этническая традиция закрепляет на более или менее продолжительное время тот или иной тип жилища». Е. И. Горюнова. Развитие жилища у мордвы. «Исследования по материальной культуре мордовского народа». ТИЭ, 86, М., 1963 г.

¹⁰ П. Зубов. Картина Кавказского края, принадлежащего России и сопредельных оному земель, ч. III, СПб., 1835, стр. 245; П. Данилевский. Кавказ и его горские жители. М., 1846, стр. 139.

¹¹ Г. Я. Мовчан. Предварительные заметки о типологии жилища народов нагорного Дагестана. КСИЭ, IV, М., 1948.

общности природных условий, территории, исторических судеб, общественно-политической и социально-экономической жизни и этнической истории действительно существует, го такая постановка вопроса в известной мере была оправдана.

Однако со временем, когда жилище было изучено более обстоятельно и глубоко, оказалось, что кажущееся единое жилище имеет большое количество различных типов и форм, различающихся по отдельным признакам (материал, конструкция, этажность, форма крыши, планировка и др.). Таким образом, вопрос о единстве жилища и множественности его типов оказывается вопросом о частном и всеобщем. Следовательно, эта противоречивость мнений о типах явилась выражением объективного существования общего в различных частных формах, познанных только в процессе длительного изучения жилища, т. е. она явилась отражением как диалектики самого объекта, так и диалектического процесса его изучения и познания.

Однако, отсутствие признанной систематизации имело не только гносеологические корни. Другая причина противоречивости и неустойчивости типологии кроется в отсутствии установившихся взглядов в вопросе о том какой признак, или совокупность признаков считать основополагающим определятельным детерминативом при этнографической классификации жилища. При этом надо отметить, что специально систематизацией жилища дагестанцев занимались очень немногие. Однако, будет полезным остановиться на описаниях и тех наблюдателей, которые, не задаваясь целью систематизировать жилище, дают просто его описание. Изучение детерминативов, выделяемых такими наблюдателями, дает возможность выделить такие признаки жилища, которые прежде всего бросаются в глаза, которые являются специфической особенностью данного жилища или же повторяют элементы другого, лучше известного автору жилища. Так, не случайно Ал-Истахрий и Ал-Мукадассий, говоря о жилище приморско-предгорного Дагестана, выделяют деревянные переплетенные стены и выпуклые кровли¹². В XV—XIX вв. большинство наблюдателей также выделяют в дагестанском жилище от одного до трех детерминативных признаков — материал постройки, этажность, крыша. Так в описании П. Зубова это — каменная одноэтажная постройка с плоской крышей¹³, а А. А. Неверовский и А. П. Берже, выделяя те же признаки подчеркивают как и все остальные наблюдатели двухэтаж-

¹² П. А. Караулов. Сведения арабских писателей о Кавказе, Армении и Азербайджане. СМОМПК, т. 29, Тифлис, 1901, стр. 47, т. 38, Тифлис, 1908, стр. 5.

¹³ П. Зубов. Картина Кавказского края, принадлежащего России, стр. 245.

ность¹⁴; С. Броневский же выделяет камень и плоскую крышу¹⁵. Большинство наблюдателей указывают только два признака—материал и этажность (П. Данилевский, А. Зиссерман, Н. Глиноецкий, А. Омаров, Н. Ф. Дубровин Г.-М. Амиров, В. Вильер де Лиль Адам, О. Каранаилов, А. В. Пастухов, И. И. Пантюхов, А. Г. Васильев)¹⁶, некоторые выделяют один материал (Д. Бабаев, Н. Я. Динник)¹⁷. Из большого числа наблюдателей лишь О. Евецкий¹⁸ (для Закавказья) и И. И. Пантюхов¹⁹ пытались дать специальную систематизацию жилища Кавказа. Однако их типология страдает существенными недостатками. Главный из них заключается в нечеткости и разнородности детерминативных признаков у разных типов. Так у О. Евецкого из 5 типов первый, четвертый и пятый имеют в качестве детерминатива материал постройки, второй и третий — зауглубленность и форму крыши²⁰. А у И. Пантюхова — первые два выделяются по зауглубленности, три остальных по материалу²¹.

Типологический ряд не может базироваться на разных типологических основах, иначе он перестает быть единым типологическим рядом и превращается во множество разнородных типологических схем, соответственно числу признаков, послуживших детерминативом для разных типов. Отсюда и

---

¹⁴ А. А. Неверовский. Краткий взгляд на Северный и Средний Дагестан в топографическом и статистическом отношениях. СПб, 1847, стр. 31; А. П. Берже. Горные племена Кавказа. «Живописная Россия», т. IX, СПб, 1883, стр. 80.

¹⁵ С. Броневский. Новейшие географические и исторические известия о Кавказе, ч. II, М., 1823, стр. 448.

¹⁶ П. Данилевский. Кавказ и его горские жители, стр. 139: А. З. (Зиссерман). 10 лет на Кавказе. «Современник», т. 48, стр. 27 и др. Н. Глиноецкий. Поездка в Дагестан. «Военный сборник», 1862, № 1, стр. 130: А. Омаров. Как живут лаки. ССКГ, III, Тифлис, 1870, стр. 8. Н. Ф. Дубровин. История войны и владычества русских на Кавказе. СПб, 1871, т. 1, кн. 1, стр. 534—535. Г. М. Амиров. Среди горцев Северного дагестана ССКГ, VII, Тифлис, 1873, стр. 78; В. Вильер де Лиль Адам. Две недели в Даргинском округе. ССКГ, VIII, Тифлис, 1875, стр. 9; О. Каранаилов. Аул Чох. СМОМПК, IV, Тифлис, 1884, стр. 3. А. В. Пастухов. Поездка по высочайшим селениям Кавказа и восхождение на вершину горы Шахдаг. «Землеведение», кн. II. 1894, стр. 43; И. И. Пантюхов. О пещерных и позднейших жилищах на Кавказе. Тифлис, 1896, стр. 115; А. Г. Васильев. Казикумухцы. ЭО, 1899, № 3, стр. 69.

¹⁷ Д. Бабаев. Селение Ахты, Самурского округа Дагестанской области. СМОМПК, 17, Тифлис, 1893, стр. 142; Н. Я. Динник. Путешествие по Закатальскому округу и Дагестану. Изв. КОРГО, т. XXI, № 2, 1911—1912, стр. 30, 42.

¹⁸ О. Евецкий. Статистическое описание Закавказского края СПб, 1835.

¹⁹ И. И. Пантюхов. О пещерных и позднейших жилищах на Кавказе.

²⁰ О. Евецкий. Указ. соч., стр. 4—5.

²¹ И. И. Пантюхов. Указ. соч., стр. 82.

расплывчатость и нечеткость типологических построений О. Евецкого и И. Пантюхова. Объясняется это тем, что они пытались классифицировать жилище на основе одного какого-либо детерминативного признака и поскольку один признак не обнимал всех видов построек, для части из них брался другой. В результате ни один тип не имел четких границ, а сама типология лишалась смысла и всякой практической ценности. Не случайно тот же И. Пантюхов, когда он переходит от типологических упражнений к непосредственному описанию дагестанских построек, говорит о двухэтажных каменных постройках²², тем самым опровергая свою же типологическую схему. По тем же причинам в пределах одного типа оказываются например, многоэтажные ансамбли гидатлинцев и сюргинцев и одноэтажные дома предгорья, плоскостные постройки со скатной кровлей и предгорные плоскокрышные дома и т. д.

Между прочим, в построении их классификаций мы видим и нарушение законов логики и логического мышления. Поскольку у нас имеется понятие «кавказское жилище», при делении этого понятия по каким-то признакам, требуется соблюдение некоторых условий, которые обеспечивают соответствие логической операции объективной действительности. В построениях же О. Евецкого и И. Пантюхова нарушены главные правила деления объема понятия, в частности, правило, по которому деление должно производиться по одному и тому же основанию (в нашем же случае оснований несколько: зауглубленность, крыша, материал) и правило о том, что члены деления должны взаимно исключать друг друга. Но, например, деревянное жилище схемы И. Пантюхова или О. Евецкого не исключает того, что оно может быть и полуподземным и наземным, и одноэтажным и двухэтажным и т. д. Так же, как «нельзя делить картины на исторические, бытовые, пейзажные и акварельные»²³, нельзя делить одежду на мужскую, женскую, детскую, ритуальную, нательную и суконную, или пищу — на земледельческую, животноводческую, жидкую, сухую и горячую, а жилище — на деревянное, каменное, зауглубленное, плоскокрышное и т. д.

Следовательно, выход в том, чтобы взять несколько оснований (признаков) и на основе комплекса признаков произвести деление, классификацию.

Советские исследователи дагестанского жилища не могли поэтому использовать типологические схемы И. Пантюхова и О. Евецкого. Подавляющее большинство из них придерживались русской литературной традиции и выдвигали в качестве детерминативного признака этажность (С. Ш. Гаджие-

²² И. И. Пантюхов. Там же, стр. 104—105, 115.

²³ В. Ф. Асмус. Логика. М., 1947, стр. 63.

ва)²⁴, материал и этажность (Б. А. Калоев, С. О. Хан-Магомедов, Г. Я. Мовчан)²⁵, некоторые добавляли к ним плоскую крышу и иногда камерность (С. А. Токарев, Л. И. Лавров, В. А. Никольская, Е. М. Шиллинг)²⁶.

Но эти признаки не были результатом специальных типологических построений и касались в каждом случае только жилища одного народа; что касается общей типологической схемы, обнимающей все постройки Дагестана, такой не было предложено.

Впрочем, до самого последнего времени такой классификации не было и в отношении жилища всего Кавказа. Жилище Кавказа изучено довольно основательно, особенно это можно сказать в отношении жилища Грузии, Азербайджана, Осетии и др., однако специальных типологических схем не было создано.

В этом отношении несколько выделяется жилище Грузии, которое в результате большой работы, проведенной грузинскими этнографами, сведено к трем главным типам — западному, восточному и горному, соответствующим и трем главным культурно-хозяйственным типам Грузии²⁷.

Правда, практическая типологизация существует по жилищу всех народов и эта классификация не вызывает возражений. В частности, довольно четко и ясно проведено различие между предгорно-степным и горным жилищем, между отдельными типами горного жилища и т. д. Поэтому можно говорить, что недостаток заключается не в отсутствии типологии, а в отсутствии общепринятых норм и принципов классификации, что особенно почувствовалось, когда началась работа над этнографическим атласом.

Такая работа по классификации в отношении всего Кавказа начата В. П. Кобычевым²⁸, но по ряду причин мы не можем воспользоваться его типологией в применении к дагестанскому жилищу. Прежде всего отметим, что автор очень

²⁴ С. Ш. Гаджиева. Кумыки. М., 1961, стр. 210.

²⁵ Б. А. Калоев. Поселение и жилище аулов. КСИЭ, XXIII, М., 1955, стр. 37. Г. Н. Любимова, С. О. Хан-Магомедов. Народная архитектура Южного Дагестана. М., 1956, стр. 8. Г. Я. Мовчан. Предварительные заметки о типологии жилища народов нагорного Дагестана КСИЭ, IV, М., 1948.

²⁶ С. А. Токарев. Этнография народов СССР. Издательство МГУ, 1958, стр. 234—235; З. А. Никольская. Аварцы. Народы Дагестана. М., 1955, стр. 34; Л. И. Лавров. Рутульцы в прошлом и настоящем. Кавказский этнографический сборник, ТИЭ, 79, М.—Л., 1962, стр. 156. Е. М. Шиллинг. Кубачинцы и их культура. ТИЭ, 8, М.—Л., 1949, стр. 35—36.

²⁷ А. И. Робакидзе. К вопросу о форме поселения в Сванети, стр. 60—61; Его же. Жилище и поселения горцев Грузии в прошлом и настоящем, стр. 29.

²⁸ В. П. Кобычев. Указ. соч.

мало говорит о принципах типологизации. Правильно обосновав необходимость комплексного привлечения признаков (об этом он говорил и раньше)²⁹, он сразу переходит к перечислению самих типов и почти ничего не говорит в обоснование своей методологии, своих принципов, по которым для выделения этих типов выбраны именно указанные им признаки (комплекс), а не другие, и поэтому, в частности, неясно, почему их в одних случаях мало, в других (современное жилище) слишком много.

Далее, в применении к дагестанскому жилищу нельзя объединять в одном типе каменные и саманные дома, ибо саман наследует турлуку (что верно подмечено и автором) и сосуществует главным образом именно с турлуком в одном типе, который строится то турлуком, то саманом и для которого характерна не плоская, как получается по автору, а скатная крыша (плоскость и нижнее предгорье). Кроме того, типологическая схема не учитывает этажности, имеющей в дагестанском жилище первостепенное значение.

Неверно классифицировано в указанной работе и современное жилище Дагестана, в котором указан только один тип: каменный или саманный, с плоской земляной крышей в один или два этажа, который «бытует по-прежнему на всей территории Дагестана»³⁰. Таким образом, опять смешаны камень и саман, совершенно выпала скатная крыша плоскости, бывшая раньше земляной и теперь смененная стропильной, а игнорирование вертикальной планировки привело к объединению плоскостного, одноэтажного, турлучно-саманного, со скатной крышей дома с горным, каменным, с плоской крышей. Эта нечеткость, а в ряде случаев и громоздкость отдельных типов, на наш взгляд, является результатом указанной выше недоработки автора в отношении определения принципов отбора признаков для типологизации и, возможно, недостаточным знакомством с дагестанским материалом. Впрочем, автор и не ставил перед собой задачи создать типологию для всех региональных или этнических областей и допускает, что каждая из них может иметь свою специфику и особенности, не укладывающиеся в его общую схему³¹.

Таким образом, при попытках типологической классификации нужно одинаково опасаться как малочисленности детерминативных признаков, что приводит к неполноте, недостаточности, неточности картины, так и чрезмерного их количества, поражающего сложность и запутанность. Один признак,

²⁹ В. П. Кобычев. Крестьянское жилище народов Азербайджана в XIX в. Кавказский этнографический сборник, III, М.—Л., 1962, стр. 5.

³⁰ В. П. Кобычев. Типология кавказского народного жилища, стр. 8.

³¹ В. П. Кобычев. Указ. соч., стр. 5, 6.

любой, казалось бы самый всеобъемлющий, не может служить детерминативом. Рассмотрим это конкретнее. Выделение строительных материалов в качестве признака-основы дает довольно четкую картину разделения жилища по естественно-географическим зонам, создавая тем самым предпосылки для определенной систематизации жилища по зонам. Однако признак этот далеко не универсален. Он неполон, т. к. материал строительства не всегда однороден даже в масштабах одной постройки, не говоря уже об отсутствии четкой границы в материалах по зонам. Сам по себе он и неточен, т. к. объединяет совершенно разные постройки, например, каменные одноэтажные и многоэтажные жилища. Существенным недостатком его является невозможность проследить причины различной этажности и камерности, и вообще эволюции жилища, и вопросов, связанных с социальным развитием (например, развитием семьи, политической обстановкой и пр.).

Также беспомощна классификация на основе формы крыши сама по себе, т. к. жилища большей части Дагестана, во всех его зональных и этнических формах, начиная от архаичного одноэтажного однокамерного дома и кончая многоэтажными каменными ансамблями и башнями имеет одну форму крыши — плоскую. Однако форма крыши как детерминативный признак продуктивна при делении жилища резко различающихся зон, а также при генезисе конструктивных особенностей жилища. Так, например, крыши с крутыми скатами являются повсюду признаком обилия осадков в данном районе, также как плоская крыша более характерна для засушливых районов. Или, например, своеобразные валики на плоскостной крыше предгорного каменного жилища Дагестана, являющиеся свидетелями эволюции стен жилища от турлука через саман к камню. Обращенные скатом во внутрь, заглаженные валики должны были оградить глиняную стену от проникновения в нее и стекания по ее внешней части воды. Собираясь же на крыше, эта вода без всякого вреда стекала по специальным водостокам. Точно также крыша современного плоскостного кумыкско-ногайского дома наглядно показывает эволюцию от турлука к саману. В ранних формах, когда крыша покоилась на столбах, одна продольная балка по центру несла на себе перекрытие из бревен. Когда столбы сменились саманными стенами, появилась возможность обойтись несколькими гораздо менее громоздкими продольными балками, опирающимися на торцовые стены и несущими перекрытие из камыша — что дает большую экономию в лесе.

Признак этажности более продуктивен и универсален. Наиболее сильные его стороны по сравнению с предыдущими — возможность прослеживания на его основе хозяйствен-

ных, общественных социальных факторов, генезиса и эволюции жилища от его простейших форм — древних одноэтажных построек через двухэтажные к многоэтажным и снова к одноэтажным. Однако и он не может служить в качестве единственного детерминатива, ибо не отражает всех главных особенностей жилища, связанных с его развитием под воздействием природных, этнических и социальных факторов. На основе признака этажности мы должны были бы, например, объединить в одном типе плоскостную одноэтажную турлучную постройку со скатной крышей, с одноэтажным каменным плоскокрышным домом нагорья, или же современный саманный дом с шиферной кровлей (плоскость) с каменным плоскокрышным.

Камерность восполняет многие недостатки признака этажности. Эти два признака являются на протяжении прослеживаемой истории жилища наиболее важными и продуктивными при анализе эволюции жилища и рассмотрении как его главных особенностей в целом, так и отдельных его элементов. Наиболее архаичная одноэтажная и однокамерная конструкция, появление дополнительной второй камеры-хлева, надстройка второго этажа, псевдорящего двухкамерную конструкцию, появление третьей камеры, связанное с ростом производительных сил и развитием семейных отношений; многоэтажность, связанная с безземельем, хозяйственной спецификой и общественным опытом, исчезновение в наше время многоэтажных комплексов и новое возрождение и распространение одноэтажного жилища, но уже многокамерного и т. д. — все эти вопросы движения типов и изменений внутри них охватываются при систематизации оснований на этажности и планировке.

Однако признак камерности малоэффективен при систематизации жилища в определенный период, т. к. камерность жилища одной эпохи на огромной территории бывает одинакова и объединяет самые различные жилища, от плоскостных турлучных до горных домов-крепостей. Так, например, в XIX в. господствующей формой была трехкамерная постройка, как на плоскости, так и в горах, как у аварцев, так и кумыков и у всех других народов.

Анализ перечисленных нами признаков показывает, что ни один из них не может явиться единственным детерминативным признаком, который позволил бы провести на его основе типологическую систематизацию жилища, не рискуя исказить картины типологии жилища Дагестана. Лишь учет всех признаков в совокупности позволяет надеяться на создание правильной типологии. При этом нужно иметь в виду, что во всех этих признаках получают свое преломление факторы трех основных родов: зональные, социально-экономические и

этнические. Признаки этажности и камерности более эффективны при анализе генезиса и эволюции жилища и его элементов: социальных, общественных, хозяйственных, семейных, этнических и т. п. факторов, влияющих на жилище, в то время как материал и форма крыши более эффективны для выделения в жилище факторов зональных, отчасти хозяйственных и социальных в определенный исторический период.

Так, например, в нагорном Дагестане, районе многоэтажных жилищ, наличие в селении большого числа одноэтажных построек свидетельствует о существовании значительной прослойки бедноты, также как двухэтажные дома на кумыкской плоскости (например в сс. Костек, Аксай) являются несомненным признаком зажиточности их хозяев.

Закрытость дома и иногда даже наличие пристроенной башни может свидетельствовать как о характере и развитости общественного строя и политической обстановки, так и о социальных отношениях (например, фактически сословное право на строительство башен у ингушей)³². С другой стороны, многоэтажные и многокамерные ансамбли в горах одной из главных причин своего возникновения имеют размещение хозяйственных служб в условиях тесноты, а многоэтажные ансамбли без хозяйственных служб с одинаковыми жилыми камерами на нескольких этажах свидетельствуют с одной стороны о распаде большой семьи (каждая камера для новой семьи), с другой — о специализации хозяйства и вынесении хозяйственных служб за пределы жилища. Далее, жилище с одной большой камерой — признак сохранившейся большой семьи, а многокамерность — один из признаков ее распада, и с другой стороны — признак зажиточности. Так же, когда мы видим у ногайцев обширные загоны, стенами которых служат складываемые десятилетиями кучи навозных остатков, мы можем сделать вывод о преобладании у них скотоводства (много навоза, хотя на топливо идет кизяк, следовательно на поля его не вывозят). Те же стены у зажиточного сделаны из плетня, каменное жилище здесь, на плоскости — бесспорное свидетельство зажиточности, также как обилие деревянных конструкций и материалов в безлесном нагорье. Стропильная крыша на железе была первым признаком зажиточности в Дагестане, и вообще на Кавказе и юге России (вместо соломенной), а внедрение ее в нагорный Дагестан в наше время — один из верных показателей подъема материального благосостояния колхозников.

Отметим при этом, что в определении типического лица жилища, его типологической сущности на данном этапе главная роль принадлежит зональным факторам.

³² А. И. Робакидзе. Поселение как источник изучения общественного быта. VII МКАЭН, М., 1964, стр. 8.

Исходя из вышесказанного, мы предлагаем считать в качестве типологической основы классификации дагестанского жилища совокупность детерминативных признаков: основной материал постройки, этажность и форму крыши. Что касается камерности, то ее сравнительное однообразие в пределах большого этнического и территориально-зонального ареала в определенный период делают ее малоэффективной при типологической классификации. Однако, как мы уже указывали, роль этого признака повышается при рассмотрении развития жилища и поэтому его следует использовать в качестве дополнительного детерминатива при дроблении типов на отдельные формы в соответствии со многими другими второстепенными (которые в некоторых случаях могут однако выдвинуться на первый план) факторами.

Отметим, что подобная типологическая интерпретация, т. е. выдвижение в качестве типологической основы для классификации, или обязательное описание жилища путем характеристики комплекса признаков является характерной для кавказской этнографии и вообще советской этнографической литературы. Сошлемся на некоторые примеры:

А. И. Робакидзе, крупнейший знаток жилища Кавказа, включает в группу признаков — материал, этажность, форму крыши, характер размещения всех построек (горизонтально, вертикально, открыто, под одной кровлей)³³.

В. П. Кобычев — этажность, материал, форму крыши³⁴; К. Т. Каракашлы — зауглубленность, крышу, камерность, материал³⁵, А. Я. Нуриева — материал, крышу, планировку, этаж³⁶, Д. С. Вардумян — этаж, форму крыши, характер размещения всех построек³⁷, Е. Н. Студенецкая — материал, форму плана, камерность, крышу³⁸, Е. Р. Бинкевич — форму плана, материал, планировку, крышу³⁹, Н. Ф. Такоев — материал, этажность, планировку⁴⁰, Л. А. Чибиров — материал, форму крыши⁴¹.

³³ А. И. Робакидзе. Жилище и поселения горцев Грузии в прошлом и настоящем, стр. 29.

³⁴ В. П. Кобычев. Крестьянское жилище народов Азербайджана в XIX в., стр. 11 и др.

³⁵ К. Т. Каракашлы. Материальная культура азербайджанцев северо-восточной и центральной зон Малого Кавказа. Баку, 1964, стр. 89, 99.

³⁶ А. Я. Нуриева. Старое народное жилище Апшерона. СЭ, 1954, № 4, стр. 148—149.

³⁷ Д. С. Вардумян. Указ. соч., стр. 3.

³⁸ Е. Н. Студенецкая. Современное кабардинское жилище. СЭ, 1948, № 4, стр. 106, 108, 114.

³⁹ Е. Р. Бинкевич. К истории черкесского жилища. КСИЭ, VI, М., 1949, стр. 76—77.

⁴⁰ Н. Ф. Такоев. Из истории осетинского горного жилища. СЭ, 1952, № 3, стр. 187.

⁴¹ Л. А. Чибиров. Поселения и жилища осетин. Автореферат. Тбилиси, 1964, стр. 15.

Такую же картину можно наблюдать и в описании жилища некавказских народов. Возьмем лишь несколько самых последних примеров. Например, Г. С. Маслова выделяет «конструктивные особенности, планировку, характер связи дома с двором, а также материал, строительную технику»⁴². О. А. Ганцкая — «строительный материал и конструкции, планировку помещений и бытовое их использование, архитектурный облик»⁴³. Н. Н. Грацианская и Н. М. Листова — «материал и технику возведения стен, конструкцию и материал покрытия крыши, вертикальное и горизонтальное развитие жилища, его планировку, типы и местоположение очага»⁴⁴. Как видим, большинство признаков повторяются у всех исследователей, имеющиеся же расхождения объясняются во многом спецификой объекта изучения каждого исследователя. Интересно будет привести некоторые данные на этот счет и по жилищу других народов. Например, если сделать обзор большей части выпусков серии «Народов мира», то мы увидим любопытную картину. Из 186 описаний жилища в 184 случаях указывается материал жилища, в 175 — крыша, в 73 — камерность, в 68 — этажность, в 58 — форма плана. В некоторых случаях указываются зауглубленность, конструктивные особенности и др. Показательно также, что три признака — материал, крыша и этажность отличаются не только частотой повторения в разных описаниях, но и первенствованием в последовательной очередности. Материал жилища назван первым в 118 случаях и вторым в 44, крыша — второй — в 79, третьей — в 77, этаж — первым — в 17, вторым — в 26, третьим — в 16 случаях⁴⁵.

⁴² Г. С. Маслова. Проблемы и методы изучения материальной культуры. Доклад на VII МКАЭН, М., 1964, стр. 6.

⁴³ Ганцкая О. А. Методика картографического определения типов и комплексов крестьянского жилища. Доклад на VII МКАЭН, М., 1964, стр. 1.

⁴⁴ Н. Н. Грацианская, Н. М. Листова (при участии О. А. Ганцкой). Вопросы типологии традиционного жилища центральной и юго-восточной Европы. Доклад на VII МКАЭН, М., 1964, стр. 2.

⁴⁵ Народы мира. Этнографические очерки. Народы Африки, М., 1954, стр. 160, 196, 236, 243, 317, 319, 322, 328, 332, 387, 437, 510, 529, 536, 640; Народы Австралии и Океании, М. 1956, стр. 138, 276, 415, 519, 593, 694; Народы Сибири, М.—Л., 1956, стр. 284, 338, 412, 479—480, 508, 584, 673, 695, 765, 778, 796—798, 820, 835, 848, 868, 913, 959; Народы Передней Азии, М., 1957, стр. 77, 112, 128, 142, 163, 192, 234, 238, 252, 289, 297, 337—340, 402, 425, 443, 464, 489, 522—524; Народы Америки, I, М., 1959, стр. 116, 143, 190, 205, 236, 294, 394, 603; Народы Америки, II, М., 1959, стр. 136, 153, 161, 168, 176, 193, 209, 222, 230, 235, 245, 277, 306, 323—325, 346, 357, 367, 385, 398, 400, 434, 448; Народы Кавказа, I, М., 1960, стр. 161, 206, 239, 250, 282, 317, 358, 378—380, 398, 427, 444, 477, 495, 509, 521; Народы Кавказа, II, М., 1962, стр. 108—111, 190, 196, 200, 288, 392, 426, 495—498, 606—607; Народы Средней Азии и Казахстана, I, М., 1962, стр. 280, 587; Народы Средней Азии и Казахстана, т. II, М., 1963,

В таблице это будет выглядеть следующим образом ⁴⁶.

	Всего	На первом месте	На втором	На третьем	На четвертом	На пятом
Всего описаний	186	—	—	—	—	—
Материал	184	118	44	19	3	—
Форма крыши	175	2	79	77	15	2
Этажность	68	17	26	16	9	—
Камерность	73	7	14	29	22	1
Форма плана	58	29	21	5	2	1

Однако, следует подчеркнуть, что в приводимых примерах нет специальной классификации, чаще всего речь идет о простом перечислении признаков или характерных, специфических особенностей. Чаще всего на первом месте указывают именно такую специфичность (например, длинный дом, круглое жилище, свайная постройка, каркасная конструкция, конусообразная кровля и т. д.). Если такой особенности нет, то чаще на первом месте материал или этаж, иногда камерность. Причем во многих случаях эти признаки приводятся на протяжении нескольких страниц. Иногда даже это названия разделов. Поэтому почти весь этот приводимый материал характеризует прежде всего повторяемость или частоту признаков, или их первенствование. Но поскольку специальная классификация должна базироваться на учете наиболее специфических и всеобщих признаков, то ясно, что при ее составлении нужно учитывать практику позитивного описания жилища по возможности большего числа народов или этнографических областей. А эта практика еще раз подтверждает, что наиболее часто повторяющимися различительными признаками являются признаки материала, крыши и этажа — с одной стороны, как признак, особенность, свойственные всем типам и формам жилища (не может быть жилища без материала, крыши

стр. 67—72, 235, 404, 503, 544, 571, 653; Народы Южной Азии. М., 1963, стр. 251, 290, 311, 336, 359, 380, 396, 415, 443, 462, 476, 490, 497, 514, 522, 538, 542, 554, 582, 611, 633, 645, 725, 744, 766, 780, 795, 810, 812, 813, 814, 846, 875; Народы европейской части СССР, I, М., 1964, стр. 298—300, 645, 820; Народы Европейской части СССР, II, М., 1964, стр. 56, 153, 260, 388, 424, 457, 491, 525, 570, 607, 651, 708, 802; Народы зарубежной Европы. I, М., 1964, стр. 116—124, 202—204, 240—243, 286, 329—331, 409, 439, 456, 472, 484, 538, 579, 636—639, 703—705, 788, 874.

⁴⁶ Отметим, что таблица не является абсолютно полной и точной. В частности, мы не приводим цифр по более редко указываемым признакам жилища (заглубленность, конструктивные особенности и др.), могут быть здесь и отдельные пропуски и неточности.

или этажа) и с другой стороны — в наибольшей степени способные удовлетворять потребностям классификации благодаря своей специфичности в каждом отдельном случае. Разумеется, можно найти немало признаков, отвечающих второму условию, но их беда состоит в малочисленности, в том, что они узко специфичны и не являются признаком в принципе характерным для жилища большинства народов (например, круглый план, свайная конструкция, зауглубленность и т. п.), т. е. они удовлетворяют именно только второму условию, а это значит, что существенно снижаются возможности типологизации.

Отметим при этом, что если наиболее специфичные или яркие из признаков достаточно редки, то признак камерности, идущий наравне с признаком этажности, очень часто дается только в процессе описания, а не в первоначальной характеристике. Эта черта вызвана как раз теми его особенностями, о которых нам приходилось говорить выше: он сильнее в описании эволюции жилища и малоэффективен при типологизации позднего жилища. Не случайно, поэтому, что камерность, также как форма плана, зауглубленность и т. п. признаки получают преимущественное значение при описании архаических типов жилища. Поэтому, разумеется, что в отдельных случаях количество и состав признаков для классификации могут изменяться в самых различных пропорциях и направлениях. Так, например, могут выдвинуться вперед признаки, характеризующие конструктивные особенности жилища.

К примеру, нельзя не указать на то, что жилище является срубным или турлучным — это характеризует и конструкцию и материал, нельзя не подчеркнуть, что дом является длинным (как ирокезский) или круглым, что он является однокамерным, т. к. это важные признаки, характеризующие и общественно-социальную сторону жилища.

Например, при описании ирокезского жилища, исследователи совершенно справедливо начинают с его планировки и камерности, показывая, что это длинные дома, разбитые на отсеки, где обитают парные семьи одной родовой группы, и лишь после этого указывают материал постройки, форму конструкций, крыши и прочие⁴⁷. Это вызвано тем, что в данном случае планировка и камерность отражают архаичность жилища и характеризуют древние формы семейных и общественных отношений, у большинства народов исчезнувшие и поэтому представляющие большой познавательный и теоретический интерес.

Отсюда следует, что при всей всеобщности и универсальности комплекса признаков — материал, крыша, этажность —

---

⁴⁷ Индейцы Америки. Ирокезы. ТИЭ, XXV, М., 1955, стр. 75.

возможны самые различные сочетания признаков, в зависимости от объекта классификации. Иными словами классификация жилища определенной среды, будь то этнической, географической и всякой другой, требует конкретно-исторического подхода.

Вернемся к классификации дагестанского жилища.

Уже первые же попытки систематизации на предложенной типологической основе показывают зональность дагестанского жилища. Именно зональность является наиболее рельефным фактором, проявляющимся при систематизации на основе комплекса признаков материал, этажность, форма крыши.

Поэтому при исследовании дагестанского жилища следует, на наш взгляд, придерживаться зональной типологии (с необходимым учетом социально-экономических и этнических факторов) и принципа зонального исследования жилища. Впрочем, принцип этот является в значительной степени вынужденным, т. е. вытекающим из фактического положения вещей, ибо типы жилища, образуемые на типологической основе совокупности трех признаков, объективно группируются по зонам. Уже сами эти признаки, взятые в качестве типологической основы, определяют зональность жилища. Поэтому последняя также является признанной в советской этнографической литературе. Хорошо выразили эту общую тенденцию Н. Н. Грацианская и Н. М. Листова: «Жилище рассматривалось в историческом развитии, в условиях определенной географической среды. Такая связь нам кажется очень важной, ибо под влиянием естественно-географических условий, специфики хозяйства возникали особенности, которые становились этническими традициями общими для группы родственных народов или одного из них»⁴⁸. Приблизительно таких же взглядов придерживаются Е. Э. Бломквист, А. И. Робакидзе, Д. С. Вардумян и др.⁴⁹

В свете этих положений в Дагестане фиксируются три основных типа жилища: плоскостной, горный и предгорный. Плоскостной характеризуют глиняные постройки (турлук и саман), горизонтальная планировка (один этаж) и скатная кровля (двухскатная). Горный — каменные постройки, вертикальная планировка, плоская крыша. Предгорный отличается своеобразная переходность — материалом здесь может служить саман (преимущественно север) и камень (больше на

⁴⁸ Н. Н. Грацианская, Н. М. Листова (при участии О. А. Ганцкой). Указ. соч., стр. 2.

⁴⁹ Е. Э. Бломквист. Крестьянские постройки русских, украинцев и белорусов. ТИЭ, 31, М., 1956, стр. 31—32 и др. А. И. Робакидзе. Жилище и поселения горцев Грузии в прошлом и настоящем, стр. 29. Д. С. Вардумян. Характеристика основных этнографических районов Армении в XIX в., стр. 3.

юге), планировка здесь и горизонтальная (там где саман) и вертикальная, (но, за очень редкими исключениями, не больше двух этажей), кровля плоская, но встречается и двухскатная, особенно в хозяйственных постройках.

В пределах этих зональных типов имеются, в свою очередь, отдельные формы более дробного порядка, однако это обнаруживается лишь на основе изучения в каждом отдельном случае всех особенностей и признаков второстепенного характера, таких как камерность, внутренняя планировка, формы очажных и хозяйственных отсеков, расположение очага, форма террасы, закрытость комплекса построек, наличие башен и др.

В заключение отметим, что предложенная нами типологическая основа для классификации жилища и вытекающая из нее зональная типология сохраняет свою силу и для современного жилища. Только в самих зональных типах произошли сильные изменения. В плоскостном жилище исчез турлук и его место занял саман и отчасти камень, а место глиняной скатной крыши заняла шиферная кровля с потолком. В горном все большее место также занимает скатная кровля из шифера или железа, стали нередки одноэтажные дома современного плоскостного типа; в этом же направлении происходят изменения в предгорном жилище. Словом, во всех трех зонах в новом строительстве все большее место занимает скатная кровля, наблюдается продвижение плоскостных форм жилища в горы и т. п., а это означает, что происходит унификация зональных типов жилища. Но, тем не менее, для основной массы жилищ старое содержание зональной типологии остается в силе. Те же огромные изменения, происшедшие за годы Советской власти в жилище, касаются планировки, отопления, освещения, внутреннего убранства, хозяйственных построек, санитарно-гигиенического состояния и пр. Все эти изменения нередко происходят внутри дома почти полностью сохранившем свой общий типологический облик.

С другой стороны, поскольку изменения в типологии в сторону приближения к современным архитектурным образцам и унификации зональных типов происходят в современном жилищном строительстве в возрастающем темпе, следует предполагать коренные изменения в типологической классификации дагестанского жилища. Все меньшую детерминативную роль при различении отдельных типов будет играть форма крыши, поскольку она унифицируется на всей территории Дагестана. Различия в этажности сохранятся, также не может стереться специфика основных строительных материалов, хотя она не будет такой резкой. В частности, турлук исчезнет, и материалы плоскости и предгорья будут совпадать. Вообще, предгорье, в силу своей специфики как переходной зоны,

в большей степени подвергнется своеобразному обезличиванию и основными зональными типами станут плоскостной и горный тип. Таким образом, типологическая схема будет выглядеть предположительно следующим образом: 1. Плоскостное и нижнепредгорное одноэтажное саманное (и кирпичное) жилище со скатной крышей. 2. Горное и верхнепредгорное двухэтажное каменное (в предгорье местами саманное) жилище, также имеющее скатную кровлю, (но здесь она утвердится гораздо позднее).

Зональная типология, таким образом, сохраняется, хотя в перспективе четкость и определенность зональных различий будет постепенно уменьшаться.

НЕКОТОРЫЕ ОБЩИЕ ВОПРОСЫ ЭВОЛЮЦИИ СОВРЕМЕННОГО ЖИЛИЩА НАРОДОВ ДАГЕСТАНА И ВСЕГО КАВКАЗА

Вопросы эволюции жилища народов Дагестана и Кавказа во многом являются вопросами о характере и силе воздействия различных факторов на нее. Нам уже приходилось говорить¹, что тип жилища, его главные формы и особенности, конструктивные приемы строительства и пр. определяются совокупностью факторов трех родов: природно-географических (зона) социально-экономических и этнических. При этом нужно учитывать, что этнические по времени более поздние, чем первые по воздействию, иными словами этническое лицо жилища во многом складывается в результате закрепления за жилищем данной этнической единицы особенностей, сложившихся в процессе складывания жилища под воздействием природно-географических и социально-экономических условий.

Дагестанское плоскостное турлучное жилище, например, сложилось в результате приспособления в первую очередь к природным условиям и хозяйственной специфике, но поскольку дагестанскую плоскость занимали кумыки, жилище, являясь зональным по существу, одновременно превратилось и в специфически этническое, кумыкское, отчего в применении к плоскостному жилищу правомочен и термин — кумыкское.

Однако, если взглянуть на этот вопрос в масштабах всего Кавказа, то возможность увязывания турлучного плоскостного жилища с определенной этнической общностью окажется нарушенной, ибо такого рода жилище свойственно многим народам Кавказа, проживающим в сходных природно-экономических условиях, в том числе и нетюркоязычным.

Поэтому, когда речь идет о развитии жилища в определенную социальную эпоху, роль этнического фактора становится незначительной и малоощутимой. Ввиду этого рассмотрение

---

¹ См. М. О. Османов. Поселения даргинцев в XIX—XX вв. Ученые записки Института ИЯЛ Дагфилиала АН СССР, Махачкала, 1962, т. X, стр. 237—238. Принципы классификации дагестанского жилища, «Материалы сессии, посвященной итогам археологических и этнографических исследований 1964 года в СССР (Тезисы докладов)». Баку, 1965, стр. 188.

этнического фактора в эволюционном процессе дагестанского жилища в советское время сводится к исследованию этнических влияний и взаимовлияний, и в первую очередь влияния русской архитектуры, а также к изучению тех этнически своеобразных элементов, которые сохранились в типах жилища советского времени. Т. е., хотя превращения вновь появляющихся под воздействием социально-экономических и природно-географических факторов признаков в этнические особенности не происходит, сам этнический фактор сохраняется, т. к. преобразование жилища происходит на базе национальных, этнических традиций, и новое жилище в большей степени являясь продуктом новых условий жизни, (в своей основе, в главном, почти одинаковых повсюду) отчасти представляет собой и результат многовекового развития, включающего в себя, несомненно, и этническую специфику.

Специфическим является для изучаемой эпохи и действие факторов природно-географического порядка. Если при генетическом складывании типов жилища природно-географическим факторам принадлежит решающая роль, то на протяжении небольшой эпохи, каковым является советский период в смысле продолжительности времени, их роль также сравнительно невелика ибо природа не изменяется так быстро. Но роль факторов этого рода все-таки больше, т. к. во-первых, в любом типе жилища существует природно-географический фактор, отражая важность его при образовании, генезисе, и эта роль его выражена в частности и в существующей зональности жилища, и во-вторых, некоторые изменения географии все-таки происходят (например, обезлесение), и потом, если даже не претерпевает особых изменений сама природа, изменяется вооруженность человека и степень и формы его взаимодействия с природой. Поэтому, без изучения факторов природно-географического порядка невозможно составить правильную картину эволюции жилища народов Кавказа в советский период.

Совершенно очевидно, что главную роль в преобразовании жилища в советское время сыграли факторы социально-экономического порядка. Ибо все что изменилось в жилище обусловлено изменениями, происшедшими в хозяйстве, общественной жизни, материальном благосостоянии, состоянии промышленности строительных материалов, дорог, экономическом положении края и пр., которые стали возможными, в свою очередь, благодаря Великой Октябрьской революции.

Таким образом, если составить своеобразную «иерархию» факторов, влиявших на эволюцию советского жилища, то на первый план выдвигаются социально-экономические факторы, затем природно-географические и в последнюю очередь, этнические.

Эта особенность действующих на жилище факторов сыграла решающую роль и в результатах этого воздействия.

Однородность факторов социально-экономического порядка на всей территории Кавказа после революции должна была вылиться в однородность воздействующих на жилище сил, единство и общность направлений влияния главных факторов.

Иными словами, преобразование экономики, социально-общественных отношений, культуры и быта на всем Кавказе происходило как и во всем Советском Союзе, в одном по своей сути плане и поэтому изменение жилища также происходило сходными путями, средствами, нередко в одном русле.

Рассмотрим некоторые из факторов социально-экономического порядка в их воздействии на эволюцию жилища в общекавказском плане.

Одним из главных завоеваний Октября была ликвидация экономического и социального угнетения, конкретно в условиях Кавказа — ликвидация крупного феодального и бюрократического землевладения и наделение крестьян землей. Этот, казалось бы, весьма далекий от жилища факт, сыграл, тем не менее, огромную роль в формировании нового жилища как комплекса. Крестьянин получил полную гарантию того, что сколько бы новых семейных ячеек не образовалось, все они получат от местных органов власти участок в установленном общим собранием колхозников размере. Таким образом, была устранена одна из причин кучности поселений и соответственно тесноты усадеб и жилых комплексов в Дагестане, на Северном Кавказе и Закавказье.

Кроме того в условиях складывания социалистического сельского коллектива людей, общность которых основана на совместном труде в социалистическом производстве, происходит ослабление родственных и патронимических связей.

Если раньше члены одного родственного коллектива объединялись для противопоставления себя другим родственным объединениям, то теперь оснований для такого противопоставления не осталось, и, следовательно, отпала сама необходимость родовой исключительности. В обществе, где все объединены единой целью как в масштабах целого государства и вообще мировоззрения, так и в масштабах одной бригады или звена, уже не остается места для процветания исключительности родственных связей. А это также приводит к рассредоточению селения, устранению скученности и тесноты, т. е. опять-таки к изменению общей планировки жилища и усадьбы в сторону расширения, распространения в горизонтальной плоскости.

Изменение общественного быта внутри селения, исчезновение взаимного недоверия и вражды, привели также повсюду

на Кавказе к тенденции отказа от закрытых, глухих помещений. Традиционное стремление изолировать свое жилище от внешнего мира, сделать его труднодоступным, похожим на крепость, уступает место традиции сильного раскрытия жилища путем создания галлерей, веранд, лоджий, балконов, больших окон, отказа от глухих высоких заборов, закрытых дворов и т. п.

В том же плане сказывается на жилище и культурная революция, причем действие ее двоякое.

С одной стороны, жилище изменяется как одна из отраслей материальной культуры, изменяется само по себе, согласно изменениям происшедшим в материальной культуре вообще (например, исчезновение наиболее старых форм, унификация типов, приспособление жилища как комплекса к новым условиям хозяйствования и пр.). С другой стороны оно изменяется потому, что изменился культурный уровень и духовный облик горца, изменились его запросы и требования. В этом отношении можно указать на такие элементы жилища как отопление, освещение, санитарно-гигиеническое состояние.

Раньше горец не особенно утруждал себя заботами, например, об освещении жилища — свет ему был почти ненадобен. Теперь же освещение затрагивает вопрос культуры, досуга, здоровья, просвещения и пр. — и поэтому оно становится предметом особого внимания строителя.

В плане культурной революции можно говорить и о процессе приближения деревни к городу, происходящем с большей или меньшей интенсивностью по всему Кавказу. В ходе строительства социализма и затем основ коммунистического общества все сильнее происходит стирание существенных различий между городом и деревней, и сельские условия производства и особенно быта во многом приближаются к городским. Особенно ярко этот процесс обнаруживается в поселках нового типа, возникающих или в результате перенесения старых селений с гористого, обрывистого места на более ровное, пригодное для современного поселения, или же в процессе организованного переселения части горцев, обитающих в наиболее безземельных, бесперспективных в хозяйственном отношении местах, на плоскость или в предгорье.

Последние, надо сказать, мало чем отличаются от поселков городского типа. Их общая планировка исходит из того, что каждое жилище должно иметь определенный минимум участка, который дал бы возможность не только для горизонтального расположения обширного жилья и всех служб, но и создания приусадебного участка. Типовые светлые дома с большими стеклянными галлереями, шиферной крышей, с минимумом хозяйственных построек и максимальным использованием участка под посевы и насаждения — такой тип жили-

ща можно встретить в качестве господствующего в поселках от южных границ Закавказья до станиц Терека и Кубани. Это «поспевание» деревни за городом стало возможным не только потому, что усилились связи города и деревни, но и потому, что деревня в силу своей зажиточности получила возможность подражать, тянуться за городом. Что толку было раньше от того, что темный горец видел в городе электричество, канализацию, светлые помещения, изысканную мебель. Ведь все это надо было покупать, а многое из этого и купить было невозможно, ибо общая отсталость страны не позволяла предоставить то, что было в городе и селениям. Да и не только селениям. Окраины дореволюционных городов, где проживала беднота, по своим санитарно-гигиеническим условиям были хуже самой глухой отсталой деревни.

Поэтому вопрос о выравнивании быта города и села, подтягивания деревни до уровня города был вопросом не отдельных городов и сел, не отдельных богачей и бедняков, а вопросом общей бедности и отсталости Российской империи. Ведь не случайно в горах возникли анекдотические рассказы о горце, привезшем в аул электролампу и свесившем ее с потолка — вечером зажгется; о старухе, которая долго уговаривала замолчать репродуктор и потом обрушилась на него с дубиной и т. д.

Таким образом, бедность трудящихся сочеталась с бедностью страны, культурная отсталость населения — с экономической и культурной отсталостью империи.

Советская власть избавляла народы от этого наследия на всем Кавказе примерно в одном направлении, одними средствами, главными из которых были курс на развитие местных производительных сил, экономическая и культурная помощь России и русского пролетариата, резкий подъем материального благосостояния и культуры.

Таким образом, зажиточность колхозников явилась одним из источников изменений в сельской архитектуре, давшим возможность заимствовать достижения городской архитектуры и вообще культуры. Вообще, следует сказать, что зажиточность — один из самых сильных и эффективных рычагов в изменении сельского жилища.

Повышение жизненного уровня способствует изменениям в жилище в нескольких аспектах.

Кроме указанной уже возможности подтягивания к городу, подъем материального благополучия делает возможными сами преобразования в принципе. Возможность покупать и привозить издалека новые строительные материалы является одним из условий преобразования жилища, а оно невозможно в бедной деревне. И поскольку подъем экономического положения крестьян происходил на всем Кавказе повсеместно,

соответственно на всей территории кавказских народов происходят в жилище изменения однородного характера, связанные с улучшением материального благосостояния. Точно также невозможно при бедности улучшение санитарно-гигиенического состояния жилища. Деревянные полы, широкие светлые окна, капитальные печи, отапливаемые дровами и углем (нередко привозными), шиферные крыши, мощение или посыпание песком дорожек, выделение из комплекса жилища хлевов и отхожего места, цементирование, побелка известью, специальные цоколи от сырости и пр. все это в большей или меньшей степени стоит в прямой связи с зажиточностью строящихся. Мы не говорим уже о том, насколько тесно связан с этим же вопрос о внутреннем убранстве жилища, его обстановке, мебели и пр., большая часть которых должны покупаться в городе и привозиться на большие расстояния. А поскольку продукция промышленности уже не имеет национального колорита, возникает еще один источник для сближения между собой жилищ народов Кавказа, для выработки общих черт в строительстве и убранстве.

Между прочим, в равной степени это относится и к строительным материалам. Гигантский рост советской промышленности строительных материалов дал возможность планировать определенную их часть для сельского индивидуального строительства. Эти материалы также не имеют национальных или зональных особенностей, они одинаковы повсюду. А это означает, что возрастающее применение промышленных материалов создает соответственно возрастающее сближение между жилищем разных народов и зон. Ведь зональность жилища, его специфика во многом определяется зональностью, наличием (преобладанием) в данной области специфических строительных материалов, которые неизбежно накладывают на архитектурный облик жилища, его конструкции определенный отпечаток. Появление же и применение промышленных материалов, одинаковых повсюду, сглаживает эти особенности, нивелирует их, способствуя складыванию не только сходных методов строительства и схожих конструкций, но и общей типологии. На территории Кавказа раньше можно было встретить крышу плоскую глиняную, скатную, камышовую, обмазанную и необмазанную, турлучную скатную, деревянную скатную, соломенную скатную (из рисовой соломы на юге Азербайджана), крышу из шкур кочевнических юрт, глиняную на венцеобразном перекрытии и т. д. В настоящее же время повсюду господствующей в новом строительстве становится скатная шиферная крыша, что создает в результате одну из предпосылок для образования единой типологии современного жилища Кавказа.

Надо сказать, что этому общему процессу внедрения

новых материалов способствует такой фактор как обезлесение многих областей Кавказа. Процесс этот прогрессирующий, несмотря на все предпринимаемые профилактические меры и соответственно происходит параллельно ему процесс вытеснения дерева и особенно деревянных конструкций в жилищном строительстве. Так исчезают венцеобразные перекрытия закавказского жилища, турлучные и деревянные стены Северного Кавказа и Закавказья, драночные крыши Грузии и Северного Кавказа, огромные центральные столбы, балки, массивные переплеты окон, дверей и т. д.

Заменяются же они повсюду одними и теми же материалами, конструктивно выполняющими одну роль, поэтому и этот процесс способствует процессу нивелировки. Например и турлук, и деревянная стена и плетень везде заменяется саманом (меньше кирпичом и камнем), т. е. такими материалами, которые являются главными для других (без дерева в кладке) типов жилищ, и в результате происходит сближение разных типов, их нивелировка: и там и тут одни и тот же материал для возведения стен.

В результате некоторым образом нарушается зональность жилища. Для плоскости камень не характерен, однако его завозят для строительства, для горной зоны скатная крыша не свойственна, однако колхозник привозит лес для стропил и шифер и строит скатную шиферную крышу. Зональность жилища раньше означала не только практичность крестьянина, использовавшего наилучшим образом природные богатства своего края для строительства жилища, и приспособившего его в меру своих возможностей и понимания к природе края и условиям своего существования и хозяйствования. Зональность означала также в известном смысле бессилие крестьянина, его одиночество, его рабскую зависимость от природно-географических условий.

Поэтому в той части, где была не целесообразность приспособления, а необходимость — там в настоящее время повсюду происходит ломка старых традиций и конструкций в строительстве и внедрение новых. Ибо там, где нехватка определенного материала приводила раньше к какому-либо недостатку в жилище, теперь этот дефект устраняется путем завоза недостающих материалов. Так завозят, например, лес в районы, где раньше его было очень мало, камень, кирпич, шифер и пр.

На первый взгляд это как-будто бы противоречит нашему предыдущему положению, связанному с обезлесением. Однако противоречивость эта диалектическая. Обезлесивание привело к исчезновению тех деревянных конструкций, которые можно заменить новыми материалами (например, турлук кирпичом). Для тех же конструкций и элементов, которые

можно делать только из дерева (переплеты, двери, рамы, полы, стропила и пр.) и которые раньше попросту отсутствовали в безлесных районах, в настоящее время стали привозить лес из городов и железнодорожных станций (лес из центральных и восточных районов России).

Поэтому, если в традиционно лесных районах обезлесение привело к замене дерева (в конструкциях) другими материалами, то в исстари безлесных районах, страдавших от недостатка дерева при строительстве и жилище которых носило отпечаток этой нехватки, в настоящее время этого явления не наблюдается, т. е. и в применении дерева в разных зонах и районах наблюдается выравнивание, а следовательно, и нивелирование типологических особенностей жилищ разных зон и народов.

В этом плане большую роль сыграли сдвиги и в общественном характере хозяйства. Изменения в нем происходили на всей территории Кавказа и повсюду они были вызваны одними и теми же причинами, главными из которых были наделение крестьян землей за счет помещичьих владений и затем коллективизация сельского хозяйства. После революции повсюду на Кавказе наблюдается расширение индивидуального крестьянского хозяйства, которое вызывалось повсеместным процессом осереднячивания крестьянства. На жилище оно отразилось в плане расширения хозяйственных помещений, различных служб. Правда, этот этап особой роли в сближении типов кавказских жилищ между собой не сыграл, т. к. расширение служб происходило в рамках старой типологической основы — иными словами, в жилище тоже наблюдается осереднячивание, т. е. подтягивание жилищ бедноты до уровня середняцкого жилища в отношении объема и наличия определенного минимума служб.

Но следующий этап в изменении крестьянского хозяйства, связанный с коллективизацией, сыграл в эволюции жилища огромную роль.

Влияние коллективизации стало сказываться в послевоенное время, т. к. до войны времени прошло после коллективизации очень мало, а во время войны жилищное строительство было очень ограниченным. Это влияние происходило в нескольких направлениях, главными из которых были подъем материального благосостояния крестьян и уменьшение индивидуального хозяйства. О влиянии усиления зажиточности на жилище нам уже приходилось говорить; не меньшую роль в эволюции жилища сыграло и уменьшение удельного веса личного хозяйства крестьянина. Суть этих изменений повсюду на Кавказе была одна — сосредоточение основной массы скота и инвентаря в колхозе и отсюда резкое падение удельного веса личного хозяйства и соответственно — пустование хозяй-

ственных помещений. Отсюда планирование при новом строительстве очень небольшого количества служб и параллельное увеличение жилой части комплекса. Тенденция эта могла иметь по всему Кавказу местные особенности (варианты) проявления, но суть изменений в жилище оставалась повсюду одна и та же — сокращение и нередко при этом отделение хозяйственного комплекса жилища. Если вспомнить, что роль комплекса служб в типологии дореволюционного жилища играла огромную роль, что в зависимости от того как расположены хозяйственные помещения, как связаны с жильем, как распределяются в горизонтальном или вертикальном плане, закрыты или открыты и т. д. — в зависимости от всего этого различались многие формы и типы жилища, как зональные, так и этнические, то станет ясным, какую большую роль должно было сыграть вытеснение служб из комплекса жилища в сближении разных типов жилищ кавказских народов между собой. Уже сама по себе общность, однотипность этого процесса по всему Кавказу является достаточной для складывания определенной близости, схожести между жилищем разных народов.

Отметим еще один довольно серьезный фактор, способствующий нивелированию особенностей и сближению типов жилищ кавказских народов. Речь идет о взаимных архитектурных влияниях. Они облегчились благодаря усилению всех видов связей между кавказскими народами, а также всех их — с русским народом. Русская культура выступает в этом отношении в качестве всеобщей объединяющей силы, одинаково сильно воздействующей на все культуры. Ее влияние усиливается и тем, что в городской культуре она почти везде играет главенствующую роль, и влияние города в конечном счете для большинства народов особенно на Северном Кавказе оказывается русским влиянием. А это создает предпосылки для складывания однотипных архитектурных конструкций, методов, традиций, т. е. образования единых типологических основ. Разумеется, речь может идти не только о русском влиянии. В частности, дагестанское жилище испытало в определенной степени влияние архитектурных форм Азербайджана (южный Дагестан), Грузии (центральный и западный Дагестан), Северного Кавказа (ногайцы, кумыки).

Именно влиянию соседей дагестанское жилище обязано появлением в нем скатной крыши со стропилами — которая совершенно не была известна раньше.

Таким образом, мы видим, что в советское время создались такие условия, которые действуют с большой силой на жилища отдельных народов в направлении их сближения между собой.

Придя к такому общему выводу, мы приходим в противо-

речие с аксиоматичным положением о расцвете в эпоху социализма национальной культуры. Действительно, если вспомнить такие элементы культуры как язык, литература, искусство и др., то мы увидим расцвет национальной формы в каждом отдельном случае при единстве содержания (социалистического).

В рассматриваемом же нами вопросе происходит единый процесс сближения не только в содержании, но и в форме. Такое видимое противоречие объясняется самим характером жилища как элемента материальной культуры, наиболее тесно смыкающегося с экономикой, социальной и общественной жизнью. Жилище не является глубоко национальным, то этническое, которое есть в нем, не является главным в его содержании, т. к. этническое сложилось в нем как накопление отдельными этническими единицами определенных традиций, связанных с природой, географией, историей края, т. е. этническое есть здесь ставшее традиционным, и поэтому в определенной степени воспринимаемое как этническое, приспособление жилища к природно-географическим и социально-экономическим условиям. Иными словами, жилище всегда было больше зональным, чем национальным, и в нем мало проявлялись особенности психического склада людей определенной этнической единицы, их национальные традиции и особенности. Именно этим и можно объяснить, что в эпоху всеобщего подъема и расцвета всего национального, в жилище (как и в других элементах материальной культуры в разной степени) наблюдается еще большее уменьшение действия национального фактора и господствующее проявление в первую очередь, новых социально-экономических условий. А поскольку последние на всей территории Кавказа имели общий характер и общие тенденции, то и в жилище стали преобладать объединительные, нивелирующие тенденции. В этом смысле можно сказать, что расцвет национальной культуры в жилище выражен в подъеме и развитии общих, общекавказских и в некоторой степени даже общесоюзных тенденций. Следовательно, в будущем можно будет, по-видимому, говорить о возникновении общесоюзных типологических рядов жилища, отражающих в первую очередь подъем материального благосостояния и культурного уровня трудящихся всей страны, а также зональную специфику (север — юг, лесной — безлесный, горы — плоскость и т. д.).

Остановимся на этих вопросах несколько конкретнее. Прежде всего следует отметить, что в жилище всех народов Кавказа в основном совпадают этапы эволюции жилища и их постепенность. Как и в Дагестане, повсюду замечается деление на два основных этапа: 1. От конца гражданской войны до коллективизации и послевоенного времени. 2. Послевоенный пе-

риод. Не везде, правда, исследователи выделяют именно два этапа, но в любой периодизации эти два этапа существуют и являются главными, водораздельными. Так, например, в жилище горцев Грузии первый этап у хевсур включает внутреннее переустройство жилой части, выделение жилого помещения на 2-м этаже, раньше состоявшем из одного помещения, перемещение очага к одной из стен и появление дымохода². Примерно то же можно сказать о начальных преобразованиях в жилище сванов и других горцев Грузии³.

На второй этап приходится устройство окон, балкон с перилами, выделение места для хранения сельскохозяйственного инвентаря на 1-м этаже, уменьшение этажности с 3-х до 2-х, полное выделение жилища как самостоятельного здания, многокомнатность, выделение для всех брачных пар отдельных помещений⁴.

В развитии дагестанского жилища не было разделения на такие этапы, т. к. строго говоря, выделение жилой части и перемещение очага к стенке произошло здесь еще в XIX в. и в послереволюционный период общие единственные камеры и центральные очаги являлись только пережиточными явлениями. Зато 2-й этап является почти одинаковым, с той разницей, что в дагестанском жилище он будет фактически первым⁵.

Процессы эти, или изменения, происходят повсюду на Кавказе на базе старой типологии, в каждом отдельном случае в «рамках старого типа»⁶, в виде «переустройства старых жилищ»⁷, что и является наиболее общей и характерной чертой первого этапа эволюции жилища.

Уже в первые годы после революции повсеместно различается стремление к рассредоточению жилых и хозяйственных помещений, раскрытию комплекса жилых и хозяйственных построек, объединенных под одной крышей. Особенно ярко заметен этот процесс в Дагестане, горной Грузии⁸, части Армении⁹, Осетии¹⁰ и др. т. е. в тех областях, где для прошлого были характерны наиболее яркие образцы закрытых комплексов. Этот процесс сопровождается другим, получившим свое завершение уже после войны — отделением хозяйственных построек и особенно помещений для скота от жилых. Оба эти

² А. И. Робакидзе. Жилище и поселения горцев Грузии в прошлом и настоящем. КСИЭ, XXXVI, М, 1962, стр. 33.

³ Там же, стр. 34.

⁴ Там же, стр. 33, 34.

⁵ Ср. например. Г. Н. Любимова, С. А. Хан-Магомедов. Народная архитектура Южного Дагестана, М, 1956, стр. 56—65.

⁶ А. И. Робакидзе. Указ. соч., стр. 33.

⁷ Народы Кавказа, II, М, 1962, стр. 504.

⁸ А. И. Робакидзе. Указ. соч., стр. 34.

⁹ Народы Кавказа, II, стр. 504—507.

¹⁰ Народы Кавказа, I, М., 1960, стр. 320.

процесса объективно связаны как с изменением общественных условий и культурным подъемом, так и увеличением величины двора, поскольку каждый домовладелец независимо от своего экономического положения имел гарантированный минимум участка.

Увеличение двора и участка привели и к некоторым изменениям в общей планировке. Все они диктуются соображениями создания максимально благоприятных условий для увеличения насаждений и огорода. В этом отношении другие народы стали заимствовать грузинскую и адыгейскую форму усадьбы, где созданием внутреннего и внешнего двора достигается экономия участка для насаждений и удаление и изоляция его от наиболее оживленной части двора. Такие дворы появились, например, в плоскостном Дагестане.

Это означает, что постепенно начинает складываться новая форма поселения — усадебная, т. е. создание больших дворов и участков требует рассредоточения жилищ. Процесс изменения характера группирования отдельных жилищ в поселения изменяется по всему Кавказу, правда не везде достаточно интенсивно. В большей степени он развивается в послевоенное время. Однако в наиболее гористых и каменистых районах он носит неполный характер. В частности, в Дагестане, поселения не стали полностью усадебными, их скорее можно назвать поселениями компактно-усадебного типа. Разумеется, что в большинстве горных селений, оставшихся на старом месте, или центрах этих селений, усадьбы не могли внедриться, хотя и тут предпринимаются все меры для создания дворов и участков.

И все-таки, если брать жилище всего Кавказа в целом, то преобразования до послевоенного времени нельзя считать коренными, ломающими старое жилище, его типологию. Изменения в тот период сильно коснулись лишь интерьера жилища, его внутреннего убранства, мебели, санитарно-гигиенического состояния и т. п. И лишь в послевоенное время, где раньше, где позже (в Дагестане, например, с начала 50-х гг.) начинается новый этап, главной особенностью которого все исследователи считают «строительство жилых домов новых типов»¹¹. В этих типах используются в определенной степени местные архитектурные традиции, однако в главном, основном, типологические особенности этих жилищ являются скорее приближающимися к общим, нежели специфичными. Именно в этих

¹¹ Народы Кавказа, II, стр. 504 (о армянском жилище); Ср. также, А. И. Робакидзе. Указ. соч., стр. 33, 34 (о грузинском); Народы Кавказа, I, стр. 255 (о карачаевском) и др.; М. Г. Аутлев, Л. И. Лавров (редакторы). Культура и быт колхозного крестьянства адыгейской автономной области, М—Л., 1964, стр. 95.

новых типах мы обнаруживаем ту складывающуюся типологическую общность, о складывании и причинах возникновения которой мы говорили выше.

Новые типы жилища отличаются прежде всего единообразием строительных материалов. Если до революции главный строительный материал давал в какой-то мере возможность типологической классификации, то теперь материал перестал быть характерным в той же степени. Повсюду на Кавказе турлук стал заменяться саманом, камнем и кирпичом, деревянные постройки — камнем и кирпичом, постройки из рваного камня — тесаным камнем, железобетоном и т. д. Т. е. материал строительства перестал во многом характеризовать зональную принадлежность жилища. Вдобавок к старым материалам прибавился обожженный кирпич, правда, пока в очень незначительном количестве, железобетон, пиленный промышленный камень и пр.

Одним из самых универсальных явлений, затронувших весь Кавказ, является распространение стропильной кровли. Хотя скатная крыша была известна на Кавказе давно, стропила были мало известны и их внедрение означало большой шаг вперед в развитии жилища.

Внедрение ее задерживалось вначале ввиду недостатка кровельного железа, (а во многих районах леса) когда же началось массовое промышленное производство черепицы и особенно шифера и облегчилась доставка леса, кровля со стропилами проникла почти во все уголки Кавказа¹². Соответственно изменяется повсюду конструкция потолка, которого раньше не было в большинстве типов жилищ Кавказа. Он, как и деревянный пол, ставший обязательным в современном жилище¹³, является результатом русского влияния.

Однако эти изменения отдельных материалов, конструкций, методов строительства начали развиваться еще в довоенном жилище и не составляют главной особенности послевоенного строительства. Главным здесь следует считать не изменение отдельных элементов жилища, а смену типологии его, появление совершенно новых типов жилища, для данной округи, в прошлом не характерных. Процесс этот происходит в двух направлениях: с одной стороны наблюдается сближение зональных типов жилища отдельных народов между собой, с

---

¹² Народы Кавказа, I, стр. 166, 256, 285, 360, 382; Культура и быт колхозного крестьянства адыгейской автономной области, стр. 95; Народы Кавказа, II, стр. 117, 507; А. И. Робакидзе. Новые черты современного грузинского крестьянского жилища, СЭ, 1961, стр. 32.

¹³ Народы Кавказа, I, стр. 165, 224, 360; II, стр. 118, 293 и др.; А. И. Робакидзе. Указ. соч., стр. 37; Его же. Жилище и поселения горцев Грузии в прошлом и настоящем, стр. 35.

другой — мы видим проникновение плоскостных и предгорных типов жилища (как правило более современных чем горные типы) в горные районы. Очень четко это прослеживается, например, на жилище Грузии или Дагестана.

Исторически Грузии были известны три главных типа жилища: 1. деревянный дом со скатной кровлей западной Грузии, 2. восточногрузинский дарбази, 3. многоэтажный комплекс горной Грузии — сахли¹⁴. Двухединный процесс здесь выразился в том, что все формы горного жилища — хевсурский, сванский и др. сблизилась между собой. С другой стороны сблизилась восточно-грузинский и западно-грузинский жилища, имевшие в прошлом очень мало общего. И там и тут в практику нового строительства входят двухэтажные каменные или кирпичные дома с шиферной кровлей, с отведением первого этажа под хозяйственные помещения, второго — под жилье, с отделением далеко от жилья помещений для скота, многокомнатные, с деревянным полом и потолком, резными балконами и галереями¹⁵. С другой стороны этот тип стал проникать и в горную Грузию, и «в селениях горной Грузии стали строить новые дома, типичные для западногрузинской низменности и восточногрузинской равнины. Вышеуказанный процесс, таким образом, характеризуется определенной тенденцией к известной унификации форм грузинского крестьянского жилища»¹⁶. Аналогичный процесс можно наблюдать в Дагестане, где современные типы плоскостного и предгорного жилища все дальше и дальше проникают в горы. Правда, здесь этот процесс хоть и отчетлив, но менее интенсивен. То-же самое можно сказать о жилище всех бывших кочевников Северного Кавказа, Армении и Азербайджана, перенявших типы современного жилища своих соседей, (например, курды у армян и азербайджанцев) о многих народах Северного Кавказа, особенно тех, которые были затронуты организованным переселением (часть дагестанцев, чеченцы, ингуши и др.)

Эта определенная унификация вызывалась одинаковым воздействием многих общих факторов, о которых мы уже говорили выше.

Не возвращаясь к этому вопросу, отметим некоторые частные особенности и закономерности в развитии новой типологии. Интересно, в частности, остановиться на вопросе об изменении этажности. Во многих областях изменение этажности наблюдается в обоих направлениях: увеличения и уменьшения, с тем чтобы приблизиться к унифицированной наиболее оп-

---

¹⁴ А. И. Робакидзе. Новые черты современного грузинского крестьянского жилища, стр. 31; Народы Кавказа, II, стр. 284—290.

¹⁵ Народы Кавказа, II, стр. 292—296.

¹⁶ Народы Кавказа, II, стр. 294.

равдывающей себя в современных условиях форме. Многие старые типы жилища — плетневые, турлучные, саманные, имевшие один этаж, повсюду стали строиться на цоколе. В дальнейшем, в связи с усиленным развитием приусадебных насаждений и огородничества, наблюдается некоторая тяга к экономии участка, выразившаяся в эволюции одноэтажного жилища через цокольное к двухэтажному, в котором первый этаж занимают хозяйственные помещения, в том числе и такие, которые раньше стояли отдельно от основного комплекса. Такая эволюция произошла с азербайджанским жилищем одноэтажного и земляночного типа¹⁷, с армянским одноэтажным глинобитным домом¹⁸, с деревянным одноэтажным жилищем Западной Грузии¹⁹, с турлучными постройками карачаевцев²⁰ и др. В каменном жилище эта эволюция во многих случаях не имела промежуточного этапа в виде цоколя и жилище сразу эволюционировало в двухэтажное, что происходило, например, в Восточной Грузии²¹ и Дагестане. При этом следует отметить, что повсюду наблюдается стремление отделить постройки для скота. Их располагают в наиболее укромном месте двора, причем это вызывается не боязнью увода, как нередко бывало раньше, а санитарно-гигиеническими и эстетическими соображениями. Следует признать, что постройки для скота в большей степени сохраняют свои архаичные формы²², и нередко при типовом современном доме можно видеть старинной формы деревянную или глинобитную постройку. В горных же районах, где в прошлом были каменные долговечные жилища, часто для жилья строят новый современный дом, а старое жилище приспособляют для хозяйственных нужд (как например, в Грузии²³ и Дагестане).

Однако, не следует думать, что хозяйственные постройки мало изменились. Напротив, это один из самых революционных элементов жилища советского времени.

Начать с того, что в связи с коллективизацией произошло повсюду перемещение основной хозяйственной деятельности в колхозы. Основная масса скота оказалась в общественных колхозных хлевах, фермах, соответственно сильно сократилась потребность в хлевах в отдельном жилище. Соответственно

17 Народы Кавказа, II, стр. 117—118.

18 Там же, стр. 505—506.

19 Там же, стр. 294; А. И. Робакидзе. Новые черты современного грузинского крестьянского жилища, стр. 33—35.

20 Народы Кавказа, I, стр. 256.

21 А. И. Робакидзе. Новые черты современного грузинского крестьянского жилища, стр. 37—38.

22 Ср. Народы Кавказа, II, стр. 507.

23 А. И. Робакидзе. Жилище и поселения горцев Грузии в прошлом и настоящем, стр. 34.

уменьшилась нужда в больших сеновалах, хранилищах для соломы, зерна, початков кукурузы, фруктов, виноматериалов и т. д.

Поэтому все исследователи, касающиеся послевоенного жилища кавказских народов, обращают внимание на этот факт²⁴, и даже считают его одним из главных факторов в изменении жилища в советское время²⁵. Эта особенность индивидуального хозяйства, действительно, способствовала складыванию определенной общности в жилищах народов Кавказа, благодаря ей стал возможным переход от хозяйственно-жилых комплексов к современному типу домам, и благодаря ей стало возможным сосредоточить на первом этаже дома все хозяйственные помещения, высвободив, тем самым площадь для насаждений.

Этот же фактор сыграл большую роль в раскрытии закрытого комплекса, ибо именно хозяйственные работы и постройки являлись одной из главных причин закрытости усадеб. Следовательно, этот фактор сыграл определенную роль и в сильном внедрении в новом жилище различных балконов и галерей. Последние стали непременной принадлежностью любого типа кавказского жилища²⁶, разница только в форме раскрытия жилища (лоджия, балкон, веранда, галерея) и его степени. Общий культурный подъем, изменение общественного быта, увеличение числа жилых помещений в доме и пр. также повсюду с одинаково большой силой действуют на жилище в этом направлении.

Для планировки самого жилища всеобщей характерной чертой является дробление больших камер, где они еще сохранились (горная Грузия, Дагестан, Осетия, Карачай). Дробление это связано как с изменением семейных отношений, так и возрастанием культурных и гигиенических потребностей. Многокомнатность является одним из выражений зажиточности и подъема культуры, она означает появление большого числа

---

²⁴ Ср. С. О. Хан-Магомедов. Народное жилище Южного Дагестана. СЭ, 1951 № 1, стр. 170; Е. Н. Студенецкая. Современное Кабардинское жилище, СЭ, 1948, № 4 стр. 108; С. Ш. Гаджиева. Народное жилище каякентских кумыков. СЭ, 1953, № 3, стр. 87; Л. И. Лавров. Рутулы в прошлом и настоящем. «Кавказский этнографический сборник», III, М.—Л., 1962, стр. 156; А. И. Робакидзе. Жилище и поселения горцев Грузии в прошлом и настоящем, стр. 33; Народы Кавказа, II, стр. 507, и др.

²⁵ А. И. Робакидзе. Новые черты современного грузинского крестьянского жилища, стр. 31.

²⁶ Народы Кавказа, I, стр. 165, 265 и др.; II, стр. 117, 505 и др.; С. О. Хан-Магомедов. Народное жилище южного Дагестана, стр. 170; А. И. Робакидзе. Новые черты современного грузинского крестьянского жилища, стр. 37; Его же. Жилище и поселения горцев Грузии в прошлом и настоящем, стр. 34; Культура и быт колхозного крестьянства Адыгейской автономной области, стр. 95.

помещений с различными функциональными назначениями. В современной колхозной семье уже становятся необходимостью отдельные столовые, кухни, гостиные, спальни, даже рабочие кабинеты²⁷. Этот процесс дробления не мог не вызвать ликвидацию деления на мужскую и женскую половины, поскольку и новые общественные и семейные отношения не вязались с таким делением. Интересно отметить, что в современных условиях исчезли и кунацкие старого типа, резко отделенные от жилища и особенно женской половины. Гости теперь встречаются с таким-же почетом как раньше, но сажают не в отдельном помещении — постройке, а в самом центре жилища, в парадной комнате, являющейся и гостиной²⁸.

Тенденция увеличения количества отдельных комнат привела даже к тому, что часть галереи превращается в жилую комнату. В начале это просто огороженная часть, потом ее стеклят, а впоследствии растущие потребности в отдельных комнатах приводят к ее полному превращению в комнату²⁹. В некоторых местах эта тенденция привела даже к складыванию особого типа жилища, одно или оба крыла веранды которого превращаются в постоянные запланированные уже в самом типе помещения (часть нагорного Дагестана, Грузии, Армении, Азербайджана и др.)³⁰.

Картина схожих изменений в жилищах народов Кавказа была бы неполной без освещения вопроса об интерьере жилища, его убранстве.

Замена очага печью, исчезновение центральных столбов и больших матиц, огромных ларей и шкафов, кроватей и стульев местного изготовления, постепенная замена ниш шкафами — все это имеет место повсюду и оно не могло не воздействовать на жилище в определенном плане — ликвидации архаического облика интерьера жилища. С другой стороны, как мы уже указывали, продукция промышленности, заменяющая их, везде почти одинакова, современна и поэтому интерьер жилища, его убранство принимают сходные черты в самых разных типах жилища. В самом деле, сравним для примера главные предметы убранства в жилище нескольких народов Кавказа. У кабардинцев отмечены: «современная городская мебель: кровати, столы, стулья, этажерки, шкафы, большие настенные зеркала, нарядные занавески и цветы на окнах». И еще книги³¹. В армянском жилище «городского

²⁷ Ср. А. И. Робакидзе. Новые черты современного грузинского крестьянского жилища стр. 37.

²⁸ Ср. Народы Кавказа, I, стр. 165; Культура и быт колхозного крестьянства адыгейской автономной области, стр. 29.

²⁹ А. И. Робакидзе. Новые черты современного грузинского крестьянского жилища, стр. 36; Народы Кавказа, II, стр. 506.

³⁰ Народы Кавказа, II, стр. 189, 295, 506—507.

³¹ Народы Кавказа, I, стр. 166.

типа обстановки... повсюду пользуются столами и стульями. Вошли в обиход письменные столы, книжные шкафы, этажерки и полки для книг»³². В аварском жилище в Дагестане, «в комнате появились обычные кровати, стулья, столы и другая мебель, а также городская утварь»³³. И так везде.

Таким образом, мы видим, что для современных жилищ народов Кавказа характерна тенденция к сближению, к выработке все большего количества сходных черт, причем процесс этот наиболее отчетливо проявляется в таких важных элементах жилища как его тип (форма), строительные материалы, планировка жилья и усадьбы, внутреннее убранство и др. Поэтому в известном смысле можно предполагать, что этот процесс приведет в будущем к унификации форм жилища и образованию нескольких основных типов, распространенных у всех народов и имеющих некоторые зональные различия. Иными словами, цитированное нами выше положение А. И. Робакидзе о «тенденции к известной унификации форм грузинского крестьянского жилища»³⁴ можно, по-видимому, распространить на типы и формы крестьянского жилища всего Кавказа.

Причем, как нам представляется, эта унификация будет совершаться двумя путями: унификацией зональных жилищ одного народа как отмечено в Грузии и наблюдается в Дагестане — и второй — путем сближения между собой жилищ сходных зон, расположенных в разных концах Кавказа (например, сближение предгорного жилища Северного Кавказа, Дагестана, Грузии). Пути развития хозяйства колхозного крестьянства Кавказа, направление развития общественных и семейных отношений, неуклонный подъем материального благосостояния и культурного уровня способствуют и будут способствовать дальнейшим изменениям в планировке усадьбы, хозяйственных постройках, внутренней планировке жилища, его интерьера и убранства, строительных материалах и технике строительства, в направлении сближения этих элементов жилища разных народов и зон.

Разумеется, все это не означает, что в эволюции отдельных типов кавказских жилищ за советское время не сохранилось никакого своеобразия и специфики, что тенденция к сближению, унификации привела к полной нивелировке. Специфика типов жилищ еще сохраняется и она еще долго будет иметь место. Причем, специфика национальная, этническая сохраняется в меньшей степени чем зональная. Даже после предполагаемой повсеместной унификации типов некоторо

³² Народы Кавказа, II, стр. 508.

³³ Народы Кавказа, I, стр. 457.

³⁴ Народы Кавказа, II, стр. 294.

своеобразие, известная зональность и определенный национальный колорит будут, на наш взгляд, иметь место.

История развития кавказских жилищ за советское время и происходящие в настоящее время нивелирующие процессы позволяют судить о том, в каких элементах жилища своеобразие будет сохраняться в большей степени. В частности, специфика сохраняется в усадебном хозяйстве и особенно в величине и использовании участка. Горное жилище Дагестана, Грузии или Осетии никогда не сможет иметь таких больших участков как жилище предгорий Адыгеи, Кабарды, Западной Грузии. Даже в самом Дагестане, относительно малоземельном, величина участка колеблется от 0,06 га до 0,25 га, в зависимости от зональной принадлежности жилища.

Сохранение такой разницы накладывает отпечаток на все усадебное хозяйство и даже форму и планировку жилища, т. к. небольшой размер участка как правило приводит к вертикальной планировке жилища, для экономии площади под насаждения.

Сохраняется пока что и некоторая разница в строительных материалах, в частности, плоскость и предгорье лучше обеспечены новыми материалами, в лесистых местах еще делают срубные постройки. В Грузии, например, много домов строится из обожженного кирпича, в Дагестане — очень мало, в Чечне отчасти еще применяют турлук.

В отношении форм жилища в предгорье и плоскости все больший процент занимают квадратные дома, в горах более характерны рядовые дома, сложившиеся на старой типологической основе. Во внутренней планировке, убранстве довольно сильны местные и национальные традиции. В частности, в Дагестане нередок пристенный камин, построенный в декоративных целях, тахта, посуда на полках или на стене, ковры, в осетинском жилище — национальная мебель (деревянная кровать, диван, столики)³⁵, в чеченском — старинные каминны³⁶, в абхазском — традиционные самодельные аппликации и вышивки³⁷; в азербайджанском — тахта, матрасики для сидения на тахте или коврах, постели на полу (ковре)³⁸ и т. д.

Подводя итог сказанному, отметим, что эволюция жилища кавказских народов в Советское время обнаруживает все усиливающуюся тенденцию к сближению, унификации отдельных зональных и этнических разновидностей жилища. Тенденция эта вызвана одинаковым воздействием на жилище

³⁵ Народы Кавказа, I, стр. 321.

³⁶ Там же, стр. 360.

³⁷ Народы Кавказа, II, стр. 396.

³⁸ Там же, стр. 118.

всего Кавказа многих новых факторов, связанных с социаль-
стическими преобразованиями в экономике, культуре и быте
кавказских народов. Вместе с тем необходимо подчеркнуть,
что национальная и зональная специфика жилища не исчезла
полностью и имеет место в современном жилище.

**Электронная библиотека
Института истории,
археологии и этнографии
Дагестанского ИЦ РАН**

instituteofhistory.ru

ВЕРХНЕ-ЧИРЮРТОВСКОЕ ГОРОДИЩЕ

Археологические исследования последних лет выявили на территории Дагестана остатки крупных раннесредневековых городищ, укрепленных мощными оборонительными стенами¹. Они подтверждают сведения древних письменных источников об их бытовании в пределах Дагестана, особенно в период арабских завоеваний. Археологические раскопки произведены пока лишь на некоторых из этих памятников (Верхне-Чирюртовское, Урцекское, Аркаское и Андрейаульское городища).

Основной целью статьи является введение в научный оборот материалов раскопок оборонительных стен Верхне-Чирюртовского городища. Предприняты также, привлекая археологический материал, сведения письменных источников и исследования историков, попытки локализации в районе Верхнего Чирюрта известного раннесредневекового города Беленджер.

Исследования Верхне-Чирюртовских стен, выявленных в зоне строительства Чирюртовской ГЭС, производил в 1958 г. К. А. Бредэ, который предпринял и попытки их интерпретации².

Сел. Верхний-Чирюрт Кизилюртовского района ДАССР расположено на правом берегу р. Сулак у места выхода его из пролома передовых хребтов на Прикаспийскую низменность. С запада селение ограничено берегом реки, а с востока оно примыкает к отвесному склону пролома хребтов, вытянутых в широтном направлении (рис. 1).

¹ Отчеты о работе Приморского отряда Дагестанской археологической экспедиции в 1960—1963 гг. Махачкала, РФ ИИЯЛ, д. № № 104, 136, 163, 172. К. А. Бредэ. Отчет о раскопках в 1956 г. археологических памятников на Сигитме, Махачкала, РФ ИИЯЛ, д. № 35, стр. 6—9. Его же. Отчет об археологических разведках на берегах Сулака и доисследования Сигитминского нижнего поселения в 1958 г. Махачкала, РФ ИИЯЛ, д. № 82, стр. 9—18. В. Г. Котович, А. И. Абакаров и др. Отчет о работе Приморской археологической экспедиции Института ИЯЛ Дагестанского филиала АН СССР в 1964 г. Махачкала, РФ ИИЯЛ, д. № 191, стр. 62 и далее.

² К. А. Бредэ. Указ. соч., стр. 9—18.

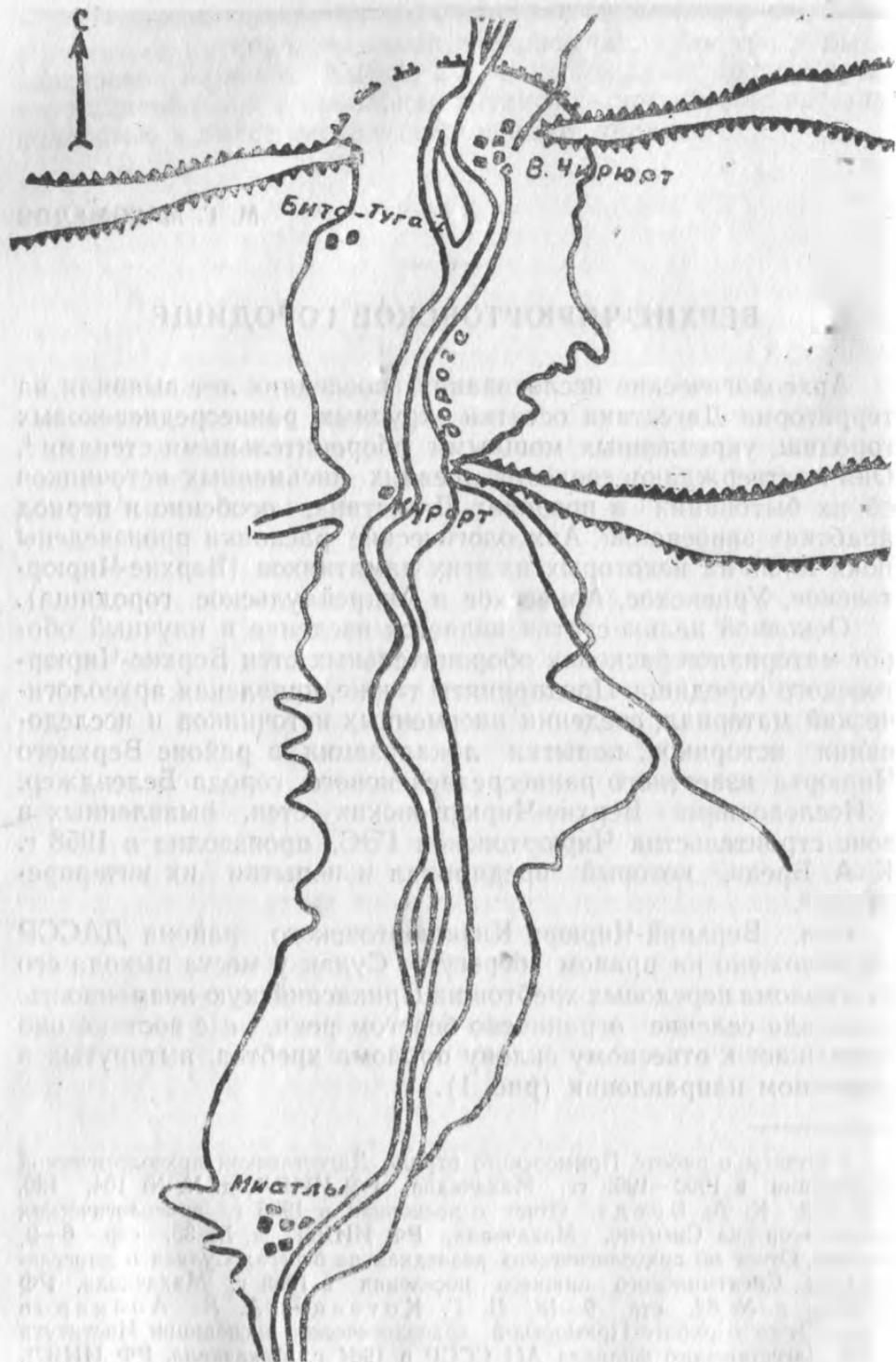

Рис. № 1. Схематический план Верхне-Чирчиковской долины

Следы остатков оборонительных сооружений в виде плоской и вытянутой полосы или вала протяженностью 747 м проходят близ северо-восточной окраины села. Оно берет начало на крутом склоне хребта, возвышающегося над селением с востока. По его склону покато тянется вниз на северо-запад и круто падает до уровня основной террасы. По направлению вала видно, что он прикрывал собой от приморской низменности значительную площадь пролома у современного сел. Верхний-Чирюрт (рис. 2).

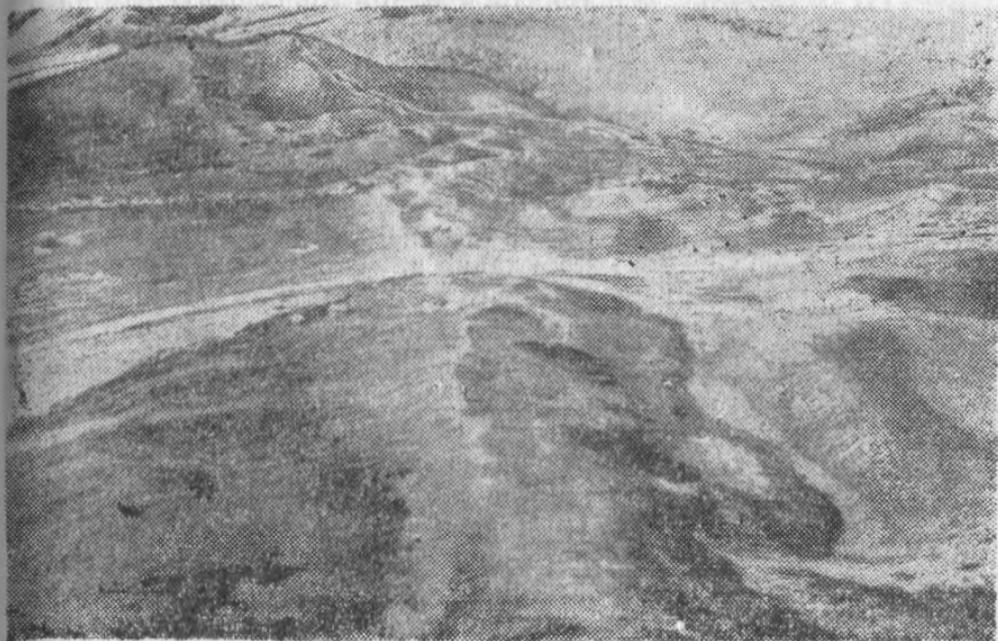

Рис. № 2. Общий вид остатков Верхне-Чирюртовской оборонительной стены.

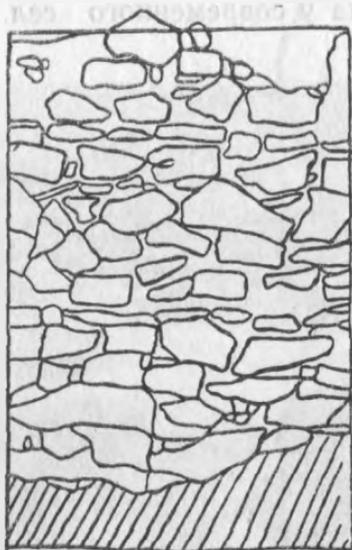
Характерно, что на всем протяжении вала его поверхность покрыта впадинами и буграми, свидетельствуя о том, что бывшее здесь сооружение, видимо, было возведено из камня; впадины и бугры свидетельствуют о хищнической выборке камня на всем ее протяжении и в течение продолжительного времени. На протяжении основной террасы перед валом тянется узкая ложбина, которая на своем пути обходит несколько холмов, прилегающих к валу, указывая на то, что она могла являться остатком рва, проложенного перед стеной и примыкающими к ней оборонительными башнями.

В результате раскопок небольшого, наиболее сохранившегося участка вала, К. А. Бредэ выявил характер его устройства, который подтвердил оборонительное его назначение. Оказалось, что под валом протянулись остатки оборонительной

стены, заплывшие плотным слоем суглинка и щебенки, образовавшимся в результате длительной выборки камня.

Выявленная кладка сложена из рваного известняка среднего размера, она оказалась наружным панцирем стены, к которой с внутренней стороны примыкает забутовка из более мелкого камня и щебенки (рис. 3). Причем, по наблюдениям

исследователя, оборонительная стена возводилась ярусами, поскольку «границы последних отчетливо выступают в форме горизонтальных линий из мелких плит, уложенных плашмя по верху каждого яруса». В основании ярусного порядка возведения стены, как отмечает К. А. Бредэ, — «видимо, лежали соображения учета работы во время строительства, ибо конструктивно прокладка из мелких плит едва ли может быть оправдана»³. В нижнем ярусе кладки, основание которой лежит неравномерно, что обусловлено неравномерностью поверхности, на которой сооружалась стена, она возведена из более крупных, по сравнению с верхними ярусами, камней. По данным измерений, высота нижнего яруса равна 1,08 м, среднего — 1,06 м и верхнего полуразрушенного — 0,68 м. Тем самым вся высота сохранившегося и вскрытого отрезка

10 20 50 см

Рис. 3. Отрезок кладки внешнего панциря оборонительной стены.

внешнего панциря оборонительной стены составляет 2,82 м.

По количеству камня в развале у основания стены и скатившемуся в ров перед ней можно предположить, что оно обеспечивало возведение не только третьего, но и четвертого яруса, поэтому К. А. Бредэ полагает, что оборонительная стена имела, таким образом, не менее 4-х м, а вероятнее всего, 5 метров высоты. Однако, учитывая следы интенсивного выбора камня на всем протяжении стены, очевидно, высота её была более значительной.

Измерения положения внешнего панциря оборонительной стены по вертикали позволили установить, что стена по мере возведения в высоту делала уклон во-внутрь. И на расчищенном отрезке уклон стены составляет 0,23 м по отношению к высоте.

Уклон стены предусмотрен специально для уменьшения

³ К. А. Бредэ. Указ. отчет, стр. 10.

мертвого пространства перед ней, поскольку высота её должна была быть значительной.

Ширина стены на участке расчищенного отрезка точно не определена, т. к. «следы хищнических выборок камня, как указывает К. А. Бредэ, охватывают всю среднюю часть и внутренний край стены». Однако по некоторым признакам (ширина впадин, отмеры на соседних участках)... К. А. Бредэ предполагает, что её ширина составляла около 3,80—4,0 м. Причем, судя по рельефу полосы возвышенности, прилегающей к стене с внутренней стороны, он предполагает, что «к оборонительной стене местами примыкал пандус для более быстрого подъёма защитников на стену». Основанием для определения предположительной толщины стены для К. А. Бредэ послужила и зафиксированная им толщина стены на гребне скал. Валообразная полоса остатков стены поднимается по склону, достигающему около 45° крутизны, до самой вершины хребта, откуда оборонительная стена и брала свое начало. Зачистка отрезка стены на вершине гребня показала, что стена здесь, как отмечает К. А. Бредэ, — «также панцирная, возведена из колотого камня и в качестве забутовки использо-

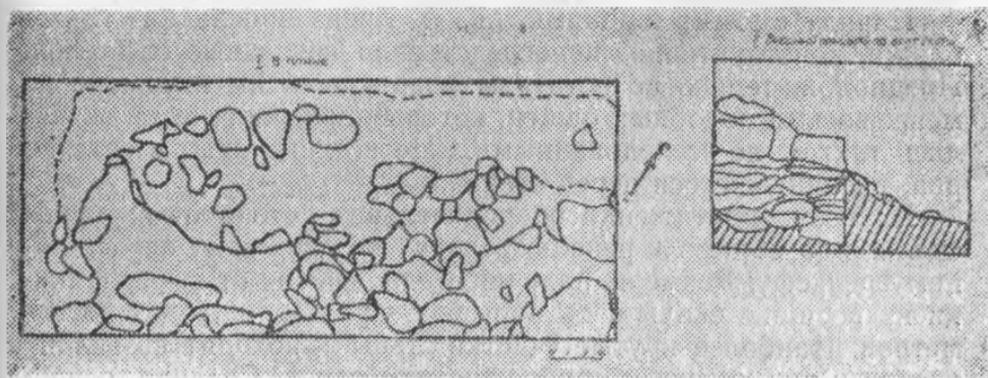

Рис. 4. Остатки оборонительной стены на склоне хребта.

ван был камень-голыш». (Рис. 4). Однако оборонительная стена на этом, как наиболее безопасном участке, должна была быть значительно менее широкой, чем внизу. Тем не менее, толщина стены, как отмечает сам К. А. Бредэ, — «и здесь все же она достигала 3,4—3,5 м ширины». Разница в ширине оборонительной стены на этих двух участках в пределах только в 0,5 м, учитывая резкие их различия в степени доступности для неприятеля, навряд ли возможна и оправдана. Она должна быть, видимо, более значительной, как это наблюдается на оборонительных стенах Сигитминского⁴ и Урцекского⁵ горо-

⁴ К. А. Бредэ. Отчет о раскопках в 1956 году археологических памятников на Сигитме. Махачкала, РФ ИИЯЛ, дело № 35, стр. 6—9.

⁵ М. Г. Магомедов. Комплексы оборонительных сооружений Урцекского городища. Махачкала, 1965, РФ ИИЯЛ, дело № 61.

дищ, где они на менее уязвимых участках и направлениях на 2—3 м тоньше, чем на доступных для неприятеля направлениях. Поэтому можно допустить, что на уязвимых направлениях и Верхне-Чирюртовская оборонительная стена достигала не 4,0 м, а вероятнее всего, около 6,0 м толщины. И, по-видимому, К. А. Бредэ, заложив небольшой разведочный 2×2 м разрез, наткнулся на внешний панцирь и забутовку оборонительной стены, и не проследил её внутренний панцирь, который вряд ли мог быть выбран полностью, в то время, как остатки внешнего панциря сохранились на высоту до 2,82 м. Исходя из этих предположений, можно допустить, что и высота стен на этих участках достигала около 10 м, поскольку по рекомендациям древних военных зодчих высота стен должна была составлять две их толщины⁶.

Помимо этих мощных стен, являвшихся главной линией обороны, в систему оборонительных сооружений были включены и холмы, расположенные близ оборонительной стены, с внешней её стороны. Эти холмы, выступавшие перед оборонительной стеной на 15—16 м, были укреплены в качестве башен, «будучи однако, — как указывает К. А. Бредэ, — обеспечены доступом со стороны стены».

Наряду с этими башнями, К. А. Бредэ проследил также башни, конструктивно непосредственно связанные со стеной. Предположительно по остаткам разрушений им выявлено не менее восьми подобных башен, которые археологически оказались также не исследованными. Не исследованы и остатки рва, протянувшегося перед стеной.

На всем протяжении оборонительная стена от вершины скалы и до обрыва к реке возведена по сложному пересеченному рельефу. Размеры падения стены, считая от высшей точки на вершине скалы и до обрыва к Сулаку, доходит до 128 метров. Наиболее крутые участки стены проходят по склону хребта и при спуске к прибрежному обрыву. Средняя, основная часть оборонительной стены, лежит на сравнительно ровной поверхности.

Как указывает К. А. Бредэ, «оборонительные сооружения, выявленные на правом берегу Сулака, по-видимому, имели продолжение на противоположном левом берегу в форме таких же остатков». По указанию старожилов эти остатки уничтожены в результате выборки камня и в процессе земляных работ по строительству ГЭС.

Исследователи Бавтугайского поселения, расположенного на противоположном берегу реки, также указывают на бытование остатков оборонительных сооружений, которые защищали эту сторону пролома от открытого северного и северо-за-

⁶ В. Ф. Шперк. Фортификация древнего мира. М., 1948, стр. 119.

падного направлений. Так, один из первых исследователей поселения указывает, «что с этих сторон поселение было, по-видимому, ограждено стеной и рвом, следы которого в 1954 году были хорошо заметны, в настоящее время он засыпан⁷. Об этом же говорят и последующие исследователи поселения⁸.

В целом, подводя итоги разведывательным исследованиям остатков этих стен, К. А. Бредэ отметил внушительный характер и монументальность этих сооружений, которые «в средневековье прикрывали с севера государственную границу одного из существовавших тогда в Дагестане царств».

Исчерпывающие археологические исследования памятника, на необходимость которых указывал К. А. Бредэ, еще не проводились. Тем не менее, имеющийся материал дает возможность несколько расширить и конкретизировать общие выводы К. А. Бредэ о характере и времени сооружения этих стен.

Весь комплекс археологического материала, раскопанного в зоне строительства Чирюртовской ГЭС, позволяет полагать, что остатки этих стен служили защитой бытовавшего здесь крупного раннесредневекового города.

Археологические разведки, отчасти и стационарные раскопки выявили, что территорию современного сел. Верхний Чирюрт занимало древнее поселение, площадь которого превышала современные его границы и достигала около 1 км². Местами культурный слой поселения, насыщенный костями животных и обломками керамики, достигает 3 м⁹.

Земляные работы, проводимые по укреплению и ограждению берегов Верхне-Чирюртовского водохранилища, а также работы по прокладыванию автомагистрали по окраине селения, выявляют все новые и новые толщи культурных напластований этого интересного памятника. Причем культурные и строительные остатки начинаются сразу за остатками стен и тянутся к югу от них¹⁰.

Очевидно, что всю территорию вдоль правого берега р. Су-

---

⁷ В. Г. Котович. Отчет о работе 1 горного отряда в 1956 г. Махачкала, РФ ИИЯЛ, д. № 2333, стр. 71.

⁸ М. И. Пикуль. Отчет о результатах археологических исследований в 1957 г. Махачкала, РФ ИИЯЛ, д. № 2474, стр. 32. Н. Д. Путинцева. Северо-Восточный Дагестан в эпоху раннего средневековья (по материалам раскопок) в зонах строительства Чирюртовской и Чиркейской ГЭС, Махачкала, РФ ИИЯЛ, д. № 113, стр. 19. В. Г. Котович и др. Отчет о работе Приморской археологической экспедиции Института ИЯЛ Дагестанского филиала АН СССР в 1964 году. Махачкала, РФ ИИЯЛ, дело № 191, стр. 62.

⁹ В. И. Канивец, С. Березанская и др. Отчет об археологических исследованиях в зоне строительства Чирюртовской ГЭС в 1955 г. Махачкала, 1956, РФ ИИЯЛ, д. № 16, стр. 116.

¹⁰ В. Г. Котович и др. Указ. отчет за 1964 г., стр. 61.

лак на протяжении более 1 км, ограниченную с востока хребтами, с запада обрывом реки и с севера остатками оборонительной стены, обильно насыщенная керамикой и строительными остатками, занимало древнее поселение.

Подобная же картина наблюдается и на противоположном берегу реки. Здесь выявлены несколько поселений, которые цепью протянулись вдоль реки к югу от южной окраины сел Бавтугай¹¹. Эти поселения расположены напротив Верхне-Чирюртовского поселения. Защитой их служили, как указывалось, продолжение Верхне-Чирюртовских стен на этом берегу. С остальных сторон они подобно Верхне-Чирюртовскому поселению защищены рекой и хребтом.

Исследователи отмечают аналогичность строительных остатков и многочисленного керамического материала, свидетельствующих о хронологической общности этих поселений, датированных VI—IX вв. н. э.¹²

Эти памятники являются двумя частями одного раннесредневекового города, располагавшегося на двух берегах реки Сулак. На подобный, лишь естественно расчлененный характер этого структурно единого памятника городского типа указывает и ряд других деталей.

Стратегическая важность этого района, являвшегося первым северным путем из Прикаспийских степей в горный Дагестан и северным узловым пунктом в системе Прикаспийской магистрали, уже должна была предопределить возникновение здесь укрепленного города, а не мелких взаимно изолированных поселений.

На городской облик этих поселений указывают данные раскопок их жилищ. На Верхне-Чирюртовском поселении исследован единый жилой комплекс, состоявший из 5-ти сообщающихся помещений. 80 м² составляет площадь одного жилого комплекса, раскопанного на Бавтугайском поселении¹³. Многокамерные жилища этих поселений свидетельствуют о более высоком уровне культурного развития их обитателей, что характерно для городских строений.

На Верхне-Чирюртовском могильнике прослежены 3 типа погребальных сооружений (катакомбы, грунтовые погребения и погребения с подбоем), погребальный инвентарь которых свидетельствует о ярко выраженном имущественном неравен-

¹¹ В. И. Каневец и др. Указ. отчет, стр. 114.

¹² Н. Д. Путинцева. Отчет о работе II Бавтугайского отряда в зонах строительства Чирюртовской и Чиркейской ГЭС. Махачкала, 1958, РФ ИИЯЛ, д. 83, стр. 26. Н. Д. Путинцева. Северо-Восточный Дагестан в эпоху раннего средневековья. Махачкала, 1959, РФ ИИЯЛ, д. 87, стр. 52. М. И. Пикуль. Отчет о работе II Бавтугайского отряда ДАЭ в 1958 году. Махачкала, РФ ИИЯЛ, д. 81, стр. 111. В. И. Каневец и др. Указ. отчет, стр. 114—116.

¹³ Н. Д. Путинцева. Указ. соч., стр. 34.

стве погребенных¹⁴. Различные формы погребальных сооружений могильника — также показатель этнического различия погребенных, что характерно для городских некрополей.

На городской и притом на торгово-ремесленный характер этого памятника указывают выявленные на Верхне-Чирюртовском поселении двухярусные гончарные печи¹⁵. Это подтверждается и находками византийских и иранских монет и других украшений импортного характера¹⁶.

Таким образом, все эти данные, наряду со значительной площадью городища, своеобразием и мощностью его оборонительных сооружений, указывают на городской характер этого памятника, имевшего важное значение, в раннесредневековую эпоху.

Крупная роль памятника и его остатков, вероятно, отразилась и в топонимических названиях современных селений. Так, селение, расположенное на правом берегу реки у пролома, называют кумыки — Чирюрт, аварцы — Гельбахъ, и общее название Бавтугай носит селение, расположенное на левом берегу реки.

Чирюрт — Чир (на тюркском языке) означает — стена, ограда, забор; Юрт — селение, дом. По смысловому значению Чирюрт — селение у стены или за стеной, оградой.

Аварская часть населения сел. Чирюрт называет Гельбахъ, что на тюркском означает — «иди посмотри». По преданию, это название также связывается с оборонительными стенами «Иди посмотри на стены»¹⁷.

Бавтугай — на тюркском означает — долина садов. Однако, как сообщают старожилы селения, оно раньше якобы называлось Гъантугъай — кровавая долина, или Давтугъай — военная долина или долина сражений.

Несмотря на очевидно незаурядный характер этого памятника, археологически он исследован далеко недостаточно. Более того, все раскопанные объекты, несомненно являющиеся составными частями городища, исследователями рассматривались как отдельные, взаимно не связанные памятники¹⁸. Этим обусловлены, видимо, незначительная площадь раскопок поселений и разведывательный характер исследования оборонительных сооружений. Однако и имеющиеся данные позволяют предпринять попытки выяснения характера этого памятника и времени его сооружения.

Археологические исследования естественных проломов, ведущих в горный Дагестан со стороны Прикаспийского прохо-

¹⁴ Там же, стр. 68.

¹⁵ К. А. Бредэ. Отчет о раскопках 1959 г., стр. 117—119.

¹⁶ Н. Д. Путинцева. Верхне-Чирюртовский могильник. РФ ИИЯЛ. Махачкала, 1958, д. 76, 63—74.

¹⁷ Исак Бахматов. Чирка и Чиркей. Кавказ, № 29, 1863 г.

¹⁸ Н. Д. Путинцева. Указ. соч., стр. 29.

да, выявили следы их искусственных укреплений¹⁹. Предварительные исследования остатков этих укреплений показали, что их массовое сооружение восходит к периоду доарабских завоеваний. Они возведены как защита от кочевников²⁰. Примечательно, что остатки этих укреплений и оборонительных стен не только закрывали собою проходы, но и являлись одновременно защитой городов и поселений, располагавшихся у этих проходов²¹. Об этих укреплениях сообщают и древние письменные источники. Так, Омар-бин-Верды (в древней Арабской географии) говорит, что Баб-ель-Абваб (ворота ворот) город на севере Персии, преграждающий путь хазарам; Абвабы (ворота) находятся в ущельях Кайтагских гор, как-то: Баб-Алан, Баб-Сабран, Баб-Лазига, Баб-Седжен, Баб-Сагиб-Серир, Баб-Филан-Шах, Баб-Кару-Маншах, Баб-Иран-Шах и Баб-Лиан-Шах. Так как Дербент на большой дороге важнее всех укреплений, то поэтому называется Баб-эль-Абваб²².

Эти сведения перекликаются с сообщениями Ибн Хордадбега и Якута, которые также перечисляют ворота, ведущие в сторону горного Дагестана²³. Причем, в обоих случаях говорится об укреплениях, подобных Дербенту, указывая этим, что ворота, т. е. ущелья, ведущие в горы, были искусственно укреплены.

Одним из этих ворот, по-видимому, являлся и Сулакский пролом, где возникло укрепление, затем разросшееся в крупное городище. Его оборонительные стены, имея многочисленные аналогии среди подобных же раннесредневековых памятников²⁴, позволяют отнести их строительство к этому же времени, т. е. к VI—VIII вв. На эти рамки бытования и городища указывает массовый керамический материал, который позволяет проследить и некоторые вопросы его этно-культурной принадлежности. Почти все памятники, исследованные в районе Верхнего

---

¹⁹ В. Г. Котович, А. И. Абакаров и др. Отчет Приморской археологической экспедиции ИИЯЛ в 1964 г., РФ ИИЯЛ, д. 191.

²⁰ М. Г. Магомедов. Некоторые итоги археологического изучения фортификационных сооружений приморского Дагестана в раннем средневековье. Материалы сессии, посвященной итогам археол. и этнограф. исследован в 1967 г., Баку, 1965, стр. 156.

²¹ М. Г. Магомедов. Указ. соч., стр. 156.

²² Абас-Кули-Ага Кудси Бакиханов. Гюлистан-Иран. Баку, 1926, стр. 34—36.

²³ Н. А. Караулов. Сведения СМОМПК вып. 32. Тифлис, 1908, стр. 15. Якут. Географический словарь, т. I, 1866 г. Махачкала, РФ ИИЯЛ, д. 67 (на араб. яз.).

²⁴ М. И. Артамонов. Древний Дербент, СА № 8, М., 1946, стр. 121. В. Г. Котович, А. И. Абакаров и др. Указ. отчет. М. Г. Магомедов. Некоторые итоги археологического изучения фортификационных сооружений Приморского Дагестана. Указ. соч. К. А. Бредэ. Отчет о раскопках в 1956 г. археологических памятников на Сигитме. Махачкала, 1957, РФ ИИЯЛ, д. 2412.

Чирюрта, в том числе поселения, не подвергшиеся раскопкам, дают большой керамический материал. Причем керамика отличается выразительностью и разнообразием форм, и в большинстве своем выполнена на гончарном круге. По цвету и по фактуре керамика делится на красноглиняную и сероглиняную²⁵. Красноглинная керамика, поверхность которой покрыта красным ангобом или лощением, немногочисленна по количеству. Имея многочисленные аналогии в раннесредневековых памятниках Дагестана к юго-востоку от Сулака²⁶, эта группа керамики имеет местные корни происхождения.

Наиболее многочисленная по количеству и формам сероглиняная керамика, обнаруженная на памятниках Верхнего Чирюрта, делится на три основные группы: кухонная, столовая и тарная. Для каждой этой группы, характерной разнообразием их форм²⁷, свойственны и общие особенности, придающие керамике этой группы особую оригинальность. Особенностью керамики является серый цвет, который варьирует от темно-серых до светло-серых цветов. Характерно для керамики и своеобразное лощение полосками, что придает им переливающийся блеск. Комбинации лощеных полосок, имеющих, видимо, орнаментальное значение, чрезвычайно разнообразны. Они чередуются от прямых вертикальных и горизонтальных линий до пересекающихся линий, образующих сетчатый узор. Встречаются обломки со сплошным лощением. Довольно часто сосуды орнаментированы резными желобками, опоясывающими сосуд по горлу и плечикам. Желобки одной, двумя или более врезными линиями образуют параллельные, волнистые или зигзагообразные украшения. Некоторые сосуды орнаментированы горизонтальными валиками. Примечательна орнаментация и ручек сосудов. Зачастую они округлые или ленточные в сечении и украшены косыми насечками. Часто ручки имитируют животных, встречаются экземпляры витых и имеющих продольный желобок ручек.

Это далеко не полная характеристика керамики Верхнего Чирюрта выделяет его из группы местных памятников с традиционной красноглиняной керамикой. Она имеет много общего с керамикой салтово-маяцкой культуры, которая по данным его исследователей имеет сармато-аланскую основу²⁸. Эта культура, имея обширный ареал распространения, делится на несколько локальных вариантов, среди которых исследователями выделяется и дагестанский вариант²⁹. Причем, этот ва-

25 Н. Д. Путинцева. Указ. соч., стр. 44.

26 В. Г. Котович и др. Указ. отчет.

27 Н. Д. Путинцева. Указ. соч., стр. 44 и далее.

28 Н. Я. Мерперт. О генезисе салтовской культуры. КСИИМК XXXVI. 1951. С. А. Плетнева. От кочевий к городам. М., 1967, стр. 185.

29 С. А. Плетнева. Указ. соч., стр. 8.

риант, как полагает С. А. Плетнева, территориально, видимо, совпадал с расселением собственно хазарских племен³⁰. На подобную возможность указывают многочисленные сведения письменных источников, тщательно проанализированных М. И. Артамоновым в своем капитальном исследовании хазар³¹. В отличие от остальных, дагестанский вариант, как территориально, так и в культурном отношении, почти не изучен, хотя следы хазарской культуры здесь проявляются все отчетливее. За последние два года помимо Верхне-Чирюртовского городища, на территории плоскостного и предгорного Дагестана к северу от реки Сулак выявлен ряд памятников, культурой которых аналогична Верхне-Чирюртовской и, следовательно, салтово-маяцкой культуре. К этим памятникам относится Сигитминское городище³², Акташское городище³³, Новокулинское городище³⁴, поселение Чупалав-тубе³⁵ и др. Все эти памятники находятся лишь в начальной стадии исследования. Тем не менее общность их культуры вполне очевидна. Она дает возможность четко очертить южную границу дагестанского варианта салтовской культуры — предгорной полосой и рекой Сулак, называемой в источниках рекой хазар³⁶. Отдельные следы этой культуры прослеживаются и к югу от Сулака вплоть до Дербента³⁷. Однако следы эти проявляются как незначительные вкрапления в культурных слоях памятников, расположенных в предгорной полосе Дагестана³⁸. А на Сулаке и к северу культурные слои памятников достигают 2—3 метров толщины.

Эти памятники не только очерчивают южную границу дагестанского варианта салтово-хазарской культуры, но и все отчетливее раскрывают своеобразие и оригинальность самой культуры, сложившейся под непосредственным влиянием и в контакте с северо-кавказскими народами. Мощные культурные толщи этих памятников свидетельствуют, что они на протяжении длительного времени впитывали в себя высокие культур-

³⁰ С. А. Плетнева. Указ. соч., стр. 186.

³¹ М. И. Артамонов. История хазар. Л., 1962.

³² К. А. Бредэ. Отчет о раскопках в 1956 г. археологических памятников на Сигитме. РФ ИИЯЛ, д. 2412.

³³ Раскопки памятника начаты в 1967 г. Руководитель раскопок Д. М. Атаев.

³⁴ Раскопки памятника производятся Ленинградским Госуниверситетом. Руководитель А. Гадло.

³⁵ Г. С. Федоров. Отчет Прикаспийского отряда Даг. арх. эксп. о раскопках поселения Чупалав-тубе в 1966 г. Махачкала, РФ ИИЯЛ.

³⁶ Н. А. Караулов. Сведения СМОМПК вып. 38 Тифлис 1908 г. стр. 114.

³⁷ М. И. Артамонов. Древний Дербент. СА № 8, М., 1946, стр. 123.

³⁸ В. Г. Котович и др. Указ. отчеты за 1960—1964 гг.

ные навыки и традиции своих соседей — оседлых земледельцев, на поселениях которых они и нередко оседали. Но в то же время они внешне сохраняют свои кочевые традиции, что проявляется не только в своеобразии керамического производства, но и в кочевом облике жилищ, выявленных на некоторых из этих памятников.

Тщательные исследования указанных памятников и культуры в целом на территории Дагестана только начинаются. Первым крупным памятником этой культуры, как указывалось, является Верхне-Чирюртовское городище, оборонительные стены которого также находят аналогии в остатках крепостного строительства, памятников салтовской культуры³⁹. Более того, эта техника крепостного строительства и само крепостное строительство, как объективно отмечают исследователи, вначале появились на Северном Кавказе, а затем распространились и в северные районы Хазарского каганата⁴⁰.

Очевидно, что этот памятник должен был найти отражение в многочисленных арабоязычных письменных источниках, которые локализуют в пределах Дагестана серию раннесредневековых городов, что, как указывалось, подтверждается археологическими исследованиями. Конкретное расположение этих памятников в источниках не сообщается. В лучшем случае в них указывается лишь расстояние между некоторыми из них в дневных переходах. Несмотря на эти недостатки источников, они, однако, позволяют предпринять некоторые попытки локализации на месте Верхне-Чирюртовского городища одного из них. И этим городом, видимо, был Беленджер, что не отрицают, а в большей мере подтверждают ряд источников, посвященных арабо-хазарским войнам.

История изучения Беленджера и попытки его локализации предпринимались неоднократно. Однако, как указывает Б. Н. Заходер, проблема эта не может считаться окончательно решенной⁴¹. Трудность решения проблемы объясняется разносечивым характером сведений о Беленджере, которые и обусловили разные, взаимоисключающие варианты его локализации. Все эти варианты, наряду с письменными источниками, в которых они нашли отражение, были предметом специальных

---

³⁹ И. И. Ляпушкин. Памятники салтово-маяцкой культуры в бассейне р. Дона, МИА № 62, 1958, стр. 96 и далее. С. А. Плетнева, Правобережное Цимлянское городище. Сообщения ГЭ XXV. Л., 1964. М. И. Артамонов. Саркел — Белая Вежа (Труды Волго-Донской экспедиции). МИА № 62, 1958; № 75, 1959 г. № 109, 1963.

⁴⁰ С. А. Плетнева. Указ. соч., стр. 44.

⁴¹ Б. Н. Заходер. Каспийский свод сведений о Восточной Европе. М., 1962, стр. 177.

и глубоких исследований⁴². Поэтому останавливаться на них нет необходимости. Отметим лишь, что некоторые исследователи исключают возможность отдельного существования двух городов Беленджера и Семендера⁴³. Причем, для обоснования идентичности указывают на координаты их расположения, которые действительно мало разнятся между собой и, видимо, поэтому не принимаются во внимание. На самом деле показания в градусах долготы и широты этих городов действительно незначительны. У Бируни они составляют (73° и 44°50' и 72°30' и 44°55'), у Хамдула Казвини (85°20' и 46°30') и у Абдул Фида (75°20' и 46°30'; 78°0' и 44°50')⁴⁴.

Однако, единственно, о чем может говорить незначительность этих расхождений, так это о том, что они не идентичны, что они на самом деле располагались недалеко друг от друга. Это подтверждается и географической картой Идриси 1154 г., где они четко различаются и Беленджер расположен севернее Семендера⁴⁵. В этой связи наиболее плодотворной является возможность локализации Семендера на месте нынешнего Тарки у гор. Махачкалы, что допускают некоторые исследователи⁴⁶.

К данным письменных источников, которыми в основном пользовались исследователи при локализации Семендера в районе гор. Махачкалы, прибавилось несколько новых деталей, которые подкрепляют их.

Б. Н. Заходер, тщательно проанализировавший источники, составляющие свод сведений о Восточной Европе, выявил схематически, что о Семендере, как о городе, основанном Хосровом Ануширваном и расположенном на расстоянии 4 (8) дней пути от Баб-ал-абваба, на морском берегу (у озера), сообщают почти все авторы⁴⁷.

При локализации Семендера в районе гор. Махачкалы, расположенного на берегу моря, у озера Ак-гель, находящегося

---

⁴² М. И. Артамонов. Указ. соч., стр. 202—232. Б. Н. Заходер. Указ. соч., стр. 176—185. В. Ф. Минорский. История Ширвана и Дербента. М., 1963, стр. 144 и др. К. В. Тревер. Указ. соч., стр. 250 и далее.

⁴³ Б. Н. Заходер. Указ. соч., стр. 178.

⁴⁴ Б. Дорн. Каспий, стр. 86.

⁴⁵ Б. А. Рыбаков. К вопросу о роли хазарского каганата в истории Руси, СА № XVIII, стр. 144—145.

⁴⁶ В. Ф. Минорский. История Ширвана и Дербента. М., 1963, стр. 144, карт 2. С. Т. Еремян. Моисей Каланкайтуцкий. О посольстве албанского князя Трдата к Хазарскому Хакану Алп-Илитверу. «Записки Института Востоковедения АН СССР», т. VII. М.—Л., 1939. Л. И. Лавров. Тарки до XVIII века. Ученые записки Института ИЯЛ, т. IV, Махачкала, 1958, стр. 12 и далее. Б. Малачиханов. К вопросу о хазарском Семендере в Дагестане. Ученые записки ИИЯЛ, т. 14, Махачкала, 1965 г. стр. 175.

⁴⁷ Б. Н. Заходер. Указ. соч., стр. 179—180.

на восточной его окраине и на расстоянии 4 дней (180 км) от Баб-ал-абваба, эти сведения блестяще подтверждаются: Не согласуются (8) дней пути, которые указаны наряду с 4 днями. Однако эта цифра, вносящая путаницу в эту проблему, видимо, отражает картину последующего перемещения названия города, о чем будет сказано ниже.

Тщательные археологические исследования района Тарков с целью выявления остатков древнего Семендера не производились. Однако важное стратегическое положение этого пункта, характерного близким расположением гор к морю, позволявшим обеспечить эффективный контроль над Прикаспийским путем, предопределяют возможность бытования здесь города. Эта возможность подтверждается и некоторыми данными.

Путешественники, проезжавшие в 16—18 вв. по Приморскому Дагестану, указывают, что в районе Тарков сохранились остатки древних стен, протянувшихся от гор к морю⁴⁸. Более конкретные сведения об этих сооружениях сообщает А. С. Башкиров, который в 1924 году обследовал памятники старины в районе Тарков. Он пишет, что «Между городом Махачкала и аулом Тарки обнаружен ряд монументальных памятников, среди которых едва заметные фрагменты древних оборонительных стен, идущих от гор к морю (как в Дербенте) с З на В, но отстоящие друг от друга на чрезвычайно большом (сравнительно с Дербентом — версты на 2) расстоянии. Площадь между ними почти сплошь представляет культурный слой, сильно потревоженный разнообразными полевыми работами и наполненный строительным и другим мусором. Фрагменты северной стены почти не нащупываются, видно её ложе, оставленное после расхищения камня стены, вынутого в огромном количестве на постройку гор. Петровска, остатки неясной стены еще заметны, но и они скоро сравняются с окружающей поверхностью. Грамотные люди из Тарков, указывая на эти фрагменты, говорят, что это остатки древнего Семендера»⁴⁹.

О направлениях этих стен, защищавших город, сообщает и Б. Малачиханов⁵⁰. Уже по расположению стен городища, как указывает А. С. Башкиров, «На чрезвычайно большом расстоянии версты на 2 друг от друга» видно, что город отличался не только важным стратегическим расположением, но крупными размерами. Это также является одним из доводов

⁴⁸ С. А. Белокуров. Сношения России с Кавказом. Вып. I, 1578—1613 гг. М., 1889, стр. 405. К. В. Тревер. Очерки по истории и культуре Кавказской Албании. М.-Л., 1959, стр. 268.

⁴⁹ А. С. Башкиров. Изучение памятников старины Дагестана. ДС III Махачкала, 1927, стр. 239.

⁵⁰ Б. Малачиханов. Указ. соч., стр. 175.

о бытовании здесь Семендера, который, по свидетельству источников, был городом громадным, в котором было много садов и около 4 (40) тысяч виноградников⁵¹, которые, видимо, выращивались между стенами.

Примечательно также, что стены эти тянулись от гор к морю, параллельно друг другу. «Как в Дербенте»⁵². При таком направлении стен они закрывали собой прикаспийский проход, шириной в этом районе около 4-х км.

Разумеется стены эти, факт бытования которых не вызывает сомнений, могли служить защитой города, которым мог быть, очевидно, Семендер.

Л. И. Лавров отмечает, что Самендар на персидском языке означает «Крайняя (или порубежная) дверь»⁵³. Видимо, стены его были крайними по отношению к Дербентским стенам, с которыми они имели, очевидно, не случайное сходство в планировке и в направлении.

Стены города, возникшего на этом чрезвычайно важном в стратегическом отношении пункте, закрывали этот проход или ворота от кочевых вторжений. Их сооружения, исходя из данных источников, могли быть осуществлены одним из раннефеодальных правителей Дагестана, в период бурной строительной деятельности Ануширвана, с чьим именем возникновение города и связывается. Хазары, захватив город, превращают его в свою первоначальную столицу. Однако он не входил в состав собственно Хазарии, а являлся особым владением, глава которого находился в вассальной зависимости у Хазарского царя⁵⁴. Об этом красноречиво свидетельствует ряд письменных источников, в которых правитель Семендера противопоставляется хазарам⁵⁵. И, наконец, подтверждением бытования Семендера, как отдельного владения в районе Тарков служат и более поздние данные. В сел. Кумух Лакского района ДАССР имеется кладбище, называемое местными жителями семендерским. Интересно, что и представителей шамхальской ветви, оставшейся в Кумухе после переселения шамхалов в Тарки в 1640 г., называли семендерцами. Также называли и тарковских шамхалов⁵⁶.

⁵¹ Б. Н. Заходер. Указ. соч., стр. 179—180.

⁵² А. С. Башкиров. Указ. соч., стр. 239.

⁵³ Л. И. Лавров. Тарки до XVIII века. Ученые записки, том IV, Махачкала, 1958, стр. 14—16.

⁵⁴ М. И. Артамонов. Указ. соч., стр. 399.

⁵⁵ Н. А. Караулов. Сведения СМОМПК, вып. 38. Тифлис, 1908, стр. 3, 115. В. В. Бартольд. Введение к «Хадуд ал-алем». (Рукопись Туманского). Л., 1930, стр. 32. П. К. Коковцев. Еврейско-хазарская переписка в X веке. Л., 1932, стр. 100. Тарихи Дербенд-Наме. Тифлис, 1898, стр. 42.

⁵⁶ Тарки у гор. Махачкалы, так же как и Кумух в горном Дагестане, считались владениями шамхалов Тарковских (Эти данные сообщила этнограф Дагестанского института ИЯЛ А. Булатова)

Таким образом, и поздние отголоски исторических событий указывают на бытование Семендера в районе Тарков.

А город Беленджер, по данным указанных координат, находился недалеко от Семендера. И возможным пунктом его бытования является район сел. Верхнего Чирюрта, находящегося в 50 км к северу от гор. Махачкалы или на расстоянии одного дневного перехода и характерного также важными стратегическими данными.

Локализация Беленджера, как указывалось, подобно Семендеру, имеет свою историю и разные взаимоисключающие варианты, что объясняется разноречивостью источников. Яркое представление о характере источников дает исследование А. Я. Гаркави, который, проанализировав их, пришел к выводу, что отдельного города по имени Баланджер никогда не существовало⁵⁷. В источниках Беленджер действительно называют, как пишет сам Я. А. Гаркави — «То страной (или многие города), то гору, то реку или башню». В итоге он делает вывод, что «Баланджар служил в древнее время названием Дагестанской области и города Семендера»⁵⁸. Имеются и другие варианты его локализации, которые в целом продвинули вперед проблему его решения⁵⁹. Наиболее близко к его решению, видимо, подошли М. И. Артамонов⁶⁰ и Ф. О. Вестберг, которые предполагают, что Сулак — это река Беленджер, а Ф. О. Вестберг локализует город на нижнем течении Сулака⁶¹. Подобная вероятность особенно наглядно видна, если проследить поход арабского полководца Джарраха на Беленджер. Покорив несколько городов к югу и северу от Дербента, он подошел к городу Тарки (бывший Семендер). После покорения (Тарки) арабы двинулись к Беленджеру, которая по Ибн-ал-Асиру была самая известная из хазарских крепостей⁶².

После сильного сражения хазары обратились в бегство, а мусульмане силою овладели Беленджером и захватили огромную добычу. Джаррах взял в плен семью владельца Беленджера (сахива), который успел бежать и скрыться в Семендере. Джаррах послал за ним, возвратил ему все его имущество, семью и замок и сделал его соглядатаем для мусульман⁶³.

⁵⁷ А. Я. Гаркави. Существовала ли у хазар столица под названием Баланджар. Махачкала, РФ ИИЯЛ, фонд 6, д. 21, стр. 2.

⁵⁸ А. Я. Гаркави. Указ. соч., стр. 4—6.

⁵⁹ М. И. Артамонов. Указ. соч., стр. 207 и 392. Б. А. Рыбаков. К вопросу о роли хазарского каганата в истории Руси. СА XVIII, М., 1953, стр. 144.

⁶⁰ М. И. Артамонов. Указ. соч., стр. 207

⁶¹ Фр. О. Вестберг. К анализу восточных источников о Восточной Европе. Журнал Мин. народн. просвещ., часть XIV СПб, 1908, стр. 34—43.

⁶² Тарих-ал-Камиль (полного свода истории). Ибн-ал-Асира. Материалы по истории Азербайджана. Баку, 1940, стр. 24.

⁶³ Тарих-ал-Камиль. Указ. соч., стр. 25.

Ввиду многочисленности пленных-хазар и их семей — Джаррах приказал топить их в реке Беленджер⁶⁴. Характерно, что владельца Беленджера, которого называют (сахиб), различают от хазар. Здесь, как и в Семендере, выступает самостоятельный владелец, который находился, видимо, лишь в зависимости от хазар⁶⁵. Иначе трудно понять, почему Джаррах, сделав владельца Беленджера своим союзником, топит в реке хазар и их семьи и этим резко их различает. Интересно также, почему владелец Беленджера спасается бегством в Семендер, который находился в тылу у арабов? Однако, если учесть, что более полвека назад Абд ал-Рахман, а за ним и Салман предпринимали неудачные походы на Беленджер⁶⁶, то ими Семендер должен был быть разрушен, поскольку он находился на пути к Беленджеру. И, видимо, остатки разрушенного Семендера после этого стали называть Тарки, а хазары свою столицу перенесли далеко на север, на безопасное от арабов расстояние. При подобном предположении становится ясно, почему Джаррах, а после и Мерван из Беленджера хотел продолжить поход до Семендера⁶⁷, который ряд исследователей локализируют в районе нынешнего Кизляра⁶⁸. Возможно, что городище, выявленное Л. Н. Гумилевым у ст. Шелковской, и является новым Семендером⁶⁹, расстояние до которого от Дербента по данным источников, составляет и (8) дней пути. И на новом месте хазары не сумели укрепиться и под натиском арабов перенесли свою столицу еще дальше, на Волгу (Итиль). Вопрос этот носит лишь характер предположений и, видимо, будет решен в результате дальнейших археологических исследований. Иначе обстоит дело с Беленджером. При его локализации, опираясь лишь на сведения письменных источников, исследователи испытывали известные затруднения ввиду их разноречивости. Однако эти же сведения о Беленджере, где он назван рекой, страной, горой, городом и башней⁷⁰, находят конкретные археологические подтверждения в районе Верхнего Чирюрта.

Рекой Беленджер, в которой Джаррах приказал топить пленнх хазар, видимо, является Сулак, поскольку другой реки к северу от Дербента, в которой можно было бы топить людей, нет.

64 Табари. Цитирую по М. И. Артамонову, стр. 207.

65 М. И. Артамонов. Указ. соч., стр. 207.

66 Баладзори, «Книга завоевания стран», Баку, 1927, стр. 14.

67 Ибн-ал-Асир. Указ. соч., стр. 25.

68 М. И. Артамонов. Указ. соч., стр. 399. Фр. О. Вестберг. К анализу Восточных источников о Восточной Европе. Журнал Мин. нар. просвещения, часть XIV СПб, 1908, стр. 43.

69 Л. Н. Гумилев. Открытие Хазарии. М., 1966.

70 А. Я. Гаркави. Указ. соч., стр. 4.

Беленджер, названный в источнике страной, также подтверждается исследованиями. К югу от сел. Верхний Чирюрт система предгорий и хребтов образует долину, естественно защищенную горами со всех сторон, а с открытой северной стороны оборонительными стенами. Эта речная долина протяженностью около 15 км и шириной до 4-х км характерна и обилием выявленных археологических памятников. Здесь выявлено около 20 открытых поселений и городищ, относящихся в основном к средневековью⁷¹. Причем, культура большинства этих поселений по керамике аналогична Верхне-Чирюртовскому городищу. Очевидно, что эта долина, с подобной плотностью заселения в средневековье, могла найти отражение в источниках как страна (владение), область, или многие города. Отразились в источниках и горы, которые надежно защищают долину почти со всех сторон. Эта долина, по количеству выявленных в ней памятников, по мощности напластований культуры салтово-маяцкого облика и выступает наиболее ранним очагом этой культуры. Она была колыбелью хазарского каганата, которая с примыкающими к ней плоскостными районами Северного Дагестана и известна в арабских источниках как Барсила — прародина хазар.

Башня, причинившая мусульманам много вреда, это, видимо, выносные башни, прослеженные перед остатками оборонительных стен, которые обеспечивали возможность обстрела неприятеля с тыла при подходе их к основной стене. С подобными приемами обороны арабы, видимо, впервые столкнулись под Беленджером.

Примечательно также, что двойной характер Беленджера⁷², рядом с которым упоминается и Хамлидж, также подтверждается археологическими данными, которые свидетельствуют, что памятники в районе Верхнего Чирюрта, разделенные рекой Сулак, представляли собой составные части одного крупного городища.

И, наконец, интересно отметить, что старожилы сел. Миатли, расположенного на южной границе Верхне-Чирюртовской долины, указывая на север в сторону ГЭС, говорят, что в старину это место называлось Беленджером⁷³.

Таким образом, все эти разноречивые сведения древних письменных источников о Беленджере находят конкретные археологические подтверждения в комплексах памятников и топографии района Верхнего Чирюрта, где Беленджер нужно и локализовать.

⁷¹ К. А. Бредэ. Новые поселения на Сулаке. Тезисы докладов на научной сессии Института ИЯЛ Дагестанского филиала АН СССР, посвященной археологии Дагестана. Махачкала, 1959, стр. 23.

⁷² Б. Н. Заходер. Указ. соч., стр. 178—179.

⁷³ Али Магомедов (информатор) 72 года, охранник колхоза.

В некоторых источниках Беленджер называется хазарским городом. Однако его владельца, как и владельца Семендера, различают от хазар, называя его наследственным князем⁷⁴. Беленджер являлся центром самостоятельного владения, находившегося в составе Хазарского государства⁷⁵. Он, вероятно, стал политическим центром каганата после Семендера ввиду стратегической важности его расположения. В борьбе с арабами он становится и мощной опорной базой хазар, о чем свидетельствуют внушительные остатки его оборонительных сооружений.

С установлением безраздельного политического господства хазар в предгорной полосе Дагестана, они переносят свою ставку (из древней) столицы Беленджера к югу в Семендер (район Махачкалы). Это позволяло им быть поближе к границам сасанидского Ирана, куда была направлена основная внешнеполитическая экспансия хазар. Однако вскоре историческая ситуация сложилась таким образом, что хазары столкнулись с новой и грозной силой в лице арабов, сыгравших роковую роль для их империи. После захвата Семендера арабами, ставка хазар вновь возвращается на север, но не задерживается в Беленджере, который безусловно должен был находиться севернее древнего Семендера. Однако, представляется невероятным, чтобы из Семендера его перенесли сразу так далеко в Итиль. Это тем более невероятно, что в VII в. никакого хазарского города на Волге не было. Он возник не раньше VIII в. Ведь памятники салтово-маяцкой культуры выявленные и исследованные между Волгой и Доном, и связанные с хазарским каганатом, как известно датируются VIII—X вв. Не могла раньше этого времени на Волге возникнуть и новая очередная столица каганата, в то время как на Северном Кавказе оставалась основная его территория. Очевидно, также, что каганат не мог оставаться без столицы с середины VII и почти до IX вв. В этой связи напрашивается вопрос: не могла ли она под старым названием Семендер возникнуть на новом месте, севернее Беленджера?

Ведь если до похода Салмана в 653 году Семендер известен и находился к югу от Беленджера, то при последующих многочисленных походах арабов против хазар он не случайно оказывается севернее Беленджера. Указанные факты дают возможность полагать, что до Итиля у хазар должна была существовать промежуточная столица под старым названием Семендер. Он мог возникнуть на территории Северного Дагестана, где в конце VII и в начале VIII вв. продолжали оставаться основные их владения. В таком случае становится по-

⁷⁴ Н. А. Караулов. Сведения СМОМПК, XXXVIII, Тифлис, 1908, стр. 43.

⁷⁵ М. И. Артамонов. Указ. соч., стр. 207.

нятым разноречивый характер источников в вопросе о месте расположения Семендера, который располагают до похода Салмана к югу от Беленджера, а затем при последующих походах переносят к северу от него. Таким образом раскрывается значение и 4 (8) дней пути до него от Дербента, которые сбивали исследователей с толку. 4 дня это расстояние до старого Семендера (район Махачкала) и (8) дней расстояние до нового Семендера, который не случайно некоторые исследователи локализуют на Тереке в районе Кизляра.

В целом, прослеженная картина даёт возможность точно установить ранние пределы и конкретные очаги, где шел процесс формирования хазарского каганата. Археологические комплексы прослеженных памятников являются наиболее ярким и ранним вариантом или истоками салтово-маяцкой культуры.

ПРИКАСПИЙСКИЙ ДАГЕСТАН В ПЕРВЫЕ ВЕКА Н. Э.

Можно смело утверждать, что основной основой этнической истории Северного Кавказа были сложные и многообразные процессы взаимодействия племен-аборигенов с пришельцами, прослеживаемые с далеких времен каменного века. Особое место занимали контакты со степными племенами Юго-Восточной Европы. Не разобравшись в характере этих контактов, невозможно приблизиться к решению проблемы происхождения современных народов Северного Кавказа, в том числе, — народов Дагестана.

О том, что степные племена Северо-Западного Прикаспия испокон веков проникали вглубь дагестанских предгорий, можно судить по характеру погребального обряда, керамике и другим предметам материальной культуры манасских курганов эпохи ранней бронзы, таркинского и карабудахкентского могильников албано-сарматского времени², раннесредневековых памятников в районе Миатлы³, Сигитмы⁴, Верхнего Чирюрта⁵. Об этническом влиянии степных элементов на дагестанских аборигенов говорят также палеоантропологические материалы из могильников албано-сарматского времени предгорного Дагестана Таркинского, Карабудахкентского, Новолакского и др., а также из раннесредневековых могильников сел. Верхнего Чирюрта, Бавтугая, Джемикента, Урцеков. До-

¹ Р. М. Мунчаев и К. Ф. Смирнов. Памятники эпохи бронзы в Дагестане СА, XXVI, 1956 г. стр. 191.

² Е. И. Крупнов. Новый памятник древних культур Дагестана. МИА, № 23, М.—Л. 1951 г. стр. 222—223. К. Ф. Смирнов. Археологические исследования в районе дагестанского селения Тарки. МИА, № 23. стр. 271. К. Ф. Смирнов. Грунтовые могильники албано-сарматского времени у сел. Карабудахкент. МАД, т. II. Махачкала, 1961 г. стр. 218—219.

³ Отчет М. Г. Магомедова и Г. С. Федорова о разведке Приморского отряда даг. археологич. экспедиции 1964 г. Рукоп. фонд ИИЯЛ Дагфилиала АН СССР. Ф. 3, оп. 3, д. № 198.

⁴ Отчет К. А. Бредэ о раскопках в 1956 г. археологических памятников на Сигитме. Рукоп. фонд ИИЯЛ. Ф. 3, оп. 3, д. 35, стр. 81.

⁵ Н. Д. Путинцева. Верхнечирюртовский могильник. МАД, т. II. Махачкала, 1951 г. стр. 263.

стойно внимания, что влияние северных степных элементов на черепном материале горного Дагестана не прослеживается⁶.

Для раннего средневековья Дагестана наша коренная проблема включает частный вопрос о проникновении в его пределы через северо-западный Прикаспий тюркских этнических групп. Говорить о возможности их появления в Дагестане в догуннское время преждевременно: археологическое обследование древностей Терско-Сулакской низменности только лишь началось. Но нельзя забывать, что уже в первых вв. н. э. какие-то тюрки, вероятно, гуннского круга, (возможно, савиры)*, обитали среди сарматских племен Северного Прикаспия. Продвинулись ли, и если да, то когда именно, эти тюрки в Прикаспийский Дагестан, покажут дальнейшие исследования в этом районе Северо-Восточного Кавказа. Пока на этот счет у нас имеется лишь довольно неопределенное указание Птолемея о том, что савиры жили «ниже аорсов», т. е. где-то в районе Восточного Прикаспия⁷.

Разрешение очерченного круга вопросов возложено на Прикаспийский отряд археологической экспедиции ИИЯЛ Дагестанского филиала АН СССР. Работа рассчитана на ряд лет и будет проводиться при участии сотрудников северокавказской экспедиции Исторического факультета МГУ. В дальнейшем хронологические рамки исследования будут расширены до XIV—XV вв. и охватят весь период средневековья. По ходу работы будут привлечены специалисты смежных дисциплин—этнографы, антропологи, лингвисты. Результаты должны быть обобщены в одном из разделов монографии «ТЮРКИ СЕВЕРНОГО КАВКАЗА», совместной плановой темы ИИЯЛ им. Цадаса Дагестанского филиала АН СССР и Исторического факультета Московского государственного университета. Окончание работ по теме намечено на 1970 г.

* * *

Прикаспийский Дагестан занимает юго-запад обширной Прикаспийской низменности и делится на три части: 1. Терско-Кумская низменность, 2. дельта Сулака и Терека (Терско-Сулакская низменность), 3. Приморская низменность⁸. В ранне-

---

⁶ А. Г. Гаджиев. Происхождение народов Дагестана (по данным антропологии). Махачкала, 1965 г. стр. 86—89.

⁷ Птолемей. См. В. В. Латышев. Известия древних писателей греческих и латинских о Скифии и Кавказе. ВДИ, № 2. 1948 г. стр. 237.

* Об этом же писала в свое время Гаджиева С. Ш. в своей книге Кумыки. Москва, 1961 г., стр. 25—26.

⁸ К. Гюль, С. Власова, И. Кисин, А. Тертеров. Физическая география Дагестанской АССР. Махачкала, 1959 г. стр. 28. Н. А. Гвоздецкий. Физическая география Кавказа. Т. II. М. 1958 г. стр. 82.

четвертичное время все это пространство было залито водами древнекаспийских трансгрессий и является, в основном, продуктом аккумуляции морских осадков и позднее — аллювиальных отложений рек, начинающихся в области Большого Кавказа. При этом речь идет не только о современной и древней дельте Терека и Сулака, но о всем пространстве Прикаспийского Дагестана, за исключением Приморской низменности от Махачкалы до устья р. Самур. Дело в том, что северо-западная часть Прикаспия — депрессия Терека — расположена в зоне интенсивного погружения, а неравномерность этого процесса вызывала блуждание речных русел Терека, Акташа, Сулака и др. рек в меридианальном направлении⁹. По мнению А. Л. Рейнгарда, в раннечетвертичное время Терек тек прямо на север или, вернее, на северо-восток, а затем, в среднее четвертичное время, под влиянием прогиба предгорной полосы равнины свернул на восток, в долину Сунжи¹⁰. Для нашей темы гипотеза о «блуждании» речных русел представляет интерес потому, что так можно объяснить образование «тепе», цепи невысоких холмов в дельте Терека и Сулака. Холмы расположены один за другим почти параллельно современному руслу Терека в сторону Каспия и представляют собою естественные овальные в плане бугры. Все они ориентированы по длинной оси с севера на юг и, по-видимому, являются «останцами» размываемых течением рек древних морских террас, которые выше Терека ясно прослеживаются, несмотря на общую выравненность поверхности. Все обследованные «тепе» некогда служили местом поселения, и это не случайно: только на холмах люди могли найти убежище в сильные весенние и летние паводки. В первые века нашей эры климат Юго-Восточной Европы сохранял субатлантический характер¹¹. Нынешние полупустыни Западного Прикаспия были покрыты густым травостоем и служили кочевникам-сарматам отличными пастбищами.

Взглянем на орографическую карту Северо-Восточного Кавказа. Нетрудно заметить, что степные пространства между речья Волги и Дона в своей южной части, ограниченные с запада отрогами Ставропольской возвышенности, а с востока — Каспием, сужаются в южном направлении подобно гигантской воронке и упираются в районе Махачкала в узкий коридор Приморской низменности. В эту «воронку» с незапамятных

⁹ Н. А. Гвоздецкий, указ. соч., т. 1. М. 1954 г. стр. 80.

¹⁰ А. Л. Рейнгард. К истории долины Кубани. Вестник Геологического комитета. IV, № 2, Л. 1929 г., стр. 18.

¹¹ М. И. Нейштадт. Голоцен на территории СССР. Материалы Всесоюзного совещания по изучению четвертичного периода. Т. 1. М. 1961 г., стр. 84. Ср. Л. Н. Гумилев. Открытие Хазарии. М. 1966 г., стр. 64—65.

времен проникали с севера, из Нижнего Поволжья и Сальских степей степняки, а вдоль западного берега Каспия пролегли древнейшие коммуникации, которые связывали Юго-Восточную Европу с Закавказьем и странами Передней Азии. Этим путем, по-видимому, изделия из египетской пасты, а также коралловые бусы и подвески попадали на Северный Кавказ¹², в Дагестан¹³ и дальше — в Поволжье¹⁴ и даже Приуралье¹⁵. Где-то в среднем течении Сулака от каспийского пути отходила древняя дорога на запад. Она проходила между Кабардино-Сунженским хребтом и отрогами Андийских гор в сторону Эльхотовских ворот и дальше — в Прикубанье и к берегам Черного моря. Существованием этого пути можно объяснить поразительное сходство предметов материальной культуры албано-сарматского времени Дагестана, Чечено-Ингушетии, Центральной части Северного Кавказа и Прикубанья.

На орографической схеме Северо-Восточного Кавказа¹⁵ четко выделяется зона Внутреннего горного Дагестана. Она ограждена со стороны предгорий, а, следовательно, и от Прикаспийского Дагестана в целом, высокой стеной передовых труднодоступных хребтов — Андийского, Сала-тау, Гимринского, Лес, Кара-сырт и др. Передовые хребты почти не расчленены поперечными долинами, что еще более затрудняет доступ в горные районы. Склоны хребтов круты и обрывисты. Только в одном месте в цепи хребтов, ограждающих Внутренний Дагестан, недостает небольшого звена: у места слияния Андийского и Аварского Койсу, река Сулак, прорвавшись через хребет Сала-тау, образует грандиозный каньон, тесный проход в глубину гор. Стены каньона почти отвесны и достигают 1.800 м. высоты. В глубине, в полусумраке с ревом несется могучий поток Сулака. Много веков назад люди проложили вдоль пропасти каньона тропу. Этот, хоть и не торный и опасный, но зато кратчайший путь связывает северо-восточные предгорья с Внутренним Дагестаном. Извечной огражденностью его от внешнего мира объясняется сохранение в течение тысячелетий древнего антропологического типа. Примечательно, что горцы Дагестана сохранили все особенности этого типа вплоть до позднего средневековья. Антропологи допускают возможность небольшой примеси к автохтонному дагестанскому типу чужеродных элементов, но, как пишет

¹² Е. И. Крупнов. Новый памятник древних культур Дагестана, стр. 224.

¹³ Там же.

¹⁴ И. В. Синицын. Древние памятники в низовьях Еруслана. МИА, № 78. М. 1960 г. стр. 36.

¹⁵ А. В. Шмидт. Древний Восток и Русский Север. Новый Восток, № 13—14, Л. 1926 г. стр. 343.

¹⁶ К. Гюль и др. Физическая география Дагестанской АССР, стр. 23.

А. Г. Гаджиев, автор фундаментального исследования по антропологии Дагестана, эта примесь «не была определяющим фактором и ее влияние, по-видимому, сказалось в наибольшей степени на формировании восточного варианта», т. е. населения предгорий и плоскостных районов Дагестана¹⁷. Речь идет о кумыках и, отчасти, даргинцах.

Наблюдение А. Г. Гаджиева хорошо объяснимо: в противоположность Внутреннему Дагестану, полоса северо-восточных предгорий, колыбель кумыкской народности, окружена невысокими и легкодоступными хребтами, прорезанными широкими, с пологими склонами речными долинами Шура-озень, Манас-озень, Гамри-озень и др. Значительная часть северо-восточных предгорий занята обширными долинами размыва—Кар-кар, Параульская, Гумская и др. — Долины с глубокой древности освоены коренными дагестанскими племенами, земледельцами и скотоводами.

Слегка всхолмленные долины северо-восточных предгорий легко доступны со стороны Прикаспийской низменности. В месте выхода Сулака на плоскость в глубь страны проходит главная коммуникация, связывающая дельту Сулака и Терека с предгорным Дагестаном. Здесь во второй половине XIX века был проложен почтовый тракт Хасавюрт—Темирханшура—Дербент, что уже само по себе свидетельствует об удобствах и доступности этого пути. Непосредственной опасностью вторжения степняков вдоль среднего течения Сулака и дальше — через плоскогорье Тепсили-тау можно объяснить сооружение раннесредневековых укреплений в Сигитме и Нижнем Чирюрте, запирающих путь вглубь северо-восточных предгорий со стороны Присулакской низменности. Столь же доступны пути в предгорья через долины рек Шура-озень, Манас-озень и Гамри-озень.

Полная доступность предгорной зоны Северо-Восточного Дагестана со стороны Прикаспийской низменности нашла отражение в характере материальной культуры обеих провинций: археологические памятники первых веков н. э. свидетельствуют об интенсивном проникновении сарматского влияния в предгорья, а с другой стороны о влиянии культуры дагестанских племен на культуру сарматов северо-западного Прикаспия¹⁸.

Какие же выводы следуют из нашего краткого орографического разбора Северо-Восточного Дагестана?

Во-первых, можно утверждать, что Прикаспийские районы

¹⁷ А. Г. Гаджиев. Происхождение народов Дагестана по данным антропологии. Махачкала, 1965 г. стр. 112.

¹⁸ К. Ф. Смирнов. Сарматские племена Северного Прикаспия. КСИИМК, Вып. XXXIV, М. 1950 г. стр. 105—106.

республики и по характеру поверхности, и по природным условиям составляют одно целое с северо-западным и северным Прикаспием; во-вторых, что предгорья Северо-Восточного Дагестана, огражденные системой хребтов, благодаря их доступности и наличию поперечных долин, составляют с Прикаспийским Дагестаном единую историко-географическую область. Это последнее обстоятельство проявилось в полной мере в раннем средневековье, в алано-хазарское время, когда и политическая и этническая история Северо-Восточного Дагестана протекала в одном русле с политической и этнической историей Прикаспия. Об этом же писал в свое время В. Г. Котович^{18*}.

Следует тут же оговориться, что, выделяя предгорные и плоскостные районы в единую историко-географическую область, мы отнюдь не преуменьшаем значения коренного оседлого населения дагестанских предгорий, как основной этнической базы формирования современных народов Дагестана. Пусть в то далекое время Прикаспийская низменность была обиталищем кочевых сарматских племен: взаимоотношения оседлых земледельцев и пришлого кочевого населения были столь многообразны и тесны, что нет никакого основания отказываться от предложенного тезиса. Возможно, даже, что влиянием соседей-дагестанцев объясняется частичный переход к оседлости в первых веках н. э. кочевников-сарматов, о чем свидетельствуют поселения на Терско-Сулакской низменности¹⁹.

В первых веках н. э. вся Прикаспийская низменность, включая плоскостные районы Дагестана и прилегающие к ним предгорья, находились в политических границах обширной конфедерации сарматских племен аорсов. Основу аорской военно-демократической конфедерации составляли племена Северного Прикаспия²⁰. По сведениям китайских источников II века до н. э. аорсы возглавляли обширное объединение кочевников, способное выставить огромное по тому времени войско²¹. По предположению К. Ф. Смирнова, «прикаспийские аорсы, объединив вокруг себя племена от Аральского моря до предгорий Восточного Кавказа, были основными агентами в караванной торговле между степями, с одной стороны, и армянами и мидянами — с другой»²². Понятно, какое важное значение имело

^{18*} В. Г. Котович. Урцекское городище—памятник раннесредневековой культуры Дагестана. Ф. 3, оп. 3, Махачкала, 1963, стр. 35—36.

¹⁹ М. И. Пякуль. Некоторые сведения о средневековых поселениях Дагестана. Рукописный фонд ИИЯЛ Дагфиллиала АН СССР, ф. 3, оп. 3, д. № 19, стр. 10—15.

²⁰ К. Ф. Смирнов. Сарматские племена Северного Прикаспия, стр. 104.

²¹ Там же.

²² К. Ф. Смирнов. Указ. соч., стр. 105.

Таркинское поселение, ключ от дефи́ле, замыкающего дорогу вдоль приморской полосы Дагестана из степей Юго-Восточной Европы в страны Передней Азии. Не случайно, также, что древности Тарков и, прежде всего, могильника сарматского времени, дали столь яркие свидетельства об оживленных связях Северо-Восточного Дагестана со степными районами Юго-Восточной Европы, Северным Кавказом, в частности,—с Прикубаньем, а также с Кавказской Албанией и странами Ближнего Востока²³. «Тесное общение, в том числе и торговое,— пишет К. Ф. Смирнов, — древнего населения Таркинского района с Албанским государством подтверждается археологическими материалами»²⁴. К. Ф. Смирнов считает, что население Таркинского района первых веков н. э. было смешанным и состояло из кавказских аборигенов и сарматских племен, упомянутых в «Естественной истории» Плиния под именем утидорсов²⁵. Удины локализируются Плинием между албанами и сарматами, т. е. где-то в прибрежной полосе Дагестана и прилегающих к ней предгорьях; они — удины — и могли быть, по мысли К. Ф. Смирнова, одним из компонентов смешанного населения района Тарков. Вот, что пишет Плиний: «На самом краю пролива²⁶ живет скифский народ удины, за ними на побережье — албаны... Это племя, расселившееся по кавказским горам доходит, как сказано, до реки Куры... Выше прибрежной его (области) и племени удинов простираются (земли) сарматов, утидорсов»²⁷.

Не случайно, Плиний, а также Страбон и Птолемей говорят об уди́нах как о приморских жителях: по предположению К. В. Тревер, все эти писатели пользовались отчетом Патрокла, который обследовал западное побережье Каспия с моря и, естественно, мог ознакомиться лишь с той частью удинов, которая обитала в прибрежных районах. Продвинулись же удины в пределы Дагестана из мест своего коренного обитания, из Северного Азербайджана, где они занимали левобережье Куры ниже устья Алазани²⁸. Свое предположение К. В. Тревер обосновывает тем, что удины, по-видимому, были носителями ялойлутапинской культуры²⁹. В предположении этом несомненно кроется зерно истины: чем иным, как не связью удинов с ялойлутапинцами, можно объяснить поразительные аналогии

²³ Е. И. Крупнов. Новый памятник древних культур Дагестана. Стр. 223—225.

²⁴ К. Ф. Смирнов. Археологические исследования в районе селения Тарки. Стр. 272.

²⁵ К. Ф. Смирнов. Указ. соч., стр. 271.

²⁶ Плиний полагал, что на северо-западе Каспийское море проливом соединяется с океаном. (Сноска К. В. Тревер).

²⁷ Плиний, кн. VI, гл. 13 (§§ 38—39).

²⁸ К. В. Тревер. Очерки по истории и культуре Кавказской Албании. М.—Л. 1959 г. стр. 46.

²⁹ К. В. Тревер, указ. соч., стр. 66.

в керамике Тарков и Карабудахкента, с одной стороны, и могильника Ялойлу-тапа — с другой³⁰? Примечательно, что и сейчас в северном Азербайджане в селении Нидж Куткашенского района проживает маленький народ удины. Самоназвание их — «уди», «ути». Есть предположение, что современные удины — потомки удинов-утиев Плиния³¹.

Не будем гадать, что заставило часть удинов переселиться в Северо-Восточный Дагестан: согласимся с К. Ф. Смирновым, что удины-переселенцы смешались здесь с пришельцами из Северного Прикаспия сарматами-аорсами и получили у позднеантичных авторов прозвище «утидорсов»; им, по всей вероятности, и принадлежали могильники албано-сарматского времени в Тарках и Карабудахкенте.

Не следует думать, однако, что формирование «утидорсов», смешанных племен-пришельцев, произошло на пустом месте: этническую основу, на которой сложилось население Таркинского района бесспорно составляли коренные племена предгорного Дагестана, генетически связанные с племенами той же территории эпохи бронзы. Об этом неоспоримо свидетельствуют наблюдения исследователей — археологов. Вряд ли, например, случайно сарматские погребения Таркинского могильника перекрывают погребения каякентско-хорочоевского облика: население Тарков сарматского времени продолжало хоронить своих покойников именно там, где покоился прах их предков. Нельзя не обратить внимания и на другую особенность: в сарматском горизонте, наряду с обычным для сарматского обряда вытянутым положением покойника, встречаются скорченные погребения и погребения в сидячем положении, характерные для Дагестана в предыдущую эпоху³². Эти и многие другие наблюдения позволили К. Ф. Смирнову сделать следующее заключение: «Определить Таркинский могильник как памятник древнего местного населения приморской части Северного Дагестана дают нам право, правда еще слабо уловимые, общие черты в обряде погребений каякентско-хорочоевской и сарматской культур Таркинского могильника и особенно своеобразные черты его материальной культуры...»³³.

Выводы археологов полностью соответствуют результатам

³⁰ К. Ф. Смирнов. Археологические исследования в районе селения Тарки. Стр. 268.

³¹ З. И. Ямпольский, В. П. Кобычев. Удины. «Народы Кавказа», т. II. Серия «Народы Мира». Этнографические очерки. М. 1962 г. стр. 195.

³² К. Ф. Смирнов. Новые данные по сарматской культуре Северного Кавказа. КСИИМК, вып. XXXII, М. 1950 г. стр. 113.

³³ К. Ф. Смирнов. Археологические исследования в районе селения Тарки, стр. 271. Ср. Е. И. Крупнов. Новый памятник древних культур Дагестана, стр. 224.

антропологических исследований на материале могильников албано-сарматского времени в предгорьях, соседящих с Прикаспийскими районами Северо-Восточного Дагестана. Речь идет о могильниках в сел. Новолакском, Тарках, Карабудахкенте, Мамай-Кутане и др. Как отмечает дагестанский антрополог А. Г. Гаджиев, подавляющее большинство черепов из этих могильников отличается долихокранией и принадлежит, по-видимому, представителям коренного населения. Широколицый же тип, представленный единичными черепами, должен быть признан привнесенным извне. А. Г. Гаджиев сопоставляет брахикранов, обнаруженных в могильниках албано-сарматского времени, с европеоидами-брахикефалами Нижнего Поволжья той же эпохи³⁴.

Можно представить себе, что «утидорсы», занимая исключительно выгодные в экономическом и стратегическом отношении районы Прикаспийского Дагестана, играли роль форпоста аорской конфедерации на оживленном торговом пути из северных степных районов в Закавказье и страны Передней Азии. Недаром, инвентарь мужских погребений Таркинского могильника содержит столь большое количество наиболее совершенного по тому времени сарматского оружия. Это — железные и костяные наконечники стрел для легкого лука, копья, мечи. Примечательно, что оружие встречено и в некоторых женских погребениях³⁵. Все это говорит с одной стороны, о воинственности населения Северо-Восточного Дагестана, а с другой — о состоянии боевой готовности жителей Таркинского поселения на случай вражеского вторжения с юга, вдоль побережья Каспия.

Какие же особенности характеризуют население Нижнего Поволжья в среднесарматское время, передовой заставой которого были поселения воинственных дагестанцев в районе Тарков. Ответив на этот вопрос, мы выясним, какие этнические группы могли продвинуться в Прикаспийский Дагестан из сарматского мира Северного Прикаспия.

К. Ф. Смирнов отмечает, что «на среднесарматской стадии развития (I н. до н. э. — начало II в. н. э.) отдельные племенные группы Северного Прикаспия сохраняют в погребальном обряде свои специфические черты, пестроту погребальных типов, отражающих различия их происхождения...»³⁶. Сохраняются здесь и некоторые особенности керамики, объясняемые, вероятно, непосредственным соседством рассматриваемого

³⁴ А. Г. Гаджиев. Происхождение народов Дагестана, стр. 90.

³⁵ К. Ф. Смирнов. Новые данные по сарматской культуре Северного Кавказа. Стр. 114—115.

³⁶ К. Ф. Смирнов. Сарматские племена Северного Прикаспия. Стр. 106.

района с северокавказскими сарматскими районами»³⁷. Последнее наблюдение еще раз подтверждает культурные, а, в сопоставлении с антропологическими данными, и этнические связи между племенами Нижней Волги и Северо-Восточного Дагестана в рассматриваемое нами время. Как уже говорилось выше, сарматоидные черепа из Тарков и Карабудахкента весьма близки по своему типу к черепаам сарматских серий Нижнего Поволжья.

Особый интерес, в связи с нашей проблемой появления ранних тюрок в Северном Прикаспии и продвижении их на юг в Прикаспийский Дагестан, представляет исследование погребений Калиновского могильника в районе сел. Дубовка Волгоградской области. Район могильника, по схеме К. Ф. Смирнова, входит в границы расселения Астраханской группы сарматов I в. до н. э. — II в. н. э.³⁸ Автору раскопок В. П. Шилову удалось выделить все стадии развития сарматской культуры, а В. В. Гинзбургу, на антропологическом материале, — соответствующие им серии черепов. Благодаря массовости материала (исследовано 62 кургана с 253 погребениями) можно составить полную картину как развития материальной культуры, так и изменения этнического состава населения Нижнего Поволжья вплоть до позднесарматского времени³⁹.

Уже на среднесарматской стадии, в результате племенных передвижений, вызванных подъемом государства Хунну и его борьбой с юэчжи и усунями во II в. до н. э., в культуре сарматов Северного Прикаспия появляются элементы культуры кочевников Семиречья⁴⁰. В. П. Шилов обращает внимание на подбойные и катакомбные могилы, появляющиеся в Нижнем Поволжье на прохоровском этапе (IV—II вв. до н. э.). Эти типы погребальных сооружений, по его предположению, могли быть привнесены из Средней Азии⁴¹.

В свою очередь, антропологические материалы Калиновского могильника свидетельствуют, что в то же время в сарматскую среду Северного Прикаспия включаются пришлые с востока этнические элементы. Так, погребение 2 кургана № 52 содержало костяк, череп которого принадлежал смешанному антропологическому типу, напоминающему южносибирский. Череп из погребения 1 кургана № 34, по заключению

³⁷ Там же, стр. 111.

³⁸ К. Ф. Смирнов. Сарматские племена Северного Прикаспия. Стр. 99, рис. 28.

³⁹ В. П. Шилов. Калиновский курганный могильник. МИА, № 60. М. 1959 г. стр. 323—523. В. В. Гинзбург. Этногенетические связи древнего населения сталинградского Заволжья. Там же, стр. 524—594.

⁴⁰ К. Ф. Смирнов. Указ. соч., стр. 102.

⁴¹ В. П. Шилов. Указ. соч., стр. 429.

В. В. Гинзбурга, сходен с кенкольским⁴². Кенкольский могильник содержал катакомбные погребения. Может быть, распространение катакомб в Северном Прикаспии объясняется усилением культурных и этнических связей с Средней Азией⁴³.

Возможно, по той же причине на среднесарматском этапе в Северном Прикаспии возрождается обычай деформации черепа. В. В. Гинзбург подчеркивает, что деформированы черепа Калиновского могильника не какого-либо определенного, а разных антропологических типов. Очевидно, появление вновь данного обычая не было связано с определенным этническим компонентом сарматской народности, а был привнесен извне⁴⁴. Такого же мнения придерживается К. Ф. Смирнов. Вот, что он пишет: «Вероятно, новый период особенно широкого распространения обычая деформации головы у сарматов Поволжья был результатом среднеазиатских связей, придающих восточный облик всей сарматской культуре Северного Прикаспия⁴⁵».

Еще ярче сказывается связь Северного Прикаспия с Южной Сибирью, Восточным Казахстаном и Средней Азией в позднесарматскую эпоху. К. Ф. Смирнов обращает внимание на распространение северной ориентировки погребений, как на существенный признак позднесарматской стадии в Северном Прикаспии. Исследователь считает, что распространение обряда шло на Волгу из степных районов Зауралья и Западной Сибири⁴⁶. Вне связи с обсуждаемым вопросом, напомним, что примерно в то же самое время началось продвижение из Зауралья племен савиров; двигались они в том же юго-западном направлении в сторону Северного Прикаспия и дальше — в Прикаспийский Дагестан⁴⁷. Напомним так же, что северная ориентировка господствует и среди погребений Верхнечирютовского могильника, связываемого некоторыми исследователями с дагестанскими савирами⁴⁸.

Влияние восточных соседей не ограничивается изменением погребальной обрядности: «в погребальном инвентаре позднесарматской стадии, — отмечает К. Ф. Смирнов, — также наблюдается усиление сибирских и среднеазиатских элементов».

⁴² В. В. Гинзбург. Указ. соч., стр. 562.

⁴³ Л. А. Мацулевич. Аланская проблема и этногенез Средней Азии. СЗ, 1947, VI—VII, стр. 138—144. К. Ф. Смирнов. Сарматы Северного Прикаспия, стр. 112.

⁴⁴ В. В. Гинзбург. Указ. соч., стр. 563.

⁴⁵ К. Ф. Смирнов. Сарматы Северного Прикаспия, стр. 113.

⁴⁶ К. Ф. Смирнов. Сарматы Северного Прикаспия, стр. 113.

⁴⁷ Ср. карту, приложенную к монографии М. И. Артамонова «История хазар». Л. 1962 г. стр. 71.

⁴⁸ И. П. Костюченко. Предварительное сообщение о раскопках раннесредневекового Верхнечирютовского могильника. «Материалы отчетной сессии ИИЯЛ за 1956 г.», стр. 72. РФ ИИЯЛ, д. 2378.

Речь идет о появлении вновь и распространении лепной грубой керамики с округлым дном, напоминающей по форме сосуда из Зауралья, характерные для так называемой «мысовской культуры». Из восточных районов в Поволжье распространяются и новые формы оружия. К. Ф. Смирнов указывает прежде всего на крупные железные ромбические наконечники стрел, тяжелые сложные луки, а также на ряд других предметов, хорошо известных как эталоны аланской культуры. Впрочем, как правильно отмечает исследователь, эти элементы восточной культуры аланов попадали в Северный Прикаспий не столько в порядке обмена, сколько благодаря племенным передвижениям, начавшимся в I в. н. э. в западносибирских и среднеазиатских областях в связи с гуннской экспансией⁴⁹.

В свете приведенных фактов нетрудно объяснить особенности серии черепов позднесарматского времени, исследованной В. В. Гинзбургом на материале Калиновского могильника. В. В. Гинзбург приходит к заключению, что в общем черепа относятся к европеоидному типу, с возможной примесью монголоидных элементов. Исследователь подчеркивает при этом, что за «обобщающими средними в этой серии выявляются довольно разнообразные антропологические типы». Один из типов напоминает южносибирский, другой — сопоставим с типом Среднеазиатского междуречья⁵⁰.

Для позднесарматского времени характерно массовое распространение в Северном Прикаспии, так же, как и в других районах сарматского мира, обычая деформации черепа. Если в среднесарматское время были единичными находки деформированных черепов, то позже такие черепа составляют подавляющее большинство. Характерен и прием деформации. Чаще всего это лобно-затылочная, реже — кольцевая деформация, хорошо известные по краниологическим материалам Кенкольского могильника⁵¹.

В общем, население Северного Прикаспия как в среднесарматское, так, особенно, в позднесарматское время отличалось значительной неоднородностью. К основному сарматскому ядру примешиваются целые группы иных антропологических типов. В первых вв. не только возникает монголоидная примесь, но наблюдается некоторый сдвиг в общем довольно однородном расовом типе собственно сарматов в сторону монголоидности. Может быть, отмечаемая археологами и антропологами этническая неоднородность населения Северного Прикаспия в первых веках н. э. объясняется также просачиванием в степи Нижней Волги ранних тюрок. Не о них ли пишет автор

⁴⁹ К. Ф. Смирнов. Сарматы Северного Прикаспия, стр. 113.

⁵⁰ В. В. Гинзбург. Этногенетические связи..., стр. 571.

⁵¹ В. В. Гинзбург, указ. соч., стр. 572.

II века н. э. Дионисий Перигет, упоминая среди кочевых племен Нижней Волги каких-то гуннов?»⁵² Были ли это собственно гунны, или племена, связанные с гуннским союзом, — сарматизованные угры из Южного Зауралья, савиры, или барсилы, — сейчас на этот вопрос ответить невозможно. Мнения ученых на этот счет расходятся.

К. Ф. Смирнов, опираясь на работы И. В. Симицына в Астраханском Заволжье, допускает, что обнаруженные там погребения кенкольского типа свидетельствуют о раннем появлении гуннов в степях Северного Прикаспия⁵³. Наоборот, В. П. Шилов считает, что исследования С. С. Сорокина не дают основания связывать Кенкольский могильник и другие синхронные и однотипные погребения с гуннами. «Достаточно сказать, — пишет В. П. Шилов, — что для гуннов не характерны ни катакомбы, ни подбойные погребальные сооружения». Автор раскопок Калиновского могильника считает, что появление в Северном Прикаспии погребений кенкольского типа свидетельствует о проникновении в первых вв. н. э. на территорию сарматов отдельных представителей или групп древних среднеазиатских племен⁵⁴. Заметим, что в Калиновском могильнике обнаружено несколько черепов, близких по своему типу к черепам среднеазиатского междуречья⁵⁵.

Есть и другие, далеко еще не решенные вопросы. Антропологи утверждают, что в первых веках н. э. черепа собственно сарматов Нижнего Поволжья показывают определенный сдвиг в сторону монголоидности, причем, в позднесарматское время черты монголоидности явно усиливаются. Отмечено так же, что на протяжении сарматского периода процент основного типа постепенно уменьшался за счет примеси иных антропологических типов; с первого века н. э. среди пришельцев отмечены типичные монголоиды, а коренные племена составляли уже не более двух третей общего населения степей нынешних Волгоградской и Астраханской областей⁵⁶.

Чем же можно объяснить изменения, происшедшие в первые века н. э. в составе сарматских племен Северного Прикаспия?

Объяснение, по-видимому, следует искать в событиях первых веков н. э., всколыхнувших степные пространства Приуралья, Казахстана, Южной Сибири и Средней Азии. После

---

⁵² В. В. Латышев. Известия древних писателей о Скифии и Кавказе. ВДИ, 1948 г. № 1. Стр. 240.

⁵³ К. Ф. Смирнов. Вопросы изучения сарматских племен и их культуры в советской археологии. «Вопросы скифо-сарматской археологии». М. 1954 г. стр. 204.

⁵⁴ В. П. Шилов. Калиновский курганный могильник. Стр. 494.

⁵⁵ В. В. Гинзбург. Этногенетические связи..., стр. 575.

⁵⁶ В. В. Гинзбург. Этногенетические связи..., стр. 574—575.

разгрома западных хунну в самом конце 1-го века китайцами и племенами сянь-би, гунны появляются среди угров на Урале и в прилегающих к нему степях, а также — в северной части Средней Азии. С этого времени и начинается просачивание отдельных групп потревоженных гуннами племен в Нижнее Поволжье. Возможно, что среди пришельцев были и сами гунны. Как уже говорилось выше, кроме антропологических материалов, об этом свидетельствует появление в Северном Прикаспии могильных сооружений, резко отличных по своему типу от характерных для этого района алано-сарматских погребений⁵⁷. Это могли быть савиры, локализуемые Птолемеем во II в. н. э. в степях к западу от устья Волги, отюреченные угорские племена с Южного Урала⁵⁸, ранние тюрки из Западного Казахстана и северных районов Средней Азии⁵⁹. Это был тот этнический субстрат, на котором образовался совершенно новый народ — гунны⁶⁰, а составлявшие его племена оказались в общем русле формирования тюркских языков так называемой западно-хуннской ветви и именно ее древнебулгарской группы, сохранившей архаические черты древнейших монгольских и тунгусо-манчжурских языков⁶¹. Достоинно внимания, что черепа смешанного типа с примесью монголоидности из сармато-аланских могильников Северного Прикаспия сопоставляются специалистами с древнебулгарскими черепами из Зливинского могильника⁶². Таков был, на наш взгляд, этнически чуждый сарматам элемент, в течение столетий оседавший в степях Северного Прикаспия и органически вошедший в состав аланского племенного союза на грани так называемой эпохи Великого переселения народов.

Перейдем к выводам.

Привлеченные нами сведения о племенах Северного Прикаспия средне- и позднесарматского времени, в сопоставлении с характеристикой одновременных памятников Прикаспийского Дагестана, позволяют, на наш взгляд, говорить не только о глубоких культурных, но и об этнических связях между населением Нижней Волги и Терско-Сулакской низменности с

⁵⁷ И. В. Сеницын. Археологические раскопки на территории Нижнего Поволжья. «Уч. зап. Саратовского гос. ун-та», т. XVII, 1947 г. стр. 12, сл.

⁵⁸ М. И. Артамонов. Очерки древнейшей истории хазар. Л. 1936, стр. 24.

⁵⁹ М. С. Акимова. Материалы к антропологии ранних болгар. См. В. Ф. Генинг и А. Х. Халиков. Ранние болгары на Волге. М. 1964. Стр. 191.

⁶⁰ А. Н. Гумилев. Хунну. М. 1960. Стр. 242—243.

⁶¹ Н. А. Баскаков. Тюркские языки. М. 1960. стр. 103, 115.

⁶² В. В. Гинзбург. Этногенетические связи..., стр. 572.

прилегающими к ней предгорьями. Археолого-антропологические наблюдения показывают, что речь идет не только о «диффузии культурных и этнических элементов», как предполагал Е. И. Крупнов⁶³, но о передвижении значительных этнических групп, в первую очередь, сарматов с Нижней Волги в Прикаспийские районы Дагестана.

Периодизация сарматской культуры Нижнего Поволжья базируется не только на выделенных для каждой ее стадии археологических комплексах: исследования ученых-сарматологов показывают, что смена или модификация комплексов отражает реальные изменения в племенном составе и общественных отношениях сарматского общества.

В среднесарматское время в Нижнем Поволжье образовался союз племен под главенством сарматов, аорсов; союз имел характер военной конфедерации. Стремление сохранить за собою контроль над древним караванным путем вдоль западного берега Каспийского моря заставило значительные вооруженные группы аорсов продвинуться через Прикумские степи в пределы нынешнего Прикаспийского Дагестана. Сохранились памятники, оставленные аорсами в низовьях Терека и Сулака. Это — цепь поселений Новая Надежда, Чополав-тепе, Герменчик-тепе и др., разведанные в 1966 году Прикаспийским отрядом археологической экспедиции ИИЯЛ Дагестанского филиала АН СССР.

Керамика нижних слоев поселений совершенно идентична керамике Северного Прикаспия и датируется, по определению К. Ф. Смирнова, I в. до н. э. — II в. н. э. Большое число костных остатков, в основном, крупного рогатого скота и лошадей⁶⁴, не оставляет сомнения в характере хозяйства жителей Прикаспийской низменности среднесарматского времени. Фрагменты глиняной обмазки со следами прутьев и камыша, остатки глинобитного пола без малейших следов фундамента свидетельствуют о том, что это могли быть жилища типа кошей на зимних пастбищах, а поселения — кишлаки скотоводов-кочевников, прочно освоивших богатые зимние пастбища западного Прикаспия. Значительная мощность культурного слоя, достигающая на поселении Новая Надежда по крайней мере полутора метров, не вызывает сомнения в том, что сарматы-аорсы не были временными насельниками Терско-Сулакской низменности и чувствовали себя здесь полными хозяевами.

⁶³ Е. И. Крупнов. К историко-археологическому изучению степного Дагестана и северо-западного Прикаспия. МАД, II. Махачкала, 1961. стр. 84.

⁶⁴ Определение костных остатков произведено доцентом Дагестанского сельхозинститута К. Н. Золотовым, которому авторы приносят благодарность.

Граница между сарматским миром и миром дагестанских аборигенов, подвергшихся частичной сарматизации, проходила по северному склону невысоких хребтов, ограничивающих с севера предгорья Дагестана. Лишь невдалеке от того места, где Сулак выходит на плоскость, обнаружено поселение среднесарматского времени. Это — Сигитма, урочище заселенное человеком по крайней мере с эпохи энеолита. На Сигитминском поселении обнаружена та же керамика среднесарматского времени, что и в Новой Надежде, совершенно аналогичная керамике Северного Прикаспия первых веков н. э. Автор раскопок Сигитминского поселения К. А. Бредэ датирует его IV—V вв.⁶⁵ Однако, последние исследования памятников Терско-Сулакской низменности позволяют пересмотреть датировку К. А. Бредэ и отнести открытое им поселение к среднесарматской эпохе, приняв за верхнюю дату II век нашей эры.

По-видимому, Сигитминское поселение принадлежало тем же аорсам, кочевникам, частично перешедшим к полuosедлому хозяйству. Пока что этот памятник стоит особняком среди других памятников Сулакского ущелья. Возможно, именно здесь пришельцы пытались проникнуть в глубь предгорий, на исконную территорию коренных дагестанских племен. Выбор места для поселения невдалеке от выхода Сулака на плоскость не случаен: Сигитма запирает прямой и удобный путь вдоль Сулакского ущелья и дальше — в долину, где расположен г. Буйнакск, т. е. в предгорья Северо-Восточного Дагестана, население которого с глубокой древности неизменно поддерживало оживленные связи со степняками.

Теперь, в отношении памятников среднесарматского времени «смешанного» типа, расположенных вблизи прикаспийского караванного пути, контролируемого аорсами. Мы имеем в виду верхние, «сарматские» слои Таркинского могильника и могильник № 1 в Карабудахкенте. Тут мы вполне солидаризируемся с Е. И. Крупновым и считаем, что ни о какой миграции степняков-аорсов в пределы собственно Дагестана, в предгорные районы не может быть и речи. Работы археологов подтвердили, что какие-то группы аорсов входили в состав населения Таркинского и Карабудахкентского районов, однако, пришельцы были здесь в абсолютном меньшинстве. Об этом можно судить как по характеру погребальных сооружений, среди которых лишь очень немногие могут быть признаны собственно сарматскими⁶⁶, так и по серии черепов, весьма, в общем,

⁶⁵ Отчет К. А. Бредэ о раскопках в 1956 году археологических памятников на Сигитме. Рук. ф. ИИЯЛ, ф. 3, оп. 3, д. № 35, стр. 81.

⁶⁶ К. Ф. Смирнов. Грунтовые могильники албано-сарматского времени у сел. Карабудахкент, МАД, II. Махачкала, 1961 г., стр. 204—205. К. Ф. Смирнов. Археологические исследования в районе селения Тарки. Стр. 259.

однородной, отражающей глубокие местные корни; лишь несколько черепов из Карабудахкента напоминают сарматские черепа Северного Прикаспия⁶⁷.

Наблюдения археологов показывают, что погребальные сооружения Тарков более однородны, чем Карабудахкента I. Но в обоих могильниках наблюдается постепенное изменение погребального обряда. Ранние погребения, особенно в Карабудахкенте, ближе по обряду и по инвентарю к коренным дагестанским формам. Характерны в этом отношении погребения №№ 79, 80, 83 Карабудахкентского могильника № 1⁶⁸. Более же поздние, датируемые I—II вв. н. э., при явно сарматском облике керамики, предметов вооружения, отличаются смешанным погребальным обрядом, с преобладанием местных черт, а также неустойчивой ориентировкой⁶⁹. Известно, что уже на среднесарматской стадии погребения сарматов Северного Прикаспия отличались довольно устойчивой ориентировкой, в основном южной⁷⁰. Можно предположить, что древнейшие погребения Карабудахкентского могильника № 1 принадлежали коренному населению, более поздние — его потомкам, включившим в свой состав какой-то % пришлого степного элемента, целиком растворившегося в местной этнической среде. Только так можно объяснить родовой характер могильника с четко выделенными семейными участками, содержащими погребения смешанного типа⁷¹.

Характерно, что Таркинский могильник, расположенный у самой границы сарматского мира, на ответственном участке караванного пути в Закавказье, отличается более ярким сарматским обликом, чем синхронный ему Карабудахкентский могильник № 1, находящийся в стороне от Прикаспийской дороги. Характерно также, что большая часть керамики Карабудахкента сопоставима с керамикой древней Албании. К. Ф. Смирнов полагает, что в состав населения Карабудахкентского района, как и Тарков, входили пришлые из северной Албании удины⁷². Постепенное затухание сарматских черт к югу от Тарков и усиление албанских культурных элементов полностью согласуется с преобладанием в палеоантропологическом типе древнего населения Дагестана черт, сближающих его с типом древнего населения Закавказья, в частности его Юго-Восточной части⁷³.

⁶⁷ А. Г. Гаджиев. Происхождение народов Дагестана. Стр. 90.

⁶⁸ К. Ф. Смирнов. Грунтовые могильники албано-сарматского времени у сел. Карабудахкент. Стр. 204.

⁶⁹ Там же, стр. 206.

⁷⁰ К. Ф. Смирнов. Сарматские племена Северного Прикаспия. Стр. 111.

⁷¹ К. Ф. Смирнов. Грунтовые могильники..., стр. 206.

⁷² К. Ф. Смирнов. Грунтовые могильники..., стр. 209.

⁷³ А. Г. Гаджиев. Происхождение народов Дагестана. Стр. 92.

Затухание сарматского этнокультурного влияния в предгорьях Северо-Восточного Дагестана (но не в Прикаспийской низменности) связано не только с удалением от аорских опорных пунктов Западного Прикаспия, но и с временным фактором. В этом отношении характерны погребальные комплексы Карабудахкентского могильника № 3, датируемого III—IV вв. н. э. Каменные гробницы, характерные для местной погребальной традиции, почти полностью вытесняют элементы сарматского обряда. С другой стороны как в грунтовых могилах, так и в некоторых гробницах, правда, лишь в единичных встречались куски мела и угольки — детали обряда весьма характерного для позднесарматской стадии (II—IV вв.) Поволжских степей⁷⁴. По-видимому, этнокультурные связи Северо-Восточного Дагестана с Северным Прикаспием не угасли и в эпоху функционирования Карабудахкентского могильника № 3. Видимо, связи были эпизодическими, т. к. общий облик памятника несомненно являет яркие черты самобытности и глубоких корней с предыдущими эпохами истории дагестанских племен. Примечательны близкие аналогии в погребальном обряде и в инвентаре Карабудахкентского могильника № 3 и некоторых ранних погребений Большого Буйнакского кургана. Прав К. Ф. Смирнов, утверждая, что археологические памятники албанс-сарматского времени отражают не только культурное, но и этническое единство населения предгорий Северо-Восточного Дагестана⁷⁵.

Все это касается преимущественно предгорий. Приморская же низменность, видимо, и в позднесарматское время находилась под контролем аорского племенного союза. В. Г. Котовичем исследован небольшой могильник вблизи селения Мамайкутан. К албано—сарматскому времени относятся лишь два грунтовых погребения, но оба они столь характерны по обряду — меловая посыпка дна могилы, вытянутое на спине положение костяка, согнутые в локте руки, — что можно смело сопоставить их с собственно сарматскими погребениями Северного Прикаспия. В. Г. Котович датирует погребения II—началом III века н. э., ссылаясь на датировку К. Ф. Смирновым Таркинского могильника⁷⁶. Однако, густая меловая посыпка дна могильной ямы позволяет датировать Мамайкутанские погребения III—началом IV веками. Возможно, что погребения Мамайкутана связаны с известными по письменным источникам походами аланорсов в Закавказье. Интересно, что во время этих походов аланы пользовались старым

⁷⁴ К. Ф. Смирнов. Грунтовые могильники..., стр. 217.

⁷⁵ К. Ф. Смирнов. Грунтовые могильники..., стр. 219.

⁷⁶ В. Г. Котович. Новые археологические памятники Южного Дагестана. МАД, I. Махачкала, 1959 г. стр. 145—148.

караванным путем, который так тщательно оберегали их предшественники — аорсы.

Весьма вероятно, что в походах аланов через Дагестанское приморье принимали участие местные племена, культурные и этнические связи которых с сарматами нашли яркое отражение в памятниках I—IV вв. Северо-Восточного Дагестана. Трудно допустить, чтобы столь тесные многовековые связи не сопровождались обоюдными политическими и военными обязательствами. И то, и другое могло базироваться на общих экономических интересах сарматского населения Прикаспийского Дагестана и аборигенов, населявших предгорья связанные с караванным путем вдоль западного берега Каспийского моря. О военных союзнических отношениях с сарматами «таркинцев» и «карабудахкентцев» можно догадываться по значительному количеству оружия, обнаруженному в могильниках, особенно в Карабудахкентском могильнике № 3. Преобладает оружие сарматского типа — трехлопастные черешковые наконечники стрел, мечи с кольцевым навершием; обнаружен кусок железной кольчуги, характерной для меотских и сарматских курганов Прикубанья⁷⁷. Вряд ли воинственные аорсы, а тем более, аланы, возглавившие мощный племенной союз на Нижней Волге, стали бы снабжать своих дагестанских соседей, не рассчитывая на их военное сотрудничество.

К. Ф. Смирнов считает, что решающее воздействие на образование единого массива аланорских племен в Северном Прикаспии «оказали три фактора: 1) быстрый процесс ассимиляции отдельных племенных групп, сливающихся в единую (аланскую) народность, 2) усиление культурного воздействия соседних восточных районов и частично приток из них населения; 3) усиление культурных взаимодействий с Закавказьем»⁷⁸. Последнее замечание К. Ф. Смирнова имеет непосредственное отношение к истории Прикаспийского Дагестана, ибо только через его территорию могли совершать северокаспийские аланы свои походы в Закавказье. Не исключена возможность, что памятником этих походов является огромное катакомбное кладбище к югу от Дербента в урочище Паласырт⁷⁹. Его могли оставить аланские переселенцы, нашедшие убежище в Южном Дагестане после гуннского погрома.

Происходили ли передвижки групп населения Нижней Волги в Прикаспийский Дагестан в III—IV вв. покажут дальнейшие исследования памятников позднесарматского времени, которые, надо надеяться, будут обнаружены в Терско-Сулакской

⁷⁷ К. Ф. Смирнов. Грунтовые могильники..., стр. 207—208.

⁷⁸ К. Ф. Смирнов. Сарматские племена Северного Прикаспия, стр. 114.

⁷⁹ В. Г. Котович. Новые археологические памятники Южного Дагестана, стр. 148—155.

низменности во время дальнейшей работы Прикаспийского отряда. Предварительно же считаем нужным высказать следующие соображения.

Анализ материальной культуры позднесарматского времени памятников Нижней Волги показывает, что пришлые с востока этнические элементы не нарушили сложившейся в III—IV вв. однородной аланской культуры, хотя и обусловили неоднородность этнического состава аланского племенного союза. Не повторяя высказанных на этот счет аргументов антропологов, считаем нужным привести наблюдения К. Ф. Смирнова, отметившего, что в III в. в Северном Прикаспии сохраняется разнотипность погребальных сооружений, среди которых господствующее место занимают узкие грунтовые ямы, ямы с подбоями и глубокие катакомбы. Северная ориентация сосуществует с южной⁸⁰.

Те же три типа погребальных сооружений характерны и для Верхнечирюртовского могильника. Господствующая ориентировка погребений — северная, с незначительными отклонениями на восток и запад⁸¹. Антропологические типы, представленные в Верхнем Чирюрте также близки антропологическим типам Северного Прикаспия позднесарматского времени. Характерно присутствие в некоторых погребениях Верхнечирюртовского могильника черепов с монголоидной примесью так же, как и монголоидные черепа Северного Прикаспия, сопоставимые с черепами древнеболгарской серии из Зливкинского могильника⁸². В долине Сулака обнаружен еще один катакомбный могильник, датируемый примерно тем же временем, что и могильник в Верхнем Чирюрте⁸³.

Н. Д. Путинцева, исследовавшая Верхнечирюртовский могильник, нижней его датой считает V век. Базируется она на довольно отдаленных аналогиях предметов материальной культуры⁸⁴. Возможно, что повторный тщательный анализ древностей Верхнего Чирюрта, в сопоставлении с памятниками Терско-Сулакской низменности, позволит несколько отодвинуть вглубь предложенную Н. Д. Путинцевой датировку наиболее ранних погребений. В самом деле, трудно себе представить, чтобы кочевники аланы и связанные с ними племена степняков, не последовали традиции своих предшественников аорсов в освоении богатых пастбищ Западного Прикаспия и не продвигали бы своих кочевий вплоть до северных предгорий

⁸⁰ К. Ф. Смирнов. Указ. соч., стр. 111.

⁸¹ Н. Д. Путинцева. Верхнечирюртовский могильник. МАД, II. Махачкала, 1961 г. стр. 252.

⁸² А. Г. Гаджиев. Происхождение народов Дагестана. Стр. 88—89

⁸³ М. И. Пиккуль. Бавтугайский катакомбный могильник. Рук. ф. ИИЯЛ № 1530.

⁸⁴ Н. Д. Путинцева. Указ. соч., стр. 263.

Дагестана. Какие-то группы скотоводов могли проникнуть и в хорошо обводненную долину Сулака, где уже раньше обосновались их соплеменники. Только так можно объяснить расширение в IV веке Сигитминского поселения, отмеченное К. А. Бредэ⁸⁵.

По-видимому, окончательное заселение долины Сулака выходцами из Северного Прикаспия совершилось после того, как в середине IV века гунны овладели Аланией⁸⁶. Только массовой миграцией пришельцев-степняков, нашедшей отражение в общности материальной культуры Верхнего Чирюрта и памятников Нижнего Поволжья позднесарматского времени, а также — в сходстве антропологических типов, можно объяснить своеобразие, характерное для древностей долины Сулака эпохи раннего средневековья. Недаром археологи выделяют их в локальный вариант материальной культуры Северо-Восточного Дагестана. Прочно обосновавшись в этой части Прикаспийской низменности, пришельцы объединились с коренными племенами, со времен глубокой древности населявшими Сулакскую долину в сторону Миатлинского каньона. Здесь же, по-видимому, образовалось первоначальное тюркоязычное ядро, один из компонентов раннего этапа формирования кумыкского народа.

На этом мы ставим точку, ибо события, связанные с гуннским вторжением в пределы Дагестана выходят за рамки нашей статьи.

---

⁸⁵ К. А. Бредэ. Упомянутый выше (сноска 65) отчет. Стр. 81. Ср. В. И. Каньвец, С. С. Березанская, И. П. Костюченко, А. П. Савчук. Отчет об археологических исследованиях в зоне строительства Чирюртовской ГЭС. Махачкала, 1956 г. Рук. ф. ИИЯЛ, ф. 3, оп. 3. е. х. 16. стр. 111—112.

⁸⁶ К. А. Иностранцев. Хунну и гунны. Л. 1926 г. стр. 100.

К ХАРАКТЕРИСТИКЕ МЕТАЛЛООБРАБАТЫВАЮЩЕГО РЕМЕСЛА УРЦЕКСКОГО ГОРОДИЩА АЛБАНО-САРМАТСКОГО И РАННЕСРЕДНЕВЕКОВОГО ВРЕМЕНИ.

Раскопками Урцекского городища и некрополя в 1960—1964 гг. археологической экспедицией ИИЯЛ под руководством В. Г. Котовича добыт большой материал, характеризующий различные отрасли ремесленного производства. Значительная часть этого материала составляет разнообразный металлический инвентарь, а также орудия производства ремесленников, позволяющие в определенной мере воссоздать картину состояния городского металлообрабатывающего ремесла.

Следует отметить, что ремесленные мастерские Урцекского городища еще не выявлены, так как основные раскопочные работы экспедиции были сосредоточены на цитадели и некрополе.

В данной работе ставятся цели: на основании имеющихся материалов определить уровень развития металлообрабатывающего ремесла Урцекского городища албано-сарматского и раннесредневекового времени; проследить технические приемы, применяемые ремесленниками при металлообработке; дать классификацию наиболее массового материала.

В ремесленном производстве Урцекского городища наблюдается три этапа в соответствии с тремя основными слоями городища и некрополя—скифского времени, албано-сарматского и раннесредневекового периодов.

Однако при характеристике металлообрабатывающего ремесла Урцекского городища материалы албано-сарматского и раннесредневекового времени рассматриваем комплексно, отмечая при этом хронологические рамки бытования тех или иных изделий. Такое распределение материала оправдывается тем, что многие вещи, благодаря устойчивости традиций, бытуют очень долго, или же ряд изделий, возникший или бытующий спорадически в албано-сарматское время, получает широкое распространение в раннем средневековье. В работу мы не включили предметы вооружения, так как они рассматриваются

в специальной работе М. Г. Магомедова¹. Материалы Урцекского могильника, расположенного в трех километрах юго-западнее городища, рассматриваются вместе с остальными материалами.

А. ИЗДЕЛИЯ КУЗНЕЧНОГО ПРОИЗВОДСТВА.

Для характеристики кузнечного дела мы располагаем лишь разнообразными железными изделиями — орудиями труда, оружием, предметами вооружения, принадлежностями одежды² и т. д. Хотя на городище встречались отдельные куски железных шлаков, мы не можем воспроизвести полную картину кузнечного дела пока не обнаружены более существенные остатки железоделательного производства. Однако довольно разнообразный ассортимент изделий кузнечного дела находки шлаков могут свидетельствовать о существовании в городе кузнечного производства, находящегося на достаточно высоком уровне развития. Рассмотрим изделия кузнечного дела в отдельности.

Железный топор (рис. I, 13.) представлял собой универсальное орудие, которое находило применение как в хозяйстве³, так и в военном деле.

Он имеет сравнительно узкое, расширяющееся книзу лезвие, подпрямоугольный чуть вытянутый обух и овальную проушину. Верхняя грань топора прямая, а нижняя грань образует дугу от края обуха до жала. Топор был обнаружен на раскопе № 4 (1960 г.) в помещении № 2 на глубине 0,94 м. вместе с красноангобированной лощеной, а также заштрихованной керамикой и датируется VI—началом VIII вв. н. э.

Близкие им топоры известны из Бежта, Анди и Баитля⁴; на Северном Кавказе — из Борисовского могильника⁵, на Дону — из Саркела — Белой Вежи в слое хазарского времени⁶ и в других областях.

Топор из Урцекского городища изготовлен из цельной полосы железа путем горячейковки с последующей прорубкой проушины. Генетически этот топор связывается с железными

¹ М. Г. Магомедов. Вооружение средневекового Дагестана. РФ ИИЯЛ, ф. 3, оп. 3, № 222.

² В данный раздел мы не включили железные пряжки, анализ их дается ниже (см. стр. 206).

³ Обухная часть топора расплющена, что свидетельствует о его применении при обработке камня.

⁴ Д. М. Атаев. Нагорный Дагестан в раннем средневековье, Махачкала, 1963, стр. 159, рис. 22, 4, 5; стр. 174.

⁵ В. В. Саханев. Раскопки на Северном Кавказе в 1911—1912 гг. ИАК, 1914, вып. 56, табл. 1, 24.

⁶ С. С. Сорокин. Железные изделия Саркела — Белой Вежи, МИА № 75, М.—Л., 1959, стр. 143—144, рис. 4, 8.

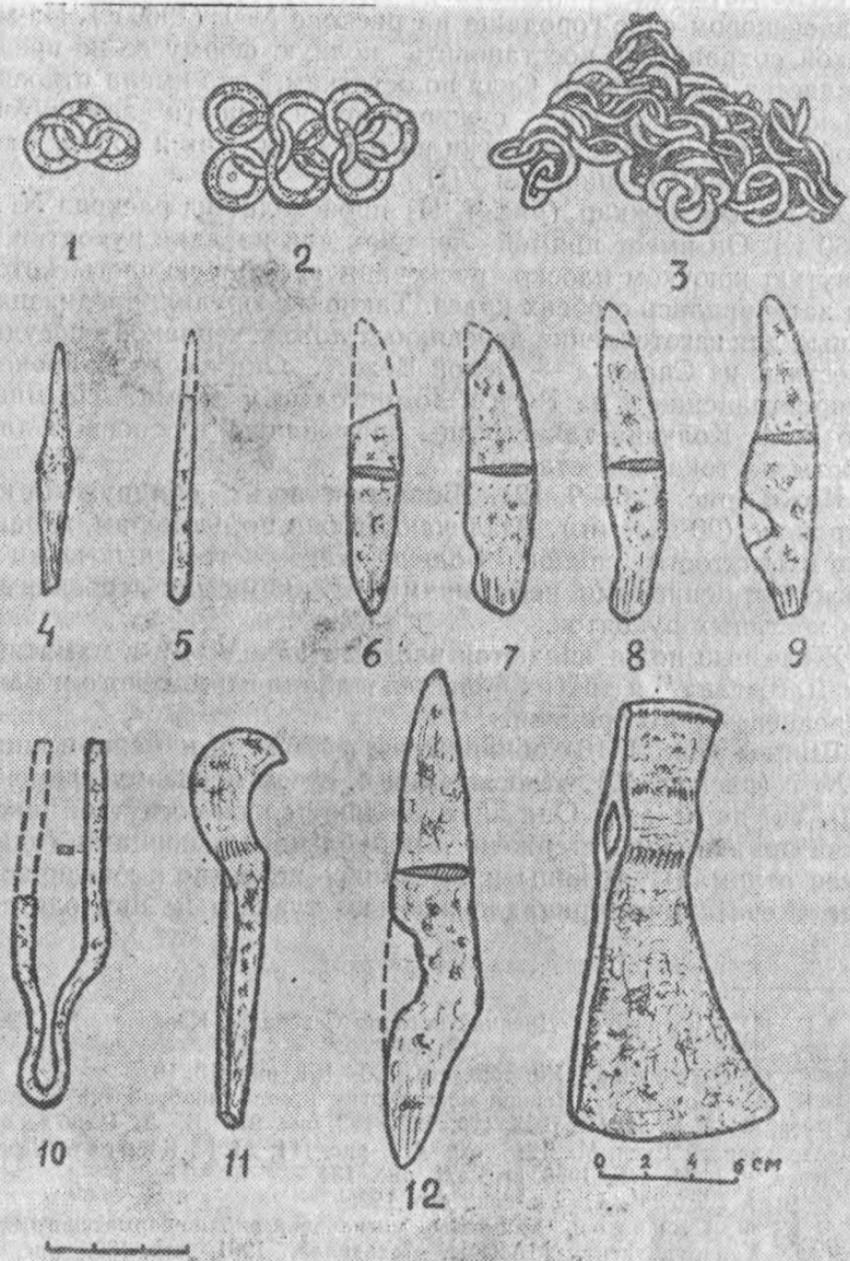

Рис. 1. Кузнечные изделия Урцекского городища.

топорами, которые бытовали на Северном Кавказе в скифское время⁷.

Тесло-мотыжка — (лопата?) была обнаружена в ранне-средневековом слое городища на раскопе № 1 (1963 г.). Из-за плохой сохранности восстановить полную форму ее не представляется возможным. Судя по остаткам, она имела относительно широкое лезвие, суживающееся к почти замкнутой узкой втулке. Точные аналогии не известны. Как и топор, тесло датируется VI—началом VIII в. н. э.

Железный ложкар (рис. I, II) происходит из раскопа № 4 (1960 г.). Он имеет прямой черешок для насадки рукоятки и загнутую крючком плоско раскованную рабочую часть, которая затачивалась с обеих краев. Такие же орудия, предназначенные для изготовления деревянных ложек, черпаков и посуды известны из Саркела — Белой Вежи⁸. Они имели широкое распространение и на Руси в домонгольское время⁹. По мнению Б. А. Колчина такие резцы применялись в основном для работы на токарном станке¹⁰.

Ножи (рис. I, 6—9, 12). Большинство их обнаружено на некрополе (20 экзмп.). Различаются они по размерам, характеру изогнутости спинки. Больше всего встречены ножи с изогнутыми спинками, небольшими черенками для деревянных или костяных рукояток.

Железные ножи являются частыми находками в памятниках Дагестана¹¹ и других областей албано-сарматского и ранне-средневекового времени.

Щипцы (рис. I, 10) обнаружены в 1962 г. в каменном ящике № 1 (раскоп. 10), относящемся к средневековому времени (VI—VII вв. н. э.). Они представляют собой согнутый вдвое узкий пружинящий стержень с обрубленными концами (один конец отломан). Щипцы применялись вероятно в ювелирном деле, а считать их принадлежностью туалета не приходится,

---

⁷ Е. И. Крупнов. Древняя история Северного Кавказа. М., 1960, стр. 277—279.

⁸ С. С. Сорокин. Ук. соч., стр. 160—161, рис. 13, 10.

⁹ Б. А. Колчин. Черная металлургия и металлообработка в древней Руси, МИА № 32, М., 1953, стр. 122—123, рис. 91; Б. А. Рыбаков. Ремесло древней Руси, М., 1948, стр. 410, рис. 114; М. К. Каргер. Древний Киев, т. I, М.—Л., 1958, стр. 471, рис. 134.

¹⁰ Б. А. Колчин. Ук. соч., стр. 122.

¹¹ К. Ф. Смирнов. Грунтовые могильники албано-сарматского времени у с. Карабудахкент. МАД, II, Махачкала, 1961, стр. 189, рис. 19, № № 295, 297, 402; стр. 195, рис. 24, № 297 и др. Д. М. Атаев. Ук. соч., стр. 159, рис. 22, 2, 3; В. Г. Котович, Р. М. Мунчаев, Н. Д. Путинцева. Некоторые данные о средневековых памятниках Дагестана, МАД, II, стр. 277, рис. 6, 9; В. Г. Котович. Археологические работы в горном Дагестане, МАД, II, стр. 47, рис. 28, 2.

так как туалетные щипцы обычно имеют на концах загнутые внутрь захватывающие края¹².

Шилья. Представляют собой железные стержни с заостренными рабочими концами (рис. 1, 4, 5). Такие шилья снабжались деревянными или костяными рукоятками. Аналогичные шилья известны в средневековых памятниках Дагестана — Гапшиминского могильника¹³ из Гала¹⁴ и в других областях¹⁵.

Кольчуги. Для характеристики не только военного дела, но и ремесла большое значение имеют находки кольчуг (рис. I, 1—3). Обрывки их найдены на городище и некрополе. Кольчуги в Дагестане известны еще с албано-сарматского времени¹⁶.

В средневековых памятниках Дагестана они известны из Бежтинского могильника и Верхнего Караная¹⁷. Известны они также на Северном Кавказе¹⁸ и в Закавказье¹⁹ в памятниках античного и средневекового времени. Техника изготовления кольчуг хорошо описана в специальной литературе²⁰ и останавливаться на ней нет надобности.

* * *

Рассмотренные выше изделия кузнечного дела показывают, что кузнецы города производили разнообразный инвентарь, предназначенный для различных целей. Они изготовляли хозяйственно-бытовой инвентарь, украшения, предметы военного снаряжения и т. д. Кузнечное дело, ровно как и ювелирное дело было, видимо, обособившейся отраслью ремесленного производства. Такой вывод вытекает из того, что среди материалов Урцекского городища и некрополя имеются изделия, для изготовления которых требуется узкая специальная подготовка и применение при этом сложных операций. К ним

¹² См. С. С. Сорокин. Ук. соч., стр. 151.

¹³ В. Г. Котович. Р. М. Мунчаев, Н. Д. Путинцева. Ук. соч., стр. 277, рис. 6, 2.

¹⁴ Д. М. Атаев. Некоторые средневековые могильники Аварии, МАД, II, стр. 232, рис. 8, 17.

¹⁵ С. С. Сорокин. Ук. соч., стр. 162—163, рис. 14, 7—12.

¹⁶ К. Ф. Смирнов. Ук. соч., стр. 217.

¹⁷ Д. М. Атаев. Нагорный Дагестан в раннем средневековье, стр. 178.

¹⁸ К. Ф. Смирнов. Ук. соч., стр. 217; МАК, VIII, стр. 130, 164.

¹⁹ А. Амиранишвили. Новая находка в низовьях р. Ингура. Материалы по археологии Грузии. Тифлис, 1935, стр. 37—41; Г. А. Ломтатидзе. Клеетский могильник, Тбилиси, 1957. На груз. яз. с русск. резюме. Л. А. Чилашвили. Городище Урбниси, Тбилиси, 1964, стр. 168. На груз. яз. с русск. резюме. А. А. Калантарян. Защитное снаряжение раннесредневековой Армении, Изв. АН Арм. ССР, 1965, № 10, стр. 68—74. На армян. яз. с русск. резюме. К. К. Чолокашвили. Грузинские доспехи — кольчуга, ВГМГ, XIX—В, Тбилиси, 1956, стр. 281—302, на груз. яз. с русск. резюме.

²⁰ Б. А. Рыбаков. Ук. соч., стр. 231.

относятся наконечники ремней, инкрустированные бляшки и пр. Для их изготовления требовалось применение ковки, чеканки, тиснения, золочения, заклепки, инкрустации, заточки, полировки и т. д.

Наблюдаемая и в других частях Дагестана в раннем средневековье отраслевая специализация²¹ в металлообработке еще раз убеждает в наличии в раннесредневековом городе выделившихся специалистов-кузнецов и ювелирных дел мастеров.

Б. ОБРАБОТКА ЦВЕТНЫХ МЕТАЛЛОВ. ЮВЕЛИРНОЕ ДЕЛО.

Несколько лучше, чем кузнечное дело, представлены различными находками обработка цветных металлов и ювелирное дело. В значительном количестве обнаружены предметы туалета, различные украшения, принадлежности костюма. Изготовлены они из бронзы, серебра и железа.

І. Украшения и принадлежности одежды.

К ним относятся браслеты, разнообразные подвески, пряжки, булавки, фибулы, шейные гривны и тог.

Браслеты обнаружены в количестве 25 экземпляров (из них 20 целых, остальные в обломках) на некрополе и городище. Изготовлены они из бронзы (24 экзмп.) и серебра (1 браслет). Типологически они могут быть разделены на следующие группы:

І. Браслеты неправильно овальной в плане формы с заходящими друг за друга концами (5 экзмп., рис. II, 1—4). В сечении имеют круглую или овальную форму. Среди этой группы браслетов различаются браслеты с равномерной толщиной (рис. II, 3—4) и имеющие утолщения в средней части и на концах (рис. II, 2). Браслеты с заходящими концами известны в раннесредневековых памятниках Дагестана (Гапшима²², Верхний Чирюрт²³, Ул-Авлах²⁴), Северного Кавказа²⁵, Закавказья²⁶ и Крыма (Суук-Су)²⁷.

²¹ Д. М. Атаев. Ук. соч., стр. 238.

²² В. Г. Котович, Р. М. Мунчаев, Н. Д. Путинцева. Ук. соч., стр. 275, рис. 4, 1, 35, 6.

²³ Н. Д. Путинцева. Северо-Восточный Дагестан в эпоху раннего средневековья (по материалам раскопок в зонах строительства Чирюртовской и Чиркейской ГЭС), РФ ИИЯЛ, д. № 113, стр. 106.

²⁴ М. И. Исаков. Археологические памятники Дагестана (материалы к археологической карте), МАД, I, Махачкала, 1959, 231, табл. III, 2.

²⁵ В. В. Саханев. Ук. соч., табл. II, 14; М. В. Покровский. Пашковский могильник № 1, СА, 1936, I, стр. 166, рис. 7; Т. М. Минаева. Археологические памятники на р. Гиляч в верховьях Кубани, МИА № 23, 1951, стр. 296, рис. 14; Ее же. Поселение в устье р. Узун-Кол, СА, 1960, № 2, стр. 202, рис. 9, 6.

²⁶ И. Г. Нариманов, Г. М. Асланов. Об одной группе погребальных памятников Мингечаура, МКА, IV, Баку, 1962, стр. 244, табл. VII, 2.

²⁷ Н. И. Репников. Некоторые могильники области крымских гот, ИАК, 1906, вып. 19, табл. XI, 10.

Браслеты с утолщениями на концах и в средней части, а также пластинчатые браслеты с заходящими концами являются местными формами украшений²⁸.

II. Бронзовые круглые в сечении браслеты с расплюснутыми концами (5 экзмп.), у двух браслетов на расплюснутых концах имеются изображения драконов, выполненные чеканом (рис. II, 5—6). У двух других браслетов на раскованных

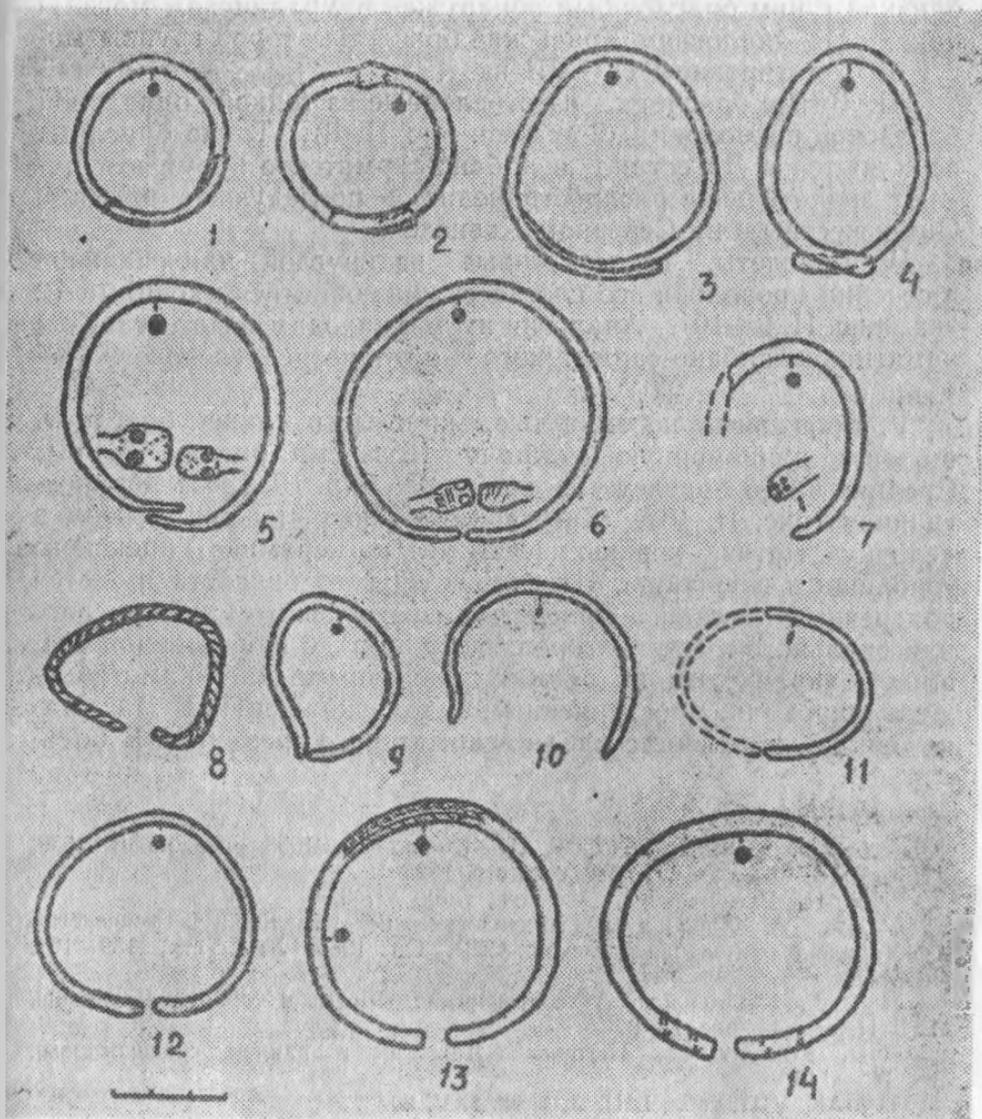

Рис. 2. Браслеты.

²⁸ В. Г. Котович, Р. М. Мунчаев, Н. Д. Путинцева. Ук. соч., стр. 278; Д. М. Атаев, Ук. соч., стр. 60.

концах имеется пуансонный орнамент (рис. II, 7). Браслеты с расплюснутыми концами с изображениями драконов известны из Пашковского могильника № I, датируемого IV—V вв. н. э.²⁹, из Борисовского могильника³⁰, из могильника Суук-Су³¹. Близок к ним браслет с расплюснутыми концами со стилизованными изображениями человеческих лиц из погребения у сел. Худжбала Азербайджанской ССР³². В Дагестане близкий к ним браслет был обнаружен в Урадинском могильнике³³. По аналогиям Урцекские браслеты второй группы могут быть датированы IV—VII вв. н. э.

III. Витые браслеты, изготовленные из тонкой одинарной бронзовой проволоки (2 экзмп. рис. II, 8). Такие браслеты появляются в Дагестане в албано-сарматское время и получают значительное распространение в последующее время³⁴. Они известны и на Северном Кавказе³⁵.

IV. Браслеты, изготовленные из круглой, или овальной в сечении проволоки со слегка суживающимися концами (2 экз., рис. II, 9—10). Аналогии им мы находим в дагестанских памятниках албано-сарматского³⁶ и раннесредневекового времени³⁷.

V. Бронзовые несомкнутые, круглые в плане браслеты, имеющие равномерную толщину (6 экзмп. рис. II, 13—14). Средняя часть браслета из склепа № 3 (р. 10, 1963) четырехгранная (рис. II, 13). Две грани его покрыты орнаментом в «елочку», мотив, хорошо известный на керамике Урцекского городища и некрополя. На концах другого браслета имеются поперечные насечки. Браслеты, изготовленные из круглого или овального в сечении бронзового прута с равномерной толщиной, украшенные на концах поперечными насечками являются широко распространенным видом украшений. В Дагестане они известны еще с албано-сарматского времени³⁸. В боль-

²⁹ См. очерки истории СССР. III—IX вв., М., 1958, рис. на стр. 639.

³⁰ В. В. Саханев. Ук. соч., стр. 132.

³¹ Н. И. Репников. Ук. соч., табл. XI, 3.

³² Дж. А. Халилов. Археологические памятники I тысячелетия у с. Худжбала в Азербайджанской ССР, СА, 1965, № 3, стр. 159—160, рис. 4, 5.

³³ В. Г. Котович. Археологические работы в горном Дагестане, МАД II, стр. 44, рис. 26, 9.

³⁴ Д. М. Атаев, Нагорный Дагестан в раннем средневековье, стр. 145—146.

³⁵ МАК, VIII, табл. LIII, 3; табл. IXV, 20.

³⁶ К. Ф. Смирнов. Грунтовые могильники албано-сарматского времени у сел. Карабудахкент, стр. 189, рис. 19 №№ 314, 400.

³⁷ Д. М. Атаев. Ук. соч., стр. 142—143, рис. 18, 3.

³⁸ Е. И. Крупнов. Новый памятник древних культур Дагестана, МИА, № 23, стр. 217, рис. 8, 5.

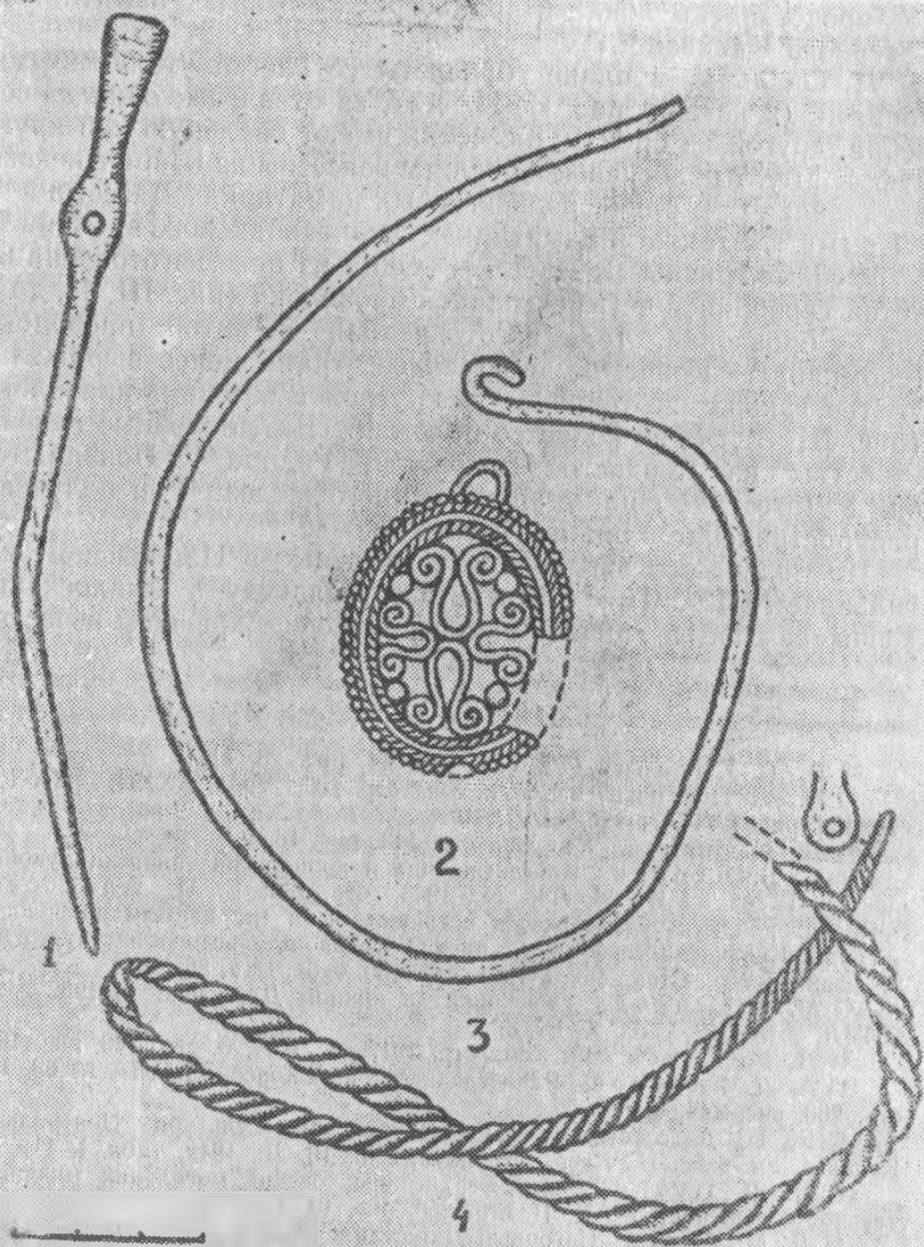

Рис. 3. Украшения: гривны, булавка и медальон.

Шом количестве обнаружены они в раннесредневековых памятниках — в Урадинском³⁹, Верхнечирюртовском, Узунталинском⁴⁰, Бежтинском⁴¹, Агачкалинском могильниках. Широко представлены они в раннесредневековых памятниках Северного Кавказа⁴².

VI. Овальные в плане браслеты со слегка утолщенными концами (2 экзempl. рис. II, 11—12), изготовлены: один из серебра, другой из бронзы; в сечении имеют овальную или круглую форму. Аналогичные браслеты известны из Шаракунского могильника⁴³, в раннесредневековых памятниках Дагестана⁴⁴, в Крыму⁴⁵, а также в памятниках позднекобанского времени⁴⁶.

Шейные гривны (3 экзempl.). Одна из них изготовлена из витой серебряной четырехгранной проволоки (рис. III, 4), другая — бронзовая, тоже изготовленная из витой проволоки (скомкана). Концы ее заостренные, грани менее выражены. Третья гривна изготовлена из круглой в сечении проволоки (рис. III, 3), один конец ее обломан. Витые шейные гривны известны из Верхнего Чирюрта⁴⁷, Гидиба⁴⁸. Появляются они в Дагестане еще с эпохи раннего железа⁴⁹ и получают распространение в раннем средневековье.

На Северном Кавказе они встречены в Пашковском могильнике № I⁵⁰, Чми⁵¹, Комунта⁵², Далагкау⁵³. Аналогичные Урцекским витые гривны, застегивающиеся крючком известны

39 В. Г. Котович. Ук. соч., стр. 44, рис. 26, 11.

40 Н. Д. Путинцева. Ук. соч., стр. 106, табл. XXXII, рис. 1, 7, стр. 159, рис. LVII, 7; табл. LVI, 10.

41 Д. М. Атаев. Ук. соч., стр. 143, рис. 18, 2.

42 В. Б. Деопик. Классификация и хронология аланских украшений VI—IX вв., МИА № 114, М., 1963, стр. 130; Е. П. Алексеева. Материальная культура черкесов в средние века (по данным археологии) — Труды Карачаево-Черкесского научно-исследовательского института, вып. IV, серия истор., Ставрополь, 1964, стр. 160, табл. IIIa, 38.

43 М. И. Пикуль. Раскопки в южном Дагестане в 1962 г. РФ ИИЯЛ, д. № 161, табл. XXIX, 3.

44 Д. М. Атаев. Ук. соч., стр. 101, рис. 9, 4, 6; стр. 143, рис. 18, 3.

45 А. Л. Якобсон. Раннесредневековый Херсонес, МИА № 63, 1959, стр. 280, рис. 144, 3;

46 Е. П. Алексеева. Позднекобанская культура Центрального Кавказа. Уч. зап. ЛГУ, сер. ист. наук, вып. 13. Л., 1949, табл. I, 11a, 11б.

47 Н. Д. Путинцева. Верхнечирюртовский могильник (предварительное сообщение), МАД, II, стр. 258, рис. 10, 1.

48 Д. М. Атаев. Нагорный Дагестан в раннем средневековье, стр. 61, рис. 5, 1.

49 М. И. Пикуль. Дагбашский могильник. Уч. зап. ИИЯЛ, т. IX, Махачкала, 1961, стр. 305, табл. IV, 12.

50 М. В. Покровский. Ук. соч., стр. 159—160.

51 МАК, VIII, табл. CXXIV, 2.

52 Там же, табл. CXXV, 1.

53 Там же, табл. LXXII, 12.

в Закавказье⁵⁴, а также в Башкирии⁵⁵, Прикамье⁵⁶. Невитые, круглопроволочные гривны, застегивающиеся крючком, происходят из Бежтинского могильника⁵⁷, из Цах-Адага⁵⁸, Пашковского могильника № 1⁵⁹. Последние гривны бытуют в Дагестане, как и на Северном Кавказе, в албано-сарматское и раннесредневековое время.

Височные привески с четырнадцатигранником (18 экзмп.) представляют собой незамкнутые круглые или овальные кольца, на одном конце которых находится цельнолитая бусина в виде куба со скошенными углами, а другой конец заострен (рис. IV, 14).

Различаются привески с бусиной⁶⁰ со слабо выраженными гранями или просто с утолщением на одном конце и привески с хорошо выраженными гранями и ребрами.

Районами широкого распространения привесок с четырнадцатигранником в раннем средневековье были Дагестан, Центральная часть Северного Кавказа, Крым, Венгрия⁶¹. Больше всего таких привесок обнаружено в Дагестане. Здесь же наблюдается и наибольшее их разнообразие по формам и размерам⁶². Областью их возникновения по праву считается Дагестан⁶³. Бытуют они в албано-сарматское и раннесредневековое время.

Височные подвески в виде кольца с расходящимися концами. (Рис. IV, 15—17). Два экземпляра изготовлены из круглой в сечении бронзовой проволоки и имеют равномерную толщину. Остальные семь—литые с утолщенными концами и снабженные накиннутыми проволочными петлями для подвешивания.

Аналогичные подвески, изготовленные из бронзовой, круглой в сечении проволоки происходят из Карабудахкентского могильника № I албано-сарматского времени⁶⁴. Такие же

⁵⁴ Н. В. Минкевич-Мустафаева. О раскопках в Мингечауре в 1941 г. МКА, т. 1, Баку, 1949, стр. 102, табл. III, 2.

⁵⁵ Р. Б. Ахмеров. Уфимские погребения VI—VIII вв. н. э., КСИИМК, вып. XL, 1951, стр. 126, рис. 35, 2.

⁵⁶ А. П. Смирнов. Могильники пьяноборской культуры. КСИИМК, XXV, 1949, стр. 29, рис. 8, 9, стр. 31.

⁵⁷ Д. М. Атаев. Ук. соч., стр. 147.

⁵⁸ МАК, VIII, табл. LXXXIV, 8.

⁵⁹ К. Ф. Смирнов. О некоторых итогах исследования могильников меотской и сарматской культуры Прикубанья и Дагестана. КСИИМК, XXXVI, 1951, стр. 157—158, рис. 506, 9; рис. 51, 1.

⁶⁰ Типология привесок по характеру бусин разработана Д. М. Атаевым, см. его статью «Височные привески с четырнадцатигранником», СА, 1963, № 3, стр. 232.

⁶¹ Там же, стр. 233.

⁶² Д. М. Атаев. Нагорный Дагестан в раннем средневековье, стр. 53.

⁶³ Его же. Височные привески с четырнадцатигранником, стр. 235.

⁶⁴ К. Ф. Смирнов. Грунтовые могильники албано-сарматского времени у сел. Карабудахкент, стр. 179, рис. 10 № 201; стр. 189, рис. 19 № 376; стр. 195, рис. 24 № 265; стр. 210, рис. 35, № 81.

подвески, но литые, с утолщенными расходящимися концами известны из Гапшиминского могильника III—VI вв. н. э.⁶⁵, из каменного склепа у с. Бети-Мохк, Ножайюртовского района ЧИАССР⁶⁶, из погребения албано-сарматского времени у хутора Тарлан-кяк⁶⁷.

Бронзовые подвески в виде кольца с расходящимися концами возникают в Дагестане еще в середине I тыс. до н. э. (Хабада⁶⁸). Этот тип украшения является характерным для Дагестана и за его пределами обнаруживается редко. В Нижнем Поволжье такие подвески обнаружены в кургане № 20 II Бережновского могильника среди погребений среднесарматского этапа⁶⁹.

В материалах Урцекского городища и некрополя в значительном количестве представлены также височные кольца в полтора оборота (рис. IV, 13), такие же кольца с заходящими друг за друга концами (рис. IV, 12) и кольца с несходящимися концами. Все они в своей основе восходят к кольцам эпохи бронзы и бытуют очень длительное время.

К эпохе бронзы восходят также бронзовые спиральные и трубчатые пронизки (рис. V, 1—2), «застежки» (рис. V, 14), литые ажурные бусы (рис. V, 16), бусы—четырнадцатигранники (рис. V, 12—13) и др.

Булавка (рис. III, 1) бронзовая, круглая в сечении с расширяющейся кверху головкой и сквозным отверстием ниже ее. Эта булавка является одним из вариантов дагестанских булавок албано-сарматского времени, известных из Карабудакентского могильника № I⁷⁰.

Медальон овальной формы с петлей в верхнем конце (рис. III, 2). Сохранился в обломках. Изготовлен он из бронзы путем литья по восковой модели. Подобные золотые ажурные медальоны с инкрустацией известны в раннесредневековых памятниках Северного Кавказа—из могильников Комунта, Комбулта, Чми. Такие же медальоны северокавказского производства были обнаружены в погребениях VI—VIII вв. н. э. в Башкирии⁷¹. Урцекский медальон является более ранним и датируется III началом V вв. н. э.

⁶⁵ В. Г. Котович, Р. М. Мунчаев, Н. Д. Путинцева. Ук. соч., стр. 274, рис. 3, 2.

⁶⁶ Там же, стр. 279.

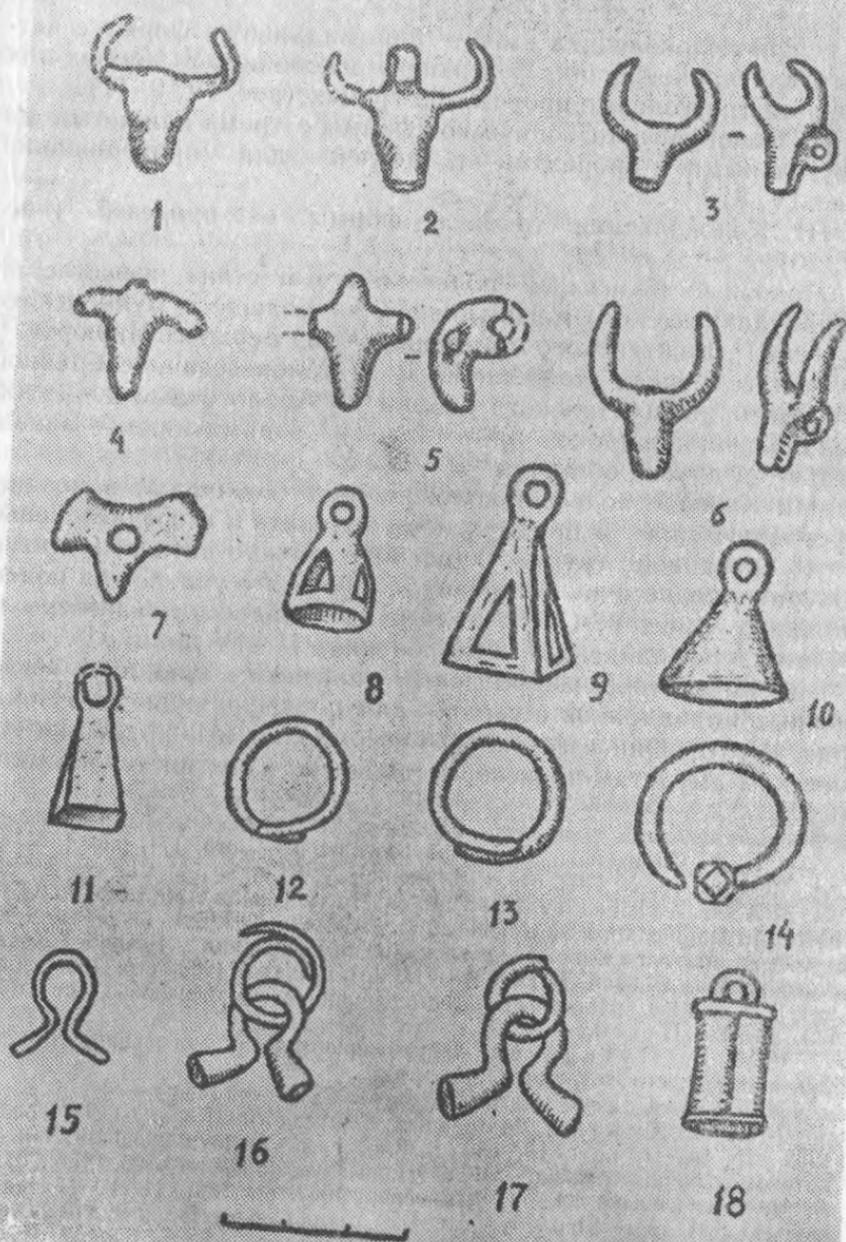
⁶⁷ В. Г. Котович. Отчет о работе 2-го Чиркейского отряда ДАЭ в 1959 г. Альбом к отчету, РФ ИИЯЛ, д. № 101а, табл. 5, рис. 11.

⁶⁸ М. И. Пикуль. Хабадинский могильник, МАД, II, стр. 150, табл. IX, 2, 7.

⁶⁹ И. В. Синицын. Древние памятники в низовьях Еруслана (по раскопкам 1954—1955 гг.), МИА № 78, М., 1960, стр. 34—35, рис. 11, 3.

⁷⁰ К. Ф. Смирнов. Ук. соч., стр. 171, рис. 4, № 272; стр. 206, рис. 31, № 430.

⁷¹ Р. Б. Ахмеров. Ук. соч., стр. 128—129, рис. 37, 1—3.

Р и с. 4 Подвески.

Подвески-колокольчики (12 экзмп.). Различаются несколько видов их:

I. Три колокольчика имеют пирамидальную форму с петлями для привешивания у верхнего основания. У двух из них имеются треугольные прорезы на гранях (рис. IV, 9, 11).

II. Колокольчики конической формы с тремя или четырьмя треугольными прорезами и петлей для привешивания (рис. IV, 8).

III. Колокольчики такой же формы без прорезей (рис. IV, 10).

Подобные бронзовые подвески в Дагестане известны из Карабудахкентского могильника⁷², из Большого Буйнакского кургана⁷³, Бежтинского могильника⁷⁴, из Верхнего Чирюрта⁷⁵, Агачкалы и среди коллекций Л. П. Млокосевич, собранной с территории Цунтинского района⁷⁶. Аналогичные подвески-колокольчики широко представлены в памятниках Закавказья⁷⁷ и других областей⁷⁸.

На Кавказе подвески-колокольчики возникают в поздне-бронзовую эпоху и продолжают бытовать и в средневековье.

К описанной группе украшений можно отнести литую ажурную подвесочку шаровидной формы с ушкой для подвешивания (рис. V, 17). Аналогичные подвески известны из Мингечаура, найденные в погребениях II—IV вв. н. э.⁷⁹

Весьма интересны бронзовые подвески в виде двух соединенных цилиндров с ушкой для подвешивания (2 экзмп., рис. IV, 18). Они изготовлены, несомненно, в подражание египетским амулетам-подвескам (подвески из «египетской смаль-

---

⁷² К. Ф. Смирнов. Грунтовые могильники..., стр. 171, рис. 4, № 435; стр. 189, рис. 19, № 237; стр. 210, рис. 35, № 84.

⁷³ А. А. Zakharov. Contributions to Caucasian Archaeology. A large barrow in Daghestan. ESA, V, Helsinki, 1930, стр. 202.

⁷⁴ Д. М. Атаев. Археологические исследования у Главного Кавказского хребта. Уч. зап. ИИЯЛ, т. VII, Махачкала, 1960, стр. 190, табл. I, рис. 5, 8; его же. Нагорный Дагестан в раннем средневековье, стр. 153—154, рис. 8, 11.

⁷⁵ Н. Д. Путинцева, Верхнечирюртовский могильник, стр. 253—259, рис. 9, 2; стр. 261, рис. 11, 4.

⁷⁶ Д. М. Атаев. Нагорный Дагестан..., стр. 155.

⁷⁷ Б. А. Куфтин. Материалы к археологии Колхиды, II, Тбилиси, 1958, стр. 46—47, табл. 18; С. М. Казиев. О двух кувшинных и двух катакомбных погребениях, МКА, III, Баку, 1953, стр. 28, табл. III, 7; Б. Н. Аракелян. Гарни I, Ереван, 1952, рис. 38; И. Г. Нариманов, Г. М. Асланов. Об одной группе погребальных памятников Мингечаура, стр. 242, табл. V, 8.

⁷⁸ Т. И. Минаева. Археологические памятники на р. Гиляч в верховьях Кубани, стр. 287, рис. 14, 5, МАК, VIII, стр. 150, рис. 136—137; табл. ХСIII, 23—26.

⁷⁹ И. Г. Нариманов, Г. М. Асланов. Ук. соч., стр. 241, табл. II, 2; стр. 242, табл. V, 6.

ты») ⁸⁰, которые служили амулетами апотропеического значения, отгоняющими зло ⁸¹. Датируются они II—V вв. н. э.

Подвески в виде голов животных (8 экзмп.) представляют собой изображения голов быков, баранов (рис. IV, 1—7). Все подвески имеют петли для привешивания. Различаются они в передаче деталей: рог, морды, и т. д. Особенностью их является довольно реалистическая трактовка характерных черт животных.

Аналогичные подвески в значительном количестве известны в материалах памятников нагорного Дагестана ⁸², из Большого Буйнакского кургана ⁸³, а также среди материалов Кобанской культуры ⁸⁴. Урцекские находки датируются II началом V вв. н. э.

Лунницы (4 экзмп.) представляют собой пластинчатые фигуры в виде полулуния с пластинчатыми же петельками для подвешивания (рис. V, 19). Поверхность трех лунниц украшена линиями-зигзагами, образующими треугольники, выполненные чеканом. Одна лунница (рис. V—27), из раскопок могильника 1961 г. (Раскоп I) имеет более крупные размеры, на концах и у петли имеются выпуклины, тоже нанесенные чеканом с тупым широким рабочим концом.

Лунницы-подвески в Дагестане известны еще с середины I тыс. до н. э. ⁸⁵ Они хорошо известны и в Закавказье ⁸⁶ с конца эпохи бронзы. Аналогичные Урцекским лунницы известны и на Северном Кавказе ⁸⁷, в Нижнем Поволжье ⁸⁸ и в других местах. Лунницы из Урцекского некрополя относятся к концу II и началу V вв. н. э.

К указанной категории украшений относится тисненая нашивная **бляшка-лунница** (рис. V—18) из склепа № 3

---

⁸⁰ МАК, VIII, стр. 233, рис. 195; В. Б. Виноградов. Египетские предметы из сарматского погребения близ г. Грозного, СА, № 3, 1960, стр. 310, рис. 1, 4; Б. Б. Пиотровский. Древнеегипетские предметы, найденные на территории Советского Союза, СА, 1958, № 1, стр. 25, рис. 2.

⁸¹ Б. Б. Пиотровский. Ук. соч., стр. 24.

⁸² Д. М. Атаев. Нагорный Дагестан в раннем средневековье, стр. 155, 239.

⁸³ А. А. Захаров. Ук. соч., стр. 188, 214, рис. 27.

⁸⁴ Е. П. Алексеева. Позднекобанская культура Центрального Кавказа, табл. VIII—Б, 28; табл. IX—А, 7, Б—10; МАК, VIII, стр. 248, рис. 202; табл. XXXV, 3.

⁸⁵ М. И. Пиккуль. Раскопки в Южном Дагестане в 1962 г. стр. 32, табл. XXIII, 2.

⁸⁶ Б. А. Куфтин. Материалы к археологии Колхиды, II, стр. 48; А. А. Ивановский. По Закавказью. МАК, VI, М., 1911, стр. 162, табл. XVI, 22.

⁸⁷ МАК, VIII, табл. XXII, 5—8.

⁸⁸ П. С. Рыков. Археологические раскопки в урочище Три брата в Калмыцкой области, проведенные в 1933 и 1934 гг., СА, I, 1936, стр. 145, рис. 17; стр. 146.

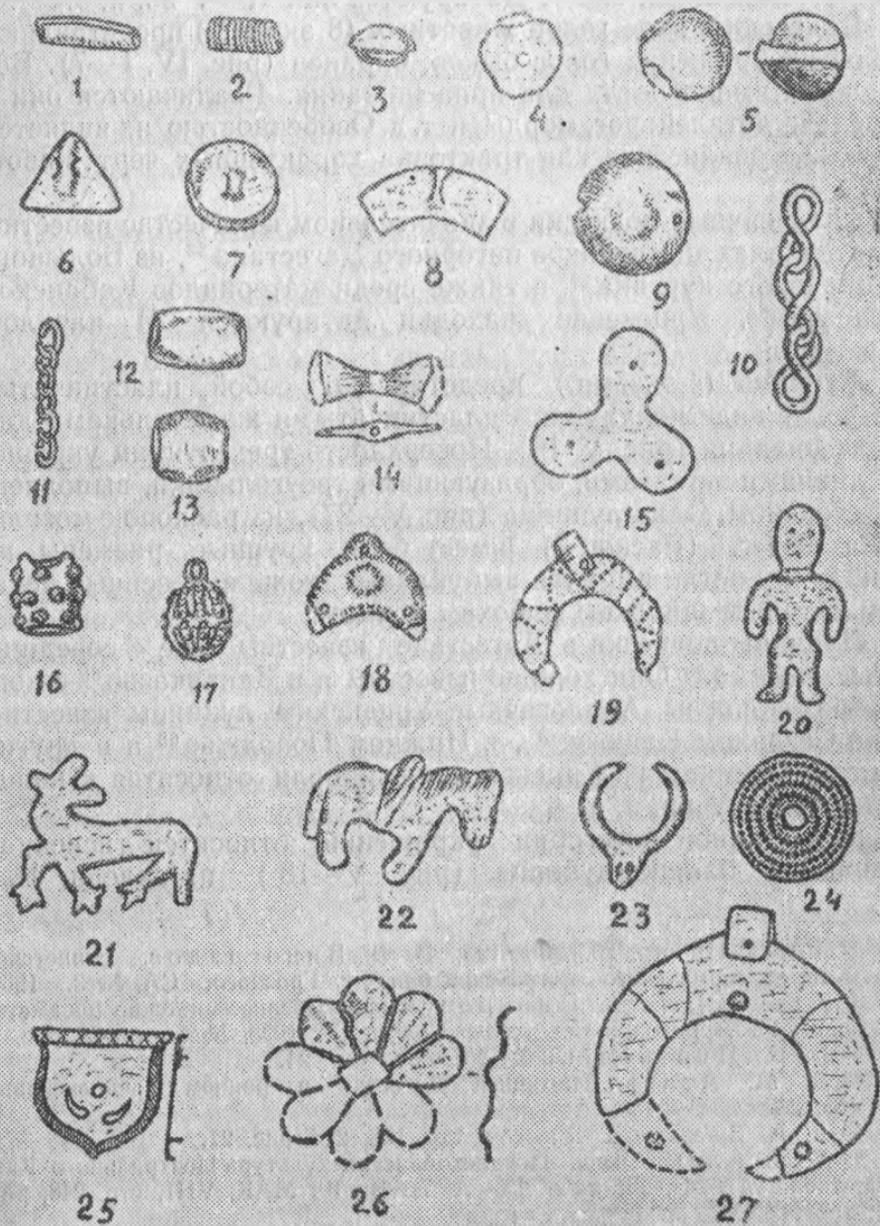

Рис. 5. Украшения.

(1963 г.). На концах и в верхней части ее имеются три сквозные отверстия. Края ее и центр украшены оттиснутыми черточками. Близких аналогий не обнаружено. Датируется она II—V вв. н. э.

Более поздней является **литая лунница** из раскопа II Урцекского городища (рис. V, 23). Такие лунницы, изготовленные из пасты в значительном количестве известны в средневековых памятниках Дагестана⁸⁹ и Северного Кавказа⁹⁰. Литые бронзовые лунницы, аналогичные им были обнаружены в Верхнечирюртовском могильнике⁹¹.

Бляшки различных форм обнаружены в значительном количестве. Они подразделяются на следующие группы:

1) полусферические бляшки, изготовленные из тонкой бронзовой пластины. На двух противоположных концах имеются сквозные маленькие отверстия (рис. V, 9);

2) полусферические и полушаровидные бляшки с переключной на обратной стороне для закрепления с ремнем (рис. V, 5);

3) плоская бронзовая бляшка (пуговка) с отверстием в центре (рис. V, 4);

4) штампованная бляшка в виде многолепестковой розетки с квадратным вырезом в центре (рис. V, 26);

5) серебряная пластинчатая бляшка в виде трехлепестковой розетки (рис. V, 15);

6) литые круглые и треугольные в плане бляшки-пуговки с петлями на обратной стороне (рис. V, 6—8);

7) бляшка в виде изображения лошади (рис. V, 22);

8) литая фигура в виде изображения человека (рис. V, 20).

Аналогии указанным бляшкам обнаруживаются в памятниках Дагестана⁹², Кавказа⁹³ и Крыма⁹⁴. Оригинальной является литая бронзовая пластинчатая бляшка в виде изображения хищного животного с повернутой назад головой и раскрытой пастью (рис. V, 21). Образ хищника кошачьей породы с повернутой назад головой и раскрытой пастью принадлежит к числу мотивов древневосточного происхождения. Этот мотив

⁸⁹ Д. М. Атаев. Ук. соч., стр. 62.

⁹⁰ МАК, VIII, стр. 90—91, рис. 89.

⁹¹ Н. Д. Путищева. Верхнечирюртовский могильник, стр. 258, рис. 8, 12.

⁹² М. И. Пиккуль. Итоги археологических разведок в Дагестане в 1959 г. РФ ИИЯЛ, д. № 100, табл. XLI, 4, 6; В. Г. Котович, Р. М. Мушчаев, Н. Д. Путищева. Ук. соч., стр. 276, рис. 5, 3, А. А. Захаров. Ук. соч., стр. 212, рис. 31.

⁹³ Е. И. Крупнов. Ук. соч., стр. 288, рис. 49, 6; табл. V, 3; МАК, VIII, табл. 9; табл. LXV, I и др. Б. Н. Аракелян. Гарни, II, стр. 80, рис. 53.

⁹⁴ Ю. Ю. Марти. Разведочные раскопки вне городских стен Тиритаки. МИА № 4, стр. 35, рис. 45, 5, 6.

известен и в искусстве скифо—савроматского мира, но он был заимствован из переднеазиатского искусства⁹⁵. Прототипом нашей бляшки, несомненно, служил древневосточный переднеазиатский образец. Датируются рассмотренные бляшки III—VII вв. н. э. К рассмотренной группе вещей относится бляшка от ремня в виде геральдического щитка с тремя прорезями (круглой и в виде дуг) со скошенными краями (рис. V, 25). Подобные бляшки широко распространены в V—VI вв. на Северном Кавказе, Поволжье, Крыму и Западной Европе.

Пряжки. Обнаружены в большом количестве (82 экзмп.). Изготовлены они из бронзы (58 экзмп.), железа (23 экзмп.) и серебра (1 экзмп.). Некоторые бронзовые пряжки имеют железные или серебряные иглы. Целых пряжек 73, в обломках сохранились 9 экзмп. Среди бронзовых пряжек преобладают литые, встречаются и такие, которые изготовлены из бронзового прута или бронзовой проволоки. Железные пряжки изготовлены путемковки и сварки, концы у некоторых из них не сомкнуты.

Типологически пряжки разделяются на следующие группы:

I. Круглорамчатые пряжки (20 экз. рис. VI, 1—13), из них пять железных, остальные бронзовые.

Две бронзовые пряжки имеют рифленые внутренние и внешние края (рис. VI, 2).

Аналогии рассмотренной группе пряжек обнаруживаются в материалах Карабудахкентского могильника № 1 и № 3⁹⁶, Паласасыртского⁹⁷, Хабадинского⁹⁸ могильников, в инвентаре из погребений албано-сарматского времени у хутора Тарланкак⁹⁹, из Большого Буйнакского кургана¹⁰⁰.

Такие же пряжки известны на Северном Кавказе¹⁰¹, в Крыму¹⁰², в памятниках Черняховской культуры¹⁰³ и т. п.

II. Во вторую группу входят пряжки овальной или полукруглой в плане формы с прямым основанием (16 экзмп., рис. VI, 5—6) на которых закреплены подвижные язычки. Из-

⁹⁵ См. В. А. Ильинская. Некоторые мотивы раннескифского звериного стиля. СА, 1965, № 1, стр. 94.

⁹⁶ К. Ф. Смирнов. Грунтовые могильники албано-сарматского времени у сел. Карабудахкент, стр. 210, рис. 35 № 82; стр. 216, рис. 40, № 85 и др.

⁹⁷ В. Г. Котович. Ук. соч., стр. 155, табл. XIII, 18, 19.

⁹⁸ М. И. Пикуль. Хабадинский могильник, стр. 152, табл. XI, 7.

⁹⁹ В. Г. Котович. Отчет о работе 2-го Чиркейского отряда ДАЭ в 1959 г. Альбом, табл. V, 12, 13, 15а, 17, 18.

¹⁰⁰ А. А. Захаров. Ук. соч., стр. 188 и сл.; рис. 28—29.

¹⁰¹ МАК, VIII, табл. LXXII, 24; табл. LXXXI, 14, 17.

¹⁰² А. Л. Якобсон. Раннесредневековый Херсонес, стр. 270, рис. 135, 10.

¹⁰³ В. П. Петров. Черняховский могильник, МИА № 116, М., 1964, стр. 109, рис. 12, 1, 15, 19, 29, 32.

готовлены все они из бронзы путем литья или же из бронзовой проволоки. Размеры пряжек второй группы во внешнем диаметре составляют от 1 до 3,5 см.

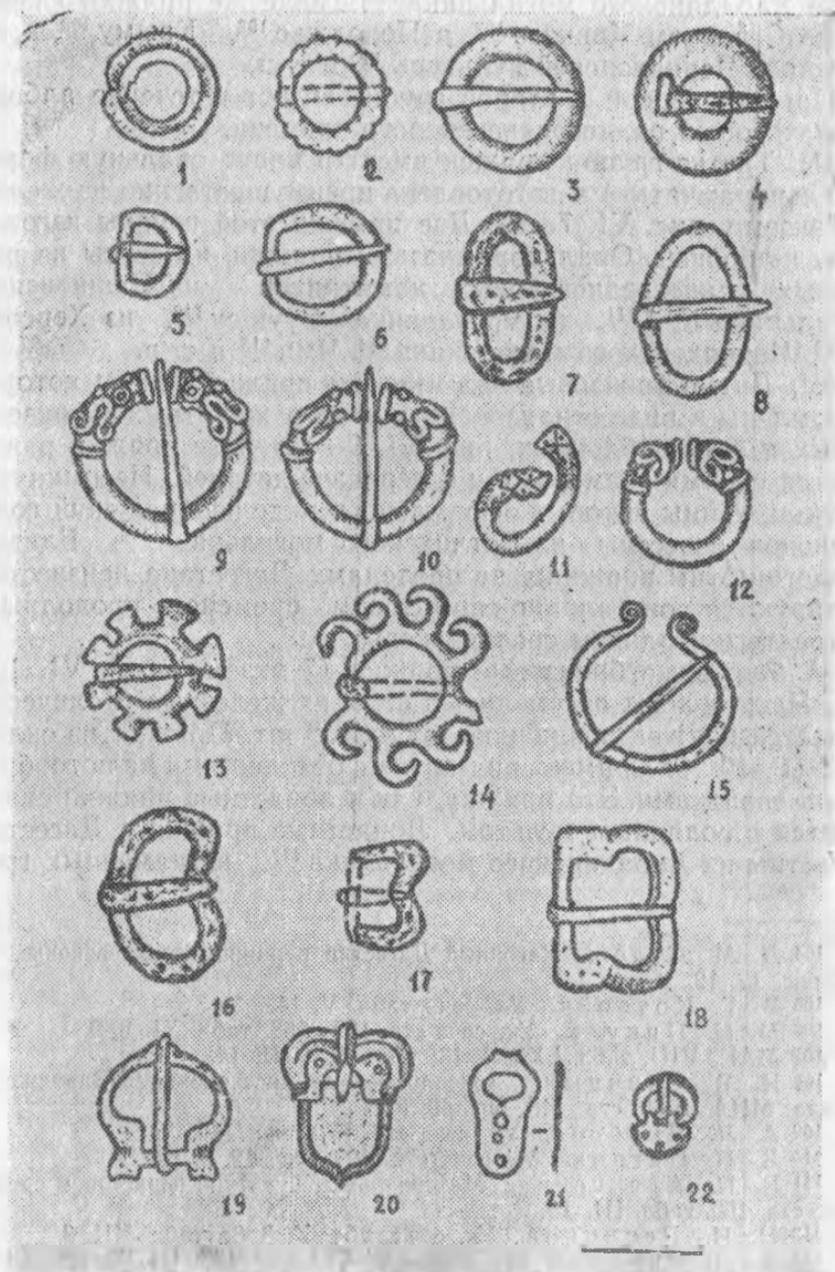

Рис. 6. Пряжки.

Аналогичные пряжки известны из Бежтинского могильника¹⁰⁴, среди инвентаря погребения у хутора Тарлан-как¹⁰⁵. Встречены они и среди инвентаря погребений верхнего горизонта Хабадинского могильника¹⁰⁶. Такие же пряжки известны на Северном Кавказе¹⁰⁷, в Поволжье¹⁰⁸, Крыму¹⁰⁹, в памятниках Черняховской культуры¹¹⁰ и т. п.

Пряжки первой и второй групп бытуют в течение албаносарматского и раннесредневекового времени.

III. Третья группа пряжек имеет в плане овальную форму (овальнорамчатые) и изготовлена преимущественно из железа (14 экзмп. рис. VI, 7—8). Две пряжки этой группы изготовлены из бронзы. Овальнорамчатые пряжки известны из различных раннесредневековых памятников — из Пашковского могильника № I¹¹¹, из могильника Суук-су¹¹², из Херсонеса¹¹³, Черняховского могильника¹¹⁴, Чми¹¹⁵ и т. п.

IV. Литые бронзовые несомкнутые пряжки, концы которых оформлены в виде стилизованных фигур животных (8 экзмп. целых и три в обломках, рис. VI, 9—12). Эти пряжки различаются своими размерами и в передаче деталей. Несомкнутые пряжки, концы которых оформлены в виде изображений голов драконов, известны из Ботлихского могильника¹¹⁶. Близкие аналогии этим пряжкам за пределами Дагестана неизвестны. Датируются они албаносарматским временем, продолжают бытовать и в раннем средневековье.

V. Фигурные бронзовые пряжки (7 экзмп., рис. VI, 13—14). Изготовлены путем литья; иглы их железные. Количество лопастей пряжек различное—от 5 до 8 шт. Пряжка из склепа № 3 (Р. 10. 1963) имеет вид круга с отходящими валютообразными завитками. Эта пряжка, как и лопастные пряжки связываются с солярным культом. Лопастные пряжки в Дагестане известны из Хабадинского могильника¹¹⁷, из каменных гроб-

104 Д. М. Атаев. Нагорный Дагестан в раннем средневековье, стр. 140, рис. 17, 12.

105 В. Г. Котович. Ук. соч., табл. V, 14.

106 М. И. Пикуль. Ук. соч., стр. 152—153, табл. XI, 8, 9.

107 МАК, VIII, табл. LXXXI, 13; табл. CXVIII, 14.

108 И. В. Синицын. Археологические исследования Заволжского отряда, МИА № 60, стр. 145, рис. 49, 5.

109 А. Л. Якобсон. Ук. соч., стр. 270, рис. 135, 12.

110 В. П. Петров. Ук. соч., стр. 109, рис. 12, 9, 12, 14.

111 Е. П. Алексеева. Материальная культура черкесов в средние века, стр. 160, табл. III, 13.

112 Н. И. Репликов. Ук. соч., табл. X, 3, 8; табл. XII, 3.

113 А. Л. Якобсон. Ук. соч., стр. 270, рис. 135, 11, 13; рис. 136, 4.

114 В. П. Петров. Ук. соч., стр. 109, рис. 12, 2—6, 18.

115 В. Б. Деопик. Ук. соч., стр. 125—126, рис. 1, 2.

116 Раскопки Д. М. Атаева в 1962 г.

117 М. И. Пикуль. Хабадинский могильник, стр. 150, табл. IX, 25.

ниц Карабудахкентского могильника ¹¹⁸, из Бежта ¹¹⁹. Несколько пряжек такого же типа хранятся в Краеведческом музее Махачкалы ¹²⁰. Близкое к этим пряжкам украшение головного убора было обнаружено в Бежта ¹²¹. За пределами Дагестана лопастные пряжки не известны. Эти пряжки бытуют также долго, как и пряжки четвертой группы.

VI. Пряжки-сюльгамы (18 экзмп. рис. VI, 15). Три пряжки изготовлены из железа, остальные бронзовые. Пряжки-сюльгамы известны в Дагестане с I в. до н. э. (Карабудахкентский могильник № 1). Со II—III вв. и в раннем средневековье они получают значительное распространение. Они известны из Шаракунского могильника ¹²², Карабудахкентского могильника № 3 ¹²³, Большого Буйнакского кургана ¹²⁴, Бежтинского могильника ¹²⁵. Пряжки-сюльгамы были распространены на очень широкой территории со скифского времени вплоть до средневековья.

VII. В седьмую группу входят V-образные пряжки (3 экзмп., 2 железные и одна бронзовая, рис. VI, 16—18). Близкие к ним пряжки известны из Голиата ¹²⁶, Борисовского могильника ¹²⁷, Суук-Су ¹²⁸, а также в материалах адыгских памятников Восточного Причерноморья и Закубанья ¹²⁹. Бытуют эти пряжки в раннем средневековье.

VIII. Лировидные безщитковые пряжки (2 экзмп. рис. VI, 19). Изготовлены из бронзы путем литья. Такие же пряжки, изготовленные из бронзы и железа происходят из Верхнечирюртовского ¹³⁰ и Гапшиминского ¹³¹ могильников. Близки к ним пряжки из Чми ¹³², Рухта ¹³³ и Борисовского ¹³⁴ могильника.

¹¹⁸ К. Ф. Смирнов. Ук. соч., стр. 216, рис. 40, № 65.

¹¹⁹ Д. М. Атаев. Археологические исследования у Главного Кавказского хребта, стр. 190, табл. 1, рис. 3.

¹²⁰ Некоторые из них изданы в «Художественных промыслах Дагестана» Э. В. Кильчевской и И. В. Иванова, рис. 48.

¹²¹ Д. М. Атаев. Нагорный Дагестан в раннем средневековье, стр. 117, рис. 14, 13.

¹²² М. И. Пиккуль. Раскопки в Южном Дагестане в 1962 г., стр. 83, табл. XXXVIII, 8.

¹²³ К. Ф. Смирнов. Ук. соч., стр. 208, рис. 33, № 64.

¹²⁴ А. А. Захаров. Ук. соч., рис. 27—31.

¹²⁵ Д. М. Атаев. Ук. соч., стр. 139—141.

¹²⁶ МАК, VIII, стр. 290, рис. 223;

¹²⁷ В. В. Саханев. Ук. соч., стр. 128, рис. 19, 4.

¹²⁸ Н. И. Репников. Ук. соч., табл. X, 11.

¹²⁹ Е. П. Алексеева. Ук. соч., стр. 160, табл. III, 7.

¹³⁰ Н. Д. Путинцева. Северо-Восточный Дагестан..., стр. 95.

¹³¹ В. Г. Котович, Р. М. Мунчаев, Н. Д. Путинцева. Ук. соч., стр. 277, рис. 6, 1.

¹³² В. Б. Деопик. Ук. соч., стр. 126, рис. I, 8.

¹³³ МАК, VIII, табл. СIII, 10.

¹³⁴ В. В. Саханев. Ук. соч., стр. 128, рис. 19, 3; табл. I, 9.

Бытуют указанные пряжки с IV—V по IX—X вв. н. э., как и пряжки седьмой группы.

IX. В последнюю группу входят щитковые пряжки (3 экзмп.). Они подразделяются на три вида:

1) Двусоставная В-образная пряжка с геральдическим щитком (рис. VI, 20). Такая же пряжка с более закругленным щитком происходит из Дурангинского могильника¹³⁵. Рассматриваемого вида пряжки известны в раннесредневековых памятниках Северного Кавказа¹³⁶, Поволжья¹³⁷, Крыма¹³⁸ и Центральной Европы.

2). Небольшая круглорамчатая серебряная пряжка с двойным щитком в виде полукружия (рис. VI, 22). В щитке имеются 3 шпеньки, служившие для крепления с ремнем. Аналогичные пряжки известны из Хабадинского¹³⁹ и Таркинского¹⁴⁰ могильников. Бытуют они в албано-сарматское время.

3). Бронзовая односоставная щитковая пряжка (рис. VI, 21). В щитке имеются три небольших выреза. Такая же пряжка известна из Гапшиминского могильника¹⁴¹. Близки к ним пряжки из Чми, Комунты, Песчанки и др., форма которых на Северном Кавказе вырабатывается, по В. Б. Деопик, в VIII—IX вв. н. э. на основе привозных образцов¹⁴².

Наконечники ремней (6 экзмп.). По форме они разделяются на несколько видов:

а) наконечники, изготовленные из бронзовых пластинок со слегка суживающимися концами (рис. VII, 1). На ремне закреплялись посредством заклепки. Аналогичные наконечники ремней известны из Борисовского могильника¹⁴³, а также из сарматских комплексов II—IV вв. н. э. Нижнего Поволжья¹⁴⁴.

¹³⁵ М. И. Пикуль. Итоги археологических разведок в Дагестане в 1959 г., табл. XLV.

¹³⁶ В. Б. Деопик. Ук. соч., стр. 126, рис. I, 17; Е. П. Алексеева. Ук. соч., стр. 160, табл. III, 5, 9; В. В. Саханев. Ук. соч., стр. 129, рис. 20, 2, 11, 17.

¹³⁷ К. Ф. Смирнов. Курганы у сел. Иловатка и Политотдельское Сталинградской области, МИА № 60, стр. 221, рис. 7, 6; В. А. Оборин. О связях племен Верхнего и Среднего Прикамья с племенами Башкирии в эпоху железа, в сб. «Археология и этнография Башкирии», II, Уфа, 1964, стр. 133—134, рис. 2, 11, 12.

¹³⁸ Н. И. Репников. Ук. соч., табл. X, 27; табл. XII, 8.

¹³⁹ М. И. Пикуль. Хабадинский могильник, стр. 152, табл. XI, 2, 3.

¹⁴⁰ Е. И. Крупнов. Новый памятник древних культур Дагестана, стр. 217, рис. 8, 2.

¹⁴¹ В. Г. Котович, Р. М. Мунчаев, Н. Д. Путинцева. Ук. соч., стр. 277, рис. 6, 4.

¹⁴² В. Б. Деопик. Ук. соч., стр. 128.

¹⁴³ В. В. Саханев. Ук. соч., стр. 129, рис. 20, 3, 7.

¹⁴⁴ И. В. Сипицын. Археологические исследования Заволжского отряда, стр. 203.

б) наконечник из более крупных пластинок, соединенных заклепкой и шпенкой (рис. VII, 5). Верхняя пластинка украшена Л-образными тисненными выпуклыми фигурами, края обрамлены точечным узором. В средней части наконечника имеется маленькая четырехугольная пластинка, подложенная

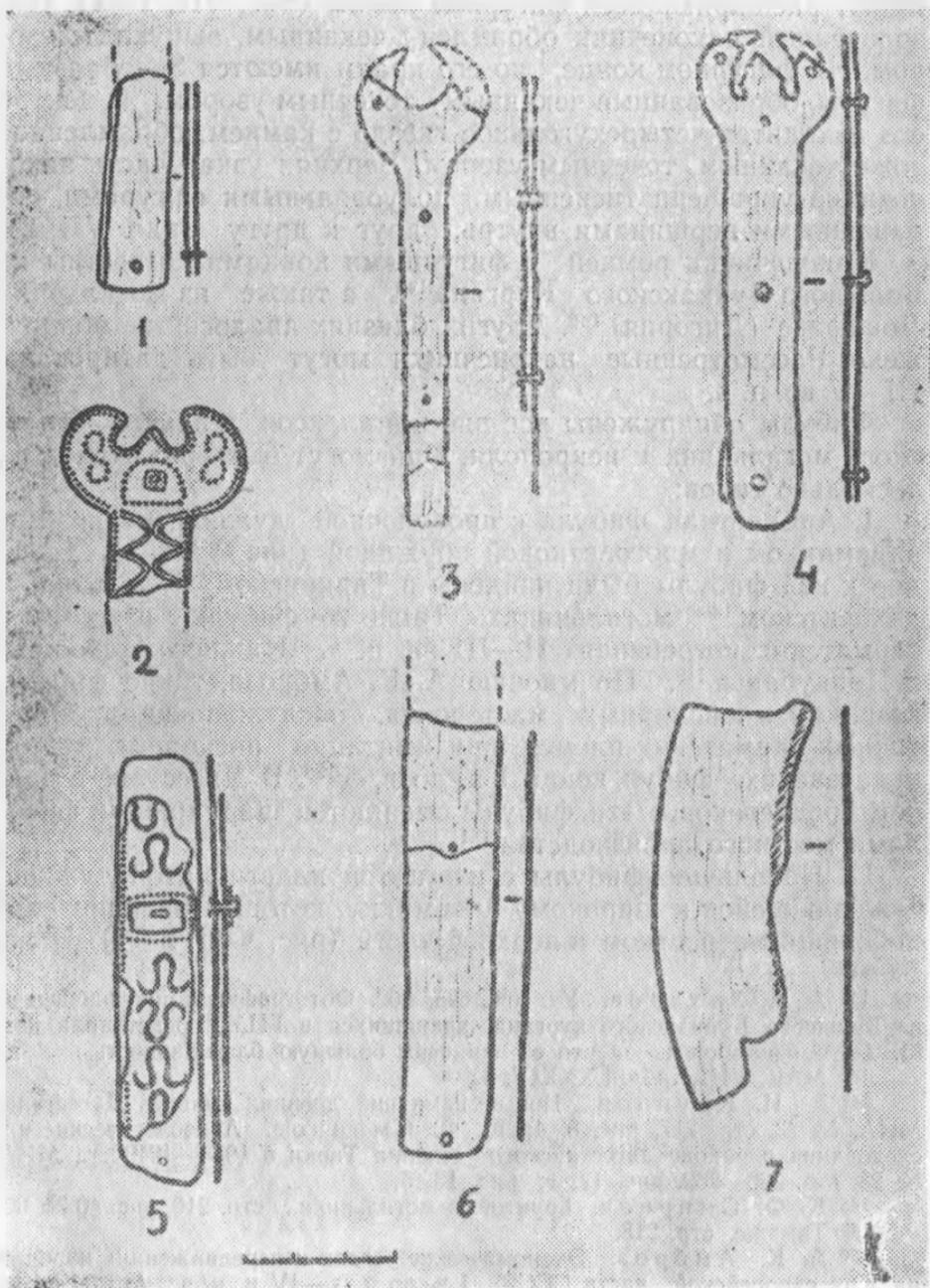

Рис. 7. Наконечники ремней и обломок подноса.

под шпеньку, тоже обрамленная чеканным выпуклым точечным узором. Края верхней пластинки загнуты так, что захватывают края нижней пластинки. Длина наконечника — 8 см., шир. — 1,6 см.

в) три наконечника (два бронзовые, один позолоченный) имеют расширяющиеся фигурные концы (рис. VII, 2—4). Позолоченный наконечник обрамлен чеканным, выпуклым узором. На фигурном конце, по его краям имеются S-образные фигуры, образованные чеканным точечным узором. В центре его находится четырехугольное гнездо с камнем, обрамленное тоже чеканным, точечным узором. Верхняя узкая часть наконечника украшена тисненными полуовальными фигурами, обращенными вершинами внутрь, друг к другу (рис. VII, 2).

Наконечники ремней с фигурными концами известны из Большого Буйнакского Кургана¹⁴⁵, а также из могильника Донифарс (Дигория)¹⁴⁶. Других близких аналогий не обнаружено. Рассмотренные наконечники могут быть датированы III—V вв. н. э.

Фибулы обнаружены все вне комплексов, в завале Урцекского могильника и некрополя. Они могут быть разделены на несколько типов:

I. Арбалетная фибула с проволочной дужкой, подвязным приемником и многовитковой пружинной (рис. VIII, 1). Близкие к ней фибулы были найдены в Таркинском¹⁴⁷ и Карабудахкентском¹⁴⁸ могильниках. Такие же фибулы известны в сарматских погребениях II—III вв. н. э. Нижнего Поволжья и Прикубанья¹⁴⁹. По мнению А. К. Амброза, такие фибулы возникли в ювелирных мастерских, обслуживающих знать южных сарматских племен, при имитации роскошных «среднелатенских» фибул конца I в. до н. э.¹⁵⁰ В Дагестане в раннем средневековье эти фибулы сменяются шарнирными фибулами местного производства¹⁵¹.

II. Небольшие фибулы с изогнутой пластинчатой дужкой, суживающейся к широкому приемнику, который оканчивается небольшим отростком в верхней части (рис. VIII, 2—4). Иглы

¹⁴⁵ А. А. Захаров. Ук. соч., стр. 202. Фотографии и рисунки вещей из Большого Буйнакского кургана, хранящихся в ГИМ, представила нам М. П. Абрамова, за что ей приносим большую благодарность.

¹⁴⁶ МАК, VIII, табл. LXXXIV, 3.

¹⁴⁷ Е. И. Крупнов. Новый памятник древних культур Дагестана. МИА, № 23, стр. 217, рис. 8, 4; К. Ф. Смирнов. Археологические исследования в районе дагестанского селения Тарки в 1948—1949 гг., МИА № 23, стр. 260—262, рис. 17, 1; рис. 18, 5.

¹⁴⁸ К. Ф. Смирнов. Грунтовые могильники..., стр. 216, рис. 40 № 60.

¹⁴⁹ Там же, стр. 218.

¹⁵⁰ А. К. Амброз. Экономические связи и передвижения народов на Юге европейской части СССР. I в. до н. э.—IV в. н. э. Автореферат канд. диссерт., М., 1964, стр. 10.

¹⁵¹ Д. М. Атаев. Нагорный Дагестан..., стр. 64—65.

их железные, откидные. Аналогичные фибулы в значительном количестве известны из Большого Буйнакского кургана, Қарабудахкентского могильника № 3, а также на Кавказе и Поволжье в памятниках III—IV вв. н. э.

III. Бронзовые фибулы арбалетного типа (4 экзмп.) со слегка изогнутой пластинчатой дужкой, имеющие в средней части овальный, круглый, пластинчатый или полусферический

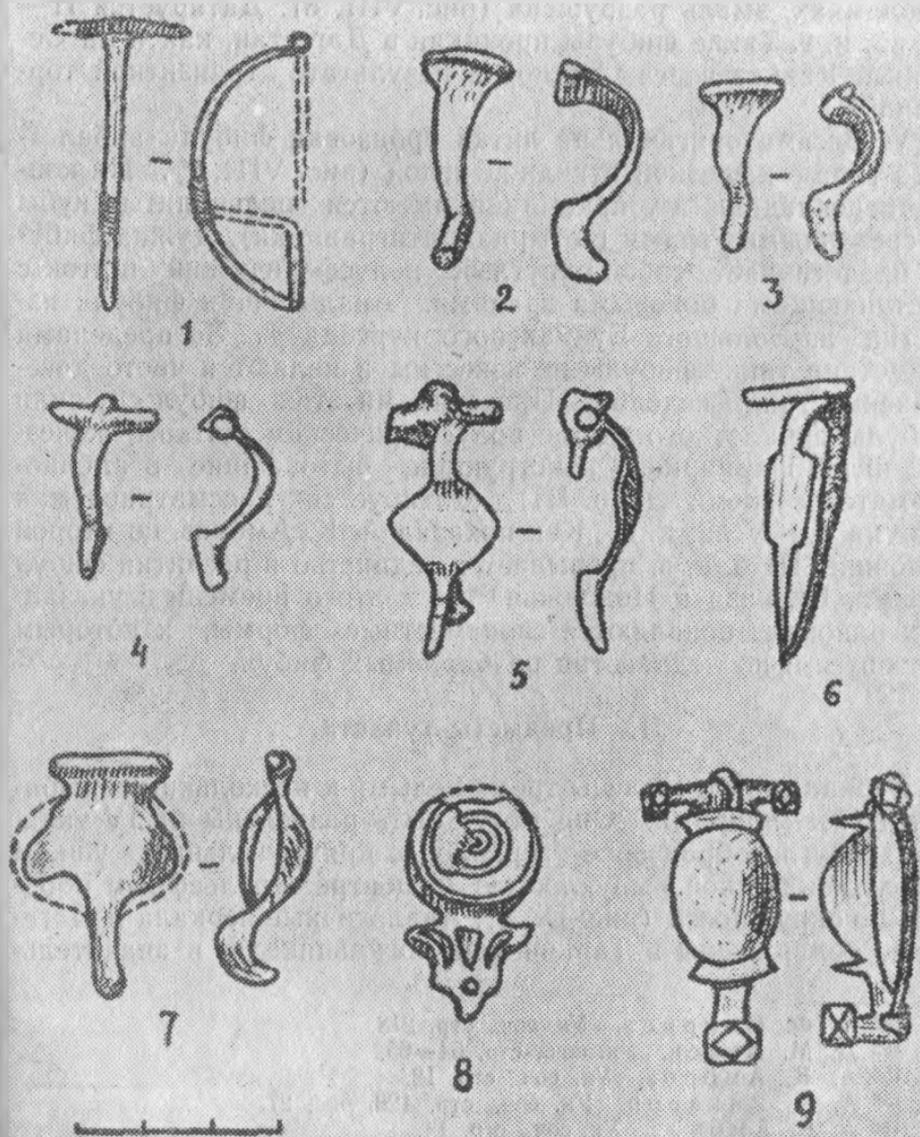

Рис. 8. Фибулы.

щиток (рис. VIII, 5—7). Иглы железные, шарнирной конструкции. Аналогии этим фибулам мы находим в памятниках албано-сарматского и раннесредневекового времени — среди материалов Карабудахкентского могильника № 3¹⁵², из Гоцатля, Бухты, Генты, Хунзаха¹⁵³, а также из Большого Буйнакского кургана. Возникли эти фибулы, видимо, из позднелатенской схемы.

IV. Эмалевая римская фибула (брошка). Сохранилась в обломках, эмаль разрушена (рис. VIII, 8). Датируется II—III вв. н. э. Такие фибулы проникли в Дагестан, как и на Северный Кавказ через Боспор в результате транзитной торговли¹⁵⁴.

V. Весьма оригинальна литая бронзовая фибула арбалетного типа с железной откидной иглой (рис. VIII, 9). На концах перекладки и у приемника имеются цельнолитые кубы со срезанными углами (четырнадцатигранники). Дужка фибулы представляет собой округлый полусферический щиток с выступающими боковыми гранями. Аналогичная фибула известна из Большого Буйнакского кургана¹⁵⁵. За пределами Дагестана такие фибулы не известны и являются чисто дагестанским типом изделий. Прототипами этих фибул служили фибулы арбалетного типа с полусферическим щитком, железной иглой шарнирной конструкции, бытовавшие в албано-сарматское время (тип. III). Датируется рассматриваемая фибула IV—V вв. н. э. Как показал А. К. Амброз, со второй половины III в. н. э. прерывается единство в развитии фибул Крыма, Кавказа и Поволжья¹⁵⁶, и с этого времени в указанных районах появляются свои местные формы, к которым относится и последний тип разбираемых фибул.

II. Предметы туалета.

Зеркала представлены тремя целыми и несколькими разбитыми экземплярами. Они могут быть разделены на IV типа:

I. Круглое бронзовое зеркало с прямоугольным ушком сбоку, конической выпуклостью в центре и рельефным ободком по окружности (рис. IX, 8). Аналогичные зеркала в Дагестане обнаружены в Таркинском могильнике¹⁵⁷, в значитель-

¹⁵² К. Ф. Смирнов. Ук. соч., стр. 218.

¹⁵³ Д. М. Атаев. Ук. соч., стр. 64—65.

¹⁵⁴ А. К. Амброз. Ук. соч., стр. 12.

¹⁵⁵ А. А. Захаров. Ук. соч., стр. 128, рис. 27.

¹⁵⁶ А. К. Амброз. Ук. соч., стр. 14.

¹⁵⁷ Е. И. Крупнов. Новый памятник древних культур Дагестана, стр. 217, рис. 8, 7; стр. 223; К. Ф. Смирнов. Археологические исследования в районе Дагестанского селения Тарки в 1948—1949 гг., стр. 260—261, рис. 17, 2.

ном количестве найдены они в Карабудахкентском могильнике № 1¹⁵⁸.

Эти зеркала принадлежат к типу т. н. сарматских зеркалец-подвесок, получивших исключительно широкое распространение в I—II вв. н. э. в Поволжье, на Кубани, Украине, в Крыму вплоть до Румынии¹⁵⁹. Происхождение этих зеркал исследователи связывают с Сибирью¹⁶⁰. К первому же типу относится зеркало с шишечкой в центре, от которой отходят радиальные выпуклые линии (рис. IX, 9). Оно, видимо, имело

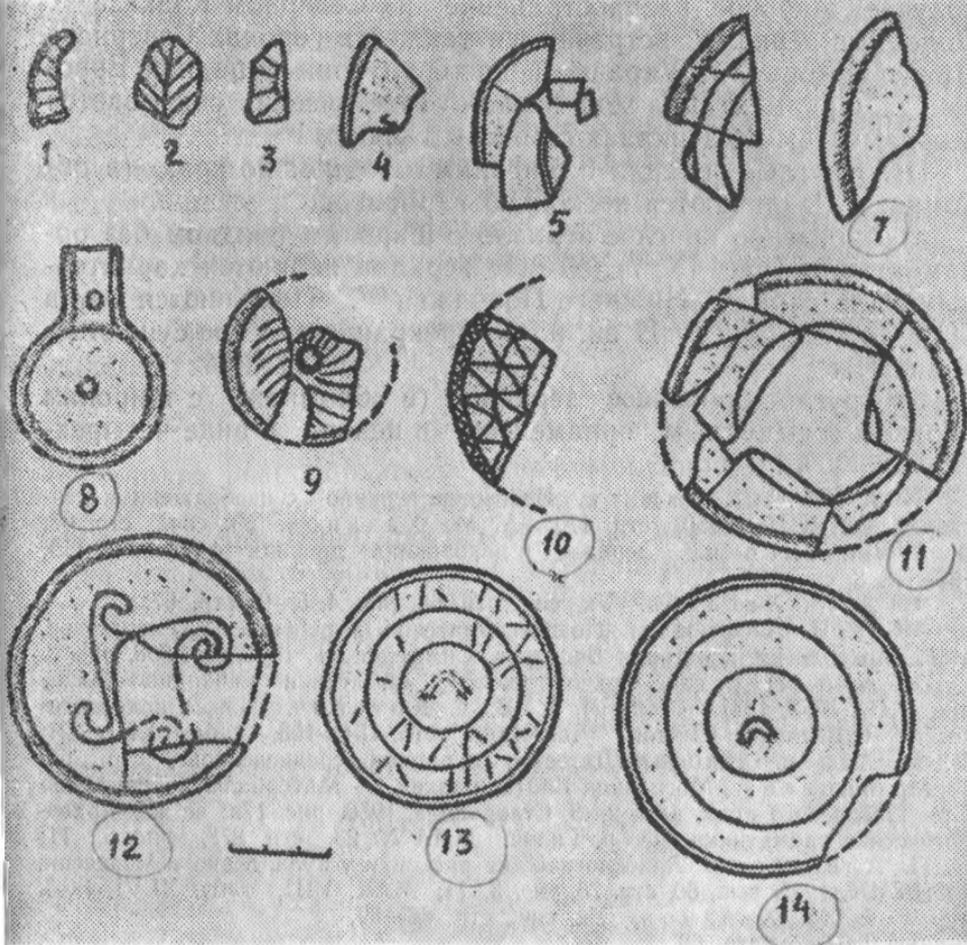

Рис. 9. Зеркала.

¹⁵⁸ К. Ф. Смирнов. Грунтовые могильники албано-сарматского времени у сел. Карабудахкент, стр. 171, рис. 4, № 72; стр. 172, рис. 5, № № 92, 95, 124; стр. 179, рис. 10, № 147 и др.

¹⁵⁹ А. М. Хазанов. Генезис сарматских бронзовых зеркал. СЛ, 1963, № 4, стр. 65.

¹⁶⁰ Там же.

боковое ушко. Орнамент на зеркале символизирует солнце. Представление связи зеркала с солнцем является характерным для многих народов¹⁶¹.

По своим размерам и орнаментации это зеркало примыкает к особому варианту зеркал, распространенных в Поволжье во II—III вв. н. э.¹⁶².

II. Зеркала с рельефным геометрическим орнаментом и петель в центре. Представлены одним целым экземпляром и обломками (рис. IX, 10, 13); изготовлены из «белого сплава». Этот тип зеркал появляется еще с III в. н. э.¹⁶³, а с IV—V вв. получает широкое распространение на Северном Кавказе¹⁶⁴. Подобные зеркала встречаются также в городах Северного Причерноморья, на Украине и на территории Западной Европы¹⁶⁵. Орнаментация этих зеркал генетически связывается с орнаментом на зеркалах с боковым ушком¹⁶⁶.

III. Круглые зеркала с широким ободком по краю (в обломках). Различаются несколько вариантов:

а) бронзовое круглое зеркало с широким ободком без орнаментации (рис. IX, 7). Такие зеркала являются характерными для сармат Нижнего Поволжья¹⁶⁷. Появляются они в III в до н. э. и к I—II вв. н. э. прекращают свое существование¹⁶⁸.

б) круглое бронзовое зеркало (в обломках) с широким ободком и выпуклым орнаментом в центре в виде четырех-

¹⁶¹ А. П. Окладников. Бронзовое зеркало с изображением кентавра. СА, XIII, 1950, стр. 170; А. М. Хазанов. Ук. соч., стр. 67; Б. А. Литвинский. Зеркало в верованиях древних ферганцев, СЭ, 1964, № 3, стр. 103.

¹⁶² А. М. Хазанов. Ук. соч., стр. 66, рис. 4, 5—9; стр. 67.

¹⁶³ Н. В. Анфимов. Позднесарматское погребение из Прикубанья, в сб. «Археология и история Боспора», Симферополь, 1952, стр. 208, рис. 3.

¹⁶⁴ А. А. Иессен. Археологические памятники Кабардино-Балкарии, МИА № 3, 1941, табл. VI, 5; В. Г. Котович. Новые археологические памятники Южного Дагестана, стр. 154—155, табл. XIII, 28; Д. М. Атаев. Нагорный Дагестан в раннем средневековье, стр. 67; Т. М. Минаева. Могильник Байтал-чапкан. — Материалы по изучению Ставропольского края, вып. 2—3, Ставрополь, 1950, рис. 17в; ее же. Археологические памятники на р. Гиляч, МИА № 23, стр. 278, рис. 5, 11; Е. П. Алексеева. Археологические раскопки у аула Жако в Черкесии, КСИИМК, 1955, вып. 60, стр. 76, рис. 3, 11; МАК, VIII, табл. XLVI, 1—3.

¹⁶⁵ А. М. Хазанов. Ук. соч., стр. 68—69.

¹⁶⁶ Там же, стр. 68.

¹⁶⁷ В. П. Шилов. Калиновский курганный могильник, МИА № 60, стр. 435, рис. 42, 13, 14, 16; стр. 437, рис. 43, 12; К. Ф. Смирнов. Курганы у сел Иловатка и Политотдельское..., стр. 281, рис. 29, 12; стр. 284, рис. 30, 8; стр. 291, рис. 32, 13. И. В. Синицын. Древние памятники в низовьях Еруслана, стр. 158; его же. Археологические исследования Заволжского отряда, рис. 37, 4, см. также А. Д. Столяр. Раскопки курганов у хут. Попова в 1950—1951 гг., МИА № 62, стр. 355, рис. 50, 2, 8; стр. 391, рис. 29, 11.

¹⁶⁸ А. М. Хазанов. Ук. соч., стр. 62.

угольника с отходящими по углам валютообразными завитками (рис. IX, 12). Диаметр зеркала 8 см. Аналогии не известны, оно, видимо, является местной формой, возникшей под влиянием сарматских зеркал.

в) круглое зеркало из «белого сплава» с двумя (или тремя?) концентрическими окружностями (сохранилось в обломках, рис. IX, 11). Точные аналогии не известны.

Зеркала вариантов б) и в) хронологически должны последовать зеркалам варианта а), не выходя за рамки бытования II—IV вв. н. э.

IV. Круглое бронзовое зеркало с центральной петлей на обратной стороне и тремя концентрическими окружностями (рис. IX, 14). Диаметр его 8,5 см.

Такие зеркала широко представлены в раннесредневековых памятниках Дагестана и Северного Кавказа. Они известны из Бежтинского могильника, Верхнего Казанища¹⁶⁹, в Салтово¹⁷⁰, из гробниц на р. Кривой¹⁷¹, в Теберде¹⁷² и т. п.

Зеркала в прошлом являлись не только предметами туалета, но и имели религиозно-магическое значение у многих народов¹⁷³.

Остальные обломки (рис. IX, 1—6) повторяют формы описанных типов зеркал.

* *
*

Анализ разнообразного инвентаря, характеризующий обработку металлов показывает, что в формах изделий и способах их изготовления прослеживаются местные корни, уходящие в предшествующие эпохи, что свидетельствует о глубоких традициях местного металлообрабатывающего производства. Этими же традициями обусловлено длительное бытование отдельных вещей — в течение албано-сарматского и раннесредневекового времени. Известно, что евразийская мода оказывала огромное нивелирующее влияние на местные культуры¹⁷⁴, что нашло свое отражение в распространении однотипных

¹⁶⁹ Д. М. Атаев. Ук. соч., стр. 135, рис. 16, 8, 10; стр. 137.

¹⁷⁰ Н. Я. Мерперт. О генезисе Салтовской культуры, КСИИМК, 1951, вып. XXXVI, стр. 24, рис. 2, 89.

¹⁷¹ В. А. Кузнецов. Наземные гробницы на р. Кривой в Ставропольском крае, КСИИМК, 1959, вып. 76, стр. 87, рис. 39, 8, 14.

¹⁷² Т. М. Минаева. Могильник в устье реки Теберды. Материалы по изучению Ставропольского края, вып. 7, Ставрополь, 1957, стр. 70.

¹⁷³ А. М. Хазанов. Религиозно-магическое понимание зеркал у сарматов, СЭ, 1964 № 3, стр. 89; Э. И. Соломонович. Сарматские знаки Северного Причерноморья, Киев, 1959, стр. 38.

¹⁷⁴ В. Б. Ковалевская. Производство и торговля народов Северного Кавказа в IV—IX вв. н. э. Материалы сессии, посвященной итогам археологических и этнографических исследований 1964 г. в СССР. (Тезисы докладов). Баку, 1965, стр. 154.

вещей (пряжек, зеркал, браслетов и т. д.) на обширной территории от Сибири до Венгрии. Однако, дагестанские мастера, исходя из местных вкусов и потребностей, перерабатывали их, как видно на примере фибул или зеркал. Среди вышеописанного металлического инвентаря выделяются специфические типы вещей — височные подвески в виде кольца с расходящимися концами, зеркала (тип III, б), браслеты (типы I, III), пряжки (типы IV, V) и др., характерные лишь для Дагестана. Наличие этих специфических изделий местного металлообрабатывающего производства является одним из показателей локального характера раннесредневековой культуры Дагестана¹⁷⁵.

Культурно-экономические связи населения Дагестана в албано-сарматское и раннесредневековое время с сопредельными областями способствовали обогащению ассортимента различных типов изделий, а также некоторых технических приемов, применяемых в металлообработке. Результатом таких связей были распространение сарматских зеркал, фибул, различных бус южного происхождения, а также освоение и широкое применение приема инкрустации изделий. Связи с Закавказьем и Передней Азией также способствовали обогащению местной художественной культуры. В отношении металлического инвентаря Урцекского городища и некрополя эти связи прослеживаются в особенностях трактовки изображений на зооморфных пряжках и передаче хищного зверя кошачьей породы с повернутой назад головой и раскрытой пастью на описанной выше бляшке. Мотив геральдически расположенных зверей или же мотив борьбы противостоящих зверей, отражением которых является трактовка зверей на пряжках Урцекского некрополя и Ботлихского могильника, где борьба зверей выражена более четко (раскрытые пасти, переданные треугольными фигурами с точкой) в идейно-композиционном отношении связан с мотивом «древо жизни» и восходит к искусству Передней Азии и Закавказья.

С искусством Передней Азии связан, как отметили уже, мотив хищного зверя с повернутой назад головой.

Рассмотренные мотивы получают дальнейшее развитие в последующее время. Тот же мотив зверя с повернутой назад головой и раскрытой пастью в несколько иной трактовке имеется на каменном рельефе из с. Кубачи¹⁷⁶. Мотив же противостоящих зверей получил распространение в монументальной

¹⁷⁵ Н. Б. Шейхов. Женские головные булавки как признак локальной культуры Дагестана VII—X вв. н. э. КСИИМК, XLVIII, М., 1952, стр. 129; В. Г. Котович, Н. Б. Шейхов. Археологическое изучение Дагестана за 40 лет (итоги и проблемы). Уч. зап. ИИЯЛ, т. VIII, Махачкала, 1960, стр. 362.

¹⁷⁶ А. С. Башкиров. Искусство Дагестана. Резные камни. М., 1931, табл. 66.

пластике и на предметах бронзового литья¹⁷⁷. Своеобразная передача противостоящих животных прослеживается в сюжетах пряжек из горной Аварии¹⁷⁸. По тематике и сюжету пряжки из горных районов Аварии, каменные рельефы и бронзовые котлы из Кубачи с геральдическими изображениями зверей и животных объединяются в единый круг памятников, характеризующих средневековую художественную культуру народов Дагестана, и восходят в своей основе к более ранним образцам искусства.

Стиль этих памятников, передача деталей отражает, очевидно, особенности отдельных художественных школ.

Показателем высокого уровня металлообработки в ранне-средневековом Дагестане служит также факт влияния форм металлических сосудов и способов их декорации на формы глиняных сосудов и способов их художественной отделки.

Рассмотренный металлический инвентарь отражает не только достаточно высокий уровень обработки металла, но и, в определенной мере, социальные моменты. Наличие среди инвентаря кольчуг, представляющих защитное оружие богатых воинов, а также дорогих и тонко отделанных поясных наборов, разнообразного оружия свидетельствует о наличии выделившейся дружинной знати.

Отражением социального неравенства является наличие среди материалов Урцекского городища и некрополя серебряных изделий, тонко отделанных бронзовых вещей, привозных изделий (бус, стеклянной чаши и пр.), которые составляли собственность городской знати. Одним из важных показателей развития металлообрабатывающего ремесла является также уровень развития технических приемов обработки металла. Рассмотрим коротко основные из этих приемов.

В. ТЕХНИЧЕСКИЕ ПРИЕМЫ, ПРИМЕНЯЕМЫЕ В МЕТАЛЛООБРАБОТКЕ И ЮВЕЛИРНОМ ДЕЛЕ.

а). **Литье.** Литейное дело в Урцекском городище находилось на достаточно высоком уровне развития. Об этом свидетельствуют находки литейных форм, тигельков, а также изделий литейного производства.

Обломок плоской литейной формы, изготовленный из огнеупорной глины сероватого цвета (рис. X, 3) был обнаружен на раскопе № 14 в 1962 г. (вне помещения)¹⁷⁹. На ее выемках

¹⁷⁷ Там же, табл. 30, 33, 68; Э. В. Кильчевская. Декоративное искусство аула Кубачи. М., 1962, табл. III, 4; табл. V, 11.

¹⁷⁸ Д. М. Атаев. Археологические исследования у главного Кавказского хребта, стр. 198, табл. VI, 13; стр. 199, рис. 2.

¹⁷⁹ Форма теперь утрачена, рисунок ее воспроизведен по полевому дневнику.

имеется зеленоватый налет металла, что свидетельствует о достаточно долгом употреблении формы. По ее выемкам трудно определить, какие предметы отливались в ней.

Другая каменная односторонняя литейная форма для отливки бляшек-пуговиц происходит из помещения № 7 раскопа № 13 (1962, рис. X, 4). Каменная формочка является более поздней, чем глиняная и может быть датирована последним периодом обитания городища. Помещение, где обнаружена формочка, не являлась мастерской, так как других находок, связанных с литейным делом, в этом помещении не встречено.

С литейным делом связаны находки тиглей: разбитый тиглек был найден в завале Урцекского некрополя (1962) на раскопе № 10. Он имел форму чашечки с суживающимся книзу округлым дном (рис. X, 1). Высота тигля — 5 см., диаметр устья — 7,5 см. Слегка пористый черепок сильно прокален и имеет серовато-черный цвет.

Другой тигель в виде сосудика палевого цвета происходит из помещения № 8 раскопа № 13 (1962). Он имеет округлую форму, стенки его суживаются к плоскому дну (рис. X, 2). Закрайна сосуда сдавлена так, что образуются сливы с двух сторон. Напротив сливов на закраине имеются два маленьких сквозных отверстия. Стенки сосуда утолщаются в донной части. Аналогичные плоскодонные тигли имели широкое применение в среднем Приднепровье¹⁸⁰.

Для характеристики литейного дела меньшее значение имеют также изделия литейного производства. Анализ их показывает, что в литейном деле применялись различные способы. Важнейшим из них в албано-сарматское и раннесредневековое время являлось литье по восковой модели. Оно применялось в двух вариантах:

1) литье по плоской модели с сохранением глиняной формы, которое позволяло производить многократные отливки. По этому способу отливались бляшки, подвески, медальоны, фигурные пряжки и пр.

2) литье по объемной модели с потерей формы. Этим способом изготавливались изделия т. н. малой скульптуры (подвески в виде фигур животных, антропоморфные и зооморфные статуэтки, известные в Дагестане в значительном количестве). Литье с потерей формы применялось в раннесредневековом Дагестане также для изготовления больших объемных вещей.

---

¹⁸⁰ Н. Н. Стоскова. Древнерусское литейное дело. Автореферат канд. диссерт., М., 1954. Цит. по Н. В. Рындина. Технология производства новгородских ювелиров X—XV вв., МИА № 117, М., 1963, стр. 214.

В такой технике выполнены кувшины, водолеи, курильницы Эрмитажного собрания, происходящие из Дагестана¹⁸¹.

Возросшие потребности в различных изделиях ремесла заставило мастеров изыскать более усовершенствованные способы литья изделий в массовом порядке. Значительным достижением в этой области было применение вместо восковой

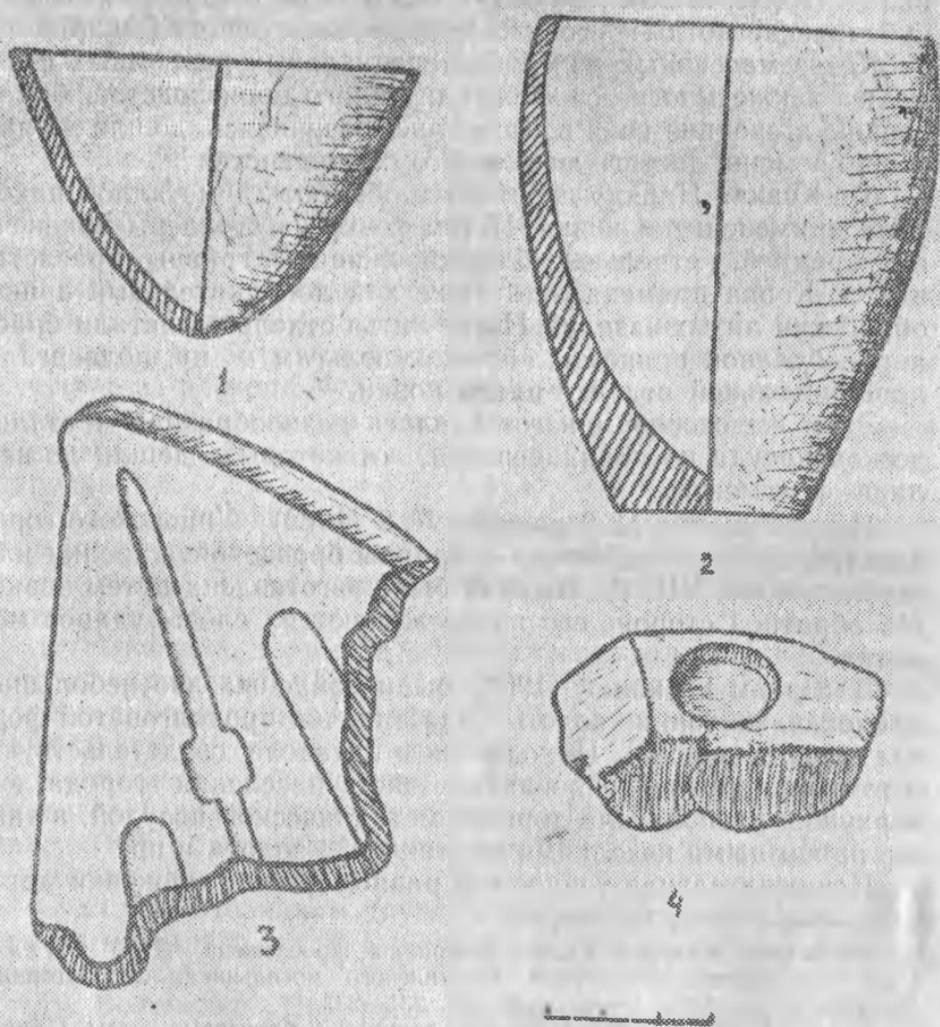

Рис. 10. Тигли и литейные формы.

¹⁸¹ К. В. Тревер. Очерки по истории и культуре Кавказской Албании. М.—Л., 1959, табл. 4, 19—21, 24, 30.

постоянной модели¹⁸² или жестких литейных форм — каменных или глиняных. Однако применение таких форм или постоянной модели не вытеснило литье по восковой модели, так как последнее имеет ряд преимуществ — легкость выполнения сложных узоров, точная передача мельчайших деталей и т. п.

Дальнейший прогресс в литейном деле выразился в применении специальных разъемных форм для отливки массивных изделий. Этот способ литья получает широкое распространение со II тыс. н. э. В таких формах отлиты широко известные кубачинские котлы¹⁸³, сосуды из различных районов Аварии¹⁸⁴.

Литье массивных изделий в специальных разъемных формах, а также многие способы литейного производства, бытовавшие в средние века в Дагестане, развиваясь, дошли до нашего времени, достигнув высокого совершенства¹⁸⁵.

б). **Ковка.** Наряду с литьем в обработке металлов находила применение и ковка. Путемковки изготовлены наконечники ремней, отдельные бляшки, лунницы, гривны, браслеты и т. п. Ковка применялась также как дополнительный прием обработки литых изделий. После литья отдельные детали браслетов, булавок привесок, пряжек-сьюльгам и пр. подвергали дополнительной отделке путемковки.

Этим же способом изготовлялась разнообразная металлическая посуда из меди, серебра, от которых дошли до нас лишь фрагменты.

Из помещения № 9 раскопа № 2 (1962) Урцекского городища происходит обломок закраины бронзовой тарелки или подноса (рис. VII, 7), которая была изготовлена путемковки. На обратной стороне его прослеживаются следы ударов молотка.

В первом раскопе (1962) были найдены две небольшие прокованные тонкие золотые пластиночки продолговатой формы (детали пояса?). Находки их в цитадели свидетельствуют о том, что привилегированная часть населения города, его верхушка располагала дорогой металлической посудой, а также привозными изделиями из стекла¹⁸⁶, золота и пр.

Исключительная тонкость и равномерность проковки дета-

---

¹⁸² Замена восковой модели постоянной прослежена Д. М. Атаевым при анализе материалов Бежтинского могильника, см. Нагорный Дагестан в раннем средневековье, стр. 231—232.

¹⁸³ И. А. Орбели. Албанские рельефы и бронзовые котлы. Памятники эпохи Руставели, Л., 1938, стр. 314—315.

¹⁸⁴ См. Д. М. Атаев. Ук. соч., стр. 233.

¹⁸⁵ Е. М. Шиллинг. Кубачинцы и их культура, М.—Л., 1949, стр. 66 и сл. Его же. Литейное производство Дагестана. СЭ, № 1, 1947, стр. 130—135; Д. С. Габиев. Металлообработка у лаков. Уч. зап. ИИЯЛ, т. IV, 1958, стр. 223—226.

¹⁸⁶ Закавказского происхождения стеклянная чаша обнаружена в помещении № 3 раскопа № 4 (1960).

лей ремня, лунниц, бляшек и других украшений свидетельствует о большом мастерстве их изготовления. Техникаковки в раннесредневековом Дагестане была достаточно развита, а в последующее время она достигла виртуозности в производстве не только различных украшений, но и бытовой утвари (кувшины, подносы и др.) в Кубачи, Гочатле, Кумухе — важнейших центрах Дагестана по художественной обработке металла.

в). **Чеканка.** С ковкой тесно связана также техника чеканки. Чеканным орнаментом украшены детали пояса, лунницы, браслеты и др. Анализ этих изделий показывает, что мастера применяли различные виды чеканки — обычная пуансонная и мелко-пуансонная. Иногда сочетали оба вида чеканки.

Техникой мелко-пуансонной чеканки выполнены лунницы (рис. V, 19), наконечник ремня (рис. VII, 2, 5). Сочетание обычного пуансона с мелким обнаруживается на браслетах (рис. II, 5—6). Как отмечали уже техника обработки металлов оказала значительное влияние на декорацию глиняных сосудов. И здесь мы встречаем сочетание мелкого пуансона с обычным, особенно хорошо прослеживаемое на большом кувшине из раскопа № 2, украшенном «древом жизни». Пуансонный или циркульный («глазковый») орнамент в раннем средневековье был очень широко распространен почти у всех народов¹⁸⁷.

Наряду с пуансоном в обработке металлов применялась и **резьба**: специальным резцом на поверхности изделий вырезался орнамент. Резьба применялась и для поправки рисунка литых изделий.

г). **Тиснение.** Применялось для изготовления небольших тонких украшений. В этой технике выполнены серебряная бляшка в виде лунницы (рис. V, 18), круглая инкрустированная бляшка со сложным узором (рис. V, 24). В этой же технике в сочетании с мелким пуансоном выполнены позолоченный наконечник поясного ремня из склепа № 2 Урцекского могильника (1960), бронзовый наконечник ремня из склепа № 3 того же могильника.

Судя по материалам других раннесредневековых памятников Дагестана¹⁸⁸, техника тиснения также имела значительное применение.

д). **Волочение.** При изготовлении тонкой проволоки применялась не толькоковка, но и волочение — процесс протаскивания тонких металлических прутьев (брусков) через отверстия различного калибра волочительной доски. При волочении, как и при ковке, проволока периодически подвергалась

¹⁸⁷ Б. А. Рыбаков. Ремесло древней Руси, стр. 414.

¹⁸⁸ Д. М. Атаев. Ук. соч., стр. 235—236.

отжигу, так как протаскивание ее через отверстия волочильной доски повышало твердость и снижало пластичность.

е). **Инкрустация.** Прием инкрустации изделий цветным стеклом, камнем, пастой получает распространение в Дагестане, как и на Северном Кавказе с IV—V вв. н. э.

В материалах Урцекского городища, некрополя и могильника инкрустированные изделия сравнительно немногочисленны. Это бляшки и наконечник ремня. Однако находки в значительном количестве инкрустированных изделий в Верхнечирюртовском, Узунталинском, Агачкалинском могильниках в приморской части Дагестана, в Галлинском, Шадродинском и других могильниках горного Дагестана свидетельствуют о широком применении инкрустации. Дагестанские мастера в раннесредневековое время применяли перегородчатую монокромную и полихромную инкрустацию, редко и выемчатую. Прием инкрустации часто сочетали с зернью и сканью. В такой технике выполнены, например, подвески из Узунталинского могильника¹⁸⁹. Инкрустация в сочетании с техникой чеканки применена при изготовлении наконечника ремня из Урцекского могильника № 1 (рис. VII, 2).

* *
*

Анализ технических приемов показывает, что мастера в изготовлении изделий из цветных металлов применяли самые разнообразные способы. Основным и ведущим из них оставалось литье. Многие технические приемы изготовления изделий, применяемые в раннесредневековом Дагестане дожили до настоящего времени, достигнув высокого уровня развития.

¹⁸⁹ Н. Д. Путинцева. Отчет о работе II Бавтугайского отряда ДАЭ в 1957 г. РФ ИИЯЛ, д. № 83, табл. XXXV, 1, 2.

К ВОПРОСУ О ФОРМАХ ГОСУДАРСТВЕННОСТИ И ПРАВА, СЛОЖИВШИХСЯ В ХОДЕ ДВИЖЕНИЯ ГОРЦЕВ ДАГЕСТАНА И ЧЕЧНИ 20—50 гг. XIX в.

Национально-освободительная борьба горцев Дагестана и Чечни в 20—50 годах XIX в. составляет яркую и героическую страницу истории народов нашей страны. Великие вожди пролетариата К. Маркс и Ф. Энгельс высоко оценивали свободолюбие и мужество горских народов, отстаивавших свободу и независимость. По словам Ф. Энгельса, она «принесла жителям гор наибольшую славу»¹. Общеизвестно, с каким глубоким сочувствием и пониманием к борьбе кавказских горцев относились передовые сыны России Н. Г. Чернышевский, Н. А. Добролюбов, А. С. Грибоедов, А. С. Пушкин, Л. Н. Толстой и многие другие.

Советская историческая наука решительно отвергла антинаучную концепцию об агентурном характере движения, его реакционности, отсутствии внутренней социальной базы. В то же время, руководствуясь марксистской методологической основой в оценке национальных движений, советские историки признавали ошибочными взгляды, идеализирующие движение горцев, рассматривавшие его в плане «единого потока» без четкого анализа классовых позиций, мотивов и целей разнородных сил, участвовавших в движении. В работе «Критические заметки по национальному вопросу» В. И. Ленин писал: «...марксист вполне признает историческую законность национальных движений. Но, чтобы это признание не превратилось в апологию национализма, надо, чтобы оно ограничивалось строжайше только тем, что есть прогрессивного в этих движениях...»².

Рассматривая движение горцев как прогрессивную национально-освободительную борьбу, ни на минуту не следует упускать из виду и крайнюю реакционную сущность кавказского мюридизма и других отрицательных черт, присущих движению

¹ К. Маркс и Ф. Энгельс. Ф. Энгельс. Горная война прежде и теперь. Соч., т. 12, стр. 119.

² В. И. Ленин. Полн. собр. соч., Критические заметки по национальному вопросу, т. 24, стр. 131—132.

на различных его этапах. В журнале «Коммунист»³ серьезной критике подверглась попытка найти положительные стороны и мюридизма, содержащаяся в статье А. М. Пикмана «О борьбе кавказских горцев с царскими колонизаторами» («Вопросы истории», 1956, № 3).

Оценка движения горцев как национально-освободительной справедливой борьбы ни в коей мере не противоречит положению об объективно-прогрессивных последствиях присоединения Дагестана к России. Независимо от целей и вопреки реакционной политике самодержавия присоединение Дагестана к России имело объективно-прогрессивное значение и сыграло огромную роль в исторических судьбах народов Дагестана.

В процессе антифеодального, национально-освободительного движения горцев Северо-Восточного Кавказа на территории восставших горцев было создано государственное объединение, отличавшееся от других дагестанских политических образований рядом особенностей и специфических черт. Существенные изменения произошли также в различных правовых институтах и понятиях, организации суда и судопроизводстве.

Научной разработке государственно-правовых форм, представляющих значительный интерес как для уяснения многих сторон социально-экономической и политической жизни горцев в период движения, так и для изучения истории государства и права народов Дагестана, уделено пока незначительное внимание. В данной статье автор ставит целью осветить некоторые малоизученные вопросы государственного управления и правовой системы горцев Дагестана и Чечни в период движения 20—50 годов XIX в.

1. ГОСУДАРСТВЕННОЕ УПРАВЛЕНИЕ И СУД НА ТЕРРИТОРИИ ВОССТАВШИХ ГОРЦЕВ.

Основные черты и особенности государственного строя, сложившиеся в ходе национально-освободительного движения горцев Дагестана и Чечни, несмотря на значительную литературу, посвященную движению, изучены далеко не полно и причем в самом общем плане, что отчасти объясняется незначительностью источников и документов, характеризующих вопросы государственной организации восставших горцев.

Государственное образование на территории, охваченной движением, в литературе получило название имамата, так как во главе его стоял имам Шамиль—религиозный руководитель. Говоря об имамате, все без исключения авторы употребляют

³ «Строго соблюдать ленинский принцип партийности в исторической науке». «Коммунист», 1957, № 4.

термины «теократическое государство», «теократическая монархия», «военно-теократическое государство», «военно-теократическая монархия». Эти термины выражают соединение в руках монарха политической и духовной власти, а два последних, очевидно, имеют в виду подчеркнуть основное содержание и направление деятельности государства. Рассматривая имамат по своей социальной сущности как феодальное государство, а по форме как теократическую монархию, большинство авторов не уделяет достаточного внимания выяснению классовой структуры обществ, особенностей господствующего класса, принципам осуществляемой им политики, ограничивая свою задачу описанием структуры и компетенции органов власти и управления. Такой подход не раскрывает специфические черты процесса складывания и особенно эволюции государственного аппарата в период национально-освободительной борьбы горцев Дагестана и Чечни. В существующей литературе почти не затронут вопрос об изменении политического режима, задач и функций имамата на различных этапах его существования. Эти изменения могут быть правильно поняты и освещены на основе анализа соотношения классовых сил, остроты классовой борьбы, уровня политического сознания горского крестьянства, военно-политических условий имамата.

А. В. Фадеев писал, что мусульманское духовенство, принадлежащее к классу феодальных эксплуататоров, естественно, не думало о ликвидации феодальных отношений, а ставило целью отеснить светских феодалов и занять первенствующее положение в горском обществе, создав на Кавказе мусульманское государство по образцу средневековых арабских халифатов. В этой борьбе против светских феодалов мусульманское духовенство пользовалось поддержкой богатых узденей, составлявших феодализирующуюся верхушку сельских общин. Мусульманскому духовенству и феодализирующейся верхушке узденства принадлежало руководство движением. Борьбу против царизма они пытались использовать для укрепления своих позиций. На основании этого можно сделать вывод, что господствующий эксплуататорский класс имамата составляли клерикально-феодальные элементы. Следовательно, в имамате экономически, политически и идеологически господствовало духовенство, находившееся в тесном союзе с феодализирующимся богатым узденством⁴.

Н. А. Смирнов, анализируя вопрос, на какие общественные классы опирались Шамиль, его наибы и мюриды в своей религиозно-политической деятельности внутри имамата, приходит к выводу, что место старых феодальных элементов заняли

---

⁴ А. В. Фадеев. Россия и Кавказ в первой трети XIX в. М. 1961, стр. 326.

богатые уздени, получившие право владеть землею и крестьянами⁵.

Это различие во мнениях по одному из кардинальных вопросов, характеризующих государственный строй горцев, является, на наш взгляд, следствием того, что в распоряжении исследователей крайне мало достоверных фактических материалов, касающихся социально-экономического положения различных групп населения имамата. Нельзя представлять дело таким образом, что место светских феодалов, лишенных льгот и привилегий, автоматически заняли другие группы феодалов, установившие свое господство. В движении горцев с самого начала существовали противоречия в целях, которые ставились разнородными социальными силами. В расчеты духовенства и зажиточного узденства отнюдь не входило освобождение крестьянства от феодальной эксплуатации. Эти противоречия все более явственно обнаруживались, так как крестьянство оставалось фактически, как и прежде, в зависимом положении. Однако процесс замены одних феодальных собственников другими происходил в сложной и острой обстановке. Политическая обстановка и соотношение классовых сил на различных этапах существования имамата в значительной мере изменялись.

В соответствии с этим государственную систему восстановивших горцев также нельзя рассматривать статически, так как в течение всего периода существования объединения горцев она не оставалась неизменной. «Решение вопроса о сущности государственного строя имамата, — писал Н.И. Покровский, — лежит в учете тех изменений, которые претерпевал этот строй на протяжении около 30 лет»⁶. Это положение требует, на наш взгляд, уточнения и конкретизации. Реакционная сущность государственного строя имамата, как своеобразной разновидности государства эксплуататорского феодального типа, не изменялась и не могла изменяться. Социальное назначение и классовая сущность имамата с самого начала его возникновения выражается достаточно полно и отчетливо и каких-либо сомнений не вызывает. Роль и значение имамата заключались в закреплении идеологического господства реакционных эксплуататорских элементов, осуществлявших руководство движением горцев.

Изменения, которые претерпевал имамат, характеризуют эволюцию государственного механизма и политического режима, и, несомненно, должны быть учтены. Правильное понимание и оценка этих изменений раскрывают сущность основ-

---

⁵ Н. А. Смирнов. Мюридизм на Кавказе. М. 1963, стр. 147.

⁶ Н. И. Покровский. Мюридизм у власти. «Историк-марксист» М. 1934, кн. 2, стр. 48.

ных задач и функций имамата на различных ступенях его существования.

Создание имамата было обусловлено потребностями вооруженной борьбы с царизмом и феодальной знатью. Как известно, имапат оформляется в период наибольших успехов движения (1840—1850 гг.), получивший название блистательной эпохи Шамиля. «Объединение горцев в единую государственную систему, в имапат, — пишет А. Д. Даниялов, — в тех исторических условиях, несомненно, было прогрессивным шагом. С созданием имамата деятельность органов управления впервые в истории Дагестана стала регулироваться законодательством, учитывающим своеобразие местных условий»⁷.

Содержание и направление деятельности имамата в первоначальный период в известной степени определились прогрессивным характером антифеодальной и антиколониальной борьбы. Мусульманское духовенство и богатое узденство не могли полностью игнорировать антифеодальные и антиколониальные устремления горского крестьянства. В демагогических целях провозглашая лозунг о равенстве всех мусульман, социальные верхи имамата были вынуждены провести, хотя и крайне ограниченные, социально-экономические мероприятия, отвечающие интересам трудящихся горцев.

На политический режим имамата серьезное влияние оказывала степень остроты классово-борьбы. Методы и средства осуществления воли клерикально-феодальных элементов в имапате, применяемые органами власти и управления, были тщательно завуалированы и маскировали своекорыстные цели духовенства и феодализирующей сельской знати.

С учетом изложенных выше предварительных замечаний остановимся на характеристике центральных и местных органов власти и управления, военном и судебном устройстве имамата.

* * *

*

Государственное объединение восставших горцев занимало территорию Северного горного Дагестана и южной Чечни. Вся территория была разделена на административные единицы, называвшиеся наибствами, так как во главе их стояли назначаемые Шамилем наибы. Число и размеры территории менялись в зависимости от хода военных действий. Как отмечает Х-М. Хашаев, всего за период борьбы горцев создано около 50 наибств, а относительно продолжительное время существовало 35 наибств⁸. 17 наибств в составе имамата было

⁷ А. Д. Даниялов. О движении горцев Дагестана и Чечни под руководством Шамиля. «Вопросы истории», 1966, № 10, стр. 2.

⁸ Х-М. Хашаев. Движущие силы мюридизма в Дагестане, М. 1956, стр. 34.

наименьшим количеством за все годы. Наибства входили в 4 области, управлявшиеся мудирами.

Во главе государственного объединения стоял имам Шамиль. В его руках сосредотачивалась духовная и светская власть: административная, законодательная, судебная. Ему же принадлежало и верховное командование военными силами. Ряд авторов, в том числе Н. А. Смирнов, высказывают мнение, что власть имама была деспотической, ничем не ограниченной. А. Д. Даниялов подчеркивает, что «вся полнота власти в имамате юридически принадлежала совету-диванхане во главе с Шамилем»⁹. При этом он приводит высказывание современника, зятя Шамиля, Абдурахмана, который писал: «Что же касается управления страной вообще, то все дела по этой части решались присутствующими с общего совета, и голос имама не имел здесь особенного значения. Имам излагал только сущность дела и высказывал свое мнение. Члены же Совета могли одобрить или опровергнуть его. Настойчивость имама могла иметь место в отношении только военных предприятий. Впрочем, нередко случалось, что и в других делах он видел необходимость поступать вопреки не всегда дальновидным мнениям своих советников»¹⁰. На основании этого А. Д. Даниялов приходит к выводу, что «хотя и имелся диван-хане, многие вопросы решал сам имам, несмотря на то, что для рассмотрения особо важных из них созывались съезды наибов, алимов и других руководящих деятелей»¹¹. Об организации власти имама писал и С. К. Бушуев: «Военная, административная и духовная власть Шамиля была своеобразно ограничена главным советом и съездами наибов и алимов. Они не всегда беспрекословно и целиком соглашались с указаниями имама»¹². Такого же мнения придерживался П. И. Покровский. «Заметим только, — писал он, — что, если и можно назвать имамат монархией, то эта монархия чрезвычайно своеобразна: основные политические вопросы здесь решаются съездом, а законодательство и управление принадлежат в значительной мере диван-хане»¹³. Р. М. Магомедов писал, что некоторые вопросы общего характера решались большинством голосов членов государственного совета¹⁴. Противоположного взгляда придерживается Х-М. Хашаев,

⁹ А. Д. Даниялов. Указ. соч., стр. 25.

¹⁰ Газ. «Кавказ», № 72, 1862.

¹¹ А. Д. Даниялов. Указ. соч., стр. 25.

¹² С. К. Бушуев. Государственная система имамата Шамиля. «Историк-марксист», кн. 5, 1937, стр. 91.

¹³ Н. И. Покровский. Указ. соч., стр. 48.

¹⁴ Р. М. Магомедов. Борьба горцев за независимость под руководством Шамиля, Махачкала, стр. 91, 1939.

полагающий, что диван являлся совещательным органом, а решения единолично принимал Шамиль¹⁵.

Эта разноречивость в оценке характера и объема власти имама, так же как и других органов власти и управления имамата, является, на наш взгляд, следствием того, что государственная система восставших горцев рассматривалась без надлежащего учета того обстоятельства, что государственный механизм имамата непрерывно приспособлялся и видоизменялся в соответствии с изменяющимися условиями политической борьбы, задачами и содержанием деятельности имамата.

Совет Шамиля, диван, образовался в 1841 г. В его функции входило рассмотрение вопросов военного и гражданского управления, а также окончательное разрешение судебных дел. Заседания совета происходили все дни недели, за исключением пятницы. На них обсуждались общие вопросы управления, заслушивались письменные донесения наибов и их устные доклады. Совет по обсуждавшимся вопросам принимал решения и указывал кем и как эти решения должны были выполняться. Разбирались жалобы и претензии отдельных посетителей. Заседания проводились под председательством Шамиля, при секретаре с участием приглашенных заинтересованных лиц. Разделения функций по отраслям управления в Совете не сложилось. Таким образом, Совет являлся постоянно действующим учреждением с определенной компетенцией и установившимся распорядком деятельности.

В состав дивана входили высшие духовные лица, мудирь, наибы и другие руководящие деятели. Постоянными членами дивана являлись Магомед-Эфенди Казикумухский, Раджабил-Магома Чиркеевский, Яхья-Гаджи, Кибит-Магома Телетлинский, Ахверди-Магома, Хаджи-Дебир Каранагайский, мюршид, являвшийся духовным наставником первых двух имамов и Шамиля, Джамал-Эддин Казикумухский. По данным ряда источников предложение о создании Совета исходило от Джамал-Эддина, пользовавшегося огромным авторитетом и влиянием¹⁶.

Можно ли считать диван совещательным органом при Шамиле, как предполагают отдельные авторы? Нам представляется, что это мнение недостаточно аргументировано. Прежде всего следует подчеркнуть, что диван, во главе которого стоял Шамиль, был создан в качестве постоянного органа для руководства всей деятельностью государства. Об этом говорит, в частности, приведенное выше высказывание Абдурахмана. Характер деятельности и объем компетенции дивана указывают на то, что в нем сочетались функции органа и власти

¹⁵ Х.-М. Хашаев. Указ. соч., стр. 33.

¹⁶ Движение горцев Северо-восточного Кавказа в 20—50 годах XIX в. Сборник документов. Махачкала, 1959, стр. 403, 414.

и управления. Политическая обстановка в начальный период истории имамата была такова, что Шамиль не мог единолично решить все важнейшие вопросы и был вынужден считаться с мнением других руководящих деятелей имамата.

В состав дивана входили исключительно влиятельные лица, такие, как Джемал-Эддин, которого Шамиль признавал своим духовным наставником, Ахверди-Магома, Кибит-Магома Телетлинский. Двое последних были постоянными соперниками Шамиля на должность имама. По словам Шамиля, Кибит-Магома пользовался в Дагестане таким же большим влиянием, как он сам. «Когда на Кавказе случится что-нибудь, ищите концы у Кибит-Магомы. Кибит-Магома есть Даниель-бек и Хаджи-Мурат взятые вместе, а главное, что он больше мусульманин, нежели я сам»¹⁷. Эта красноречивая характеристика говорит сама за себя. Огромным влиянием обладал член Совета Раджабил-Магома. Как писал Абдурахман, зять Шамиля, Раджабил-Магома был главным мужем Совета. «Он бесстрашно высказывал имаму всякого рода истины, подчас не совсем приятные, за что пользовался особым расположением Шамиля»¹⁸. Состав Совета, таким образом, также дает все основания полагать, что власть Шамиля в первоначальный период фактически ограничилась членами дивана.

Положение резко изменилось после 1847 года. В этот год, как известно, на съезде руководящих деятелей имамата и мусульманских ученых в Азии сын Шамиля Гази-Мухаммед был провозглашен официально наследником имама. «Этим впервые, — писал Руновский, — проявились династические замыслы Шамиля. Еще не пользовавшись тогда популярностью в той степени, в какой пользовался впоследствии в сороковых годах, Шамиль сделал свое предложение не смело и не вполне рассчитывал на успех. Когда же оно было принято и он увидел себя совсем в иных условиях против прежнего, то тотчас же начал действовать самостоятельно как полный и законный властелин всего немирного края»¹⁹. В таком же примерно духе писал и Гаджи-Али, автор «Сказания очевидца о Шамиле». С того времени, когда Гази-Мухаммед был объявлен наследником имама, по его словам, «между учеными, наибами и Шамилем начали происходить разъединения и несогласия». Характеризуя сложившуюся после этого обстановку в имамате, он подчеркивал, что «некоторые наибы, искавшие власти, старались придать делам Шамиля дурное толкование и все они начали копить богатства и убивать напрасно мусульман, не

¹⁷ АКАК, т. XII, Дневник полковника Руновского, стр. 1397.

¹⁸ «Движение горцев...». Сборник документов, стр. 799.

¹⁹ АКАК, т. XII, стр. 1417.

различая между дозволенным и запрещенным, между истиною и ложью»²⁰.

Все это позволяет придти к выводу, что, начиная с 1847 года, вся полнота власти сосредотачивается в руках Шамиля и с этого времени роль и значение Совета в значительной степени уменьшаются. С укреплением личной власти Шамиля «диван во главе с Шамилем» превращается в «диван при Шамиле», т. е. становится совещательным органом.

Такую же эволюцию претерпел и другой широко известный центральный орган власти имамата — съезд руководящих деятелей имамата и мусульманских ученых. Н. И. Покровский называл его «Советом ученых», который затем превратился в съезд наибов совместно с другими видными представителями движения. В этой связи следует заметить, что Совета, состоящего исключительно из представителей мусульманского духовенства и мусульманских ученых, не было.

Съезд решал наиболее важные вопросы: избирал имама, определял общее направление внутренней политики и военных действий. Подчеркивая, что съезд появлялся всякий раз на поворотных моментах движения, Н. И. Покровский считал съезд высшим государственным органом имамата, по крайней мере для начальных периодов²¹. Всего известно шесть съездов²². Значение съездов постепенно у малывается и, как писал Н. И. Покровский, «уже андийское совещание 1847 г. производит впечатление скорее совещательного, чем решающего. В дальнейшем же съезды наибов как будто бы окончательно замыкаются в узкий круг военных вопросов и превращаются в военные советы при главнокомандующем»²³. Внутреннее содержание, методы и формы деятельности центральных органов власти и управления изменялись в соответствии с функциями имамата, определяемыми в конечном счете его классовой природой.

* * *

Как мы уже отмечали, во главе административных единиц имамата стояли наибы, осуществлявшие военное и гражданское управление на местах. «Они, — писал А. Руновский, — творили суд и расправу не только в обыкновенных тяжёбных делах, но и все касавшиеся безопасности и благосостояния вверенного им края, а также заготовление для военных действий продовольствия подлежало их ответственности а следова-

²⁰ ССКГ, вып. VII. 1873, стр. 34.

²¹ Н. И. Покровский. Указ. соч., стр. 45—46.

²² В. Г. Гаджиев. Роль России в истории Дагестана. М., 1965, стр. 221.

²³ Н. И. Покровский. Указ. соч., стр. 45.

тельно, их разбирательству и распоряжениям. Одним словом, им было предоставлено все военное управление, за исключением сложных наступательных предприятий, и все гражданское управление, кроме введения новых административных мер, имевших форму и силу закона»²⁴.

Следует подчеркнуть, что первоначально функции и объем компетенции наивов не было четко определены каким-либо государственным документом. Амир-хан Чиркеевский, бывший около 20 лет секретарем Шамиля, рассказал следующее: «До объявления положения о наивах, Шамилем не было даваемо никаких письменных инструкций и указаний ни наивам, ни другим подчиненным лицам»²⁵. Такое положение создавало обстановку произвола и бесконтрольности, чем пользовались многие наивы в своих личных целях. Обладая военной, административной и судебной властью, наивы добивались беспрекословного подчинения населения всем своим требованиям и распоряжениям. В рапорте ген.—адъют. Нейдгардта ген.—адъют. Чернышеву об управлении, введенном Шамилем на подвластной ему территории от 12 декабря 1842 г., говорилось: «Начальники участков именуются наивами; власть их должна быть обширна, ибо им предоставлено право казнить за преступление; о действиях своих они обязательны отчетом Шамилю»²⁶. Здесь следует уточнить, что наивы, пользуясь огромной властью, имели право выносить смертные приговоры, но для того, чтобы привести их в исполнение, непременно требовалось утверждение Шамиля. Отсутствие юридического акта, регламентирующего основы организации власти и управления на местах, и связанные с этим злоупотребления, взятки и насилия, широко практиковавшиеся наивами, вызвали острое недовольство. Не мог этого не заметить и Шамиль. В «Положении о наивах», утвержденном на съезде в Анди в 1847 г., Шамиль, обращаясь к наивам, писал: «Несколько раз я видел ваше положение и испытал дела ваши; я запрещал вам и увещевал вас оставить мерзкие поступки и отвратительные происки, в которых коснеете, — и так как вы все еще не пробудились, то я пожелал издать этот низам и положить его общим руководством между людьми. Вот я и написал означенные главы. Я должен привести этот низам в исполнение без всякого послабления и лени,—и нет по сему низаму пощады, заступничества и сострадания для тех, кои впадут в пучину этих наказаний»²⁷. Небезынтересно отметить, что Шамиль предписывал наивам, одобрявшим низам, подписаться и приложить свои

²⁴ АКАК, т. XII, стр. 1443.

²⁵ Низам Шамиля, ССКГ, вып. III, 1870, стр. 2.

²⁶ «Движение горцев...». Сборник документов, стр. 357.

²⁷ Низам Шамиля, ССКГ, вып. III, 1870, стр. 13.

печати в журнале, снять копию низама, хранить и справляться в ней.

«Положение о наибах», состоящее из 14 глав, определяет основные функции и обязанности наивов. В нем содержится и перечень наказаний за отклонения от выполнения возложенных на наивов обязанностей. Две первые главы обязывали наивов беспрекословно выполнять все распоряжения имама или его поверенного. За неисполнение наиб переводится на должность начальника сотни. В восьмой главе «Положения» наидам предписывалось удерживать себя и своих сослуживцев от взяточничества. Опасность этого вида преступления подчеркивается указанием, что взяточничество есть причина разрушения государства и порядка. Согласно восьмой главе, взятка отбиралась, поступок оглашался и виновный арестовывался на 10 дней и ночей. Против, очевидно, широко распространенного мародерства среди наивов глава одиннадцатая «Положения» устанавливала: «Когда останутся в городе, селении или в провинции, то не должны грабить, или другим изменническим образом завладеть какою бы то ни было вещью без позволения имама или его векиля. Виновный наиб низводится на должность начальника сотни».

Пятнадцатидневным арестом наказывался наиб за разглашение секретов имама и других наивов, а само это деяние характеризовалось как «одно из главных орудий вреда и нарушения порядка страны».

Четырнадцатая глава предписывала наидам «оставить решение дел по шариату муфтиям и кадиям и не входить в разбирательство тяжб хотя бы были и алимами. Им представляется вести дела только военные». Запрет совмещения в одном лице двух должностей, военной и судебной, имел целью «устранить всякие дурные и подозрительные помышления о нем». За нарушение этого запрета виновный наказывался выговором при народе.

«Положение о наибах», разумеется, не могло искоренить зло, коренившееся в самой социальной сущности имамата, опиравшегося на разбогатевших узденей и духовенство, из среды которых формировалась вся администрация имамата. Многочисленные документы свидетельствуют, что после принятия «Положения» обогащение, произвол, взяточничество наивов не только не уменьшились, а, наоборот, резко возросли, так как с течением времени внутренняя политика имамата все в большей мере подчинялась и служила интересам нарождавшейся феодальной знати, представленной наидами и другими представителями администрации.

Несмотря на то, что в имамате существовали специальные должностные лица—мухтасибы, которые тайно и открыто наблюдали за деятельностью наивов и других представителей

администрации и информировали Шамиля и высших руководителей имамата о состоянии дел в крае, хищническое ограбление трудовых масс со стороны наивов фактически не встречало препятствий. Мухтасибы более всего были озабочены состоянием военных дел. Высшее окружение Шамиля всеми мерами добивалось того, чтобы лицо, жалующееся на представителей администрации, имело разрешение на обращение к Шамилю того лица, действия которого как раз и были причиной недовольства. В этом отношении характерно письмо Даниель-бека к Шамилю: «Когда ты возложил на меня управление этим краем, я не мог не повиноваться, ибо это дело предопределено аллахом. Я знал, что клеветники будут ходить к тебе с доносами, как это привычно сынам этой эпохи. А как же иначе, раз обманщик оправдан, а благонадежный признан вероломным обманщиком, и многие из братьев хранят ненависть и зависть. Но я был уверен, что твои поступки будут достойны твоего высокого сана и от жалобщиков потребуешь ответ на вопрос: «Прежде чем придти ко мне с позорящими и порочащими заявлениями, доложили ли вы своему правителю, назначенному мною». Если они ответят «нет», то отправишь их обратно, указав, чтобы они прежде чем жаловаться известили о делах своих меня, так как я являюсь правителем над ними. Если же они ответят тебе «да», тогда ты спросишь об этом деле у тех, кого считаешь надежным в этом крае»²⁸. И нужно сказать, приближенные Шамиля преуспели в такого рода просьбах. Шамиль, хотя и был наслышан о злоупотреблениях и несправедливостях наивов, но благодаря своему окружению, внушившему ему, что это клевета, он направлял жалобщика к тому наиву, на которого приносилась жалоба. «Наивы стали после того походить на голодных волков, которые с жадностью растерзывают своих детей» — так образно охарактеризовал Гаджи-Али деятельность наивов, которые упростили Шамиля не принимать жалоб от тех, у кого не было бумаги от наивов²⁹. «Если случалось недовольным довести свою жалобу до сведения имама, — писал А. Руновский, — то обыкновенным ответом была следующая фраза: «Твой наив потому сделан наивом, что он умный, честный и ученый человек: к тому же он разбирал твое дело и знает его лучше меня, стало быть оно решено по справедливости: ступай себе с Богом...»³⁰. Выражая недовольство горцев таким положением дел, один из них сказал сыну Шамиля Гази-Мухаммеду: «Говорят, что ты с отцом делаешь преудивительные вещи: принимаете ишаков за лошадей, надеваете на них богатую лошади-

²⁸ «Движение горцев...», Сборник док., стр. 503.

²⁹ Гаджи-Али. Сказание очевидца о Шамиле. ССКГ, вып. VII, 1873, стр. 75.

³⁰ АКАК, т. LI, стр. 1443.

ную сбрую и ставите их в лошадиные стойла, а лошадей выгоняете из конюшни...».

Архивные и литературные источники дают основания сделать вывод, что на всем протяжении существования имамата, вопреки запрету, наибы осуществляли военную, административную и судебную функции, являясь, по существу, неограниченными правителями в отношении подвластных. Сама система государственного аппарата на местах создавала возможности для злоупотреблений и произвола наибов. Шамиль, уделяя главное внимание военным вопросам, не занимался, особенно в последние годы, деятельностью администрации. Гражданское управление в наибствах фактически находилось в незначительной зависимости от центральной власти.

Наибы и другие представители администрации, используя государственный аппарат для упрочения своих классовых позиций, занимали место родовой феодальной знати, истребленной ими, и беззастенчиво грабили трудовые массы. В письме к алимам сел. Согратль, датированном 1848 годом, один из высокопоставленных руководителей имамата Даниель-бек, кстати сказать, сам имевший репутацию отъявленного негодяя, не брезгующего самыми подлыми и грязными средствами для достижения своих целей, писал: «Добившись власти (наибы— А. О.) стали роскошно жить. Опустили занавеси на дверях, укрывая за ними угнетение людей. Какой из наибов довольствуется жизнью и одеждой по обычаю своих отцов? Это заблуждение и отклонение от истинного пути нашего великого имама. Хотя до того, как они стали наибами, старались ничем не отличаться от простого люда. На самом деле они день и ночь накапливали богатства. Теперь же они во всем походили на самых великих эмиров»³¹.

Шамиль понимал, что злоупотребления наибов ведут к отходу от борьбы широких масс горского крестьянства и время от времени призывал наибов прекратить беззакония, но реального значения эти призывы не имели. Смещал он одних наибов и заменял их другими, но это являлось частной мерой, не менявшей общей картины. Для того, чтобы окончательно не оттолкнуть народ от борьбы и сохранить свое влияние, Шамиль и его совет обращались непосредственно ко всему населению с порицанием наибов. Диван Шамиля обратился в 1850 году к населению имамата и всю вину за состояние дел целиком возложил на наибов. В нем, в частности, говорилось, что наибы ослушались имама и не штрафуют лиц, совершивших различные преступления, натравливают сотников на общество и отдельных лиц, пугают их тайными и открытыми

³¹ «Движение горцев...». Сборник док., стр. 587.

действиями. Далее в этом документе перечисляются другие отступления наибов от предписаний имама. Отметим некоторые из них: «3. Имам приказал всем тем, кто может работать, выступить на войну, не различая наибов, алимов, а также командиров. Такое выступление имам сделал обязательным. Они (наибы и верхушки — А. О.) ослушались. Тайно давали взятки и поступали так, как они желают. 4. Имам приказал у тех богатых людей, которые стары и больны и не могут выступить на войну, взимать два рубля, а с бедных — полтинник. Они (наибы и верхушка) не исполнили и этот приказ. У богатых они взыскивали не более полтинника, взыскивали и с богатых и с бедных одинаково, а также и с тех, которые могли выйти на войну. 5. В общественном имуществе есть доля тех, которые находятся на войне, и для тех, которые должны отправиться на войну, но они, (т. е. наибы, муфтии, кадии, старшины (очевидно, сотские — А. О.), им эту долю не давали, невзирая на то, какие бы бедные они не были. Наоборот, под предлогом разных штрафов отбирали имущество у них. Это является обложение людей налогом, которого фактически нет и не может быть в имаматстве.

6. Имам запретил наibaм заставлять людей собирать и таскать для личного пользования дрова и сено, а также не вводить повинность и по очереди выставлять лично для наiba ослов и лошадей, также не налагать на сельское население то, что для него является тяжелым. Но эти явления распространены в аулах округов. Занимаются этими делами, согласно наставлению наибов, сотники. Этим самым они ослушались имама и нарушили шариа.

7. Они заставляют некоторых людей служить лично им так же, как это делали ханы. Они этих людей освобождают от общественных дел за то, что обслуживают их лично»³².

Как видно из приведенных документов, руководители имамата были достаточно хорошо осведомлены о состоянии управления на местах, но все оставалось без изменения. В условиях деспотического строя имамата пороки, разъедавшие государственный аппарат, не могли быть устранены ввиду полной безгласности народа, более всего страдавшего от наибов и других представителей администрации. Хаджи-Мухаммед, сын Хаджи ал-Хафиза Абу ар-Рахман ас Сугратли говорил: «Подлинно были они (наибы — А. О.) бедствием для народа. Назначил он (Шамиль — А. О.) их над народом как пастухов. А они оказались подобно волкам над стадами... Стеснились просторы для народа из-за их несправедливости и злонамеренных наказаний»³³.

³² Там же, стр. 601—602.

³³ Хроника Мухаммед-Тахира ал-Карахи. М.—Л., 1941, стр. 269—270.

Государственная система имамата со своей иерархией, особенно в последний период, выражала политическое и гражданское бесправие народных масс. Представители горского крестьянства, несшего основную тяжесть многолетней борьбы, были лишены всякого участия в обсуждении и решении основных вопросов управления. Народные массы не могли требовать отчета о деятельности наибов, осуществлять проверку их действий. Представители мусульманского духовенства, занимавшие видное место в аппарате государственного управления, насильственно насаждали религиозную идеологию, внушая горцам мысль о необходимости безропотно переносить все тяготы жизни во имя счастья в потустороннем мире. Эволюция государственного аппарата привела в конечном счете к тому, что власть наибов по своим функциям и методам их осуществления стала такой же, как политическая власть феодалов-беков, осуществлявших управление и суд на принадлежащих им землях.

Рассмотрим организацию низового аппарата управления на местах. В каждом наибстве были специальные должностные лица, являвшиеся помощниками наибов. К ним относились мюриды, дебиры, пятисотенные, сотенные и десятники. Назначались они наибами и всецело от них зависели. Пятисотенные, сотенные и десятники находились в непосредственном распоряжении дебиров, управляющих населенными пунктами. К низшей администрации наибств принадлежали также кади-судья, муллы и муфтии. Последние назначались в каждое наибство Шамилем. В имамате существовали специальные лица — Тетеля, обязанные наблюдать за исполнением религиозных правил. Мюриды, пятисотенные, сотенные и десятники являлись также помощниками наибов по управлению войсками.

В «Низаме» Шамиля, принятом, как известно, в 1847 г. в Анди, были определены функции и компетенция муфтиев и кадиев. В специальном разделе «О делах, подлежащих ведению муфтиев и кадиев» в числе других обязанностей муфтия устанавливалось: «По временам муфтий обязан обращаться к народу с наставлением и в речи своей не должен порицать поступков наиба каким-нибудь намеком или общим содержанием речи»³⁴. В этом же разделе вменялось в обязанность, чтобы «каждый законовед, ученый, муфтий и кадий был готов по первому же движению войска выступить в поход против неверных: если не будут сражаться руками, то пусть сражаются языком: наставляют, предостерегают, побуждают к тому, что бы обещал сражающимся»³⁵. Отсюда видно, какое важное

³⁴ Низам Шамиля. ССКГ, вып. III, 1870, стр. 11.

³⁵ Там же, стр. 12.

значение придавалось функции идеологической обработки масс. Активная деятельность представителей мусульманского духовенства по осуществлению этой функции имела целью отвлечь трудящихся от борьбы за социальную справедливость, навязать им идеологию реакционного мистического тариката. «Специфическое религиозное учение тариката, — пишет проф. Н. А. Смирнов, — служило в их руках средством заглушить демократические требования движения горцев и выхолостить его национальные тенденции. Они активно вмешивались во внутренний быт горцев, стремясь преобразовать его в своих целях, оправдывали деспотический теократический режим имамата»³⁶.

Как видно из письма Шамиля ко всем алимам и кадиям имамата, на кадиев был возложен широкий и многообразный круг обязанностей. В их задачу входило следить, чтобы население выполняло религиозные предписания и обряды. Они должны были обеспечивать выполнение всех распоряжений, касающихся внутреннего быта горцев. Кадий назначал опекунов для ведения хозяйства сирот, арендовал недвижимое имущество, сдавал вакуфные земли в аренду, контролировал правильность заключения браков. За неисполнение или нарушение установленных правил кадий накладывал определенное взыскание. За совершение кражи на сумму свыше 50 коп., кадий отправлял виновного к наibu для отбывания тюремного наказания. Этот же документ содержит предписания, указывающие на то, что кадии, проповедуя одни правила для населения, сами руководствовались совсем другими. В нем говорится, что кадий не должен принимать подарки от граждан своего вилайята, должен отказываться от угощений, не должен нанимать работников без полного согласия нанимаемого³⁷.

Главной задачей системы местного управления являлось укрепление религиозного режима и связанное с этим воспитание религиозного чувства у горцев. Поэтому в низовом государственном аппарате основную роль играло мусульманское духовенство. Его представители — кадии, муллы, муфтии и другие служители культа, наделенные различными функциями в области управления и суда, использовали власть для личного обогащения и отвлечения трудящихся горцев от борьбы за удовлетворение своих насущных классовых интересов.

* * *

*

В государственном механизме, созданном в ходе антиколониального национально-освободительного движения горцев, вооруженные силы играли важнейшую роль. Армия в имамате

³⁶ Н. А. Смирнов. Указ. соч., стр. 226.

³⁷ «Движение горцев...», Сборник документов, стр. 499.

состояла из постоянных регулярных частей и периодически созываемого ополчения. Численность постоянных войск составляла приблизительно 15—20 тысяч конницы. С каждых 10 дворов население выставляло по одному воину. Что же касается ополчения, каждая семья выделяла по одному вооруженному воину в возрасте от 16 до 60 лет и снабжала его провиантом на несколько дней.

Отстаивая свою независимость, в борьбе против царских войск участвовало все население, способное носить оружие. Горцы с раннего детства обучались обращению с оружием, верховой езде, а суровая жизнь, полная трудностей и лишений, развивала в них навыки и качества стойких и мужественных воинов.

Горцы, служившие в регулярных войсках, содержались населением. Они получали лошадь, оружие, продовольствие. Жители обеспечивали семьи воина продуктами питания, обрабатывали их земли. Плату за свою службу ни лица, занимавшие военные должности, ни рядовые горцы не получали. Лично при Шамиле находилась отборная дружина, численность которой доходила до 200 человек. Все они отличались незаурядным мужеством и храбростью и были глубоко преданы Шамилю. По свидетельству прапорщика Орбелиани, находившегося в 1842 году в плену у горцев, Шамиль давал им полное содержание, оружие, лошадей и нередко деньги. В резиденции имама. Дарго, для них была выстроена особая казарма, а семьи жили в домах³⁸.

Подразделениями войск Шамиля являлись десятки, сотни, пятисотни и тысячи. Командиры их назначались наибами, которые осуществляли организацию и руководство военными силами на территории своих округов. Талантливый полководец и государственный деятель Шамиль хорошо осознавал, что создание боеспособных военных сил требовало установления в армии строгой дисциплины и порядка. Им уделялось огромное внимание обучению воинов, организации управления и руководства армией. В «Положении о наибах» и постановлении «О наказаниях, коим подвергаются сотенные начальники, десятские и рядовые», которые рассматриваются нами в разделе, касающемся военно-уголовного законодательства Шамиля, определялись обязанности рядовых и командиров и устанавливались соответствующие меры за их неисполнение или нарушение.

В армии восставших горцев были учреждены знаки отличия, ордена, медали и другие виды поощрения, чины различных степеней. По сведениям, содержащимся в источниках и литературе, пятисотенные и сотенные начальники имели на

³⁸ «Движение горцев...». Сборник док., стр. 416.

плече круг с надписью их звания. Наиболее отличившиеся воины получали ордена, медали с надписями следующего содержания: «Нет такого-то храбрее, нет сабли его острее», «Храбр и мужествен», «Имам Шамиль этого храброго воина награждает первоклассным орденом», «это герой—искусный в войне и бросающийся на неприятеля, как лев»³⁹. Удостоившимся именной надписи выдавалось жалованье—3 руб. серебром в месяц. Присягнувшим погибнуть за Шамиля (они носили на чалме прямоугольную нашивку из материи зеленого цвета)—2½ сабы муки в месяц⁴⁰. Награждались знаменами и общества в целом, проявившие храбрость и упорство в бою.

В исключительно трудных условиях горцам удалось наладить производство пороха, холодного и огнестрельного оружия, в том числе пушек и ядер. К созданию, усовершенствованию и изготовлению оружия Шамиль привлекал беглых и пленных солдат царской армии.

На высоком для своего времени уровне находилось тактическое искусство горцев. Шамиль весьма эффективно использовал особенности естественно-географических и топографических условий Дагестана. Позволяя царским войскам углубиться в горы, Шамиль затем устраивал засады и в момент, когда обстановка благоприятствовала горцам, давал бой, используя при этом преимущества своих войск, отличавшихся чрезвычайной мобильностью и маневренностью, что позволяло наносить молниеносные и большей частью неожиданные удары. Небезынтересно отметить, что лично Шамиль, в отличие от своих наивов не применял отвлекающие маневры и инсценировки, считая для себя такие методы ведения войны недостойными и неблагоприятными.

Военное устройство горцев—система управления и руководства войсками, обучение и дисциплина в армии, тактика ведения военных действий—явилось шагом вперед в развитии государственности и военного дела у горцев Дагестана.

* * *

Финансовая система государства восставших горцев, созданная в соответствии с потребностями вооруженной борьбы, существенно различалась от финансовых систем феодальных государственных объединений Дагестана. Впервые в истории Дагестана была учреждена государственная казна — Байтул-мал, куда поступали все средства, распределяемые в централизованном порядке. Поступление и расходование средств контролировалось Шамилем. Им были назначены специальные лица, осуществлявшие надзор в области финансовой деятельности.

³⁹ См. Р. М. Магомедов. Указ. соч., стр. 97—98.

⁴⁰ «Движение горцев...», Сборник док., стр. 384.

Главным источником дохода в имамате являлись подати с населения, поступавшие в натуральной и денежной форме. Как свидетельствует Гаджи-Али, определенное время исполнявший должность казначея, закат — узаконенный шариатом сбор с населения — обеспечивал поступление в казну минимально 523102 меры хлеба. Лица, имеющие 50 и более мер хлеба, вносили в казну с каждых 50 мер по 6. Овцами поступало 3200 штук, из расчета со ста овец — одна. Денег в казну поступало не менее 3200 руб. Жители, имевшие 40 и более рублей, платили подать с каждых 10 рублей — 20 коп.

За пользование горными пастбищами населением вносилась подать — харадж, — ранее поступавшая в пользу аварских ханов.

В государственную казну отчислялись также доходы с земель, принадлежавших мечетям.

Значительные средства в казну поступали от военной добычи. Четыре пятых от всей добычи распределялось поровну между воинами, захватившими ее, а одна пятая — так называемый хумс — предназначался для общественной казны. Доход от набегов, как писал Гаджи-Али, — пограничный доход в 1850 году составлял 1000 руб. серебром, в 1851—1613 руб., в 1852—15230 руб.⁴¹

В пользу государства обращалось также движимое и недвижимое имущество, конфискованное за совершение преступлений, выморочное имущество.

Немаловажную статью доходов составляли денежные штрафы, взыскиваемые судом, наибями и мудирами.

Весьма примечательной особенностью налоговой системы, учрежденной в имамате, являлось то, что вместо бедных горцев, не имевших возможности уплатить налог, должны были платить зажиточные. «Шамиль, — писал Р. М. Магомедов, — облагая население различного рода податями, не ввел унифицированной системы взимания налогов, а дифференцировал их по состоянию хозяйства и платежеспособности каждого двора. Ростовщики, торговцы и сельские богачи платили вдвое и втрое выше, чем все остальное население гор»⁴². Однако с укреплением классовых позиций феодализирующихся элементов положение резко меняется. Представители администрации, пользуясь бесконтрольностью и отсутствием четкой регламентации в сборе податей, допускали произвол в установлении круга облагаемых лиц и размеров взыскиваемых податей. В целях завладения конфискуемым имуществом, наобы нередко применяли репрессии, вплоть до смертной казни, против ни в чем не повинных людей. Говоря об управлении, введенном Шамилем, ген.-м. Клюки фон Клугенау в рапорте от 22 марта

⁴¹ Гаджи-Али. Указ. соч., стр. 74—75.

⁴² Р. М. Магомедов. Указ. соч., стр. 102.

1843 г. на имя ген.-адъют. Нейдгардта писал: «До образования казны шариата, непокорные нам горцы были довольны своим положением, но в настоящее время беспрестанные денежные сборы, содержание муртазиков, непомерные их требования, несправедливый суд и притеснения наибов, поколебали доверенность последователей шариата к Шамилю»⁴³.

Аналогичного характера свидетельства содержатся также в местных источниках и документах. Следует, однако, подчеркнуть, что в целом налоговый режим в имамате по сравнению с феодальными владениями Дагестана был относительно умеренным. Виды податей и налогов, а также их размеры оставались на всем протяжении многолетней борьбы неизменными.

* * *

*

Источники и литература дают нам крайне незначительный материал для характеристики системы норм, определявших судоустройство и судопроизводство в имамате.

Централизация государственной власти и управления, осуществляемая Шамилем, требовала реорганизации судебной системы в целях укрепления суда как органа центральной власти. В соответствии с этим на всей территории восставших горцев были ликвидированы судебные прерогативы феодальных владетелей и общинные суды, руководствовавшиеся обычным правом. Взамен партикулярных форм обычного права судоустройства была учреждена общегосударственная судебная система, установившая единый порядок организации и деятельности суда. Судебными функциями были наделены наибы, кадии и муфтии. Высшая судебная власть принадлежала дивану во главе с Шамилем.

Компетенции муфтиев, кадиев и мулл подлежали гражданские дела. В разделе «Низама» «О делах, подлежащих ведению муфтиев и кадиев» устанавливалось, что «муфтии поставляют в районах своего ведомства кадиев. Если к нему обратятся за объяснением какого то ни было судебного вопроса, то он решает оный согласно постановлениям шариата. Если к нему придут судиться, то он должен решать дела справедливо. Если он заметит где-либо отступление от шариата, то устраняет оные и направляет дело по пути. Если же он не в состоянии будет сделать этого, то извещает об этом наиба»⁴⁴.

По смыслу данного постановления можно предполагать, что муфтиям принадлежало право руководства и контроля за деятельностью судебных мест. Если стороны обращались непосредственно к наибу, то он созывал кадия или муллу и дело решалось на месте согласно их толкованию.

⁴³ «Движение горцев...», Сборник док., стр. 384.

⁴⁴ ССКГ, вып. III, стр. 11.

Уголовные дела, в том числе воинские преступления, рассматривал наиб, который руководствовался законодательством Шамиля. Компетенция наива в области уголовных дел не ограничивалась. Только в случаях вынесения им смертного приговора обязательно требовалось подтверждение приговора Шамилем. С принятием в 1847 г. «Низама» юрисдикция наивов была сужена. Касаясь этого вопроса, Н. Покровский писал: «...наибы во второй половине 40-х годов настолько широко использовали эту полноту власти и вызвали такое недовольство в управляемых ими массах, что имам провел передачу судебных функций из рук наивов в руки специально назначавшихся судей-муфтиев»⁴⁵.

Здесь нам представляется необходимым внести уточнение. В «Положении о наивах» определялось, что «наибы должны оставить решение дел по шариату муфтиям и кадиям и не входить в разбирательство тяжб, хотя бы были и алимами. Им представляется вести дела только военные. Сим низамом запрещается вручать одному лицу две должности — судебную и военную — для того, чтобы устранить всякое сомнение народа относительно наива и пресечь всякие дурные и подозрительные помышления о нем»⁴⁶. Как устанавливается из этого положения, наибы отстранялись от разбирательства дел по шариату. Следовательно, в подсудности наивов оставались дела, рассматриваемые по законодательству Шамиля, охватывавшего главным образом сферу уголовного права и воинских преступлений. Наказание в виде денежного штрафа, взыскиваемое за три рода преступлений — воровство, уклонение от военной службы, умышленное прикосновение мужчины к женщине — назначалось только наивами⁴⁷.

Реформа Шамиля в области судоустройства несомненно должна была вызвать изменения в судопроизводстве. Мы не располагаем сведениями, были ли установлены Шамилем какие-либо процессуальные нормы, регламентирующие порядок и формы судебного разбирательства. Можно полагать, что в этом отношении Шамиль придерживался положений, сложившихся в обычном судебном праве Дагестана. Следует также учесть, что одной из особенностей судопроизводства по мусульманскому праву является отсутствие процессуальных норм, обязательных для кадиев, кроме правил о доказательствах.

Преобразование суда в общегосударственную организацию, несомненно, должно было привести к усилению роли суда в преследовании правонарушений. Можно предполагать, что судебные органы в ряде случаев возбуждали дела независимо от жалобы потерпевшего, так как наибы, отвечающие за

⁴⁵ Н. Покровский. Указ. соч., стр. 49.

⁴⁶ ССКГ, вып. III, стр. 10.

⁴⁷ АКАК, т. XII, стр. 1459.

поддержание правопорядка, обладали и судебными функциями. По делам об убийствах судебные власти предпринимали меры для розыска преступника⁴⁸. Вызов ответчика или преступника для судебного разбирательства в большей степени стал обязанностью суда, чем частных лиц — истца или потерпевшего.

Судебный процесс проходил устно. Судья выносил приговор или решение единолично и не был связан каким-либо процессуальным порядком. Приговоры и решения записывались в особую книгу. В случае отказа недовольной стороны подчиниться решению или приговору, они исполнялись административной властью.

Поскольку Шамиль придавал важное значение присутствию народа при поощрениях и наказаниях, судебные заседания происходили при открытых дверях.

Кассационной инстанции не существовало. Не было также апелляционного порядка пересмотра решений или приговоров, но в отдельных случаях апелляция рассматривалась Советом Шамиля, а фактически самим Шамилем.

В системе доказательств изменений не произошло. Доказательствами считались собственное признание, поличные, показания свидетелей, показания умирающего или раненого, письменные документы.

2. ИСТОЧНИКИ ПРАВА.

В политической программе, осуществлявшейся руководителями движения горцев Дагестана и Чечни, важное значение придавалось вытеснению адата и утверждению взамен его шариата как монопольного источника права. Подавляющее большинство представителей дворянско-буржуазной историографии, отождествляя религиозную оболочку движения с ее действительным содержанием, установление господствующего положения шариата, обусловленное, по их мнению, фанатизмом горцев, считало едва ли не основной задачей и конечной целью борьбы. В советской литературе вопрос о месте и соотношении различных источников права⁴⁹ в имамате—адата, шариата, законодательства Шамиля — не получил четкого разрешения. В трудах советских историков освещены мотивы и цели, которыми руководствовались предводители мюридизма, отдавая решительное предпочтение шариату перед местным обычным правом, характеризуется отношение населения к

⁴⁸ А. Руновский. Записки о Шамиле. СПб., 1860, стр. 16.

⁴⁹ Источниками права в юридическом смысле принято называть особые формы выражения воли господствующего класса, придающие тем или иным правилам значение правовых норм. Термин «источник права» условный, т. к. содержание воли господствующего класса определяется в конечном счете материальными условиями жизни общества.

этой политике. Высказанные при этом суждения и выводы требуют уточнения и дополнений, а оценка законодательства Шамиля как совокупности правил, вносящих частные изменения в нормы шариата, представляется ошибочной.

Объясняя причины упорной борьбы идеологов и проповедников мюридизма против адата, начатой еще первым имамом Гази-Мухаммедом, Х.М. Хашаев пишет, что она преследовала цель расчистить путь для полного шариата, а следовательно и духовенства. «Народные обычаи, отмечает он, подверглись нападкам Гази-Мухаммеда и других имамов, потому что за обычаями стояли люди, которые мешали установлению идеологии мюридизма. Устранение адатов могло способствовать привлечению под знамя мюридизма более широких кругов верующих горцев⁵⁰. В данном учреждении ошибочно, на наш взгляд, нормы обычного права рассматриваются как народные обычаи. Руководители движения горцев не ставили и не могли ставить целью устранение обычаев народа, а запрещавшееся обычное право являлось надежным орудием эксплуатации в руках господствующего класса. Именно поэтому идеологи мюридизма могли полагать, что устранение адата, подробно определявшего формы личной зависимости крестьян и привилегии феодалов различных степеней и званий, нанесет сильный удар по старой феодальной знати⁵¹.

Наряду с приведенными соображениями необходимо учесть еще одно важное обстоятельство. Руководители движения видели в обычном праве, отличавшемся чрезвычайным партикуляризмом, одно из главных препятствий в деле укрепления централизованного теократического государственного образования, созданного в ходе национально-освободительной борьбы. В конкретно-исторических условиях начала XIX в. попытки создания единой системы права для всей территории имамата на основе унификации местных юридических обычаев или придания универсального значения локальным нормам были обречены на неудачу. Поэтому идеологи мюридизма, учитывавшие необходимость единого законодательства для консолидации сил и прочности созданного ими государства, сделали ставку на шариат. В этот период мусульманское духовенство с особой настойчивостью стало проповедовать лозунг, что руководящиеся адатом мусульмане являются вероотступниками. Чтобы иметь представление о содержании лозунга, приведем выдержку из прокламации Шейха Мансура, обращенной к народам Дагестана: «Тот, кто решает дела по адату, делается некоторым образом соучастником Бога, или как будто бы

---

⁵⁰ Х. Хашаев. Общественный строй Дагестана в XIX в. М., 1961, стр. 147.

⁵¹ Н. А. Смирнов. Указ. соч., стр. 91.

равняется ему, тот — неверный. Да сохранит нас Бог от того, чтобы мы ошибались в решениях, которые назначены Богом, и сохранит нас от того, чтобы мы говорили что есть то, чего нет в книгах Божьих»⁵².

Вытеснение адата с расширением сферы применения мусульманского законодательства, неуклонно осуществлявшееся имамами, встретило упорное и стойкое противодействие со стороны различных слоев населения имамата. Х.-М. Хашаев, касаясь причин, вызвавших сопротивление политике замены местного обычного права шариатом писал: «Не только феодалы, но и многие сельские общества имели свои особые адаты, которые в ряде случаев гораздо больше, чем шариат, отвечали их правосознанию. Если шариат применялся при рассмотрении гражданских дел, то при рассмотрении уголовных дел применялся адат; адату были чужды жестокие наказания, предусмотренные, как правило, шариатом, например, увечья. Адаты отстаивали не только светские феодалы и узденская верхушка, для которых они являлись источником доходов и основой их привилегий, но и уздени целого ряда обществ, поскольку в адатах сохранились демократические элементы»⁵³. Некоторые из этих положений вызывают возражения. Неправильно говорить о правосознании сельских обществ, так как в классово-антагонистическом обществе нет и не может быть единого правосознания эксплуататоров и эксплуатируемых. Не представляется убедительным положение и о том, что уздени целого ряда обществ отстаивали нормы адата из-за сохранившихся в них демократических элементов. Эта мысль не подкреплена фактическим материалом, и остается непонятным, какие демократические элементы подразумеваются, почему уздени одних обществ, а не всех, отстаивали нормы адата и, наконец, имеются ли в виду демократические элементы в нормах обычного права Дагестана вообще или только в нормах, действовавших в обществах, уздени которых отстаивали адат.

В целом мы полагаем, что противодействие рядовых горцев насаждению шариата ошибочно объяснить преимуществами местного обычного права. Такой подход оставляет без достаточного внимания и оценки факты и явления сложной социально-политической обстановки в рассматриваемый период. Упорную и длительную борьбу вокруг вопроса о признании в качестве действующего источника права местных юридических обычаев или мусульманского законодательства следует рассматривать как следствие острейших социальных противоречий, существовавших с самого начала движения. Наиболее резко они проявились в той стадии движения, когда основная

⁵² ССКГ, вып. I, 1868, стр. 7.

⁵³ Х.-М. Х а ш а е в. Общественный строй Дагестана в XIX в., стр. 47.

масса участвовавших в нем рядовых горцев осознавала явное несоответствие достигнутых результатов с конечными целями, которые ставились ею.

Из этой предпосылки, на наш взгляд, исходит В. К. Гарданов, который, характеризуя обстоятельства, препятствовавшие имамам Дагестана сделать шариат единственной и универсальной системой права, отмечает, что недовольство и сопротивление населения насаждению шариата росли по мере того, как горцы убеждались в том, что шариат несет им не освобождение от прежнего угнетения, а лишь новые тяготы⁵⁴. Аналогичного мнения придерживается и проф. Н. А. Смирнов. «...Противодействие шариату, подчеркивает он, объяснялось не только традиционной приверженностью к адату, но и суровостью того режима, который нес с собой шариат. Кроме того, в ряде мест народ дорожил тем правом общинного владения землей, которое было признано адатами, хотя на практике это право все более превращалось в фикцию. Это особенно относилось к еще незакрепощенным горцам — общинникам как восточного, так и западного Кавказа. Хотя уже и адаты свидетельствуют, что эти горцы не были вполне свободными, все же устанавливаемые шариатом законы, в частности, условия владения землей, купли и продажи недвижимости, правила наследования имущества, представлялись горцам гораздо более тяжелыми, чем привычные формы отношений, узаконенных адатами. Самое главное было то, что в правилах, вводимых шариатом, горцы видели разрушение коллективного начала их общественного и семейного быта, покушение на их свободу, иллюзию, которую они еще продолжали сохранять, путь к закрепощению»⁵⁵. Следует уточнить, что в Дагестане купля-продажа недвижимости, правила наследования имущества задолго до XIX в. регулировались на основе шариата. Что же касается права общинного владения землей, то оно не отменялось реформами Шамиля, как и вообще не затрагивались поземельные отношения.

Замена адата шариатом происходила главным образом в сфере административного, уголовного и судебного права. Осуществляя реорганизацию общественных порядков горцев, руководители движения обосновывали их требованиями шариата, хотя многие нововведения в различных сферах горского быта не имели связи с шариатом. По расчетам идеологов мюридизма религиозные лозунги и знамя шариата должны были облегчить осуществление преобразований в укладе общественной жизни горцев. Религиозная оболочка не могла, однако,

---

⁵⁴ В. К. Гарданов. Обычное право как источник для изучения социальных отношений у народов Северного Кавказа в XVIII—начале XIX в. «Советская этнография», № 5, 1960, стр. 21.

заслонить реального классового содержания и назначения административно-правовых реформ, укреплявших позиции духовенства и богатого узденства. Значительная часть рядовых горцев постепенно приходила к пониманию, что провозглашаемое в начале борьбы равенство всех мусульман оказалось фикцией, а распорядок внутренней жизни ставил население в бесконтрольную зависимость от местной администрации, не выбиравшейся, как прежде, а назначаемой руководителями имамата.

Усилившиеся выступления горцев против порядков, введенных в имамате, стремление многих сельских обществ к сохранению административной независимости и самоуправления руководители движения рассматривали в аспекте религиозной борьбы, объявляя всех недовольных противниками шариата и оправдывая тем самым применение самых жестоких мер принуждения.

Не останавливаясь далее на характеристике методов и средств осуществления политики вытеснения адата мусульманским законодательством на территории, подвластной имамату, обратимся к рассмотрению вопроса о конечных результатах этой политики. А. В. Комаров писал: «Несмотря на то, что Шамиль сам по необходимости допустил некоторые изменения в шариате с целью облегчить для народа тяжесть его постановлений, настойчиво и энергически, в течение 27-ми лет, стремился к уничтожению суда по адатам, жестоко, большею частью смертью, наказывая сопротивлявшихся его намерениям, однако он не достиг цели»⁵⁶. Напротив, М. М. Ковалевский считал, что и «кратковременного господства достаточно было шариату для того, чтобы существенно повлиять на юридические воззрения дагестанских горцев»⁵⁷. Более правильной признает В. К. Гарданов последнюю точку зрения. Он пишет, что в сборниках дагестанских адатов, составленных в 60-х годах XIX в. влияние шариата на обычное право кавказских горцев сказалось уже в гораздо большей степени, чем в памятниках более раннего времени⁵⁸.

Шамиль, как и его предшественники на посту имама, решительно отвергал за местными юридическими обычаями значение действующего источника права. Несмотря на исключительные трудности, ему удалось ликвидировать суды обычного права и запретить применение общеправовых норм при разрешении уголовных и гражданских дел. В этом смысле можно

⁵⁵ Н. А. Смирнов. Указ. соч., стр. 91.

⁵⁶ А. В. Комаров. Адаты и судопроизводство по ним. ССКГ, вып. 1, 1868, стр. 7.

⁵⁷ М. М. Ковалевский. Закон и обычай на Кавказе, т. 1, 1890, стр. 234.

⁵⁸ В. К. Гарданов. Указ. соч., стр. 21.

говорить об окончательном вытеснении адата и замене его шариатом. С другой стороны, представляется бесспорным, что Шамиль не мог полностью искоренить существовавшие институты, принципы и понятия обычного права. Эта задача была невыполнимой и в силу того, что, как правильно пишет Н. А. Смирнов, имам и наибы стремились сохранить в быту горцев старое: поддерживали рабство, многоженство, угнетенное положение женщины, систему наказаний, оправдывая это тем, что все это предписано Ксраном и предусмотрено шариатом⁵⁹.

Шариат, призванный заменить обычное право, еще в большей мере, чем адат, охранял устои эксплуатации и способствовал консервации патриархально-феодальных отношений, господствовавших в Дагестане. Антагонизм адата и шариата, выполнявших единую социальную функцию, был следствием острых противоречий между старой феодальной знатью и мусульманским духовенством, захватившим руководство национально-освободительным движением горского крестьянства. Говоря о том, что имамы выступали против феодальных порядков в ханствах и обществах Дагестана и Чечни, Н. А. Смирнов подчеркивает, что все их усилия сводились к противопоставлению феодальных адатов религиозному закону шариата⁶⁰.

Все вышесказанное подтверждает положение о том, что официальное устранение адата из числа действующих источников права не было равнозначным искоренению основных правовых начал, присущих юридической системе горцев Дагестана.

Запрещая под страхом строжайшего наказания разбирательство дел по адату, Шамиль провозгласил, что единственным действующим источником права должен служить шариат. В то же время он придал нормативное значение ряду актов, касающихся основ управления на территории имамата, установил много новых норм в различных отраслях права,—главным образом уголовного, семейного, наследственного. При этом он уверял, что не допустил ни малейшего отклонения от шариата, а лишь уточнял некоторые нормы мусульманского законодательства. Иначе он и не мог говорить, так как это было бы отступлением от осуществляемого им принципа регулирования общественных отношений на основе священных установлений, воплощением которых признавался шариат.

А. Руновский писал: «...Преследуя с такой настойчивостью адат, подробности которого действительно лишены здравого смысла во многом, Шамиль очень хорошо сознавал, что и в

⁵⁹ Н. А. Смирнов. Указ. соч., стр. 229.

⁶⁰ Там же, стр. 228—229.

учении шариата много заключается если не нелепостей, то всякого рода противоречий, весьма способных обратиться в источник зла, чуть ли не сильнеешего сравнительно с тем, какое может породить адат. Дело в том, что почти каждое из постановлений шариата имеет несколько своих собственных толкований, или, по выражению Шамиля, «несколько своих собственных дорог». Зная дагестанское духовенство и характер горцев, Шамиль видел настоятельную необходимость избрать дорогу по собственному усмотрению и направить на нее горцев так, чтобы отнять у них всякую возможность сбиться»⁶¹.

Исходя из этого, Шамиль изменил и дополнил установления шариата, приспособив их к потребностям имамата. Называя эти преобразования шамилевскими законами, Руновский А. отмечает, что горцы применяли к ним термин «низам» относя его к реформам по всем отраслям управления⁶².

Низам слово арабское, означающее порядок, организация. В литературе под названием «низам» понимается законодательное предписание, принадлежавшее Шамилю. Общее количество низамов точно не установлено. Некоторые низамы содержали значительное число новых законодательных норм. Низам «Положение о наibaх» состоит из 14 глав. С. К. Бушув, говоря о том, что Шамиль вошел в историю как талантливый автор кодекса законов, указывает о существовании 14 низамов.

Х-М. Хашаев пишет, что Шамилем по вопросам управления было издано 13 низамов⁶³. Здесь не точно указание об издании низамов. Правильнее говорить о принятии низамов, которые обнародовались путем оповещения населения наibaми. Затем низамы касались не только управления, но и широкого круга других вопросов различных отраслей права. Они касались судопроизводства, уголовного права, семейно-наследственных отношений и т. д. Определяя общее число низамов в 13 или 14, названные выше авторы исходили, очевидно, из того факта, что под термином «Низамы Шамиля» было опубликовано в литературе соответствующее количество законодательных установлений.

Каждое из законодательных установлений имело определенное наименование. В число 13 входят следующие: 1. Денежный штраф, 2. Драка, 3. О наследстве, 4. По брачным делам, 5. По разводам, 6. О торговле и о мене домашним скотом, 7. Обеспечение взаимных обязательств,

⁶¹ А. Руновский. Кодекс Шамиля. Военный сбор., т. XXIII, № 2, 1862, стр. 329.

⁶² Там же, стр. 330.

⁶³ Х-М. Хашаев. Движущие силы мюридизма в Дагестане. Махачкала, 1956, стр. 36.

8. Административные учреждения, 9. Общественная казна и содержание административных лиц, 10. Раздел добычи, 11. Фальшивая монета, 12. Военные учреждения, 13. Запрещения.

Помимо перечисленных в литературе, известен низам, включающий «Положение о наихбах», «О наказаниях, коим подвергаются сотенные начальники, десятские и рядовые». Таким образом, вместе с последним, который учитывается С. К. Бушуевым, в литературе приводится текст 14 низамов. Однако это число нельзя признать исчерпывающим. К примеру, сюда не вошло много новых норм, регламентирующих кровную месть, организацию центрального и местного управления и т. д.

Касаясь характера и содержания низамов, Н. А. Смирнов пишет: «Проповедуя учение тариката как высшую форму ислама, Гази-Мухаммед и Шамиль опирались, на Коран. Лишь тот порядок они считали совершенным и священным, который основывался на идеях Корана и на законах шариата. Они допускали лишь некоторые дополнения частного характера, вносимые при помощи особых законов-низамов»⁶⁴. Низамы, по его мнению, являлись новыми законодательными установлениями, выработанными в соответствии с законами шариата. При этом он отмечает, что многие положения низамов значительно отличались от положений шариата⁶⁵. Признавая низамы новыми законодательными установлениями, Н. А. Смирнов в то же время полагает, что они были выработаны в соответствии с шариатом и вносили лишь дополнения частного характера. Нам представляется, что Н. А. Смирнов не придает должного значения самостоятельному законодательному творчеству Шамиля, установившего нормы, которых нет в шариате, или коренным образом изменившего содержание и санкции норм шариата. Законодательные установления Шамиля были выработаны с учетом местных условий и подчинены задачам ведения длительной вооруженной борьбы с царскими войсками.

В литературе высказывалось мнение о том, что Шамилю принадлежит заслуга создания кодекса законов. Так С. К. Бушуев писал, что «Шамиль вошел в историю как талантливый автор кодекса законов, установившего суровые наказания за воровство, убийство, предательство и трусость»⁶⁶. А. Руновский, рассматривая законодательство Шамиля, озаглавил статью Кодекс Шамиля. Эта точка зрения является необоснованной. Низамы, принятые разновременно, ни по содержанию, ни по форме нельзя считать единым законодательным актом. Что же касается цитированного выше положения С. К. Бушуева, то оно сужает содержание законодательства Шамиля, преду-

⁶⁴ Н. А. Смирнов. Указ. соч., стр. 229.

⁶⁵ Там же, стр. 115.

⁶⁶ С. К. Бушуев. Указ. соч., стр. 95.

смаатривавшего не только наказания за общеуголовные преступления, но и регламентировавшего многообразный круг вопросов из области государственного, административного, гражданского права, а также судоустройства и судопроизводства. Низамы Шамиля, как правильно подчеркивает А. Д. Даниялов, являлись совокупностью административно-правовых предписаний, исходящих из социально-политических особенностей объединения восставших горцев⁶⁷.

В целом по своей юридической силе и другим важным моментам, связанным с действием и применением правовых норм, содержащихся в низамах, законодательство Шамиля представляет заметный шаг в развитии права народов Дагестана.

* * *

В законодательстве Шамиля значительное место занимали нормы, регулирующие уголовно-правовые отношения.

Придавая важное значение ограничению кровной мести, уносившей много жизней, Шамиль принял постановления, устанавливающие строго определенные правила кровомщения, соблюдение которых было поставлено под контроль органов власти...

Прежде всего законодательные нормы Шамиля сузили круг дел, допускавших кровную месть. Она могла быть применена только в случаях убийства. Все остальные преступления, вызывавшие раньше кровную месть, преследовались государственной властью в судебном и административном порядке.

У горцев Дагестана такие преступления как прикосновение к женщине обычно вызывали кровную месть. Говоря о канлы за «бесчестие женщины», Шамиль назвал «нескончаемым канлы». Решив покончить с этим злом, Шамиль определил за прикосновение к женщине трехмесячный арест, сопровождаемый денежным штрафом.

Существенным изменением порядка кровной мести являлось строгое предписание, запрещающее под страхом смертной казни применение мести к родственникам убийцы. Шамиль считал, что всякая пролитая кровь непременно требует для своего возмездия крови же, но она должна быть обращена именно на того, кто ее пролил⁶⁸.

Запретил Шамиль также весьма широко распространенный обычай разрушения недвижимости убийцы. «Я думал, — говорил Шамиль, — что дом убийцы совсем не виноват в том, что сделал его хозяин, а между тем последний поневоле должен был бежать из деревни, потому, что заплатив цену крови, он часто лишался возможности снова устроить свое хозяйство,

⁶⁷ А. Д. Даниялов. Указ. соч., стр. 25.

⁶⁸ АКАК, т. 12, стр. 1428.

а если бы и смог это сделать, то все-таки новые постройки кололи бы глаза многим, да и хозяину их было бы не совсем легко»⁶⁹.

Альтернативой кровной мести в имамате являлось денежное возмещение родственникам убитого—цена крови. Шамиль неоднократно склонял родственников убитого к окончанию вражды за соответствующее возмещение с убийцы и его родственников. Размер возмещения установить не удалось. По свидетельству А. Руновского цена крови была одинакова для всякого пола, возраста и звания⁷⁰. В случае, если убийца не соглашался или не имел возможности уплатить цену крови, его передавали в руки мстителя, который лишал его жизни. Закон не допускал каких-либо исключений из этого правила.

Согласно законодательным нормам Шамиля, отдельные виды убийств не вызывали кровной мести или преследования со стороны государственной власти. В низаме «Драка» было установлено «в случае смерти, причиненной во время драки человеку, пришедшему для этого в чужой дом (вообще в чужое владение), хозяин его освобождается от всякой ответственности. И если родственники убитого начнут мстить за его кровь, то сами они обратятся в убийц, подлежащих преследованию закона и мщению родственников убитого ими человека. Равным образом, если в драке будет убит хозяин дома или кто-либо из домашних, тогда убийца должен подвергнуться мщению родственников убитого даже при содействии правительства, если встретится в том надобность»⁷¹.

В тех случаях, когда право кровомщения принадлежало малолетним, Шамиль строго обязывал их воспитателей внушить малолетним желание окончить дело миролюбиво. Ответчики также должны были приложить все средства в этом направлении, а для того, чтобы они не уклонились от ответственности был установлен бдительный надзор.

Реформы Шамиля в правилах кровомщения, как свидетельствуют источники, оказались весьма благотворными. Резко сократилось число случаев кровной мести и соответственно увеличилось количество дел, закончившихся примирением за условную плату.

Несмотря на усилившуюся роль органов власти в контроле и регулировании кровной мести, родственники убитого имели право мстить убийце или получить с него плату за убийство без участия государственной власти. Однако в этом случае

---

⁶⁹ Там же.

⁷⁰ А. Руновский. Записки о Шамиле. Канлы в немирном крае. СПб, 1860, стр. 17.

⁷¹ А. Руновский. Кодекс Шамиля. Военный сбор., т. XXIII, 1862, № 2, стр. 343—344.

сторона, применявшая кровную месть, обязывалась представить доказательства правомерности осуществления расправы над убийцей. Если потерпевшая сторона обращалась к содействию органов власти, убийцу выдавали в руки мстителей, предложив последним взять цену крови. Скрывавшегося убийцу органы власти разыскивали и высылали по месту жительства, а также предоставляли все средства кровомстителю, самому отправившемуся для розыска кровника.

Участие государственной власти в осуществлении кровной мести в определенной мере способствовало тому, что родственники убитого обращались к содействию власти, но это не означало, что органы власти по своей инициативе преследовали убийцу и применяли к нему наказания. «До тех пор, — писал А. Руновский, — пока ближайший родственник убитого не требовал вмешательства властей, власти не смели даже заявить о своем существовании, хотя бы население целого края перерезало друг друга в глазах собственного начальства. Поэтому кровомститель, не обязанный заявлять свою обиду в суде или начальству, имел полное право искать себе удовлетворения лично⁷². Хотя несомненно, что нормы Шамиля создавали благоприятные возможности для постепенного превращения мести из досудебной в послесудебную, применение мести до суда имело широкое распространение. Вместе с тем следует признать весьма радикальным изменением, ограничивающим произвол частных лиц, обязательное соединение мести с судом, так как отсутствие предварительного решения требовало после осуществления кровной мести санкции суда. В этой законодательной мере Шамиля отчетливо проявилось стремление полностью исключить частную месть как вид наказания, однако выполнение этой задачи, несмотря на ее крайнюю актуальность, в тех условиях являлось невозможным ввиду глубоко укоренившихся воззрений народа о справедливости и законности самосуда как средства защиты личных прав. В целом законодательные установления, регулирующие кровомщение, несомненно, носили прогрессивный характер и сыграли немалую роль в ослаблении принципа кровной мести. Установив единые правила кровомщения для всех независимо от социальной принадлежности убийцы и потерпевшего, Шамиль ликвидировал тем самым преимущества феодалов по делам кровной мести. Исходя из этого, ряд дореволюционных авторов представлял дело таким образом, что в имамате каждый житель обладал равным объемом прав и обязанностей в применении кровной мести. Практическое осуществление карательной политики в имамате, как и в любом антагонистическом

⁷² А. Руновский. Записки о Шамиле. Канлы в немирном крае. СПб, 1860, стр. 12.

обществе, имело отчетливо выраженный классовый характер. Приведенные в предыдущем изложении данные, свидетельствующие о злоупотреблениях и произволе наибов, безвинно лишивших жизни неугодных им лиц, дают достаточно ясные представления о гарантиях справедливости и при решении дел, связанных с ответственностью за убийство.

* * *

Законодательство Шамиля оказало заметное влияние на развитие основных понятий уголовного права. Отличительной особенностью уголовно-правовых норм низама по сравнению с существовавшими в предшествующий период являлась относительно четкая дифференциация понятия преступного как противоправного деяния, запрещенного законом под страхом уголовной кары. Установления Шамиля, в ряде случаев сформулированные на достаточно высоком уровне законодательной техники, нередко раскрывали характер и степень общественной опасности соответствующих преступных деяний.

Нормы низама были составлены по определенной логической структуре и в большинстве из них можно различить все три элемента—гипотезу, диспозицию и санкцию. Наряду с простой диспозицией, в которой законодатель не считал необходимым давать признаки преступления, обозначавшиеся общеизвестными терминами, значительное число диспозиций являлись описательными и бланкетными. Санкция, как правило, имела абсолютно определенный характер.

В уголовном законодательстве имамата серьезное значение придавалось борьбе с преступлениями, ослабляющими устойчивость государственной власти и управления, внешнюю безопасность.

До периода национально-освободительного движения в 20--50 годах XIX в., вызвавшего необходимость создания централизованного государственного объединения, у горцев не могло сложиться достаточно цельного абстрактного представления о государстве и государственной власти. Не было, следовательно, и понимания преступления как деяния, направленного против интересов государства и деятельности его органов власти и управления. Преступления против государства отождествлялись с преступлениями против носителей феодальной знати—ханов, шамхалов, уцмиев. Посягательства против правящей верхушки в виде восстаний и других действий, реально опасных для интересов господствующего класса, обычно вызвали репрессию вне правовых норм, т. е. не являющуюся наказанием в уголовно-правовом смысле.

В низаме Шамиля более последовательно и глубже, чем в предшествующий период, проводится воззрение на преступление как на действие, причиняющее не только материальный,

физический или моральный вред частному лицу, но и государству.

Исключительно важная роль, придававшаяся Шамилем прочности государства и строжайшему выполнению гражданами предписаний государственной власти, обусловила установление значительно выше развитой системы преступления против государственных интересов. Расширился круг действий, признаваемых преступными, а также подверглось существенному пересмотру содержание ранее известных видов преступления.

Тягчайшим государственным преступлением признается измена родине. К числу изменнических действий были отнесены шпионаж и побег к неприятелю.

Как самое тягчайшее преступление, караемое смертной казнью и конфискацией имущества, рассматривается государственная измена. По форме изменнических действий предусматривалась ответственность за шпионаж и побег к неприятелю. Называя изменников проклятыми людьми, Шамиль говорил: «Им лучше находиться в земле, чем на ней». В Чечне, кроме самого изменника, несли ответственность двое поручителей, с которых взыскивалось 50 руб. серебром с каждого⁷³.

Весьма опасным преступлением, посягающим на государственные интересы, считалось фальшивомонетничество. С появлением фальшивых русских монет Шамиль ограничился конфискацией у виновных орудий и различных приспособлений, запретив эти действия под страхом строгого наказания. Так как эта мера искоренения фальшивомонетничества оказалась мало эффективной, Шамиль издал специальный низам «Фальшивая монета», в котором за изготовление фальшивых монет устанавливалась смертная казнь.

Помимо ответственности непосредственно виновника Шамиль, отбирая фальшивую монету, возложил удовлетворение их на тех, от кого они получали монеты, независимо от того, что и те могли быть обмануты⁷⁴.

В письме от 27 марта 1857 г. к наibu с требованием наказать фальшивомонетчиков, Шамиль, подчеркивая опасность этого вида преступления, рассматривает фальшивомонетничество как мятеж и обязывает наibu уничтожить все инструменты и формы. Поскольку с начала Крымской войны смертная казнь в имамате была отменена по всем делам, за исключением шпионажа, Шамиль требовал прекратить деятельность фальшивомонетчиков, хотя бы отрубив им руки и выколыв глаза⁷⁵.

⁷³ «Движение горцев...» (Сбор. документов), стр. 404.

⁷⁴ А. Руновский. Кодекс Шамиля. Военный сбор., т. XXIII, 1862, стр. 379.

⁷⁵ «Движение горцев...», Сбор. док., стр. 665.

В условиях вооруженной борьбы с превосходящими силами царизма исключительно опасными были признаны воинские преступления, понятие о которых в праве Дагестана начало складываться с учреждением регулярной армии. Сведения о постановлениях Шамиля, касающиеся наиболее тяжких воинских преступлений, дошли до нас в разрозненном виде. В «Положении о наибах» и низаме о наказаниях, коим подвергаются сотенные начальники, десятские и рядовые, принятых в 1847 году, содержится описание воинских правонарушений, совершение которых не требовало мер уголовного наказания.

Наряду с действиями против установленных порядков несения военной службы в названных выше актах регламентации подверглись и некоторые преступления, относящиеся к государственной службе вообще.

В основу системы воинских преступлений были положены требования безусловного исполнения приказаний имама или его поверенного, соблюдения строжайшей дисциплины и беспрекословного подчинения нижестоящих вышестоящим по службе.

Особо опасные воинские преступления карались смертной казнью. К ним относились измена воинскому долгу — военный шпионаж, переход на сторону врага, дезертирство и т. д. За неповиновение старшему мера наказания зависела от конкретных обязательств. Обыкновенно за это определялось телесное наказание; неповиновение на поле битвы или во время похода нередко имело своим следствием смертную казнь⁷⁶. За неявку на службу наказание зависело от усмотрения начальника. Такой же порядок ответственности был установлен и по ряду других воинских преступлений.

В законодательстве Шамиля, наряду с ответственностью за совершение воинских преступлений, предусматривалось применение дисциплинарных мер в отношении ряда нарушений порядка воинской службы. При этом открыто проводился принцип: чем выше на военной должностной лестнице находился субъект правонарушения, тем ниже была мера ответственности.

В «Положении о наибах» был дан перечень воинских должностных проступков, за совершение которых к наибам применялись определенные меры дисциплинарного порядка. К ним относились мародерство, беспорядочное отступление и оставление имама сзади себя на произвол судьбы, нарушение установленного имамом порядка передвижения и дислокации войск, неисполнение приказа поверенного имама и выступление в поход или на оборонительные работы, самовольный отвод войск с определенного имамом места расположения;

⁷⁶ «Движение горцев...». (Сбор. док.), стр. 405.

неоказание помощи другим наибам в различных тяжелых ситуациях, одобрительное отношение к мнению населения, клонящемуся к нарушению порядка в постройке оборонительных стен и т. д. Здесь же упоминаются и общие нарушения государственной службы — взятка, разглашение секретов имама.

В качестве мер воздействия было предусмотрено: смещение или понижение наибов в должности; за совершение наиболее серьезных проступков наиб смещался и записывался в рядовые, в других случаях переводился на должность начальника сотни, десятского; объявление публичного выговора, кратковременный арест сроком до 15 суток.

За те же деликты значительно строже взыскивалось с нижестоящих по службе и рядовых.

«За что низводится наиб на должность сотенного, сотенный за то же самое низводится в десятские и, кроме того, арестуется на 10 дней.

За это же самое смещается десятский и записывается в низам, т. е. в рядовые, наказывается еще 15-ю ударами плети. Рядовой же арестуется на 15 дней и наказывается 15 ударами.

За что наиб низводится в десятские, за то же сотенный записывается в рядовые и, кроме того, подвергается трехдневному аресту: десятский записывается в рядовые, наказывается 29-ти дневным арестом и 21 ударом плети, а рядовой арестуется на 21 день и наказывается 39-ю ударами плети.

За что подвергается публичному выговору наиб, за то сотенный начальник наказывается 31-м ударом плети и подвергается трехдневному аресту; десятский за то же наказывается 39-ю ударами плети и подвергается 7-дневному аресту, а рядовой арестуется также на 7 дней и наказывается 39 ударами плети и, сверх того, всем им делается посрамляющий выговор при народе.

За что наиб подвергается выговору и аресту после открытия и отобрания взятки, сотенный начальник наказывается 39 ударами плети и подвергается 21 дневному аресту, рядовой же подвергается 15-ти дневному аресту и наказывается 15-ю ударами плети.

За что смещается наиб и записывается в рядовые, за то же самое сотенный начальник сменяется, подвергается месячному аресту и записывается в рядовые, с лишением права быть когда-либо повышенным; десятский сменяется, подвергается месячному аресту и наказывается 39 ударами плети, рядовой же только подвергается месячному аресту.

За что наиб подвергается 15-ти дневному аресту, за то же самое сотенный начальник подвергается месячному аресту и наказывается 31-м ударом плети; десятский — тоже месячному

аресту и наказывается 39 ударами плети; рядовой же подвергается только месячному аресту»⁷⁷.

Из цитированного законодательного акта устанавливается, что направление репрессии имеет ярко выраженный классовый характер. То, что совершенное наибом получает квалификацию проступка, расценивается как уголовно-наказуемое действие, если оно исходило от ниже стоящих и рядовых. Об этом говорит широкое применение к ним таких видов уголовной репрессии как телесные наказания, более продолжительные сроки ареста, лишение права быть повышенными по службе.

Обращает на себя внимание, что получение взятки наибом считалось проступком, хотя сам Шамиль квалифицировал взяточничество как одну из причин разрушения государства и порядка.

Телесное наказание в виде ударов плетью, максимальное число которых не превышало 39, применялось в соответствии с шариатом. Мусульманское право разделяет преступления на три категории. К категории «Тезир» относились действия, не предусмотренные законом, но клонящиеся к нарушению какого-либо законоположения или распоряжений власти и караемые сообразно с обстоятельствами особыми видами исправительного наказания. Тезир не должен был превышать хадд (действие, караемое по корану определенным наказанием, в связи с чем свободному человеку нельзя было назначить более 39 ударов плетью).

Мусульманское право предоставляло кадию, если он найдет, что кто-либо заслуживает за свой поступок наказания, подвергнуть это лицо исправительному наказанию, которое могло состоять в увещевании, наказании плетью, заключении в тюрьму, в денежном штрафе и в изгнании.

Шамиль, узаконив это положение шариата, разрешил кадиям и набомам назначать исправительные наказания, следствием чего был жестокий произвол представителей администрации, беззастенчиво обогащавшихся за счет рядовых горцев.

Нами было отмечено, что законодательство Шамиля расширило круг действий, признаваемых преступными. Руководствуясь мыслью, что для успешного ведения войны необходимо устранить из горского быта все, что ослабляет воинский дух народа, Шамиль своим низамом «Запрещения» отнес к числу преступлений курение и нюхание табака, игру на музыкальных инструментах, танцы. Эти деяния в шариате не были запрещены в категорической форме. Не было единства по данному вопросу у авторитетов мусульманского законоведения. Перечисленные деяния относились к безусловным запретам

⁷⁷ Низам Шамиля. ССКГ, вып. III, 1870, стр. 12—13.

сектантским движением хариджизма. Хариджиты, всегда выступавшие как пуритане ислама, осуждали всякую роскошь и запрещали музыку, табак, танцы и спиртные напитки⁷⁸. Шамиль, опираясь на толкования хариджитов, применял строгие наказания за отклонения от установленного им спартанского режима. За нюхание табака виновному посредством бечевки, продетой через ноздри, подвешивали табакерку, за курение — трубку. Помимо этого виновные подвергались кратковременному аресту или палочным ударам в соответствии с упоминавшимся выше «тезиром». Телесные и позорящие наказания применялись к лицам, предававшимся музыке, танцам и песням. Строго наказывалось пьянство. Как отмечает Н. А. Смирнов, если по шариату пьянство наказывалось 40 палочными ударами, то по законам имамата за это назначалось такое количество ударов, что наказание нередко приводило к смертному исходу⁷⁹. В своих показаниях прапорщик Орбелиани, находившийся в плену у горцев, утверждал, что за употребление вина и водки или других крепких напитков положено было лишать жизни⁸⁰.

Касаясь строгих мер, предпринятых Шамилем для переустройства горского быта, Н. А. Смирнов пишет: «Практически это означало, что образ жизни, назначенный догмами ислама и правилами шариата, насильственно распространялся на всех горцев»⁸¹.

Источники и литература дают основание для утверждения, что уголовная репрессия в имамате на практике шла значительно дальше существовавших норм низама и мусульманского права. В шариате, как подчеркивает проф. Н. Д. Дурманов, целиком базирующемся на религии и являющемся по существу ее частью, понятие антимоラルного и преступного поведения почти сливаются воедино. При всеобъемлющей роли религии и в общественной и в частной жизни людей она определяет понятия дозволенного и недозволенного и она же дает оценку тому или иному поведению человека. «Ислам,—пишет он далее,— охраняет мерами принуждения почти все предписания религии и в то же время рассматривает каждое нарушение норм права как грех»⁸². Установления Шамиля в области уголовного права даже по сравнению с шариатом значительно расширяли сферу уголовно-правового принуждения. Что же касается превышения пределов уголовной репрессии, определенной нормами низама, об этом свидетельствуют многочис-

⁷⁸ А. Массэ. Ислам. М., 1963, стр. 137.

⁷⁹ Н. А. Смирнов. Указ. соч., стр. 118.

⁸⁰ «Движение горцев...», (сбор. док.).

⁸¹ Н. А. Смирнов. Указ. соч., стр. 117.

⁸² Н. Д. Дурманов. Понятие преступления. М.—Л., 1948, стр. 230.

ленные факты, часть которых нами приводилась при характеристике управления наибов.

Отметим также, что и смертная казнь в имамате определялась в гораздо больших масштабах, чем это предусмотрено шариатом.

Строжайшие меры принуждения, узаконенные в имамате, объяснялись и нередко оправдывались различными авторами обстановкой военных действий, требовавшей предельной мобилизации сил и железной дисциплины. Они явно переоценивали частные результаты, достигнутые детальной регламентацией личной жизни человека и установлением уголовных санкций за несоблюдение этих запретов. Излишняя криминализация несомненно принесла больше вреда, чем пользы, так как она вызывала острое недовольство и опасения горцев, препятствуя тем самым укреплению и расширению социальной базы движения.

Перейдем к рассмотрению нововведений Шамиля в системе наказаний. Основными видами уголовно-правового воздействия в имамате являлись смертная казнь, тюремное заключение, денежные штрафы, телесные и позорящие наказания.

Смертная казнь как вид наказания в уголовно-правовом смысле впервые была введена Шамилем. Являясь высшей мерой уголовной репрессии, она назначалась за совершение наиболее опасных государственных и воинских преступлений. Назначалась смертная казнь наибами, но приводилась в исполнение только после утверждения имамом. Совершалась смертная казнь отсечением головы. С начала Крымской войны смертная казнь за все преступления, кроме шпионажа, была отменена. Законодательство Шамиля не знало т. н. квалифицированной казни, сопряженной с причинением особых мучений.

Применяя смертную казнь, Шамиль преследовал главным образом цель устрашения населения. Он считал, что «хотя и привыкли горцы к зрелищу смерти, идя навстречу ей в сражениях или встречая ее каждый день неожиданным образом в своих беспрестанных ссорах, где иногда косою взгляд порождает смерть; но собственно казнь производит на них впечатленье тяжелое, а вид отрубленной головы знакомого или незнакомого человека, воображение ожидания им последней минуты, не оставляющей уже никаких надежд, и мысленное применение этого состояния лично к себе, все это представляет единственное и самое верное средство для образумления горцев»⁸³. Исходя из этого, он не позволял хоронить выставленные по деревьям головы казненных без специальной просьбы населения. Говоря по данному предмету с Руновским, Шамиль сделал оговорку, что и он сам охотно бы применял ссылку для

⁸³ АКАК, т. XII, стр. 1446.

многих казненных им преступников, но не мог этого делать, так как у него «не было Сибири». Причем он добавил, что к совершившим воинские преступления он не сделал бы этого исключения, будучи убежденным, что «ссылка — дело поправимое, а все, что может быть исправлено, не страшит испорченных людей вообще».

Тюремное заключение, неизвестное ранее в Дагестане, назначалось за совершение многих гражданских и воинских преступлений. Тюрма представляла собой обычно яму. Подвергнутого тюремному заключению обязывали внести определенную сумму денег для уплаты надзирателям. Срок заключения в тюрьму был определен от 3 дней до 3 месяцев.

Денежный штраф был установлен в 1851—1852 г. за воровство, уклонение от воинской повинности и умышленное прикосновение к женщине. Взыскивая штраф за воровство, Шамиль допустил явное отклонение от предписаний шариата. За первую кражу по шариату отрубали правую руку, за вторую кражу — левую, за последующие кражи в том же порядке — ноги. Поскольку следование шариату в этом вопросе нанесло бы военный ущерб, Шамиль своим низамом заменил членовредительные наказания денежным штрафом.

В период, когда тяготы длительной войны заставили некоторых горцев предпочесть тюремное заключение служению в армии, о чем свидетельствовала пословица «Лучше год просидеть в тюрьме, чем пробыть месяц в походе», Шамиль внес существенное дополнение к своему низаму, выразившееся в том, что с заключенного взыскивали 20 коп. серебром за каждую ночь, проведенную в яме. Эта мера привела к резкому сокращению случаев уклонения от воинской службы. Как свидетельствует А. Руновский, чтобы избежать полного разорения даже жены указывали местонахождение своих мужей, скрывающихся от призыва в армию. Денежный штраф за умышленное прикосновение к женщине был вызван стремлением Шамиля устранить весьма частую причину кровной мести, возникавшей в результате саморасправы потерпевшей стороны.

Хотя размеры денежного штрафа были одинаковы для всех, не подлежит сомнению, что этот вид наказания предоставлял очевидные преимущества богатым, для которых уплата штрафа не была сопряжена с какими-либо трудностями и лишениями.

Важное место в законодательстве Шамиля занимали установления в области брачно-семейных отношений. В Чечне Шамилю довелось видеть многих седых женщин и преклонного возраста мужчин, так и не вступивших в брак из-за огромных размеров калыма. Невозможность уплаты калыма нередко вынуждала молодых людей к бегству из дому для вступления в брак. Бегство или увоз девушки и заключение

брака с ней без согласия родителей вызывали кровопролитие и бесконечную вражду. Шамиль определил размер калыма в 10—12 руб., указав, что калым может быть бесконечно малым. Одновременно он отдал распоряжение зашивать рты муллам, совершавшим обряд бракосочетания беглецов, а молодых возвращать в родительские дома, где их, подвергнув палочным ударам, изгоняли на год из аулов.

Устранив причину, препятствовавшую заключению брака, Шамиль отдал распоряжение строго следить за тем, чтобы родители выдавали замуж совершеннолетних девушек. В необходимых случаях наибам вменялось в обязанность принскивать молодых людей из других аулов и рекомендовать их родителям невесты.

В своевременном заключении браков Шамиль видел средство к искоренению разврата и других отрицательных явлений, обращавшихся в предмет длительной заботы органов государственной власти.

Когда родители по каким-либо причинам не выполняли предварительный сговор и отказывали в выдаче дочерей замуж, виновные, согласно низаму, должны были отсидеть в яме до тех пор, пока девушка не выходила замуж. Многие авторы писали, что нововведения Шамиля в области семейно-брачных отношений устанавливали систему принудительных браков в интересах увеличения населения. В беседе с Руновским Шамиль утверждал, что в имамате не было низама о принудительных браках, а целью реформ являлось устранение из жизни горцев всего, что отвлекало их от вооруженной борьбы. Факты принуждения к заключению браков он объяснял злоупотреблениями корыстолюбивых наибов.

Для облегчения участи горских женщин, страдающих от произвола мужей при разводах, низам Шамиля предусматривал обязательное материальное обеспечение при расторжении брака. Изменение существовавших на сей счет правил шариата было вызвано участившимися случаями обхода шариатских положений бывшими мужьями. При разводе они ссылаясь на различные фиктивные обязательства, утверждали, что имущество принадлежит не им, а третьим лицам, в силу чего они не могут выделить жене полагающееся ей имущество. Чтобы избежать такого рода отговорок Шамиль определил: «признавать все движимое и недвижимое имущество, находящееся у горца в доме или в его руках, неотъемлемой его собственностью до тех пор, пока он окончательно не удовлетворит разводимую жену всем, что только ей следует». — Только после этого имение могло быть передано по принадлежности согласно его показанию или удостоверению свидетелей. Говоря о причинах, вызвавших приведенное выше законодательное предписание, Шамиль не без иронии заметил: «Пророк,

вероятно, не предвидел уловки, которую изобретут дагестанские его поклонники в деле расторжения брачных союзов». Это высказывание примечательно и несомненно свидетельствует о понимании Шамилем архаичности и несовершенства многих положений шариата, которые он был вынужден изменять и приспособливать, как ему представлялось, к потребностям жизни в конкретных условиях имамата.

В практике нередко были случаи, когда мужья при разводе отдавали женам половину оговоренного в брачном договоре калыма. При этом, пользуясь стыдливостью жен, они прибегали к следующему правилу шариата: «если разводимая жена не была тронута на брачном ложе, то она должна получить только половину условного калыма». В противовес этому правилу Шамиль выдвинул свое, устранявшее возможность злоупотреблений со стороны мужчин, чересчур нагло обративших приведенное правило в свою пользу. Положение Шамиля гласило: «муж, пробывший наедине с женою несколько минут обязан выдать ей при разводе весь калым сполна по условию»⁸⁴.

Рассмотренные узаконения Шамиля в области семейно-брачных отношений, несомненно, имели положительное значение, хотя, разумеется, они представляли сугубо частные меры и не могли сколько-нибудь существенно повлиять на положение женщины. Шамиль достаточно хорошо знал, какие непосильные лишения и невзгоды выпали на долю горских женщин в ходе многолетней изнурительной войны. В определенной степени ограждая горских женщин от произвола мужей, Шамиль понимал, что без некоторого облегчения безвыходной участи горянок сила сопротивления горского общества царским войскам значительно будет подорвана.

Новые правовые нормы были установлены Шамилем в области регулирования гражданско-правовых отношений, главным образом вытекающих из обязательств, а также института наследования. Как и во всех других случаях, законодательные нововведения были вызваны тем, что применение шариатских правил не отвечало конкретным социально-политическим условиям имамата, а также ввиду несовершенства и пробелов шариатских постановлений с точки зрения законодательной техники.

Один из низамов Шамиля, называвшийся «О торговле и о мене домашним скотом», имел целью устранить тяжбы и раздоры, возникавшие при совершении сделок, относимых мусульманским правом к категории «бай» — (купля-продажа). К этой категории принадлежал и договор мены «мукия-дат». Бедняк-горец в неурожайное время вел скотину к соседу, а чаще всего в соседний аул и обменивал ее на пшеницу или

⁸⁴ АКАК, т. XII, стр. 1405.

кукурузу. Затем, поправив свои дела, он через несколько месяцев, а иногда и годы отдавал взятое ранее количество зерна и требовал возврата скотины с полученной прибылью. Требование это было основано на заблуждении—истцу казалось, что он не продавал и не обменивал свою скотину безвозвратно, а только под залог взял нужное количество хлеба. Прибылью и вместе с тем вознаграждением за потравленный скотиной корм, по мнению претендателя, должна была служить работа, в которой скотина находилась. Большей частью, подчеркивал А. Руновский, претендатель хотел воспользоваться боязнью противника возбудить ссору или же нежеланием заводить тяжбу⁸⁵.

Другая разновидность этого вида тяжбы выражалась в том, что продав скотину исхудалую или со скрытыми пороками за ничтожную плату, продавец пытался ее возвратить за те же деньги впоследствии, когда она поправится и будет стоить во много раз дороже первоначальной цены. При этом продавец прибегал к такому ухищрению — он посылал кого-либо, который объявлял, что скотина у него была украдена и представлял необходимое число свидетелей. Согласно шариату, возврат украденной скотины дозволялся не иначе как за первоначальную цену «и плутовство увенчивалось успехом к ущербу честных людей»⁸⁶.

Как писал А. Руновский, то же самое происходило в тех случаях, когда у купленной или выменной скотины, преимущественно у лошади, оказывался какой-нибудь порок. Одним из правил шариата продажа такой скотины была запрещена под страхом наказания, но о последствиях состоявшейся продажи и о сроках предъявления претензий в них ничего не говорилось.

Своим низамом «О торговле и о мене домашним скотом» Шамиль установил срок для предъявления претензий на проданную, купленную или вымененную скотину — три дня. По истечении трех дней претендатели теряли всякое право на спорный предмет или могли приобрести его за новую цену по взаимному соглашению с последним владельцем скотины⁸⁷.

Низам Шамиля очень сходен с институтом «хьяр» (выбор). Право «хьяр», не известное европейскому законодательству, позволяло расторгнуть заключенную сделку, даже если бы вещь была передана. Одним из его разновидностей являлось «хьяру-ш-шарт» (право выбора по условию, оговоренному при совершении сделки). По учению Шафи и Абу-Ханифы оно было обусловлено трехдневным сроком.

⁸⁵ А. Руновский. Кодекс Шамиля, стр. 355.

⁸⁶ Там же, стр. 357.

⁸⁷ Там же, стр. 357.

Низам «Обеспечение взаимных обязательств» был вызван частыми нарушениями договоров недобросовестными должниками, уклонявшимися от исполнения обязательств. При предъявлении требований кредитора должники, используя подкупленных свидетелей, заявляли, что находившиеся в их руках деньги и скотина и все остальное им не принадлежит, а давно отдано третьему лицу. Для пресечения этой уловки Шамиль установил: «все, что находится у горца в доме, а также при нем или на нем, признается его собственностью от начала иска и до окончания его»⁸⁸.

Наследственные отношения в имамате, согласно низаму Шамиля, регулировались исключительно на основе шариата. Мусульманское законодательство, как известно, предусматривает два вида наследования—по закону и по завещанию. При разделе наследственного имущества по закону в Дагестане в точности придерживались руководящих принципов «Путеводителя ревнителй веры» (Мингадж).

К наследованию в первую очередь призывались одновременно отец и мать, сын и дочь и оставшийся в живых супруг, каждый из которых получал определенную долю имущества. При наличии перечисленных наследников остальные родственники отстранялись от наследования; когда у покойника не было восходящих родственников и супруга, все имущество переходило к сыну. Если наследницей оставалась дочь, она получала лишь половину имущества, две или более дочери наследовали две трети имущества, а остальное делилось между братьями и сестрами покойного. При отсутствии нисходящих и восходящих родственников, переживший супруг наследовал половину имущества, супруга—четвертую часть. Если не было нисходящих, супруга и мать получали одну треть, остальное имущество — отец. В равной степени родства мужчина всегда получал имущества в два раза более, чем женщина. В одной и той же линии ближайшая степень родства устраняла дальнейшую. Право представления не имело места, племянники не являлись наследниками при дяде, внуке и сыне. При наличии дтей сына дети дочери не наследовали.

Право наследования в Дагестане, в соответствии с древнейшим толкованием школы Шафи, ограничивалось следующими категориями родственников: 1. сыном, 2. внуком, 3. отцом, 4. дедом, 5. братом, 6. племянником, 7. дядей, 8. двоюродным братом, 9. супругом и соответственно теми же степенями родственников по женской линии. При их отсутствии, а также в тех случаях, когда наличным родственникам приходила лишь часть наследства, имущество становилось выморочным⁸⁹.

⁸⁸ Там же, стр. 358.

⁸⁹ М. М. Ковалевский. Закон и обычай на Кавказе. М., 1890, т. II, стр. 207.

Завещания на случай смерти в мусульманском праве (васият) не должны превышать одной трети имущества. Васият, сделанный лицом, находящимся при смерти, в случае выздоровления признавался недействительным.

Наряду с правом дарения на случай смерти законоведы школы Шафи различали право дарения при жизни, которое могло распространяться на любую часть и вообще все имущество, передававшееся кому-либо опасно больным. Такой акт «назру» в дагестанской юридической практике занял место завещательного распоряжения на случай смерти. Назру объявлялся недействительным в том случае, если распорядитель умрет ранее трех дней составления письменной записи.

Б. Далгат писал, что желавший обойти установленный шариатом порядок раздела наследственного имущества прибежал к акту назру, указывая, что распоряжение сделано им за три дня до кончины. Более продолжительный срок не назначался из-за опасения, что тот, в пользу кого сделано завещание, принудит к передаче имущества еще при жизни⁹⁰. В самом акте даритель обязан был указывать, что имущество свое он передавал при жизни, так как в случае записи «отдать имущество по моей смерти» назру не имел силы. «Под завещанием (назру) — отмечал Б. Далгат, — понимаются такие акты, исполнение коих может последовать как бы при жизни завещателя, а не такие, исполнение которых последует по смерти завещателя (васият). Хотя завещание (назру) на бумаге есть акт, как бы исполняемый при жизни завещателя за 3 дня до его смерти, но однако в действительности оно исполняется по смерти завещателя»⁹¹.

Путем таких дарений при жизни—назру дагестанский отец мог дать дочерям равные доли с сыновьями или вообще им ничего не выделить, передав следуемое им внукам, сыновьям дочерей. Мог он обойти сестру в пользу ее сына—племянника. Нередко устанавливал он право представления, завещав часть имущества при живых сыновьях внуку, отец которого умер до окончания наследства, мог искусственно создать майорат или помимо всех сыновей оставить имущество дочерям. Законность приводимых видов распоряжений назру признавалась крупными авторитетами мусульманского права, принадлежавшими к шафиитской школе — Нашири, Ибну-Ходжа, Рамали⁹². В Дагестане, по свидетельству Б. Далгат, распоряжения «назру», передававшие часть или все имущество даже постороннему человеку, считались дозволенными⁹³.

⁹⁰ Из истории права народов Дагестана. Махачкала, 1968, стр. 131.

⁹¹ Там же, стр. 137.

⁹² М. М. Ковалевский. Указ. соч., т. II, стр. 212; Полемика дагестанских ученых по вопросу об отчуждении собственности по назру. ССКГ, вып. V, 1872, стр. 15, 25, 27.

Укоренившаяся практика обхода завещательных постановлений шариата, ущемлявшая интересы законных наследников, порождала бесконечные тяжбы и раздоры среди горцев. Право назру в имамате нередко служило также формой мнимой сделки, позволявшей уклониться от уплаты долга. Когда суд обязывал к удовлетворению истца из принадлежавшего должнику имущества, последний задним числом делал назру в пользу своего родственника и тем самым избегал исполнения обязательства.

Учитывая создавшееся положение, Шамиль, собрав ученых-арабистов в Хунзахе в июне 1957 г., поставил перед ними вопрос о необходимости ограничения права назру. Шамиль говорил, что правильное по форме исполнение назру для того, чтобы быть действительным в той же мере должно соответствовать целям и назначению назру как богоугодного дела. Назру буквально означает обет перед богом, а таковыми нельзя признавать акты, лишаящие кого-либо установленной доли наследства или прикрывающие отказ от выплаты долга. С одобрения присутствовавших Шамиль установил низам: «пресекать корни назру и прочие ухищрения и коварства, удерживать людей от возобновления решенных тяжб, а тяжбы, которые будут решать после настоящего времени, записывать в особую книгу». В соответствии с низамом, действительными признавались только такие виды назру, богоугодная цель которых не вызывала никаких сомнений.

* *
*

Государственно-правовым формам восставших горцев Дагестана и Чечни были присущи ряд специфических черт и особенностей, определявшихся резким обострением классовых противоречий и обстановкой военных действий против экспансии царизма.

Оценивая результаты деятельности Шамиля в реорганизации юридического быта горцев, следует подчеркнуть, что его реформы не коснулись содержания основных правовых институтов, закреплявших систему эксплуатации.

Правопорядок, установленный в имамате, ярко отражал изменявшееся соотношение сил в классовой борьбе и политику господствующего класса—мусульманского духовенства и зажиточного узденства — на различных этапах движения.

К числу важных достижений Шамиля следует отнести ликвидацию правового партикуляризма и учет местных усло-

---

⁹³ Из истории права народов Дагестана, 1968, стр. 135—136.

вий в судебной практике по делам, рассматриваемым на основе шариа.

В законодательстве Шамяля получили значительное развитие понятия преступления и наказания. Понятие преступления стало более отчетливо выражать опасность и наказуемость деяний с точки зрения государственных интересов, а в области наказания заметно усиливается государственное начало в преследовании преступлений, угрожавших государству в целом. Законодательство Шамяля расширило круг наказуемых деяний и предусматривало многие виды государственных, воинских и должностных преступлений. В соответствии с этим существенным изменениям подверглась и система наказаний, преследовавшая главным образом цель устрашения. Появился ряд новых видов наказаний, важное место стали занимать личные наказания, сочетавшиеся во многих случаях с наказаниями имущественными.

Несомненным прогрессивным явлением в законодательстве имамата явилось резкое ограничение кровной мести, а также некоторое увеличение правоспособности женщин.

В области судоустройства и судопроизводства можно отметить учреждение постоянных судов, сокращение диспозитивности в процессуальном праве, резко возросшее количество элементов розыскного процесса.

СОЦИАЛЬНАЯ ДОГМАТИКА И ЭТИКА СЕКТЫ ЗИКРИСТОВ В ЧЕЧЕНО-ИНГУШЕТИИ.

Во второй половине XIX века после падения имамата Шамиля значительно ослабляется деятельность тарикатской секты накшбендийского толка в Чечено-Ингушетии. Зато быстрое распространение получает здесь тарикатское течение кадиристского толка. Последователи этого учения называются зикристами или «прыгунами» (Ирх-илханах). Дело в том, что последователи кадиристского учения в Чечено-Ингушетии, в отличие от накшбендийцев, организовывали зикр (коллективные моления) с громким пением религиозных песен.

Основателем этого течения в мусульманском мире считают арабского мистика — дервиша Абдул Кадыра из небольшого города Гилян около Багдада (умер в 1116 г.).

Нам удалось обнаружить свидетельство шейха суфиев кадиристской секты, выданное на имя Абдул-Рахмана Эль-Ариффа сына Омара Калисийского. Такие свидетельства выдавались в особых случаях, когда умирали старые шейхи или появлялась необходимость иметь шейха в тех или иных странах. В этом пространном документе излагаются не только нравственные поучения и уставные требования, но и основы идеологии секты. Выявленный документ обожествляет шейхов, связывая их происхождение не только с основателем секты Абдул Кадыром Гилянским, но и с пророком и даже с аллахом. В них утверждается, что учение кадиристов является наиболее справедливым и указывает «прямой путь народу к вечной истине», так как оно основано «единственным, неподражаемым учением своего времени, обладающим всеми познаниями, святым из святых Абдул Кадыром Гилянским»¹.

Идеологи секты разработали специальные правила, культивирующие шейхов. «Все суфии нашей секты... должны оказывать шейху... должное почтение и повиновение и помогать ему, явно и тайно, во всем, чего он пожелает»². Всякий, кто

¹ Подлинник хранится в ЦГВИА. Ссылки даются по копии этого документа, который хранится в рукописном фонде кафедры философии Даггос-университета, дело 7, стр. 6.

² Там же, стр. 11.

окажет ему почитание, тот почитает первейшего из святых Абдул Кадыра Гилянского, кто же почитает его, тот почитает деда его, Магомеда избранного, кто же почитает Магомеда, тот почитает самого бога всевышнего, того бог отличит и возвысит в здешней жизни и в будущей»³.

Кадиристы обещают тем из своих последователей, которые достойно почитают шейха, его учеников и находящихся при нем, не только райское блаженство после смерти и возвышение в земной жизни, но и назначение их своими шейхами и наместниками, обеспечив все вытекающие из этого звания привилегии. Кадиристы требуют почитать шейха, как «святого», выходить ему навстречу и сажать его только на ковер. Но при всем этом они не доходят в возвышении роли шейха до такой крайности как накшбендийцы, не унижают до такой степени своих последователей — мюридов. Все это рассчитано на то, чтобы сделать последователей секты покорными и безмолвными рабами.

В отличие от накшбендийцев, кадиристы, достаточно подробно определяя обязанности, пытаются повысить ответственность шейхов за свои поведение и деятельность. Шейхи сами должны аккуратно исполнять все наставления и требования секты и своим поведением и деятельностью показать пример другим. Отсюда не значит, конечно, что все шейхи кадиристов подавали пример скромности, набожности, благочестивости и добродетельности. Было немало примеров, когда шейхами объявляли себя всякие шарлатаны, имея в виду использовать это звание для всякого рода вымогательств. В чем же заключаются основные наставления тариката кадиристов? Они состоят в следующем: 1) щедрость; 2) страх перед богом, слепое повиновение его воле, законам пророка и наставлениям благочестивых и набожных людей, т. е. шейхов; 3) терпимость; 4) молиться и быть твердым в вере; 5) носить шерстяную одежду; 6) странствовать; 7) бдение и голод; 8) бедность⁴.

Как понимали и истолковывали эти наставления кадиристские шейхи?

1. Щедрость предполагает не скупиться в раздаче милостыни, преподношений, которые являлись главным источником существования всяких дервишей, суфиев и шейхов. Один из наиболее почитаемых шейхов кадиристской секты в своих наставлениях пишет: «быть щедрым, раздавать то, что дано нам всевышним»⁵.

³ Там же, стр. 13.

⁴ Там же, стр. 15.

⁵ Свидетельство шейха Абдул-Рахмана-Эль-Арифа. Рукописный фонд кафедры философии ДГУ, дело № 7, стр. 14.

Составители Корана также учли это обстоятельство. В нем от имени аллаха говорится: «Будьте щедры в раздаче и я буду к вам щедр». В наставлениях кадиристских шейхов подчеркивается, что благородный пример щедрости подал верующим пророк Ибрагим, который в силу отсутствия скота для жертвоприношения и раздачи попытался принести в жертву своего родного сына.

2. Вероучение кадиристов требует слепого подчинения своих последователей не только воле бога, установлениям ислама, но и наставлениям шейхов. Например шейх Хаджи Ахмед Сузийский считает основными условиями суфизма раскаяние, страх, сильное рвение и любовь к богу, «служение и преданность путеводителю своему, верование в него, доверенность к нему, послушание ему и охотное исполнение его приказаний»⁶. Идеологи кадиризма утверждают, что аллах создал человечество с условием, чтобы оно познало, знало и служило ему. А «святые» созданы, чтобы служить человечеству путеводителями к богу.

3. Терпеливость означает умение безропотно переносить все невзгоды и лишения, которые взваливаются на плечи трудящихся масс в условиях классового общества. «Тот человек более всех угоден богу, кто имеет кроткий нрав»⁷ — сказано в обнаруженном нами свидетельстве. «Если даже его (мюрида — Л. К.) побьет и прогонит его шейх, он не должен ни сердиться на него, ни быть злопамятным, но напротив, возвратиться к своему шейху с повинованием и печалью, со страхом и надеждою»⁸.

4. Учение кадиристов требует от своих последователей постоянно молиться, «предостерегать сердце от всякой мысли, которая не ведет к богу»⁹. В наставлениях шейхов подробно разъясняется, как и когда молиться, что и сколько раз читать. В кадиризме, как и в исламе в целом, придается магическое значение молитве: продление жизни, спасение от несчастного случая, выздоровление больных и т. д.

5. Суфисты носили плащи из грубой шерсти, подчеркивая тем самым свою бедность. «Ношение такой одежды означало... удаление от богатых и почитание бедных»¹⁰.

Относительно шерсти, из которой якобы сделан плащ суфиста, в литературе идеологов кадиристов сказано следующее. «Шерсть этого плаща происходит от барана Исмаила. Ангел, именуемый Гатаилом, принес эту шерсть Еве и сказал ей:

⁶ Там же, стр. 17.

⁷ Там же, стр. 14.

⁸ Рукописный фонд кафедры философии ДГУ, дело № 7, стр. 20.

⁹ Там же.

¹⁰ Там же.

«О Ева! Пряди мне эту шерсть» и она спряла ее. Тогда ангел Гатаил взял сию шерсть, выткал из оной четыре куска, из которых он один отдал шейху, другой Адаму, который сделал себе из него чалму; третий — Еве, которая сделала для себя пояс, четвертый же кусок взял Джабраил, который отнес оный на небеса и там, в раю, положил его в сундук, где он оставался до того времени, как Магомед был послан к людям¹¹. Этой легендой суфийские шейхи подчеркивали свою «святость», близость к бедным и таинственность одежды. Теперь, когда в корне изменилась жизнь, мало кто носил одежду из самотканной грубой шерсти. Отсюда отпало значение наставления носить шерстяную одежду.

6. Учение кадиристов считает странствование, т. е. отшельничество одним из желательных условий самоусовершенствования мюрида. Нельзя думать, что эта установка введена с целью обогащения памяти и жизненного опыта мюридов. Странствование для мюрида — полуголодного аскета и мистика — является тренировкой физического и психологического изнурения организма, считающегося главным свидетельством «святости» в глазах верующих.

Странствование помогает отвлечься от забот общественной, семейной и личной жизни, отдаваться всецело мыслям об аллахе.

7. Бодрствование и голод — это два необходимых условия для мюрида, вступившего в секту кадиристов. Больше бодрствовать — значит больше молиться, так как все свободное от сна время мюрид должен посвятить молитвам и другим наставлениям секты. «Мало есть, мало пить (воды), мало говорить, мало спать, много молиться и размышлять о боге, быть самоотверженным и всегда умерщвлять душу свою, всякий день вставать до рассвета и ложиться поздно, употреблять все это время для своего хорошего воспитания...»—говорится в наставлении кадиристского шейха¹².

8. Особенно большое внимание уделяется в учении кадиристов бедности. Как известно, суфизм возник среди низших слоев духовенства и получил распространение среди беднейшей части населения. Шейхи кадиристской секты утверждают, что их идеология выражает интересы бедности. Пророку Мухаммеду, который считается идейным вождем суфизма, приписываются такие изречения: «Бедность моя слава и я ею горжусь», «О боже, удостой меня жить и умереть бедным, и прими меня в число бедных», «Бедные моего народа будут в день воскресения впереди богатых на расстоянии полудня,

---

¹¹ Там же, стр. 16.

¹² Там же, стр. 11.

т. е. пятисот лет»¹³. Ссылаясь на эти изречения, шейх Хаджи Ахмед Сузийский пишет: «Мы следуем по высоким правилам, нам предписанным самим пророком»¹⁴.

Эти изречения и демократические фразы привлекали симпатии угнетенных низов к кадиризму, как и к суфизму в целом. Но кадиристская идеология, перенося интересы человека в загробную жизнь и во внутренний мир, отстаивая принципы аскетизма, отшельничества и мистицизма, объективно служила интересам эксплуататорских классов.

Таковы главные наставления шейхов кадиристской секты.

В цитированном нами документе большое внимание уделяется вопросам совершенствования шейхов. От последнего требуется не только знание вероустава своей секты, но и умение влиять на верующих. Кроме того, шейх должен постоянно стремиться расширить секту за счет тех, кто пожелает быть кадиристом и дает присягу быть верным и покорным. Он может принять в свою секту «скромных, набожных, благочестивых и добродетельных женщин». Это связано с модернистскими тенденциями, обусловленными социально-экономическими изменениями, происходящими в мире, и осознанием особо важного положения женщины в формировании мировоззрения подрастающего поколения. Эта уступка носила формальный характер и фактически не изменила состава последователей кадиристской секты. За крайне редким исключением женщины до сих пор не вовлекаются в секту.

Устав кадиристов нацеливает шейхов использовать всевозможные средства для вовлечения беднейшей части населения в свою секту. «Когда ты встретишься с бедными, не тотчас решайся их учить, — сказано в уставе, — но прежде познакомься и подружись с ними, ибо наука их пугает и отнимает у них охоту, между тем как напротив ласковые и дружественные поступки их привлекают»¹⁵.

Вопросы о совершенствовании шейха, о методах и приемах обработки масс встали перед идеологами кадиризма в связи с отходом трудящихся от религии, в том числе от суфийской идеологии.

Как видно из сказанного, учение кадиристской секты носит в основном морально-дидактический характер. В нем выдвигаются конкретные условия нравственного самоусовершенствования мюрида, якобы позволяющего ему сблизиться с божеством. Прав академик В. В. Бартольд, который пишет, что

---

¹³ По мнению верующих день страшного суда будет продолжаться тысячу лет.

¹⁴ Рукописный фонд кафедры философии ДГУ, дело № 7, стр. 12.

¹⁵ Рукописный фонд кафедры философии ДГУ дело № 7, стр. 21.

«в учении кадиристов моралист-проповедник преобладал над мистиком»¹⁶.

Но вместе с тем в учении этой секты значительное место занимают философско-мистические идеи. Остановимся коротко на них. Согласно учению кадиристов, суфизм есть «наука, которая учит познавать бога, наука, которая почитается самой великою и называется наукою боговдохновенною». Она внушена первоначально богом пророку Мухаммеду, от него, передаваясь через святых, она дошла до нас. Следовательно, она не усваивается путем изучения, а переходит «силою вдохновения»¹⁷. Указывая каким образом суфийская наука перешла к нему, Шейх Хаджи Ахмед Суфийский пишет: «От него сия наука перешла ко мне силою вдохновения, когда, в ясном видении, которое я имел в минуту размышления, я слышал красноречивый и благосклонный голос сего великого святого...»¹⁸. В этом основная особенность суфизма, его мистическая сущность. Рационалистические течения в исламе (мутазилиты и др.) полагали, что достигнуть божественную истину можно только опираясь на силу логики. Суфисты же утверждают, что постичь эту истину можно лишь интуицией. Речь идет, разумеется, не о научной интуиции. Интуиция в понимании суфистов — это особое мистическое духовное чувство (озарение, просветление), которое дается якобы богом единичным суфиям, заслужившим своими действиями и состоянием расположение божества. Причем суфийский бог не отличается от бога ортодоксального ислама, он наделен такими свойствами, как всемогущество, вездесущность, всевидение и т. д. Мистическое значение придается одежде суфия, его изможденному виду и белизне лица.

* *
*

В Чечено-Ингушетии первым проповедником кадиризма был житель сел. Элихан-юрт Гудермесского района Кунта-Хаджи Кишиев. Начало его проповеди относится к 50 годам XIX века, т. е. завершающему периоду Кавказской войны. В начале он не имел особого успеха. К нему примыкали только небольшие группы верующих, которые осознали бесперспективность и пагубность Кавказской войны и усмотрели в идеях Кунта-Хаджи мир и покой. Как будет показано ниже, он учил, что аллаху не угодны попытки насильственно изменить установленные им общественные порядки. Шамиль и его сподвижники преследовали Кунта-Хаджи за то, что он проповедовал отказ от «священной» войны против царизма, вносил раскол

¹⁶ В. В. Бартольд. Ислам, ИГ, 1918, стр. 58.

¹⁷ Рукописный фонд кафедры философии ДГУ, дело № 7, стр. 19.

¹⁸ Там же.

в ряды горцев, а царские власти одобрительно относились к его проповеди.

Ряды сторонников Кунта-Хаджи стали быстро расти после пленения Шамиля и завершения Кавказской войны. Тут дело было не в том, что с пленением Шамиля некому было его преследовать и он развернул свою деятельность проповедника, а в том, что основные массы горцев разочаровались в имамате, ради которого они боролись, и потеряли веру в возможность свержения царского гнета путем вооруженной борьбы.

Кунта-хаджинцы создали свою организацию по военному образцу со строгой централизацией. В крупных селах были назначены векилы (наместники) Кунта-Хаджи, в их подчинении были тамады (старшие), а по кварталам за мюридами наблюдали туркхи (исполнители), подчиненные тамадам. В общинах существовала строгая военная дисциплина. Тамады не только осуществляли руководство закристскими общинами, но и строго следили за тем, чтобы аккуратно исполнялись правила устава. Не надеясь на страх перед богом и загробными карами, которые они внушали мюридам, тамады применяли строгие меры наказания за малейшие проступки. Эта строгая организация и дисциплина сохранились в закристских общинах до сих пор.

Кунта-Хаджи — выходец из крестьянской семьи. Как пишут его современники и некоторые досоветские и советские исследователи¹⁹, он вел нищенский образ жизни, проповедывал милосердие к бедным, необходимость всеобщего труда и вознаграждения в соответствии с трудом. Кунта-Хаджи исходил в своей проповеди и, как утверждают многие, в жизни из изречения, приписываемого Мухаммеду: «не есть ничего, что не создано своими руками». Он отказывался от подношений, услуг со стороны своих последователей.

В народных преданиях и песнях Кунта-Хаджи показан врагом эксплуатации и угнетения народных масс. Так, в одном из преданий Кунта-Хаджи призывал бедняков не работать на богачей: «Если вы не будете на них работать, — говорил он, — то они сами должны будут работать, а всю землю им самим не обработать и она достанется вам. Чем больше вы работаете на них, тем больше они будут наглотать и отбирать ваши земли»²⁰.

¹⁹ А. Ипполитов. Учение «зикр» и его последователи. ССКГ, вып. II, Тифлис, 1868 г. Г. Вертелов. Судьба религиозно-политических учений в Чечне «Терские ведомости», № 52, Владикавказ, 1892. Н. Мансуров. Зикризм и зикристы. «Каспий», № 196, 198, Баку, 1891. А. Саламов. Правда «о святых местах» в Чечено-Ингушетии, Сб. статей, Грозный, 1964.

²⁰ Материалы рукописного фонда кафедры философии ДГУ, дело № 17. Перевод наш.

А в народной песне он характеризуется так:

Ты был другом бедных людей,
Ты был врагом богатых людей,
Ты был врагом царей и эксплуататоров ²¹.

В этих социальных призывах и суждениях Кунта-Хаджи есть много наивных и неверных моментов. Бедняки не могут не работать на богачей поскольку они должны существовать. Если даже исключить политико-правовое религиозно-этическое принуждение, которое существовало в Чечено-Ингушетии, как в любом классовом обществе, то сохраняется в силе экономическое принуждение. Но если бы и оставались необработанными земли богачей, то они не достались бы беднякам, так как существовало право частной собственности, оберегаемое законодательством и царским правительством.

Осуждение нетрудового дохода, эксплуатации, роскоши свидетельствовало об антиэксплуататорской сущности социальных идей Кунта-Хаджи. Но считать его врагом царизма, как это делается в народной песне, нет основания. Другое дело, что многие его последователи стали таковыми, внося от себя в учение, носящее имя Кунты, антиколониальные идеи. Кунта-Хаджи, наоборот, призывал своих последователей подчиниться существующей светской власти, т. е. царизму. Исходя из принципа, что «все созданное богом не должно насильственно уничтожаться человеком», он выступал против газавата. «Мюрид должен иметь при себе четки, а не оружие», — говорил Кунта. Эти принципы в какой-то степени напоминают гандизм, который проповедывал непротивление злу насилием. Такая пассивная политическая позиция Кунты была обусловлена, видимо, тем, что в тех исторических условиях неподчинение царской власти и газават могли принести только разорение и гибель горцам. Религиозная проповедь Кунта-Хаджи во многом расходилась с официальной догматикой ислама. Он не придавал особого значения догматике и обрядности ислама, требовал совершать коллективное моление (зикруллах). Кунта не упускал из виду и такие призывы, как любовь к ближнему, равенство и братство всех мусульман и другие, которые поддерживали социальные иллюзии и заблуждения верующих. По преданию Кунта не осуждал общение с инаковерующими, последователей всех религий, за исключением язычников, он считал равноправными детьми единого бога.

Идеология и практика Кунты во многом подрывали авторитет и влияние священнослужителей ортодоксального ислама. Они не только уводили верующих из-под их влияния в свою

²¹ Материалы рукописного фонда кафедры философии ДГУ, дело № 17.

секту, но и лишали их значительных нетрудовых доходов. Дело в том, что Кунта учил не отдавать зякат муллам, а разделять его между бедными и сиротами²².

Как видно из сказанного, учение Кунта-Хаджи носило мистический характер. Но жестокий колониальный режим царизма и военные методы правления разочаровали горцев, унижали их человеческое и национальное достоинство. И в этих условиях, когда росло всеобщее возмущение и недовольство, постепенно мистическое учение Кунты стало принимать воинственно-политический характер. Если раньше вступающему в одну из зикристских общин нужно было знать лишь мистические идеи Кунты и правила ритуального моления, то теперь некоторые тамады стали внушать им и антиколониальные идеи. «Утверждалось, что Кунта-Хаджи есть истинный имам, посланный богом, чтобы освободить народ от христиан; что с этими, последними, ученики его не должны не только встречаться, но, по возможности, должны избегать даже смотреть на них. Шейх обязывал также нововступающего... ожидать времени, когда Кунта-Хаджи начнет с помощью бога, войну против неверных»²³.

Кунта-Хаджи возвели в ранг самых высоких святых, приписывая ему такие чудеса, которые ему даже не снились: творить чудеса, исцелять больных, незримо присутствовать везде и всюду, в том числе и в храме Кааба и т. д. Популярность Кунта-Хаджи и рост антиколониальных настроений в народе испугали власти, которые разработали и осуществили ряд мероприятий в целях окончательного подавления зикристского движения. Главное место среди этих мероприятий отводилось репрессиям против наиболее влиятельных деятелей зикризма и военному подавлению выступлений. В январе 1864 года царские власти арестовали Кунту-Хаджи и несколько десятков самых влиятельных мюридов и сослали их во внутренние губернии России. 18 сентября 1864 года были посланы регулярные части против безоружных мюридов, собравшихся в сел. Шали и учинена постыдная расправа. После этого побоища царские власти объявили зикристское движение уничтоженным окончательно и запретили под угрозой суровых наказаний выполнение ритуальных обрядов. В действительности же оно перешло в подполье и запустило еще более глубокие корни в народе.

Другим важным средством борьбы против зикризма был подкуп духовных лиц и использование их для раскола его рядов и идейной борьбы против руководителей движения.

²² Материалы рукописного фонда кафедры философии ДГУ, дело № 17.

²³ Сборник сведений о кавказских горцах, вып. II, Тифлис, 1869, стр. 21.

В одной из своих проповедей, которая позже была издана в Темирхан-Шуринской типографии Магомета-Мирзы Мавраева в арабском переводе Шахимат-Кади Бейбулатова, Кунта-Хаджи с осуждением говорит о таких муллах: «Есть два типа людей: один из которых легко входит в рай, без утомительного труда, а другой также легко попадает в ад. Первые — это те, которые любят несчастных, собирающихся для зикра, хотя сами не делают зикр. Эти люди будут в раю. Вторые — это алимы (ученые в религиозном смысле — К. А.), которые начинают свою речь с проклятия беднякам, собирающимся для зикра ночью и днем. Эти будут в аду»²⁴.

«Одной из действительных мер, — писал А. Ипполитов, — употребленных для уничтожения фанатического элемента учения зикра, грозившего при дальнейшем своем развитии зажечь весь Восточный Кавказ, а также для успокоения умов, сильно возбужденных этим учением, были, бесспорно, проповеди народу тех мулл, которые остались нам верны»²⁵.

Одним из первых против догматики и движения зикризма выступил мулла Абдул-Кадыр, известный своей набожностью и начитанностью в мусульманском богословии. Он в своих выступлениях пытался доказать, что учение и движение зикризма несовместимы и враждебны основам мусульманской религии.

Организуя выступление ряда влиятельных духовных мусульман Казани, Дагестана и Чечни, царские власти думали не только внести раскол в ряды зикристского движения, но и превратить его из религиозно-политического в чисто религиозное, или, как указывает А. Ипполитов, перевести его с политической почвы на почву схоластики и теологических прений.

Однако все эти меры не дали желаемых для царизма результатов. Зикристское движение продолжало существовать. Из его рядов выдвигались новые вожаки, которые стремились распространить дух своего учения в народе. Правда, вожаки зикризма Салам и Мачик не сумели оказать сколько-нибудь серьезного влияния на зикристское движение²⁶.

Царские власти всеми силами стремились изолировать наиболее влиятельных деятелей зикризма, усматривая в этом одно из главных средств подавления антиколониального движения. После ареста Салама и Мачика, зикристы избрали

²⁴ Проповедь Кунта-Хаджи — чеченского устаза из Эллисхан-юрта. Темирхан-Шура, 1911, стр. 5. (перевод наш).

²⁵ А. Ипполитов. Указанная статья, стр. 13.

²⁶ Очень часто вожаками зикризма избирались неспособные и незергичные люди, отличающиеся лишь своей набожностью и знанием своего учения. А. Ипполитов, лично знакомый с этими «шейхами», пишет, что Салам был идиотом, а Мачик «с замечательными умственными способностями, весьма начитанный, но без всякого характера и малейшей энергии» (См. А. Ипполитов. Учение «зикр» и его последователи в Чечне и в Аргунском округе», ССКГ, вып. II. Тифлис, 1869, стр. 15).

своим руководителем Вара. Последний скрывался от царских властей и вместе со своими друзьями (их называли абреками) совершал расправу над наиболее жестокими царскими служащими и их помощниками из местного населения. Вара не отличался своими познаниями в области зикризма, он был бесстрашным народным мстителем. Он отказался от духовного звания, считая себя недостойным его, но предпринял огромные усилия, чтобы объединить всех горцев в борьбе против царизма. Даже А. Ипполитов, являвшийся одним из главных сатрапов царизма в Чечне, вынужден был признать огромное влияние этой личности. «При замечательной храбрости своей и энергии, Вара, начинал становиться уже народным героем и начинал приобретать в Чечне то влияние, которое люди подобные, к несчастью, всегда приобретают между горцами»²⁷. Вара приобрел большую популярность в Чечне как герой и заступник народа. В народе до сих пор сохранились песни, в которых выражена любовь и признательность к нему, воспеваются его храбрость, отвага и преданность интересам простого народа. Песни призывают матерей воспитать таких бесстрашных и преданных делу народа героев, как Вара. В песнях проклинается наиб Гуданат, который предал и принял участие в убийстве народного героя Вара²⁸. В движении горцев Чечни в период деятельности Вара религиозный элемент не имел прежнего значения. Борьба горцев приобрела в это время политический характер и велась партизанскими методами.

После смерти Вара зикризм постепенно теряет свою политическую направленность, становясь все больше чисто мистическим учением. Этому в значительной мере способствовала мысль о переселении в Турцию, которая всячески поощрялась царскими властями, имея в виду избавиться от наиболее воинственно настроенной части чеченского населения²⁹.

А. Ипполитов, Вертепов и другие авторы работ по зикризму пытаются доказать, что антиколониальное движение горцев Чечни, проходившее под знаменем зикристской идеологии, было вызвано честолюбивыми стремлениями духовных вождей, фанатизмом и разбойничьим характером чеченцев. «...Истинная цель сектаторов, — пишет А. Ипполитов, — до сих пор маски-

---

²⁷ А. Ипполитов. Там же, стр. 17. После трехмесячной слежки Чаборлоевскому наibu Гуданату удалось обнаружить дом, в котором Вара скрывался. Окруженный взводом драгун он защищался более 3 часов. Затем раненный пулей Гуданата с шашкой в руках и пением молитвы (ясына) бросился в гущу солдат и был убит.

²⁸ Современники Вара, в том числе и А. Ипполитов рассказывают, что чеченцы воздвигали по дорогам кучи камней, к которым каждый проходящий чеченец и ингуш бросал от себя камень, произнося проклятие в адрес изменника Гуданата.

²⁹ В 1865 году в Турцию переселилось свыше 5 тысяч семей чеченцев и ингушей.

ровавших свои намерения религиозными принципами учения, совершенно выяснилась, что мы имели дело... с известными личностями, стремившимися поднять народ ради своих собственных целей и с толпой ослепленных извергов»³⁰.

В самом конце XIX и начале XX века, после поражения восстания 1877 года и переселения наиболее враждебно настроенной к царскому колониальному гнету части населения в Турцию, наступило затишье в Чечне. Зикризм превратился в религиозно-мистическое учение. Вместе с тем усиление классовой дифференциации привело к расколу среди зикристов. Зажиточная верхушка, выросшая на основе спекуляции и эксплуатации своих единоверцев, сгруппировалась в Чечне вокруг шейха Баммат-Гирея Хаджи, в Ингушетии — вокруг Батал-Хаджи, которые были сподвижниками Кунта-Хаджи. Ортодоксальные последователи Кунта-Хаджи, составляющие большинство, сгруппировались вокруг своих тамад или векилов, среди которых были Юсуп-Хаджи, Кахарман-Хаджи, Чим-мирза и другие. Эти секты отличаются друг от друга лишь по имени своего вожака и формам совершения ритуальных обрядов (под ритм барабана, мелодии скрипки и т. д.).

Известный советский исследователь зикризма А. Саламов справедливо указывает, что кадиризм первоначально зарождается в Чечено-Ингушетии в основном среди трудовых масс, но постепенно из их среды выделяются зажиточные элементы, которые в своем большинстве являлись вожаками зикристов и эксплуатировали их. В Чечено-Ингушетии было более шести тысяч шейхов и мулл, многие из которых беззастенчиво грабили отсталых горцев и творили над ними произвол и беззаконие. Пламенный революционер Чечено-Ингушетии Асланбек Шерипов писал: «Чеченцы! Вы хвалитесь тем, что у вас не было и нет князей. Неправда! Шейхи и муллы в тысячу раз хуже князей. Разве не вашими трудами живут они? Разве они не говорят вам, что они властители Чечни, и разве вы смеете выбирать себе в главари кого-нибудь другого, кроме шейхов и мулл и их ставленников? Разве вы смеете отвечать на неправый суд, на обиды и притеснения со стороны? Нет! Нет! Нет!»³¹.

Идеология тарикатского мюридизма или зикризма объективно служила интересам местных эксплуататоров даже тогда, когда она пропагандировалась трудовыми массами и использовалась ими в качестве знамени антиколониальной борьбы. В период антиколониального движения она помогала местной верхушке держать трудовых горцев в социальном и духовном плену. Позднее, в период затишья она уже служила и интере-

³⁰ А. Ипполитов. Указанная статья, стр. 15.

³¹ А. Шерипов. Статьи и речи. Грозный, 1961, стр. 83.

сам царских колонизаторов, притупляя социальные чувства своих последователей, уводя их от жгучих проблем социально-политической жизни в дебри схоластики и мистики.

В. И. Ленин писал: «Все и всякие угнетающие классы нуждаются для охраны своего господства в двух социальных функциях: в функции палача и функции попа. Палач должен подавлять протест и возмущение угнетенных. Поп должен утешать угнетенных, рисовать им перспективы (это особенно удобно делать без речительства за «осуществимость» таких перспектив...) смятения бедствий и жертв при сохранении классового господства, и тем самым примирять их с этим господством, отваживать их от революционных действий, подрывать их революционное настроение, разрушать их революционную решимость»³². Независимо от субъективных желаний многих ее идеологов, зикристская идеология выполняла в конечном счете в Чечено-Ингушетии задачу утешения угнетенных масс, примирения их с социальной действительностью.

Таким образом, идейные источники зикристской идеологии восходят к философии древнегреческого идеалиста Платона, пытавшегося обосновать учение об антагонизме души и тела. Исходя из этого учения Платона, последователи всех религиозных течений, в том числе и зикризма, утверждают, что чем больше изнуряется смертное тело человека, тем меньше грехов, следовательно, тем больше уверенности бессмертной душе попасть в рай.

Отсюда аскетизм и презрение к земной жизни. Согласно учению Платона, душа до ее вселения в тело человека находилась в мире идей, т. е. в сверхъестественном, божественном мире. Человек сам по себе, без души, неживой манекен. Он и его органы чувства не способны распознать что-либо. Только душа обладает этими способностями, но и она может лишь «припоминать», «вспомнить» то, что наблюдала в мире идей, который считается единственной истиной. Чтобы познать эту истину, человеку нужно отрешиться от всего чувственного, закрыть глаза, заткнуть уши и вспомнить то, что душа якобы ранее наблюдала в мире идей. Такова теория «воспоминания» Платона. Эта мистическая теория «воспоминания», уводящая людей от земной жизни в мистический мир идей и аскетизм, лежит в основе философии всех суфийских течений, в том числе и зикризма.

---

³² В. И. Ленин. Крах II Интернационала. т. 26, 5-е изд., стр. 237.

К ИСТОРИИ РЕВОЛЮЦИОННОЙ ПУБЛИЦИСТИКИ В ДАГЕСТАНЕ

К концу XVIII и началу XIX веков в горах Дагестана выдвигается целая плеяда местных деятелей культуры и просвещения, выросших на лоне привнесенной извне и пустившей здесь глубокие корни арабо- и тюркоязычной религиозной схоластики, но пытавшихся уже в разных формах противостоять ей.

Этот процесс, вступивший в своеобразное переплетение с растущими антиколониаторскими устремлениями народных масс, приведшими, как известно, к движению мюридизма и длительной Кавказской войне, наложил определенный отпечаток на общий облик страны и составил свой особый период в истории литератур ее народов. Некоторые исследователи, учитывая арабоязычие средневековой дагестанской культуры, склонны называть это время своеобразным периодом ренессанса арабизма в Дагестане. Нам думается, что речь тут может скорее идти о своеобразной форме просветительства.

О том, что это так, свидетельствуют наиболее значительные литературные явления этого периода. Так, например, Дибиркади Хунзахский отдал 25 лет своей жизни созданию уникального арабо-турецко-ирано-аварского переводного и толкового словаря. Ему же принадлежит перевод с арабского языка на аварский «Калилы и Димне» — знаменитой древнеиндийской «Панчатантры», обошедшей в переводах с санскрита чуть ли не весь мир.

У другого известного дагестанского ученого этого времени Дамадана Мугинского его «Лечебник» на лакском языке представляет по существу перевод в выдержках и переложениях тоже не менее знаменитого и известного и на Востоке и в Европе «Канона» Авиценны¹.

¹ Все подчеркнутые нами основные явления развития общественной мысли и литературы Дагестана в XVI—XVIII веках освещены в работах: Очерки истории Дагестана. Дагестанский филиал АН СССР. Даг. книжн. изд., МК, 1957, т. 1, стр. 116—120, 153—156. Р. М. Магомедов. История Дагестана с древнейших времен до начала XIX в. Дагучпедгиз, МК; 1961, стр. 142—143, 168—171, 254—256. А. Назаревич. Аварская литература и Гамзат Цадаса. Предисловие к избранному поэту. Даг. база АН СССР, МК, 1947, стр. 19—23.

Как видим, вплоть до XIX века, до перерыва, вызванного движением мюридизма в Дагестане и Кавказской войной, шел неуклонно нараставший процесс развития дагестанской книжности и дагестанской литературы. Ссылаться в связи с этим на культурную отсталость как на основную причину позднего развития национальной горской журналистики и публицистики нет достаточных оснований.

Публицистика возникает и развивается в определенных исторических условиях и является, прежде всего, формой и орудием политической борьбы. Как область литературы, она имеет своим предметом актуальные общественно-политические вопросы, всегда решает их с точки зрения определенного класса и потому всегда содержит в себе ярко выраженные оценку и призыв.

Именно в условиях политической борьбы возникла публицистика в России. М. Н. Покровский писал: «В XVI веке у нас появляется вдруг, что и не снилось Москве XVI века, политическая литература, публицистика». Она имела своей политической задачей защиту единства, складывавшегося в условиях самодержавности государства Ивана IV, и проповедь, обеспечивающую это единство идеи: Москва — третий Рим. Задача эта была выдвинута еще в XV веке в послании старца Псковского монастыря Филофея к великому князю Василию Ивановичу, а публицистического своего оформления достигла в писаниях Ивана Пересветова и в письмах Ивана Грозного к князю Курбскому. Очень рано политическое острие публицистики в России направляется и против церкви.

Даже такая перечислительно-тематическая характеристика ранней русской публицистики свидетельствует о политической ее направленности.

По существу с такой политически заостренной публицистики начинается и само развитие русской литературы. Достаточно вспомнить XVIII век, сатиры Кантемира, журналистику Новикова и особенно «Путешествие из Петербурга в Москву» Радищева.

В XIX веке лучшие образцы русской публицистики, в том числе знаменитое письмо Белинского Гоголю, связаны с критикой реакционной охранительной политики царизма и русским революционно-демократическим движением.

С развитием политической борьбы связано зарождение и развитие публицистики и на Западе. Ее вызвала к жизни острая классовая борьба конца средних веков, борьба капиталистической идеологии против феодализма. «Похвала глупости» Эразма Роттердамского, «Письма темных людей» обнажают характер этой борьбы именно средствами публицистики. Мощное развитие публицистики сопровождает и промышленный переворот в Англии, а это тоже политика. Знаменитые памф-

леты Свифта и Дефо опять-таки порождены политической борьбой — борьбой за освобождение Ирландии и чартистским движением. Памфлет, газетная сатира, фельетон французских просветителей (Вольтера, Руссо, Дидро) снова ведут нас к политическим истокам—это подготовка французской революции.

Все эти факты русской и западноевропейской политической действительности помогают выявить движущие силы в развитии публицистики и в то же время дают нам исходные ориентиры к поискам особенностей формирования этого жанра в условиях Дагестана.

Известно, что вся история Страны гор насыщена многовековой и порой необычайно ожесточенной борьбой. Казалось бы, это то, что нужно для развития публицистики. Но стоит сопоставить политический характер наиболее острых периодов борьбы и формы, в которые она выливалась, как становится ясным, что для зарождения публицистики тут еще не были подготовлены соответствующие условия. Поэтому-то в литературе и народном творчестве здесь идейным подготовлением нарастающей борьбы всегда служили другие жанры, а не публицистика.

В качестве примера для раскрытия этого положения можно взять такую исполненную исключительного драматизма борьбу эпохи как движение мюридизма.

Борьба этой эпохи была подготовлена всем предыдущим развитием страны. В народных массах здесь еще с XVII века вызревали антифеодальные настроения, грозившие вылиться в конце концов в формы всеобщей крестьянской борьбы против горских феодалов. К началу XIX века идеи антифеодальной борьбы дополняются в Дагестане нарастающим протестом народных масс против колониальной политики царизма. Политическая подоплека движения бесспорна. Но вожаками народной борьбы в этот период стало мусульманское духовенство—других политических сил в горах не было. А горское духовенство давно уже слило свои судьбы с интересами горских феодалов. Мюриды уничтожили аварских ханов. Но на смену одним феодалам пришли другие. Мюридизм по существу отвлек народные массы от всеобщей крестьянской войны против феодалов религиозными лозунгами газавата, — глава этого движения уже одной своей идеей наследственной монархии сам превратился в верховного феодала. Переключение идей национально-освободительной борьбы в формы религиозной войны против инаковерных тоже не могло дать тех результатов, которые ждал от мюридов народ. Сложное и подчас противоречивое переплетение мотивов, движущих сил и проявлений социальной и национальной борьбы, равно как и одурманивание масс лозунгами газавата и религиозной нетерпимости, обуславливало разброд, зыбкость и смутность политического

сознания людей, а это — далеко не та питательная почва, которая нужна для развития публицистики.

Мюридизм по своим откликам и последствиям в литературе характерен не публицистикой, а зарождением мемуарного жанра и, как это ни странно, бурным развитием любовной лирики, давшей в Дагестане таких выдающихся ее представителей, как Батырай у даргинцев, Махмуд у аварцев. Районы обитания этих народностей были опорными в теократическом государстве имама Шамиля.

Развитие мемуарной литературы, включая широко известную хронику Мухаммед-Тахира ал Карахи «Блеск горских шашек в некоторых битвах Шамиля», отражало настроения горских сожалений о безвозвратно ушедшем прошлом, а лирика, как это правильно, на наш взгляд, вскрыл А. Ф. Назаревич в своих исследованиях проблем развития литературного процесса в Дагестане в XIX веке², отразила разочарование народа в идеологии и практике мюридизма, стала своеобразной формой подспудного протеста масс против порабощающего религиозного принижения человеческой мысли и чувства.

Итак, мемуарная литература, лирика, но не публицистика. Время ее прихода к жизни наступило для Дагестана только на третьем этапе русского освободительного движения.

Появление на исторической арене новой общественной силы — пролетариата — повело к новому этапу в развитии публицистики, подняло ее на исключительную высоту, придало новое содержание. Особенно это относится к марксистско-ленинской публицистике, которая соединяет в себе и огромный литературный талант, и остроумие, и язвительный уничтожающий противника сарказм. Публицистика в новых условиях служила и целям агитационной работы в массах, и в то же время носила характер глубокого научного обобщения, подкрепляла и развивала определенную политическую партийную линию.

Особенностью публицистики в этих условиях было неуклонное проведение в ней принципа партийности. В. И. Ленин писал в 1905 г.: «Литература должна быть партийной. В противовес буржуазным нравам, в противовес буржуазной предпринимательской, торгашеской печати, в противовес буржуазному литературному карьеризму и индивидуализму, «барскому анархизму» и погоне за наживой, — социалистический пролетариат должен выдвинуть принцип партийной литературы, развить этот принцип и провести его в жизнь в возможно более полной и цельной форме. В чем же состоит этот принцип

² А. Назаревич. О дагестанской поэзии. Предисловие к антологии «Поэзия народов Дагестана». Даг. книжн. изд-во, МК, 1954. Его же: В мире горской народной сказки. Дагестанские тетради. Даг. книжн. изд-во, МК, 1962.

партийной литературы? Не только в том, что для социалистического пролетариата литературное дело не может быть орудием наживы лиц или групп, оно не может быть вообще индивидуальным делом, независимым от общего пролетарского дела. Долой литераторов беспартийных! Долой литераторов сверхчеловеков! Литературное дело должно стать частью общепролетарского дела, «колесиком и винтиком» одного единого, великого социал-демократического механизма, приводимого в движение всем сознательным авангардом всего рабочего класса. Литературное дело должно стать составной частью организованной планомерной, объединенной социал-демократической партийной работы»³.

Именно как составная часть новой, партийной литературы, в самом тесном контакте и под прямым влиянием общерусской социалистической публицистики и зародилась дагестанская публицистика.

В пролетарском Баку, на нефтепромыслах Грозного, на первых промышленных предприятиях в самом Дагестане появились на стыке XIX и XX веков первые рабочие из среды дагестанских горцев. Они все шире и шире вовлекались в общерусское революционное социал-демократическое движение. В то же время выдвинулись и первые представители местной дагестанской интеллигенции. Передовые, желавшие счастья и свободы своему народу, можно сказать, первые студенты-дагестанцы в Петербурге, Москве, Казани и в других городах России тоже становились участниками нарастающей революционной борьбы.

События первой русской революции нашли свой пусть немного запоздалый, но мощный отклик и в горах Дагестана. Росла сознательность масс в политической борьбе. Политической борьбой рабочего класса навеяны первые песни великого дагестанского ашуга Сулеймана Стальского. Другой представитель горского крестьянства, в то время тоже начинавший свои первые поэтические шаги мудрый народный поэт Дагестана Гамзат Цадаса в пронизанном тонкой иронией стихотворении «Выступление по тревоге» поднимается уже до четкого понимания ложности веками живших в крестьянстве царистских иллюзий и необходимости поисков иных путей для улучшения своего положения. Такое политически осмысленное представление обстановки общественной борьбы и является условием, при котором возможно появление публицистики. И она, эта дагестанская национальная публицистика, национальная журналистика появилась как непосредственный результат первой русской революции и приобщения трудящихся Дагестана к общей борьбе революционного пролетариата России.

³ В. И. Ленин. Собр. соч., изд. 4-е, т. 10, стр. 27.

С самого начала первой русской революции в Дагестане начинает издаваться и первая дагестанская газета. Называлась она «Дагестан» и выходила в Порт-Петровске на арабском языке. В прошлом этот язык был в многонациональном Дагестане своеобразным языком межплеменного общения. Но такую роль он играл только в среде правящей горской верхушки и горского духовенства. Газетой этих слоев населения, органом либеральной буржуазии и был «Дагестан».

К концу революционного периода первая газета «Дагестанский вестник» появилась и в Дербенте.

Обе эти газеты просуществовали недолго. Более длительное время, — в течение восьми лет, — выходили начатые изданием в 1909 году «Дагестанские областные ведомости».

С. И. Габиев был только одним из многих в той плеяде просветителей, которыми в среде дагестанской национальной интеллигенции характеризуется время после первой русской революции. Строго говоря, и зачинателем дагестанской национальной публицистики одного лишь Габиева не назовешь.

С. Габиев выступает как публицист не только еще в ранней либерального толка дагестанской газете «Дагестанские областные ведомости». Не удовлетворяясь этим официозом, Габиев предпринимает издание собственной газеты для своего народа — «Зари Дагестана». Она существовала как ежесемьичное издание полтора года, печаталась в Петербурге с 12 февраля 1912 года и выходила на русском языке. Но издатель, пользуясь арабским шрифтом, делает попытки публикации в ней материалов и на дагестанских языках. Всего вышло двадцать номеров газеты, и каждая из них — это плоть и кровь ее издателя, в каждой — блески его публицистического таланта.

Оценивая этот талант, мы не склонны к идеализации. Для Габиева двенадцатого года еще не свойственна та четкость политической мысли и глубокая вооруженность ленинскими идеями, которые характеризуют Уллубия Буйнакского в годы борьбы за утверждение Советской власти в горах Дагестана. 1912 год — это время, которое сохранило в себе отголоски упадка после поражения первой русской революции. Сказалось и то обстоятельство, что Габиев не сразу пришел к большевизму и начинал свой путь к революции в либеральных, эсеровских рядах. Но при всем этом революционное звучание публицистического слова Габиева, доносившееся из Петербурга, где Габиев в то время был студентом, было в Дагестане огромным. С. Габиев нес в массы и революционные идеи, и горячий призыв к просвещению, к школе, и русскую революционную песню, которую Габиев, как поэт, впервые донес до своего народа на своем родном языке еще в те предреволюционные годы.

ПРИНЯТЫЕ СОКРАЩЕНИЯ.

ВГМГ — Вестник Государственного музея Грузии.

ИАК — Известия Археологической комиссии.

Изв. АН Арм. ССР. — Известия Академии наук Армянской ССР.

КС ИИМҚ — Краткие сообщения о докладах и полевых исследованиях
Института истории материальной культуры.

МАД — Материалы по археологии Дагестана.

МАК — Материалы по археологии Кавказа.

МИА — Материалы и исследования по археологии СССР.

МКА — Материальная культура Азербайджана.

РФ ИИЯЛ — Рукописный фонд Института истории, языка и литературы
Дагестанского филиала АН СССР.

СА — Советская археология.

СЭ — Советская этнография.

Уч. зап. ИИЯЛ — Ученые записки Института истории, языка и литературы
Дагестанского Филиала АН СССР.

Уч. зап. ЛГУ — Ученые записки Ленинградского государственного уни-
верситета.

instituteofhistory.ru

СОДЕРЖАНИЕ

М. У ма х а н о в. Борьба народов Дагестана за независимость от иранских шахов в первой половине XVII в.	3
К. Алиев. К вопросу о земледелии и скотоводстве в древней Кавказской Албании.	20
Ш. А х м е д о в. Земельные отношения в Дагестане в V—XI вв.	41
М. М. И х и л о в. К вопросу о происхождении народностей лезгинской группы	68
М.-З. О. О с м а н о в. К вопросу о принципах классификации жилища	107
М.-З. О. О с м а н о в. Некоторые общие вопросы эволюции современного жилища народов Дагестана и всего Кавказа.	127
М. Магомедов. Верхне-Чирюртовское городище.	147
Г. С. Федоров, Я. А. Федоров. Прикаспийский Дагестан в первые века н. э.	168
М. М а м м а е в. К характеристике металлообрабатывающего ремесла Урцекского городища албано-сарматского и раннесредневекового времени	189
А. С. О м а р о в. К вопросу о формах государственности и права, сложившихся в ходе движения горцев Дагестана и Чечни 20—50 гг. XIX в.	225
Л. С. К о с т о е в а. Социальная догматика и этика секты зикристов в Чечено-Ингушетии.	272
А. В. А с е в - А д ж и е в. К истории революционной публицистики в Дагестане.	285

УЧЕНЫЕ ЗАПИСКИ

ТОМ XIX

КНИГА ВТОРАЯ

Редактор Е. И. Чернигова.

Тех. редактор В. А. Махулова

Сдано в набор 8/I-1969 г.

Подписано в печать 10/VII-1969 г.

Форм. 60×90¹/₁₆. Печ. л. 18,25. Уч. изд. л. 17,5.

С01726. Тираж 1000. Заказ 33.

Переплет № 5. Бум. тип. № 1. Цена 1 р. 20 коп.